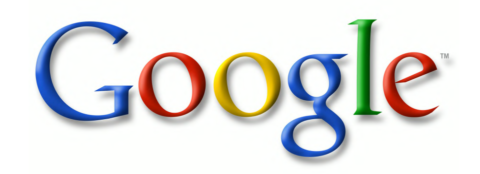
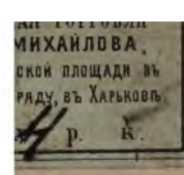

...ая торговля
МИХАЙЛОВА,
...ской площади въ
...граду, въ Харьковѣ.
4 р. к.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

РѢЧИ КОНСЕРВАТОРА

1. Нѣчто въ родѣ исповѣди, вмѣсто предисловія.
2. Посвященіе русскому дворянству.
3. Политическія письма.
4. Россія подъ перомъ замѣчательнаго человѣка.
5. Заграничные эскизы.

Соч. Кн. В. МЕЩЕРСКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и литографія кн. В. Оболенскаго, Николаевская, № 8
1876

НѢЧТО ВЪ РОДѢ ИСПОВѢДИ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ зимній ли короткій день, въ ненастную ли осень, въ знойный ли полдень лѣта, куда ни заглядывали въ уголокъ русской народной жизни, — мы чувствовали въ себѣ, мы чувствовали надъ собою, мы чувствовали передъ собою вліяніе и свѣтъ весенняго таинства возрожденія. Вездѣ виднѣлась намъ широкая дорога, благодарный путь, освѣняемый Богомъ, на которомъ мирно трудится русскій человѣкъ, и если по временамъ глазъ встрѣчаетъ и тернія, душѣ приходится и грустить, труженику приходятъ на встрѣчу препятствія, то это неизбѣжно, ибо человѣку суждено ошибаться. На землѣ нѣтъ ни совершенства, ни свѣта безъ тѣней.

Вотъ что я писалъ девять лѣтъ назадъ.

Писалъ я эти строки въ заключеніе моей первой книги о Россіи, вдохновенный, такъ сказать, тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ кругомъ меня *въ этой Россіи.*

Россію я изучалъ не въ Петербургѣ, но въ постоянныхъ разъѣздахъ по восьми центральнымъ великорусскимъ губерніямъ.

Я перечитываю эти строки, и, признаюсь, вѣрю съ трудомъ, чтобы такъ сравнительно недавно эти строки могли быть написаны мною.

Изъ книги, предлагаемой теперь на судъ читателя, легко усмотрѣть, что между вышеприведенными строками и ею нѣтъ, повидимому, ничего общаго.

Я говорю нарочно: *повидимому*, ибо между ними есть одно общее: *искренность!*

Девять лѣтъ назадъ я вѣрилъ искренно въ возрожденіе Россіи.

Девять лѣтъ спустя я столь же искренно пересталъ въ это возрожденіе вѣрить.

Зачѣмъ и почему такая перемѣна въ коренномъ, такъ сказать, воззрѣніи на жизнь?

Да наконецъ: кого могутъ интересовать мое прошедшее и настоящее воззрѣніе на порядокъ вещей въ Россіи, и причины перемѣны этихъ воззрѣній?

Вопросъ этотъ явился вдругъ, но, признаюсь, онъ меня мало смущаетъ.

Въ наше время духовной распутицы и слякоти, когда человѣкъ знаетъ что либо отчетливо и въ чемъ либо твердо и честно убѣжденъ, онъ долженъ говорить или, по крайней мѣрѣ, стараться говорить свои мысли вслухъ, забывая что онъ А, что онъ Б, или В, а помня лишь, что онъ въ обществѣ, гдѣ всѣ говорили, всѣ говорятъ и всѣ будутъ говорить объ общественныхъ вопросахъ, помня въ особенности то, что если такъ много объ этихъ вопросахъ и въ этомъ обществѣ было наговорено либеральной рѣчи людьми, не имѣвшими никакой причины быть *одни только* выслушанными, то *нисколько* не меньше правъ имѣетъ говорить тотъ,

кто какъ я, задаетъ себя мыслію говорить консерваторскія рѣчи.

Къ тому же, мнѣ кажется, что всѣ оскорбленія и ругательства, всѣ обвиненія въ преступленіяхъ, (и въ какихъ еще!) которыхъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ удостоила меня либеральная печать за то только, что я писалъ статьи въ „Гражданинѣ", дали именно мнѣ какъ будто право считать себя обязаннымъ объяснять обществу кое-что изъ своего образа мыслей, такъ какъ въ теченіе 4-хъ лѣтъ я былъ для этого общества тѣмъ разбойникомъ пера и мошенникомъ печати, которымъ почему-то газеты черезъ-чуръ много занимали общество.

Это *почему-то* есть явленіе довольно любопытное, о которомъ я разскажу, потому что оно въ тѣсной связи съ вопросомъ, который я поставилъ себѣ въ началѣ моего предисловія.

Можетъ быть нѣкоторые думаютъ, что меня бранили и позорили въ печати потому только, что я писалъ въ „Гражданинѣ" рѣзко-консервативныя статьи, или потому, что я въ самомъ дѣлѣ совершилъ какія либо преступленія.

Совсѣмъ нѣтъ.

Главная причина вотъ какая:

Послѣ двухлѣтнихъ поѣздокъ по Россіи, въ теченіе которыхъ я, какъ могъ, изучалъ жизнь добросовѣстно, я вынесъ въ то время два убѣжденія: первое, что жизнь въ Россіи идетъ впередъ и второе, что во многомъ Петербугскій либерализмъ тормозитъ это движеніе впередъ Русской жизни.

Объ Россіи я писалъ и печаталъ свои очерки, о Петербургѣ, *по возвращеніи* въ него, я задумалъ на-

писать нѣчто такое, гдѣ бы я могъ излить свою ненависть къ либерально-фальшивому направленію нашей современной печати.

Былъ я въ ту пору юнъ, впечатлителенъ, неразуменъ и въ дѣлѣ писанія менѣе опытенъ чѣмъ теперь, (ce qui du reste n'est pas beaucoup dire).

Что же я сдѣлалъ? Въ пылу, такъ сказать, перваго негодованья на либеральную печать и въ порывѣ юношеской любви къ Россіи, которую я только что видѣлъ возрождающеюся, я сочинилъ нѣчто въ родѣ діалогическаго разсказа, въ которомъ вывелъ на сцену либеральнаго редактора со всѣми его аттрибутами—вывелъ довольно плохо—и въ довершеніе ужаса, избралъ эпохою дѣйствія 1861-й годъ, въ Петербургѣ, когда пожары въ немъ казались подвигами какой-то адской махинаціи, и весь свой разсказъ освѣтилъ заревомъ этаго пожара на толкучемъ.

Но это еще ничего. Разсказъ этотъ я прочелъ въ гостиной одного сановника вельможи, въ присутствіи разныхъ лицъ и въ томъ числѣ двухъ литераторовъ, одного молодаго, а другого стараго, но обоихъ либераловъ.

На складкахъ блѣднаго лица молодаго либерала я увидѣлъ, увы!—свое литературное погребеніе.

Мнѣ совѣтовали это произведеніе не печатать.

Я былъ молодъ и неразуменъ: совѣта не послушался—напечаталъ, но безъ подписи и затѣмъ получилъ два фельетона, да такихъ, что съ горя, опять же по неопытности, не двѣ, а трижды двѣ ночи не спалъ.

Съ этой минуты я сталъ въ глазахъ либеральной печати всѣхъ оттѣнковъ человѣкомъ отпѣтымъ.

Но вдругъ этотъ отпѣтый человѣкъ заявляетъ о

своемъ существованіи въ объявленіи объ изданіи „*Гражданина*“.

Я выступилъ на сцену уже открыто.

Хотя въ ту пору спиритизмъ не былъ еще въ сильной модѣ, но духи существовали и тогда. Одни духи мнѣ шептали: хочешь исправить свою репутацію писателя, пиши, братъ, либеральныя статьи, и грѣхъ юности твоей тебѣ простится; другіе духи шептали: пиши, какъ думаешь, какъ чувствуешь, пускай бранятъ.

Я повѣрилъ послѣднимъ.

И что же?

Успѣло выйти еще одно лишь объявленіе объ этомъ изданіи, какъ вдругъ изо-всѣхъ газетъ залпъ на меня по всей линіи.

Вытащили изъ архива мой писательскій формуляръ, и на вопросъ: кто я—показывали: вотъ это тотъ, который напечаталъ 5 лѣтъ назадъ пасквиль на либеральнаго редактора журнала.

Таково было мое наказаніе за одну неосторожность.

Да, я началъ мою литературную карьеру съ того, съ чего долженъ былъ кончить: съ разсказа о томъ, въ какой тѣсной духовной связи находится у насъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ либо, литература и образованное общество.

Молодой человѣкъ, чувствовавшій эту связь и это вліяніе литературы на общество, такъ сказать, порывами, въ тѣ минуты, когда онъ видѣлъ на мѣстѣ вредъ этого мертвяще-либеральнаго вліянія изъ Петербурга на горячо пробуждавшуюся жизнь въ Россіи,—долженъ былъ свои впечатлѣнія внести въ записную книжку, но никакъ не изливать въ форму нескладнаго разсказа.

Онъ долженъ былъ долго послѣ этого прожить,

передумать и перечувствовать и уже писать объ этомъ съ сѣдиною или лысиною на головѣ.

Но дѣло не въ этомъ: что сдѣлано, то сдѣлано.

Возобновляю связь этого разсказа съ началомъ моего предисловія.

Не десять, а лѣтъ пять спустя послѣ этой эпохи, когда я писалъ мои заключительные, къ „Очеркамъ общественной жизни въ Россіи“ строки, полныя вѣры и надеждъ, я снова сталъ ѣздить по Россіи и все съ тѣмъ же вниманіемъ и по тѣмъ же мѣстамъ.

Послѣ этого я не написалъ книги: чернила для письма были бы слишкомъ разбавлены слезами. Я ужаснулся, я не могъ вѣрить, чтобы въ такой короткій промежутокъ времени жизнь государства, жизнь народа, жизнь общества въ Россіи могла бы такъ всесторонне и такъ глубоко растлиться.

Люди, тѣже люди, которые пять лѣтъ назадъ дѣйствовали, потому что они вѣрили въ возрожденіе, пять лѣтъ спустя говорили мнѣ, что дѣйствовать *не стоитъ:* все валится, все рушится, все извращено, все изуродовано, все проникнуто какою-то безумною любовью ко всему *чего нѣтъ*, и ненавистью ко всему, что *есть*.

Я не вѣрилъ первымъ впечатлѣніямъ, я искалъ вторыхъ, третьихъ, четвертыхъ, я носился изъ одного уѣзда въ другой, изъ одной губерніи въ другую, вездѣ я спрашивалъ, вездѣ я изучалъ, смотрѣлъ, наблюдалъ; увы!—всѣ мои усилія разувѣриться были напрасны: дѣйствительность бросалась въ глаза, имѣла свой запахъ, кричала въ уши своими рѣзкими голосами; надежды, рождавшіяся въ сельской жизни, потоплены въ кабачной водкѣ и въ безпредѣльной распущенности всѣхъ нравовъ; надежды на земство улетучились въ той ли-

беральной фальшью наполненной пустотѣ, гдѣ горсти людей справляли земщину не для нуждъ своей мѣстности, а для щекотанія капризовъ либеральныхъ газетъ; надежды на мировую юстицію исчезли въ недочетѣ людей, надежды на помѣщиковъ улетѣли въ тѣ дали, гдѣ помѣщикъ отросталъ себѣ брюхо, подъ вицмундиромъ чиновника, подъ фракомъ куртизана, подъ сюртукомъ концессіонера, или пиджакомъ банковаго дѣятеля: помѣщичьи дома стояли заколоченными, и пока во всѣхъ городахъ открывались банки и конторы желѣзно-дорожныхъ обществъ, пока рельсы клались и станціи строились, пока школы возводились въ селахъ, изъ глуби жизни рождалось понятіе о сокращеніи церквей, по ненадобности, и народъ, только что освобожденный, выходилъ изъ кабака съ понятіемъ о новомъ видѣ крѣпостнаго права—подъ названіемъ кабалы у кулака.

Все это я видѣлъ въ сотнѣ разнообразныхъ картинъ. Но изъ всѣхъ впечатлѣній самое ужасное заключалось въ томъ аккордѣ, который звучалъ въ воздухѣ вездѣ, и казался мнѣ погребальною пѣснію надъ мечтами честныхъ людей.

Этотъ аккордъ звучитъ и понынѣ. Въ немъ соединяются слѣдующія ноты: народное благосостояніе видимо улучшается: смотрите на избы, смотрите на фабрики, смотрите на наряды, смотрите на желѣзныя дороги,—это одна нота; вторая: народное образованіе дѣлаетъ громадные успѣхи; третья нота: священники никуда не годятся, можно въ крайнемъ случаѣ обходиться безъ нихъ и безъ церквей; четвертая нота: народъ спился,—это правда, народъ распущенъ, и это правда, но берегите его самоуправленіе, какъ святыню, и, наконецъ, *пятая нота*: все это переходное время;

дайте земству больше правъ, устройте провинціальную печать, введите насильно образованіе и все пойдетъ отлично.

Вотъ изъ этихъ то нотъ составился аккордъ, ставшій главнымъ мотивомъ провинціальной жизни въ Россіи.

Одни этотъ аккордъ пѣли, другіе, слушая его, говорили: вы слышите?—вотъ что поютъ кругомъ всѣ наши дѣятели.

И вотъ подъ звукъ этихъ аккордовъ, учебники и заучиванье уроковъ въ школахъ стали называть просвѣщеніемъ, банки и желѣзныя дороги, строившіеся для обогащенія концессіонеровъ, стали называть признаками благоденствія Россіи, богатыя постройки въ селахъ кабачниковъ и кулаковъ стали называть признакомъ богатства крестьянъ, необходимость больше платить податей и повинностей стали называть признакомъ усиленія платежныхъ силъ, и, наконецъ, уменьшеніе и закрытіе церквей стали называть улучшеніемъ быта духовенства.

Таковъ былъ смыслъ ужасныхъ диссонансовъ этого аккорда.

Этотъ аккордъ взялся откуда?

Онъ цѣликомъ перешелъ изъ Петербурга посредствомъ печати.

Это былъ фактъ, въ непреложности котораго нельзя было усумниться.

Самобытная жизнь и творчество этой жизни въ Россіи въ эти пять лѣтъ прекратились.

Россія взяла жизнь на прокатъ изъ разныхъ либеральныхъ газетъ и журналовъ. Дошло до того, что *даже нашелся аф*феристъ, который устроилъ въ Петер-

бургѣ и въ Москвѣ центральную контору корреспонденцій изъ Россіи, въ которыхъ онъ подобно международному телеграфному агентству бралъ на себя поставлять во всѣ газеты корреспонденціи изъ разныхъ мѣстъ Россіи въ духѣ *либеральномъ* исключительно.

Фактъ этотъ курьезенъ—но въ тоже время вѣренъ.

Когда я это все увидѣлъ, я понялъ, что теперь, если любишь Россію — и умѣешь перо держать въ рукахъ, человѣкъ долженъ писать для того, чтобы кричать, кричать и кричать во имя консерваторскихъ идей; ибо либеральная и именно ложно-либеральная печать овладѣла обществомъ также вполнѣ, какъ кабакъ овладѣлъ народомъ.

Тогда-то родилась мысль объ изданіи журнала „*Гражданинъ*“.

Въ этомъ журналѣ я много писалъ; писалъ, между прочимъ, и „Политичеекія письма“ послѣ появленія книги г. Фадѣева „*Чѣмъ намъ быть*“.

„*Гражданинъ*“,—чтобы про него не говорили, и какъ его не ругали,—оказался не вполнѣ безцѣльнымъ; напротивъ, онъ достигъ цѣли, онъ до извѣстной степени объединилъ разномыслящихъ консерваторовъ и извѣстнымъ *дерзкимъ* мыслямъ далъ право гражданства.

Приступилъ я къ печатанію этихъ „*Политическихъ писемъ*“ особо потому, что задался мыслію отъ времени до времени выпускать въ видѣ брошюръ, подъ общимъ именемъ „рѣчи консерватора“,—статьи, которыя могли бы быть достойны вниманія читающаго общества не качествомъ ихъ, а потому что вызываютъ на обсужденіе вопросовъ жгучихъ и сложныхъ и съ вопросомъ о будущности Россіи весьма тѣсно связанныхъ.

Либералы говорили почти 20 лѣтъ сряду и царили въ печати и въ обществѣ почти самодержавно.

Теперь, когда вредъ этого самодержавія печати лже-либеральной сталъ очевиденъ во всѣхъ слояхъ жизни, консерваторы имѣютъ право во имя той же свободы и той же Россіи просить слова и себѣ.

И тотъ фактъ, что вліяніе печати на Россію и ея жизнь было всемогуще въ эти 20 лѣтъ, долженъ побуждать всякаго консерватора искать въ печати средства бороться противъ этого вліянія.

Вліяніе это сплотило *почти* всѣхъ образованныхъ людей въ одно ложно-либеральное общество—деспотично, какъ я сказалъ, управляемое изъ Петербурга.

Но я сказалъ: „*почти* всѣхъ образованныхъ людей“; ибо отъ этого порабощенія уцѣлѣли отдѣльныя лица: почти въ каждомъ углу Россіи вы найдете урода въ семьѣ либераловъ, человѣка-труженика, человѣка съ религіею, человѣкъ съ правильнымъ понятіемъ о свободѣ, человѣка любящаго свою родину и своего ближняго, человѣка мыслящаго такъ, какъ мыслили его дѣдъ и отецъ относительно основъ и идеаловъ жизни.

Вотъ они-то, а вовсе не либералы, двигаютъ тихо и почти незамѣтно жизнь впередъ.

Они сосуды сберегающіе завѣтъ русской вѣры, русской народности, русской семьи, и будущности своего государства.

Но въ каждомъ углу такіе люди одиноки. Между ними нѣтъ связи, нѣтъ солидарности, нѣтъ взаимодѣйствія.

Писать для того чтобы изъ этихъ отдѣльныхъ людей стремиться мало по малу сплочивать духомъ новое консервативное русское общество, которое могло бы

побороть старое, дуто-либеральное,—вотъ цѣль, къ которой, сколько мнѣ кажется, долженъ стремиться всякій честный консерваторъ Россіи.

Онъ долженъ это дѣлать столько же изъ любви къ своему государству, сколько изъ уваженія къ этимъ одинокимъ бойцамъ *за православіе во всѣхъ областяхъ русской жизни*, разсѣянныхъ и запрятанныхъ въ разныхъ углахъ Россіи.

И вотъ съ этою то цѣлью я и издаю этотъ первый томъ рѣчей консерватора.

А такъ какъ дѣло идетъ о высказываніи убѣжденій, то считаю долгомъ приложить къ нимъ свое имя.

Кн. Влад. Мещерскій.

С.-Петербургъ 30 декабря 1875 года.

РУССКОМУ ДВОРЯНСТВУ.

Я испытываю странное впечатлѣніе, приступая къ этимъ строкамъ.

Я посвящаю ихъ русскому дворянству, но въ тоже время я употребляю всѣ усилія ума, чтобы олицетворить эти два слова, и скорблю надъ тѣмъ, что усилія мои напрасны.

Я желалъ бы себѣ представить цѣльный типъ русскаго дворянина въ настоящее время, симпатическій и живой, на которомъ я бы читалъ выраженіе всего, что историческое преданіе о русскомъ дворянинѣ успѣло сложить какъ отличительныя его черты.

И странная вещь; едва что-то похожее на человѣческій образъ начинаетъ слагаться въ моемъ воображеніи, какъ съ ужасомъ я отъ этого образа отвращаюсь, ибо по первымъ его контурамъ я уже вижу, что это за образъ: образъ отрицающаго дворянство дворянина, образъ задѣланнаго въ вицмундиръ чиновника, образъ петербургскаго аристократа-куртизана, *который не знаетъ* даже въ какомъ уѣздѣ его *помѣстья.*

Я отвращаюсь отъ этихъ образовъ, я отталкиваю ихъ отъ себя, въ надеждѣ увидѣть что нибудь болѣе благородное, болѣе свободное, болѣе самостоятельное, и болѣе русское,—но ничего не создается.

Да будетъ же воля твоя, о рокъ! Посвящая эти письма русскому дворянству, я не создаю себѣ никакого образа, я мирюсь съ мыслію, что не могу себѣ представить того, къ кому я обращаюсь, и все-таки пишу, какъ пишетъ поэтъ любовное посланіе женщинѣ, которой онъ никогда не видѣлъ.

Этому незнакомцу я посвящаю мои политическія письма, писанныя по поводу книги г. Фадѣева: „*Чѣмъ намъ быть?*“ и посвящаю потому, что, пока писалъ эти письма, чувствовалъ и сознавалъ себя русскимъ дворяниномъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

По моему, быть русскимъ дворяниномъ вещь весьма не хитрая. Надо только знать исторію своего отечества, любить свою семью и свою родину и не признавать ни за кѣмъ права насиловать свои убѣжденія и свои чувства.

При этихъ трехъ условіяхъ, будь дворянинъ потомкомъ Рюрика или носи онъ просто смиренную фамилію Иванова, онъ все же русскій дворянинъ, способный что нибудь значить въ окружающей его жизни и стоять на верхнемъ слоѣ русскаго общества.

Возьмите этого человѣка и посадите на чиновническій стулъ, онъ останется дворяниномъ и чиновникомъ не сдѣлается; надѣньте на него военный мундиръ, онъ останется дворяниномъ и Скалозубомъ не сдѣлается; подымите его до придворной сферы, онъ останется дворяниномъ и куртизаномъ не сдѣлается; забросьте его въ уѣздный городъ, онъ останется дво-

ряниномъ и плесень трущобъ къ нему не пристанетъ; изберите его въ предводители, онъ останется дворяниномъ и не будетъ ни Обломовымъ, ни безсословнымъ лже-либераломъ; посадите его на земскую скамью—онъ останется дворяниномъ и плевать на дворянство не станетъ; помѣстите его въ любой банкъ—онъ останется дворяниномъ и банкъ не ограбитъ; изберите его въ городскія головы—онъ останется дворяниномъ и подлизываться къ самодурамъ купцамъ и идіотамъ мѣщанамъ не станетъ....

Но увы! какъ всегда въ жизни, именно потому, что такъ просто и такъ легко быть дворяниномъ именно потому мы предпочитаемъ быть рѣшительно всѣмъ, что только самое хитрое воображеніе можетъ изобразить сложнаго, но дворянами быть не умѣемъ, не можемъ и не хотимъ.

Роковое значеніе этого явленія въ нашей современной жизни неизмѣримо велико и несравненно важнѣе, чѣмъ нѣкоторые изъ насъ это думаютъ, повторяя какъ попугаи вслѣдъ за фельетонистами петербургскихъ газетъ и ихъ родными братьями—петербургскими чиновниками: *будто, въ самомъ дѣлѣ, ужъ Россія не можетъ безъ дворянства обойтись.*

Я написалъ мои политическія письма именно потому, что я безусловно убѣжденъ въ томъ, что Россія безъ *дворянства*, въ томъ простомъ смыслѣ, въ какомъ я его разумѣю, не можетъ имѣть политической будущности. Она неминуемо погибнетъ какъ единодержавное государство.

За доказательствами идти недалеко.

Въ настоящую минуту, начавъ, повидимому, съ *бездѣлицы—съ того,* что мы отреклись отъ преданій

русскаго дворянина, мы пришли къ умственному состоянію, въ которомъ никто ничего не понимаетъ.

Спрашивается: общество или государство, гдѣ люди другъ друга не понимаютъ, развѣ можетъ существовать?

Войдите въ какое угодно собраніе, казенное, общественное, семейное; въ любой даже ресторанъ, даже просто въ любой семейный дворянскій домъ, въ столицѣ, въ вятской губерніи, въ херсонской, въ тверской, словомъ, гдѣ хотите, и на удачу вызовите двухъ лицъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, земскимъ, дворянскимъ, или воспитаніемъ, или казенною службою, или литературою, поставьте ихъ рядомъ и задайте имъ нѣсколько вопросовъ:

Напримѣръ: *что такое церковь?*

Одинъ скажетъ: нелѣпый предразсудокъ.

Другой скажетъ: нужная формальность.

Далѣе: что такое: *народная школа?*

Одинъ скажетъ: средство утилитарнаго развитія народа.

Другой скажетъ: средство для привитія крестьянину понятій о гражданственности.

Что такое: *честь?*

Одинъ скажетъ: абстрактная фикція.

Другой скажетъ: страхованіе отъ пощечины.

Что такое: *патріотизмъ?*

Одинъ скажетъ: искусственное чувство для оправданія необходимости государственнаго управленія.

Другой скажетъ: такое возбужденное состояніе умовъ которое нужно въ извѣстныя критическія минуты для государства, чтобы побуждать человѣка къ самопожертвованію и безкорыстію.

Что такое: семья?

— Случайный порядокъ сожитія, въ которомъ повиновеніе ея главѣ на столько обязательно, на сколько оно совмѣстимо съ духомъ времени вообще и разумомъ каждаго въ особенности—отвѣчаетъ одинъ.

— Семья есть тотъ естественный союзъ, въ которомъ дѣти, отъ брака рожденные, въ правѣ требовать воспитаніе и содержаніе отъ родителей до тѣхъ поръ, пока признаютъ сіе для себя нужнымъ,—скажетъ другой.

И вотъ, задавая рядъ такихъ существенныхъ вопросовъ кому бы то ни было, и гдѣ бы то ни было, вы не можете найти двухъ людей, которые бы смотрѣли на нихъ иначе, какъ съ точекъ зрѣнія вполнѣ различныхъ, и въ тоже время вполнѣ противоположныхъ истинѣ.

На это мнѣ скажутъ: да это вездѣ такъ; вездѣ, гдѣ есть мысли, есть противоположные одинъ другому образы мыслей.

Да, совершенно справедливо; но рядомъ съ этими различными воззрѣніями вездѣ есть убѣжденія основанныя на истинѣ, мысли здравыя, трезвыя и вѣрныя; нигдѣ нѣтъ поголовнаго вавилонскаго смѣшенія языковъ и понятій, влекущаго за собою дѣйствія двухъ лицъ за однимъ дѣломъ въ совершенно противоположныя стороны во всѣхъ рѣшительно сферахъ нашей жизни, начиная съ семьи и кончая государственными сферами.

У насъ такое явленіе стало нормальнымъ.

Историческая правда, выработанная нашею тысячелѣтнею народною и государственною жизнью какъ будто утратила свой вразумляющій и научающій для насъ смыслъ: дворянство какъ духъ было живымъ носителемъ *этой правды*.

Со дня на день, мы, то есть дворяне, сказали себѣ: прочь, мы дураки, мы гасильники, мы препятствія прогрессу, - и, странная вещь—въ тотъ же самый день какъ дворянство отреклось отъ самого себя, общество пошло по всѣмъ направленіямъ увлеченій и крайностей, бережно миновавъ одно: дорогу исторически-вѣрнаго пониманія жизни.

Во всѣхъ образованныхъ государствахъ есть партіи, то есть группы людей съ своимъ образомъ мыслей по разнымъ государственнымъ вопросамъ.

У насъ же нѣтъ партій въ смыслѣ группъ различно мыслящихъ, относительно другихъ партій, и одинаково мыслящихъ относительно людей своей партіи.

У насъ каждый мыслящій человѣкъ составляетъ самъ по себѣ образъ мыслей отличный отъ образа мыслей другаго человѣка, и всѣ партіи вмѣстѣ одинаково далеко отстоятъ отъ жизненной народной истины, и вслѣдствіе этого никто другаго не понимаетъ.

Но мало того: въ другихъ государствахъ духъ партій не исключаетъ однако уваженія всѣми безразлично и одинаково извѣстныхъ основъ государственнаго и общественнаго строя.

Атеистъ, сдѣлавшись главою семьи, не дозволитъ ни себѣ, ни школѣ, обучать своихъ дѣтей атеизму, ибо онъ сознаетъ весь нравственный вредъ, который отъ такого ученія можетъ произойти для государства.

Тотъ же атеистъ, сдѣлавшись министромъ, не предложитъ парламенту проектъ уничтоженія церкви, ибо онъ знаетъ, что въ день, когда это предложеніе будетъ принято, въ этотъ день государство рушится.

*У насъ безгр*аничное дѣленіе на всевозможныя мнѣ-

нія въ образѣ мыслей прежде всего касается основъ государства и общества.

Семья не уважаетъ школу, школа не уважаетъ семьи, чиновникъ не уважаетъ церковь, дворянство плюетъ на дворянство; крестьянамъ прежде даютъ самоуправленіе, какого по своей свободѣ не имѣютъ и граждане Америки, а потомъ тотъ же народъ хотятъ принуждать ходить въ школу; земство хочетъ вводить обязательное образованіе для народа, а само не знаетъ: нужно ли или не нужно начинать съ закона Божія; духовныя семинаріи должны воспитывать священниковъ, а поставляютъ нигилистовъ; учрежденія, какъ банки и желѣзныя дороги, должны служить для поощренія промышленности и торговли, а между тѣмъ служатъ только для обогащенія своихъ акціонеровъ и для притѣсненія тѣхъ, на пользу которыхъ они учреждаются, и такъ до безконечности,—вездѣ и все верхъ дномъ.

Спрашивается: можно ли съ такимъ порядкомъ вещей и умственнымъ состояніемъ общества мириться?

Полагаю, что нѣтъ, какъ нельзя мириться съ предоставленіемъ свободы человѣку, у котораго хотя есть душа, но у котораго нездоровъ умъ.

Въ Россіи церковь всегда была ея душою.

Дворянство, то есть извѣстная интеллигенція, гдѣ русскіе помѣщики играли главную роль, и представляли непосредственное общеніе съ русскимъ народомъ снизу и съ русскимъ Царемъ сверху—я могу сравнить съ умомъ въ душѣ человѣка; какъ умъ въ человѣкѣ даетъ душѣ проявлять свою духовную силу, и управляетъ волею, такъ дворянство, не будучи ни кастою, ни политическимъ сословіемъ, все же незримо и неощутительно руководило народною волею, но не потому

что народъ былъ у него въ крѣпостномъ состоянiи, а потому что народъ сжился съ дворянствомъ, какъ дворянство сжилось съ народомъ.

Съ отмѣною крѣпостнаго права дворянство, по причинамъ о которыхъ я говорю въ своихъ политическихъ письмахъ подробно, отстранило себя отъ того, что ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ не имѣло—отъ сожительства съ народомъ; оно духомъ разобщилось съ нимъ, и тогда, съ улетученiемъ дворянства, исчезъ какъ будто разумъ, заправлявшiй русскимъ обществомъ въ извѣстномъ мiрѣ преданiй, принциповъ, убѣжденiй, чувствъ и идеаловъ.

Наше общество явилось тѣмъ, чѣмъ оно доселѣ пребываетъ—въ состоянiи того больнаго умственнаго человѣка, у котораго разумъ уже не заправляетъ волею.

Мы окружены со всѣхъ сторонъ людьми разныхъ сферъ, разнаго возраста, разныхъ положенiй, которыхъ проявленiя духовной жизни поражаютъ своею неразумностью.

Мы видимъ, напримѣръ, много людей, которые твердо вѣрятъ, что уму надо прежде всего быть либеральнымъ, а потомъ уже здравымъ; мы видимъ вездѣ массы умовъ, которыя съ самымъ серьезнымъ видомъ вамъ говорятъ—и даже не пытаясь доказывать—что гораздо важнѣе для народной школы знакомство съ анатомiею, чѣмъ съ исторiею новаго завѣта; мы встрѣчаемъ ежедневно людей, которые говорятъ, что теперь женское образованiе не должно быть тѣмъ, чѣмъ оно было прежде, то есть средствомъ приготовлять женщину для *семейной жизни*, и должно быть школою для *приготовленiя женщинъ* дѣятелей...

Все это проявленія умопомѣшательства, но помѣшанныхъ такъ много, что они считаютъ себя здравомыслящими, а насъ грѣшныхъ—помраченными какимъто мракобѣсіемъ.

Какъ видите, положеніе почти безвыходное: еще немного свободы, и эти легіоны помѣшанныхъ обратятся въ шайки бѣшеныхъ, которые начнутъ свой либерализмъ, свою педагогику, свои женскіе вопросы проводить кулаками, и другими болѣе или менѣе неразумными путями.

И все это потому, что дворянство въ русскомъ обществѣ улетучилось, какъ духовная сила.

Кѣмъ оно замѣнено — объ этомъ я пишу въ своихъ политическихъ письмахъ.

Во всякомъ случаѣ, оно замѣнено не живымъ и не творческимъ духомъ, а напротивъ,—весьма сложнымъ, механическимъ, слѣдовательно, мертвымъ отправленіемъ разныхъ либеральныхъ профессій.

Куда не сунешься, натыкаешься не на человѣка свободнаго, самостоятельнаго и благороднаго, а на какого-то на пружинахъ либерализма или современности пляшущаго паяца, съ котораго потому самому нечего и спрашивать: онъ пляшетъ на то время, пока заведенъ, а для чего онъ выплясываетъ и откалываетъ свою либеральную пляску, какое ему дѣло.

Еще смѣшнѣе было бы къ нему обращаться съ вопросомъ о связи этой современной пляски либерализма съ будущностью Россіи, съ принципами и законами общества, государства, Церкви, съ идеалами образованнаго міра.

Онъ ничего изъ всего этого не понимаетъ и *показываетъ вамъ кулакъ*, какъ только вы ему говорите,

что откалывать либеральную пляску недостаточно; надо чтобы его дѣятельность была производительна для будущаго, надо чтобы не пружины заставляли его двигаться, а духовныя, животворящія силы.

Эти духовныя, животворящія силы вносило въ нашу жизнь дворянство и одно только дворянство.

Теперь его нѣтъ, и нѣтъ животворящихъ духовныхъ силъ въ нашей современной жизни.

Что ихъ нѣтъ, объ этомъ даже не спорятъ многіе изъ отрезвившихся либераловъ-реалистовъ.

Но вся разница въ томъ, что это отсутствіе духовной животворящей силы въ нашемъ обществѣ наши либералы приписываютъ случайности, а мы, консерваторы, мы приписываемъ отсутствію дворянства.

Полагаю и даже увѣренъ, что на нашей сторонѣ правда — ибо передъ нами наша исторія.

Она показываетъ намъ, что пока было въ Россіи живо наше дворянство, мы имѣли въ Церкви—Филаретовъ и Платоновъ, въ арміи—Суворовыхъ, въ государственной жизни — Румянцевыхъ и Сперанскихъ, въ наукѣ — Карамзиныхъ, въ литературѣ — Пушкиныхъ и Гоголей, въ педагогикѣ — Уваровыхъ, и такъ далѣе; а съ тѣхъ поръ, какъ дворянство улетучилось, мало того, что мы всѣхъ этихъ представителей духовной животворящей силы не имѣемъ, мы ослабили въ себѣ способность ихъ уважать, а иные пошли даже дальше: они назвали Пушкина произведеніемъ крѣпостничества.

Объ этомъ *крѣпостничествѣ* я тоже говорю въ своихъ письмахъ.

Величайшее зло, сдѣланное Россіи нашими либералами, заключается въ томъ, что для изгнанія дво-

рянства изъ нашей жизни, они прибѣгнули къ самой недобросовѣстной *лжи*.

Они увѣрили всѣхъ и каждаго, увѣрили даже само дворянство въ томъ, что, крѣпостное право и дворянство — это одно и тоже, и что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права должно рушиться дворянство.

Это была изумительно наглая ложь.

Но наглость этой лжи, нелѣпость этой лжи дали ей чудотворную силу.

Крѣпостное право было вещественное право, подлежавшее матеріальному разрушенію.

Дворянство же было чисто духовная сила, — сила, какъ я сказалъ, животворившая, созидавшая и по существу своему консервативная, которая не могла быть разрушена, какъ вещь, но могла быть изгнана, выкурена, такъ сказать, какою нибудь другою духовною силою.

Дворянство, какъ я сказалъ, могло только улетучиться, или испариться, ибо оно было духомъ.

Это-то и случилось.

Но двухъ духовныхъ силъ консервативныхъ: созидающихъ и животворящихъ—нѣтъ въ государствѣ, какъ нѣтъ и не можетъ быть двухъ истинъ. Знали ли мы это, или не знали — не могу въ точности сказать; но одно лишь несомнѣнно, мы дали себя, какъ дѣти или какъ алеуты, увѣрить въ томъ, что есть на бѣломъ свѣтѣ, а именно въ Россіи, другая еще духовная сила, болѣе животворящая, болѣе производительная, болѣе консервативная, чѣмъ дворянство.

Сила эта — нивеллированіе или уравненіе всего, во имя либерализма.

Другими словами, мы дали себя увѣрить въ томъ,

что дворянство, какъ духъ положительной духовной силы, можетъ быть замѣненъ либерализмомъ — какъ духомъ разрушающей, отрицательной силы.

Новая Россія построилась на отрицаніи всѣхъ ея жизненныхъ основъ.

Что можно себѣ представить безобразнѣе такого явленія въ исторіи образованнаго народа?

Теперь, когда мы уже пожинаемъ плоды этого уродливаго явленія, то есть духа отрицанія возведеннаго въ основной жизненный принципъ бытія Россіи, и видимъ съ ужасомъ, какъ все выстроенное на этихъ основахъ и проникнутое этимъ духомъ—кругомъ насъ валится, многіе уже начинаютъ ужасаться и протирая себѣ глаза—отрезвляться.

Даже одинъ изъ недавнихъ пророковъ Петербурга, одинъ изъ вождей его общества, одинъ изъ либеральнѣйшихъ мыслителей нашей литературы—фельетонистъ Незнакомецъ пишетъ 21 декабря 1875 года вотъ что: **„старыя силы уходятъ, а новыхъ не видать“.**

Въ этихъ семи словахъ все сказано: въ старомъ были силы, онѣ уходятъ, и даже ушли; въ новомъ нашемъ завѣтѣ новизна испарилась, а силъ не создалось — ихъ нѣтъ; а нѣтъ ихъ, потому что ихъ не можетъ быть, а не можетъ ихъ быть, потому что въ жизни вопреки математикѣ — гдѣ минусъ на минусъ даетъ плюсъ—отрицательныя величины не могутъ создавать положительныхъ: *духъ отрицанія не можетъ плодотворить.*

Какой-то злой рокъ захотѣлъ, чтобъ въ эту истину мы не вѣрили двадцать лѣтъ кряду—въ такое время на Руси, когда всего нужнѣе была вѣра въ преданіе старины о непоколебимости, стойкости и вѣчности основъ

нашего Государства для того, чтобы на этой вѣрѣ укрѣпить всѣ перестройки внѣшняго нашего государственнаго строя.

Утративъ вѣру въ эти преданія, мы допустили, чтобы въ одно и тоже время,—пока правительство передѣлывало внѣшній государственный строй — всплывшіе наверхъ лжелибералы перековеркивали нашъ внутренній строй, который долженъ былъ оставаться неподвижнымъ, какъ основа для реформъ.

Неподвижность этого внутренняго строя была, такъ сказать, условіемъ sine qua non плодотворности и прочности передѣлки внѣшняго строя.

Напротивъ, коверканіе внутренняго строя нашей жизни должно было быть роковою причиною непрочности въ передѣлкѣ нашего внѣшняго строя.

Всѣ реформы должны были оказаться несостоятельными въ томъ смыслѣ, что между благомъ реформы и состояніемъ общества долженъ былъ обнаружиться страшнѣйшій разладъ.

Это-то и случилось.

Правительство стремится къ одному,—сознательно.

Общество, само не вѣдая зачѣмъ, хочетъ другого—безсознательно.

Отсюда-то смѣшеніе и извращеніе понятій, о которыхъ я сказалъ выше.

А между тѣмъ всей этой умственной чепухи такъ легко было бы избѣгнуть.

Столь наивныя до простоты размышленія дѣлали и дѣлаютъ французскіе и вообще политическіе мыслители, оцѣнивая ужасы французской революціи 1793 года; „такъ легко было бы избѣгнуть всего кроваваго, всего *безумнаго, всего* ненужнаго для торжества свободы,

разумной и народу нужной", говорили въ 1800 году, говорили и въ 1870 году.

Нужны были реформы, общественныя и государственныя, да; но не надо было разрушать основы Франціи, не надо было уродовать ея внутренней, ея духовной жизни.

Еще проще, еще наивнѣе туже самую мысль высказалъ городничій Гоголевскаго ревизора, замѣтившій смотрителю училищъ, что совершенно напрасно учитель исторіи ломаетъ стулья по поводу Александра Македонскаго: „Александръ Македонскій положимъ былъ великій человѣкъ, но зачѣмъ же стулья ломать"?

Реформы нынѣшняго царствованія — великая для насъ вещь; но зачѣмъ же было обществу уничтожать дворянство, разрушать основы старой русской жизни, ломать стулья, на которыхъ сидѣли помѣщики и могли бы продолжать сидѣть,—даже послѣ освобожденія крестьянъ.

Въ сущности между французскою революціею и нашею разница въ томъ лишь, что тамъ со всѣми авторитетами свергнута была съ престола монархическая власть, у насъ же вмѣстѣ съ авторитетами свергнута была главная, *сознательная* опора царской власти — русское дворянство!

Разница была въ фактахъ, но сущность переворота съ его послѣдствіями въ области духовной общественной жизни—была одна и таже.

Франціи монархической по своей политической, такъ сказать, природѣ навязали переворотъ ей инстинктивно антипатичный, вслѣдствіе чего она по необходимости, въ удовлетвореніе своему инстинкту, должна *была послѣ револю*ціи подпасть подъ власть фальши-

ваго монархизма, фальшивыхъ авторитетовъ, фальшиваго дворянства, управлявшихъ ею въ духѣ фальшивой свободы.

Послѣ разрушенія всего исторически вѣрнаго, въ ея жизни, ей оставалось только за неимѣніемъ перваго поклониться всему фальшивому.

У насъ тоже самое. Разрушеніе идеи дворянскаго духа произошло вслѣдствіе фальшивой идеи, что Русь есть мужицкое государство, гдѣ кромѣ Царя и народа нѣтъ ничего органически выдающагося.

Эта фальшивая идея въ минуты примѣненія ея къ жизни породила безчисленный рядъ фальшивыхъ мыслей и положеній, и печальныхъ недоразумѣній, коихъ отличительный признакъ было парализированіе всѣхъ образованныхъ силъ консервативныхъ, то есть призванныхъ противодѣйствовать нивеллирующимъ началамъ въ обществѣ,—и, напротивъ, возведеніе въ руководительныя силы общества и государства всѣхъ элементовъ, русскому государству инстинктивно антипатичныхъ—и опять же возведеніе ихъ въ авторитеты, потому, что безъ авторитетовъ, вообще безъ выдающихся въ общественномъ строѣ началъ, русская жизнь обойтись не могла.

Фальшивые авторитеты поставлены были въ замѣнъ настоящихъ, разрушенныхъ.

Изъ этихъ фальшивыхъ авторитетовъ чиновникъ и либералъ безсословный заняли самое видное мѣсто.

Но что такая замѣна была не только безполезна, но вредна для народа и для правительства—въ этомъ пришлось убѣдиться очень скоро, ибо произошла реакція, реакція въ правительствѣ, реакція въ народѣ.

Правительство сознало, что ему нельзя обходиться

безъ дворянства, какъ руководящаго для народа сословія; народъ созналъ, что онъ не можетъ жить безъ посредника между нимъ и властью, и въ особенности безъ нравственнаго руководительнаго начала такихъ людей, которые, какъ дворяне помѣщики—во всемъ съ этимъ народомъ имѣютъ общіе интересы.

А между тѣмъ такъ просто было двадцать лѣтъ назадъ освобождать крестьянъ съ землею и вводить другія реформы, оставляя дворянству его историческое духовное значеніе—и для правительства и для народа.

Но весь вопросъ въ томъ: то, что было просто сохранить тогда, также ли просто созидать теперь, послѣ того, какъ мы пережили нивеллировавшій наше общество періодъ политической жизни?

Франція не могла возстановить ни одного разрушеннаго революціею консервативнаго и органическаго начала и должна была ихъ строить искусственно.

А мы, можемъ ли мы возсоздать разрушенное?

Г. Ѳадѣевъ и Комп. увѣряютъ, что можемъ. Стоитъ только создать культурное сословіе, то есть землевладѣльческое въ видѣ смѣси изъ помѣщиковъ дворянъ и купцовъ землевладѣльцевъ.

Уродливѣе такой комбинаціи чиновническаго міра трудно что либо себѣ представить тому, кто маломальски знаетъ Россію и слѣдилъ за событіями въ ней происходившими въ эти 20 лѣтъ.

Мысль объ этой смѣси подпала подъ перо г. Ѳадѣева потому, что въ эти 20 лѣтъ чуть ли не половина дворянскихъ имѣній перешли въ руки купцовъ.

Но чѣмъ ознаменовалась эта перемѣна въ землевладѣніи, про то знаетъ нашъ бѣдный народъ.

Дворянинъ-помѣщикъ, за немногими исключеніями

жилъ для крестьянъ столько же, сколько для себя, и жилъ съ крестьянами духомъ даже тогда, когда онъ не жилъ между ними тѣломъ.

Купецъ-землевладѣлецъ наоборотъ: за немногими исключеніями онъ живетъ только для себя и смотритъ на крестьянъ какъ на источникъ безпредѣльной эксплоатаціи, не только внѣ законовъ политической экономіи, но внѣ законовъ человѣколюбія.

Помѣщикъ-дворянинъ и купецъ-землевладѣлецъ-то есть тѣ самые, которыхъ наши реформаторы проектеры à la Фадѣевъ хотятъ слить для искуственнаго образованія фальшиваго дворянства, подъ именемъ культурнаго руководящаго сословія, это два антипода, діаметрально другъ другу по духу противоположные и органически другъ другу антипатическіе.

Но всего важнѣе то, что народу на стольно симпатиченъ помѣщикъ-дворянинъ, на сколько ненавистенъ купецъ-землевладѣлецъ:—для него это тотъ же кулакъ-мужикъ; а что, къ сожалѣнію, его чувство не предубѣжденіе, въ томъ убѣдили насъ безчисленные факты, какъ послѣдствія купеческаго землевладѣнія, бывшіе въ эти послѣднія 10 лѣтъ.

Слѣдовательно, въ этой искусственной комбинаціи не только не можетъ быть спасенія, но напротивъ!...

Надо искать это спасеніе въ другомъ.

Обдумывая эти прожитыя нами 20 лѣтъ, мы невольно приходимъ къ вопросу: кто разрушилъ дворянство, и какъ оно было разрушено?

Дворянство какъ вліяніе, какъ духъ, не было уничтожено переворотомъ или внѣшнимъ насиліемъ: ни правительство его не разрушило, ни народъ его не разрушилъ.

Кто же его уничтожилъ?

Уничтожило общество и въ особенности оно само.

Никто не плюнулъ на дворянство энергичнѣе и оскорбительнѣе, чѣмъ само дворянство!

Въ этомъ фактѣ замѣчательное уродство и безобразіе, но въ тоже время—маленькая надежда на выходъ изъ отчаяннаго положенія естественнымъ путемъ.

Состояніе, въ которомъ дворянство на себя плюнуло, себя нравственно уничтожило, себя втоптало въ грязь съ какимъ то политическимъ фанатизмомъ, могло быть умопомѣшательствомъ.

Больной не умеръ, а помѣшанъ.

Слѣдовательно, есть надежда на его леченіе и излеченіе.

Это разъ; затѣмъ способъ, посредствомъ котораго дворянство было въ Россіи уничтожено, какъ нравственный авторитетъ, не былъ, какъ я сказалъ, внѣшнимъ переворотомъ: уничтоженіе это произошло въ жизни посредствомъ давленія нивеллирующаго времени, словомъ—посредствомъ измѣненія нравовъ и образа мыслей—исключительно.

Въ этомъ опять наше великое преимущество передъ Франціею; наши либералы не насладились матеріальнымъ зрѣлищемъ поверженныхъ кумировъ и не насладились ужаснымъ запахомъ крови, провозглашая свои принципы равенства и братства.

Они только имѣли духовныя или нравственныя наслажденія отъ зрѣлища нравственныхъ признаковъ вырожденія общества. Оттого для насъ еще мыслимо перерожденіе того же общества, подъ вліяніемъ консервативной реакціи, лишь бы она исходила изъ *области практической*, а не теоретической.

То, что предлагаетъ г. Фадѣевъ, есть проектъ консервативной реакціи теоретической, которая, какъ всякая теорія, кромѣ вреда и большой путаницы ничего не можетъ принести обществу.

Я же пытаюсь стоять—говоря о консервативной реакціи,—на почвѣ практической.

Всю, пережитую нами эпоху реформъ, можно назвать длиннымъ и крупнымъ нравственнымъ qui pro quo, въ которомъ принципы всего вѣчнаго и прочнаго были приняты за отжившіе предразсудки, а увлеченія безпочвеннаго либерализма были приняты за вѣчные и основные принципы.

Отсюда—нравственная фальшь, испортившая реформы и парализовавшая ихъ великія практическія цѣли.

Отсюда же слѣдуетъ, что перерожденіе общества посредствомъ консервативной реакціи должно произойти не на почвѣ измѣненія реформъ, а исключительно въ той нравственной сферѣ, гдѣ ложный духъ исказилъ благодѣтельное значеніе реформъ.

Не должно касаться буквы коренныхъ реформъ, улучшившихъ нашъ политическій строй, но необходимо коренное измѣненіе общественнаго духа, общественнаго нравственнаго быта.

Qui pro quo долженъ перестать существовать.

Принципы и основы нашей исторической жизни должны быть возстановлены какъ принципы и основы; увлеченія безпочвеннаго либерализма должны перестать быть принципами.

Только подъ этимъ условіемъ мы будемъ въ состояніи пользоваться свободою дарованною намъ реформами; ибо доселѣ мы, то есть Россія должна была *преклонять выю подъ* гнетомъ торжества не свободы,

а злоупотребленій свободы, принятыхъ за свободу либералами-доктринерами и—отказываться отъ мирнаго наслажденія практическою, настоящею свободою.

Страсти и увлеченія владычествовали доселѣ въ нашемъ обществѣ, а практическія нужды государства и каждой отрасли его жизни оставались въ рабскомъ презрѣніи и забвеніи.

Реакція или перерожденіе общества должна выдвинуть на первый планъ эти практическія нужды.

Онѣ не сложны и не притязательны эти практическія нужды.

Намъ нужно мирное и спокойное пользованіе свободою, дарованною реформами во всѣхъ областяхъ государственной жизни.

Больше намъ ничего не нужно.

Этотъ миръ и это спокойствіе мы имѣли всегда въ исторіи нашей минувшей жизни. Намъ ихъ давалъ цѣлый міръ историческихъ преданій, уваженія къ извѣстнымъ принципамъ, основамъ и идеаламъ.

Носителями этого міра преданій, самыми образованными и вліятельными были помѣщики-дворяне. Въ ихъ семейной жизни изъ рода въ родъ сложился извѣстный, трудно опредѣляемый, но всѣми чуемый, политическій, народный и семейный идеалъ, подъ обаяніемъ котораго шла русская жизнь изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Какъ я сказалъ, весь этотъ міръ былъ до нельзя простъ: основою его была семья, цѣлью его было благо отечества, силами его была живая связь съ Церковью, народомъ и монархомъ.

Въ обыкновенное время этотъ міръ преданій обезпечивалъ извѣстную правильность и нормальность во

всѣхъ областяхъ государственной жизни: всѣ люди сверху до низу, въ семьѣ и въ обществѣ, понимали другъ друга и понимали образованный міръ болѣе или менѣе одинаково.

Въ минуты опасности для государства этотъ же міръ преданій создавалъ легіоны героевъ и великихъ по доблести людей.

Не было никакой нужды создавать фабрики спасителей государства, какъ теперь; жизнь выдвигала изъ себя гражданъ.

Быть можетъ, никогда еще Россія не была въ такой серьозной нравственной опасности какъ теперь.

А между тѣмъ кому ее спасать?

Дворянство себя присыпало персидскимъ порошкомъ, и, подобно мухамъ зимою, замерло ногами къ верху.

А въ замѣну дворянства спасителей ищутъ и не находятъ, не смотря на то, что ихъ 20 лѣтъ изощрялись подготовлять въ разныхъ либеральныхъ лабораторіяхъ.

Это-то отсутствіе теперь, именно теперь, въ самую критическую минуту для Россіи духовной—спасителей и доказываетъ самымъ поразительнымъ образомъ все роковое значеніе того qui pro quo, о которомъ я говорилъ.

Дворянство,—эта духовная принадлежность Россіи старой, Россіи съ мирною жизнью на твердыхъ основахъ семьи и церкви—уничтожается.

Мирная жизнь Россіи духовной прекращается немедленно; взамѣнъ дворянства начинаютъ руководить обществомъ безпочвенные и народу чуждые доктринеры, и мирная, нормальная жизнь переходитъ въ бурную и ненормальную.

И вотъ, въ ту минуту, когда мы ужасаемся плодовъ этой жизни, когда самъ „Голосъ“, сей органъ прогресса, долженъ сознаваться въ такой ужасной истинѣ, что школа въ Россіи за эти 20 лѣтъ была средствомъ растлѣнія народа и общества; и когда мы обращаемся къ этому обществу, къ этой либеральной культурѣ, къ этой либеральной печати, съ крайней нуждою въ спасеніи духовной Россіи, и говоримъ:—да дайте же намъ людей, людей, которыхъ ваша 20 лѣтняя жизнь должна была приготовить въ замѣнъ сверженныхъ нами дворянъ стараго времени; намъ они нужны до зарѣза нужны, ибо Россія растлѣвается. Какой отвѣтъ даетъ Россіи это новое общество и эта либеральная печать?

„Нѣтъ людей, отвѣчаютъ они, мы обмануты, мы обманулись; та либеральная духовная жизнь, которою мы жили и заставляли другихъ жить, оказалась безсильною для воспитанія людей“. Вотъ тѣ роковыя слова, которыя подъ разными масками, говорятъ всѣ эти органы нашей либеральной печати.

„Мы создали пороки, растлѣніе, журналы и деньги, но мы не создали людей, говорятъ они, мы обманулись“!

Да, и это правда.

Всѣ были обмануты.

Обманулось и дворянство, думавши, что плевать на себя и топтать себя въ грязь, значитъ, служить прогрессу и интересамъ своего отечества.

А если всѣ обманулись и всѣ увидѣли по результатамъ дѣйствительность обмана, тогда долгъ чести и любви къ Россіи требуетъ, чтобы всѣ сознающіе обманъ, и прежде всего дворянство вернулись къ старой *духовной русской* жизни; такъ какъ въ мирное время

она одна ограждала каждому права семейныя, права женщины, права собственности, уваженіе къ закону подчиненіе власти и благоговѣніе къ церкви, рождала геніевъ, спасала отъ самоубійствъ, мѣшала росту крупныхъ мошенниковъ, застраховывала отъ нигилизма, а въ минуты опасности для государства, строила крѣпости изъ груди гражданъ и рождала спасителей церкви, отечества и престола.

Что же, наконецъ, нужно въ такую критическую минуту?

Неужели, чтобы либералы-доктринеры сдѣлались консерваторами и повели общество по новому пути?

Нѣтъ; либералы-доктринеры пусть остаются либералами-доктринерами.

Каждая доктрина, если она честна—полезна, какъ полезно шампанское за обѣдомъ съ множествомъ блюдъ.

Но нужно, чтобы консерваторы перестали играть, съ позволенія сказать, не совсѣмъ умную роль либераловъ.

Это не видѣлось ни въ одномъ образованномъ государствѣ, а пора было бы у насъ перестать давать это смѣшное зрѣлище міру. Пора отцу семейства понять, что онъ не сынъ, а отецъ своего сына; пора женѣ своего мужа перестать быть женою прогресса, а сдѣлаться женою своего мужа, какъ во дни оны; пора женщинѣ перестать быть наставницею своей матери и нянькою общества, и снова сдѣлаться дочерью своей матери и хозяйкою въ своей семьѣ,—словомъ: пора всѣмъ перестать учить, начать учиться и вернуть въ свои семьи и въ свои головы покой.

Больше ничего и не нужно.

Дно, основа общества должна успокоиться.

Эта основа—семья.

Самою вліятельною въ исторіи Россіи семьей была дворянская помѣщичья семья.

Она то всегда была и всегда должна быть родникомъ консервативной, спокойной, съ народомъ объединенной семейной жизни.

Какъ только дворявинъ помѣщикъ (какъ бы мало ихъ не осталось), скажетъ себѣ: ну теперь я начну постарому,—уважать свою церковь, любить свой народъ и своего государя, требовать уваженія къ себѣ отъ дѣтей, учить ихъ закону Божію, нравственности, чести и патріотизму, онъ сдѣлаетъ первый шагъ къ возстановленію своего вліянія на Россію, какъ дворянинъ.

Когда, сказавши это, онъ пойметъ ясно и прочувствуетъ тепло свои слова, тогда онъ перестанетъ плевать на себя, какъ на дворянина.

Это будетъ вторымъ шагомъ къ возстановленію стараго дворянскаго духа.

Затѣмъ онъ скажетъ себѣ: что бы тамъ ни говорили газеты и либералы, а все дворяне-помѣщики много могутъ сдѣлать въ Россіи; они могутъ поселиться въ своихъ имѣніяхъ, поселиться въ своихъ уѣздныхъ и губернскихъ городахъ,—учить народъ, говорить съ народомъ, а главное любить народъ. Они могутъ взять въ свои руки земство; они могутъ взять въ свои руки всѣ школы; они могутъ, наконецъ, поступить въ какую угодно службу, но не съ тѣмъ, чтобы либеральничать и служить мамонѣ, а съ тѣмъ чтобы дѣло дѣлать, быть честнымъ и никому не кланяться кромѣ Бога, никому не служить кромѣ отечества и Царя; они могутъ вотъ что,—и это чуть ли не главное—воспитывать *своихъ дѣтей* въ новомъ, то есть въ старомъ духѣ ре-

лигіи, нравственности, чести и любви къ отчизнѣ и престолу.

Они могутъ заставить всѣхъ и каждаго уважать *настоящую свободу*.

Когда дворянинъ-помѣщикъ все это сознаетъ и скажетъ, онъ сдѣлаетъ третій шагъ къ возстановленію дворянства въ Россіи.

А четвертый и главный шагъ пусть дѣлаютъ дѣти этого дворянина-помѣщика, благо теперь школы благодаря Бога, отрезвились.

И да не смущаетъ себя дворянинъ-помѣщикъ мыслію, что если онъ одинъ себѣ скажетъ всѣ эти здравыя мысли—толку не будетъ, а что-де надо многимъ собраться и эти мысли высказать общимъ собраніемъ.

Совсѣмъ нѣтъ: пословица: „одинъ въ полѣ не воинъ", на этотъ случай безусловно не вѣрна.

Мы именно потому то и пришли къ нынѣшнему хаосу, и именно въ этомъ была наша главная бѣда, что никто не имѣлъ смѣлости сказать самому себѣ наединѣ и въ семьѣ, что его дурачатъ либералы доктринеры.

Вотъ почему, чтобы изъ этой бѣды выйти, только того и нужно, чтобы хотя одинъ дворянинъ-помѣщикъ сказалъ вслухъ при женѣ и дѣтяхъ здравыя консерваторскія мысли. Остальное сдѣлается само собою. Какъ нибудь его мысли дойдутъ до другого дворянина-помѣщика, хотя бы чрезъ кухарку или кормилицу, а отъ второго къ третьему. Смѣлость заразительна: смѣть имѣть здравыя мысли станетъ заразительною болѣзнью русскаго дворянства, и тогда Россія спасена.

Вотъ все, что я хотѣлъ сказать, посвящая мои *письма дворянству*.

Но Боже насъ упаси отъ культурныхъ сословій и законодательныхъ мѣръ создающихъ религію, честь, патріотизмъ и нравственность, то есть тѣ чувства и принципы, которыя составляли сущность русскаго дворянства стараго времени!

Въ то старое время вотъ что было хорошо:

Мужикъ могъ сдѣлаться дворяниномъ!

А проектеры культурнаго сословія и другихъ доктринъ хотятъ, чтобы дворяне могли дѣлаться мужиками.

Dixi!

Кн. В. Мещерскій.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПИСЬМА.

I.

«Но отвергать гибельное дѣйствіе нынѣшняго положенія дѣлъ на умы, духъ и жизнь народа—невозможно; ибо, на нашихъ глазахъ, совершаются, во внутренней и внѣшней нашей жизни, такія разительныя событія и проявляется такой упадокъ духа и такое разложеніе нравственныхъ народныхъ силъ, что невольно погружаешься въ думу, и душа наполняется грустью глубокою»...

Наше положеніе. А. Кошелева.
1875. Берлинъ.

«Двадцать лѣтъ тому назадъ, до крымской войны, всѣ мы понимали тогдашнюю Россію и самихъ себя, знали, что думаемъ, и въ нѣкоторой степени даже то—чего желаемъ. Теперь мы этого не знаемъ и покуда даже не можемъ знать, хотя, безъ такого сознанія, не можемъ также ступить шагу ни въ какую сторону»...

Чѣмъ намъ быть? Р. Фадѣева.
С.-Петербургъ. 1874 года.

[привелъ здѣсь выписки изъ двухъ сочиненій о
іи, написанныхъ одновременно: первое, г. Коше-
, принадлежитъ перу мыслителя, всегда вращав-
ся въ кругу московскихъ славянофиловъ; второе
сано просто весьма умнымъ русскимъ человѣкомъ,
раго нельзя причислить къ какой либо партіи, по-
, что онъ, очевидно, принадлежитъ къ крошечной
ги людей, ясно видящихъ положеніе нынѣшней
іи, тогда какъ отличительная черта всякой у насъ
іи заключается въ томъ, что она ясно видитъ
ко *себя и никого* болѣе...

Брошюра г. Кошелева не есть крупное явленіе: она только интересное явленіе, какъ попытка русскаго ума, изображающая наше нынѣшнее тяжелое положеніе и указывающая и на средство нашего спасенія. Какъ произведеніе мысли, это явленіе скорѣе дюжинное, чѣмъ выходящее изъ ряда: оно, такъ сказать, похоже на тѣ безчисленныя брошюры на французскомъ языкѣ, которыя являются во Франціи подъ заглавіемъ: „Quelques mots", и которыя не столько вызываютъ къ серьезному размышленію, сколько бьютъ на эффектъ: это бутылка зельтерской воды, которую пьешь съ удовольствіемъ, пока она шипитъ, но послѣ которой ничего не остается... Тѣмъ не менѣе я останавливаюсь на этой брошюрѣ, ибо, прочитавъ ее, увидѣлъ ясно, что она можетъ служить богатымъ матеріаломъ для обсужденія нынѣшнихъ отличительныхъ чертъ нашего умственнаго настроенія.

Напротивъ брошюра г. Фадѣева есть крупное явленіе въ современной нашей духовной жизни. Картина и оцѣнка, сдѣланныя имъ современной Россіи, напоминаютъ смѣлое и мѣткое перо такихъ мыслителей, которые имѣютъ счастье вѣрно понять свое государство въ прошедшемъ и настоящемъ, и съ ясностью и талантомъ передать свое разумѣніе читателямъ.

Прежде чѣмъ говорить о названныхъ мною выше сочиненіяхъ, я остановлюсь на самомъ фактѣ ихъ появленія. Журналъ, въ которомъ я писалъ эти строки, болѣе чѣмъ кто-либо въ состояніи понять, почему стоитъ вниманія самый фактъ появленія въ печати этихъ взглядовъ на современную Россію. Было время, и очень недавно, не далѣе какъ три года назадъ, *когда одно появленіе* „Гражданина", какъ протеста

противъ мнѣнія нашихъ казенныхъ либераловъ, обратившагося въ форму о благополучіи современной Россіи, встрѣчено было большинствомъ мыслящаго общества, какъ нѣчто уродливое и смѣшное.

Три года проходятъ и что же? Появленіе такой брошюры, какъ брошюра г. Кошелева, должна обратить на себя вниманіе не потому, что она замѣчательна своимъ содержаніемъ, но потому, что она написана лицомъ, которое никогда бы не рѣшилось говорить смѣло, если не чувствовало себя отголоскомъ мнѣнія многихъ: появленіе такого сочиненія, какъ брошюра г. Фадѣева, не можетъ не быть признано крупнымъ фактомъ въ нашей общественной жизни, ибо въ этомъ сочиненіи видно, что грустное положеніе Россіи должно же было наглядно обрисоваться, если мысли г. Фадѣева получили такое ясное отраженіе и побудили его къ такому глубокому труду обдумыванья и соображенія. Можно, прочитавъ эту книгу, не быть согласнымъ съ ея заключеніями, но ни одинъ здравомыслящій образованный человѣкъ, дѣйствительно знающій Россію, не можетъ не признать за нею ея главнаго достоинства,—что она служитъ вѣрною картиною современнаго состоянія умовъ въ Россіи.

Въ виду факта появленія этихъ двухъ книгъ, одной нѣсколько легкой, другой мѣткой и глубокомысленной, приходишь къ заключенію безусловно непреложному, что въ эти три года мы сдѣлали большой шагъ на пути самосознанія и самоотрезвленія, въ томъ смыслѣ, что уже теперь, съ одной стороны, не долженъ рѣшаться на подвигъ смѣлости тотъ, кто, подобно г. Кошелеву, хочетъ протестовать противъ *формулы благополучія современной* Россіи, а съ другой стороны оп-

редѣленіе недуговъ Россіи умѣло сдѣлаться, благодаря г. Фадѣеву, предметомъ точнаго и всесторонняго изученія.

И такъ тѣ, которые, взирая на современное состояніе умственной жизни Россіи, находятъ въ немъ внушающее опасеніе признаки времени, не суть уже единицы, уроды въ семьѣ образованныхъ русскихъ, но составляютъ кружокъ единомыслящихъ людей, который получаетъ право свои мысли назвать выраженіемъ общественнаго мнѣнія.

Съ ними надо считаться съ той минуты, когда между ними появляются такіе критическіе умы, какимъ выразилъ и высказалъ себя г. Фадѣевъ; съ ними надо спорить, и спорить не кое-какъ и не съ пустыми и громкими фразами вмѣсто оружія, а съ доказательтвами и вѣскими доказательствами въ рукахъ!

Нѣтъ сомнѣнія, что глубокая грусть ложится на сердце при мысли, что все то, что г. Фадѣевъ такъ мѣтко говоритъ о состояніи нынѣшнихъ умовъ въ Россіи—безусловная истина, но эта грусть перешла бы въ отчаяніе, еслибы при столь печальномъ состояніи умовъ въ Россіи не было бы такихъ людей, какъ г. Фадѣевъ, и если бы его мысли не имѣли значенія воззрѣній на это состояніе умовъ въ Россіи не его одного, а цѣлой группы людей.

Въ этомъ фактѣ является утѣшительная сторона той мрачной обстановки, въ которой обрисовывается нынѣшнее положеніе мыслящей Россіи.

Не всѣ мы слѣпы, не всѣ мы глухи, слѣдовательно всѣ тѣ, которыхъ грусть по отчизнѣ также сильна и искренна какъ любовь къ ней, всѣ тѣ получаютъ *утѣшительное право* надѣяться на переворотъ въ общемъ

настроеніи умовъ русскаго общества, на отрезвленіе этого общества тѣмъ или другимъ путемъ. Является убѣжденіе, что въ городѣ есть праведники, слѣдовательно, есть надежда, что праведниковъ этихъ ради городъ спасенъ будетъ.

Ужасно подумать, что сталось бы съ обществомъ нашимъ, если бы оно разлагалось, и никто не замѣчалъ бы этого разложенія, и не возвышалъ бы голоса на вразумленіе этого общества посредствомъ указанія ему его ложныхъ путей.

II.

Г-нъ Кошелевъ и его книга.

Весьма любопытно, что появившись почти одновременно, два вышеназванныя мною сочиненія, приходятъ къ совершенно разнымъ заключеніямъ: по мнѣнію г. Кошелева спасеніе Россіи зависитъ отъ устройства центральной земской думы; по мнѣнію г. Фадѣева— отъ усиленія мѣстнаго самоуправленія.

Но, какъ я сказалъ, между обоими главное различіе не столько въ выводахъ и въ заключеніи, сколько въ свойствахъ содержанія ихъ.

Брошюра г. Кошелева должна быть прочитана, какъ доказательство того, на сколько правъ г. Фадѣевъ называя состояніе умовъ нынѣшней Россіи *хаосомъ* или *сумбуромъ;* книжка г. Кошелева—это одинъ изъ осколковъ этого сумбура. Напротивъ, книжка г. Фадѣева, есть удавшаяся попычка изобразить весь этотъ сумбуръ во всей его уродливой наготѣ. Она ненапечатана въ Берлинѣ, а въ Петербургѣ, и право, слѣдовало-бы ее прочитать каждому грамотному человѣку на Руси какъ зеркало, въ которомъ онъ увидѣлъ бы искаженіе своей *умственной* личности, увидѣлъ бы и ужаснулся.

Однимъ изъ существенныхъ признаковъ ненормальнаго состоянія умовъ въ обществѣ въ переходную эпоху его жизни является удивительное легкомысліе въ обращеніи съ предметами и вопросами, съ которыми въ нормальное время люди обращаются какъ съ самыми серьезными, требующими глубокаго вниманія, осторожнаго обращенія и добросовѣстнаго изслѣдованія.

Другимъ признакомъ того же анормальнаго состоянія умовъ въ обществѣ можетъ служить то, когда самыя простыя, элементарныя, такъ сказать, истины являются чѣмъ-то для массы умовъ уродливымъ, и когда, наоборотъ, самыя уродливыя мысли получаютъ для массы умовъ значеніе какихъ-то элементарныхъ, непреложныхъ будто бы истинъ.

Эти два признака заключаютъ въ себѣ сочиненіе г. Кошелева, озаглавленное „Наше положеніе". Онъ удивительно легкомысленно обращается съ самыми серьезными и требующими глубокаго изученія предметами, и обличая, напримѣръ, уродство нашего частнаго быта, авторъ, самъ того не замѣчая, до такой степени зараженъ этимъ уродствомъ, что пишетъ въ духѣ, такъ сказать, этого уродства, и въ противорѣчіе съ простыми истинами здраваго смысла.

Впрочемъ, съ этимъ упрекомъ не впервые приходится обращаться къ г. Кошелеву. Г. Кошелевъ является мнѣ чѣмъ то въ родѣ тѣхъ людей на Руси (число ихъ легіонъ), которые негодуютъ на чиновниковъ не столько потому, что они вредны, сколько потому, что ему самому не удалось попасть въ ихъ число; эти люди, пожалуй, еще хуже чиновниковъ, ибо чиновники, *по крайней мѣрѣ*, сдержаны въ своихъ узкихъ рамкахъ

стола, отдѣленія, департамента, и т. п., а эти господа, не сдержанные ничѣмъ, даютъ волю своей желчи разливаться на всю необъятную Русь, и разсуждаютъ о ней съ умомъ или душою чиновника, но въ сюртукѣ свободнаго гражданина. Они ненавидятъ вицъ-мундиръ только потому, что въ немъ себя не чувствуютъ, а получи они его завтра, Боже мой какъ эти проектеры земскихъ думъ, эти обвинители цензуры, эти защитники свободы слова, принялись бы душить не только всякое слово, но даже всякую думу (не то что земскую!), не только цѣлое общество, но и каждую душу.

Г. Кошелевъ чуть ли не каждые полтора года съ весьма похвальною аккуратностью издаетъ свое слово о Россіи то въ журналѣ, то въ видѣ особаго изданія. Послѣднее изданіе его то, о которомъ я говорю, появилось не въ Россіи, а въ Берлинѣ, такъ какъ тонъ его не подходитъ подъ условія нашего положенія по дѣламъ печати. Но отъ этого трудъ г. Кошелева мало выигралъ: въ первыхъ его трудахъ, изданныхъ въ Россіи, мы могли видѣть, что дѣлалъ бы г. Кошелевъ, если бы ему удалось быть министромъ того или другаго министерства; въ этомъ послѣднемъ трудѣ мы видѣли, что бы наговорилъ г. Кошелевъ, если судьбѣ угодно было бы создать на Руси земскую думу и дать г. Кошелеву наслажденіе торжественно въ нее войти въ качествѣ народнаго представителя и витіи.

Разборъ книжки этой не требуетъ большаго труда, чѣмъ потребовалось его автору для ея составленія.

Г. Кошелевъ доказываетъ, что всѣ совершившіяся въ эти 20 лѣтъ, реформы не привели ни къ чему— потому, что печати не даютъ свободы высказываться, *а земству не* даютъ свободы дѣйствовать.

Такимъ образомъ, главную отвѣтственность за всѣ наши неурядицы и за то жалкое положеніе, въ которомъ мы находимся, г. Кошелевъ возлагаетъ на чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ и разныхъ величинъ. Это обвиненіе есть, такъ сказать, главная нота всей его ораторіи.

Такого рода обвиненіе составляетъ тему всѣхъ статей г. Кошелева. Россія у него дѣлится на двѣ части: на не-чиновниковъ, и на чиновниковъ; не-чиновники, то есть земцы, дворяне, литераторы спасаютъ Россію, чиновники стѣсняютъ послѣднихъ и тѣмъ губятъ Россію.

Несмотря на это анти-чиновническое положеніе, составляющее тему и этой статьи г. Кошелева, логика его оказывается чисто чиновническою, то-есть исходящею изъ такого воззрѣнія на предметъ, которое далѣе листа бумаги, на которой онъ пишетъ, и чернильницы, въ которую онъ макаетъ свое перо, не въ состояніи видѣть что бы то ни было.

Во всѣхъ своихъ измышленіяхъ г. Кошелевъ упорно забываетъ ту главную мысль, къ которой такъ часто возвращается г. Фадѣевъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: что *правительство — это мы,* что чиновники имъ такъ ненавидимые — это тѣ люди, которые находятся у дѣлъ нашего государства вездѣ, сверху до низу, потому, что другихъ людей, кромѣ чиновниковъ — Россія, то-есть русское общество для служенія правительству и государству не производитъ! Биржа, желѣзная дорога, банкъ — ноходятъ себѣ людей за деньги, а правительство, въ высшемъ значеніи слова, или Отечество — честныхъ и самостоятельныхъ *людей не-чиновниковъ* почти не имѣетъ.

И такъ, первая ошибка г. Кошелева, и вѣчная, по-видимому, ошибка г. Кошелева есть то, что онъ считаетъ чиновниковъ отдѣльнымъ отъ Россіи сословіемъ, тогда какъ это сущая неправда: нынѣшній чиновникъ есть тотъ-же образованный русскій петербуржецъ, тотъ-же нынѣшній литераторъ, тотъ-же нынѣшній земецъ, тотъ-же нынѣшній на дворянство плюющій дворянинъ, отличающійся отъ остальныхъ, тѣмъ, что его одѣли въ вицъ-мундиръ, посадили передъ столомъ, назначили ему жалованье, съузили кругозоръ размѣрами его должности, и велѣли ему быть спокойнымъ, хладнокровнымъ и аккуратнымъ съ надеждою на награды и пенсію: при всемъ томъ чиновникъ такъ или иначе свои бумаги пишетъ и свои обязанности справляетъ; тогда какъ иной литераторъ изъ-за дневнаго пропитанія готовъ на всякую—даже по его собственному мнѣнію нелѣпую оппозицію; земецъ, потому что тоже не получаетъ жалованья, не хочетъ знать ни дворянства въ особенности, ни Россіи вообще. Чѣмъ-же лучше, разсуждая безпристрастно и логически, тѣ русскіе не-чиновники, которымъ г. Кошелевъ хочетъ поручить спасеніе Россіи, отнявъ это дѣло у чиновниковъ?

Но этимъ чиновническая логика г. Кошелева не ограничивается. Г. Кошелевъ хочетъ быть безпристрастнымъ. Онъ казнитъ и дворянство, казнитъ и земство. Онъ обрисовываетъ мрачное и жалкое положеніе земскихъ учрежденій и русскаго дворянства, то есть того общества, которое терпитъ отъ стѣсненій чиновниковъ, и мракъ этого положенія сводится къ тому, что эти учрежденія ничего не дѣлаютъ, или если дѣлаютъ—дѣлаютъ мало, а иногда и плохо. Чтобы помочь этому *горю,* г. Кошелевъ совѣтуетъ правительству рас-

ширить, во-первыхъ, нѣкоторыя права земства и, дворянства, и во-вторыхъ, дать имъ сходиться въ одно общее мѣсто (безъ каламбура) для сужденія о своихъ нуждахъ.

Гдѣ-же тутъ логика? Земство имѣетъ, какъ говоритъ г. Кошелевъ слишкомъ тѣсный кругъ дѣятельности, дворянство тоже, и ни то, ни другое ничего не дѣлаютъ для блага Россіи или весьма мало: почему-же, когда будетъ поручено большее дѣлать тѣмъ, которые меньшаго не дѣлаютъ, они станутъ это большее лучше дѣлать, чѣмъ-то меньшее, которое они плохо дѣлали? Вотъ, признаюсь, чего я никакъ не могу понять, какъ не могу я понять, почему печать, которая подъ цензурою ухитряется проповѣдывать столько лжи и фальши, вдругъ станетъ при полной свободѣ проповѣдывать правду и нравственность! Еще меньше могу я понять, какъ земство и дворянство, которыя не хотятъ знать Россіи, когда эта Россія является въ видѣ мѣстныхъ, уѣздныхъ интересовъ, вдругъ ни съ того, ни съ сего—стали-бы заботиться о Росіи только потому, что вмѣсто уѣзднаго собранія, они очутятся въ залѣ какой-то земской думы?! Мнѣ казалось-бы логичкѣе разсуждать такъ: если дворянство и земство не хотятъ или не могутъ заниматься своими дѣлами въ уѣздѣ, то тѣмъ еще менѣе они способны заниматься своими дѣлами своей губерніи или своего государства, тѣмъ нужнѣе, слѣдовательно, тѣ чиновники, которые такъ немилы г. Кошелеву, и которыхъ преимущество передъ *нынѣшними* земцами и *нынѣшними* дворянами заключается въ томъ, что они могутъ *быть обязываемы* исполнять свои обязанности, тогда какъ *никто не можетъ обяз*ывать земство или свободнаго

дворянина принимать къ сердцу общественныя нужды Россіи.

Но вотъ что дальше говоритъ г. Кошелевъ. Онъ признается въ томъ, что губернскіе предводители дворянства негодны какъ представители своей губерніи потому, что они-де избираются изъ людей *добрыхъ*, *богатыхъ* и ничего не дѣлающихъ (это послѣднее надо читать сквозь строки), а предсѣдатели земскихъ управъ тоже на это центральное представительство не годны, потому что „*избираются изъ людей честныхъ и распорядительныхъ и могущихъ жить въ провинціи*“ (почему честность, распорядительность и житье въ провинціи мѣшаетъ быть хорошимъ представителемъ земскихъ нуждъ—это ужъ вовсе непонятно!). Ни тѣ, ни другіе. по мнѣнію г. Кошелева, не избираются съ цѣлью быть пущенными въ *земскую думу*. А вотъ, когда станутъ избирать земскіе люди своихъ депутатовъ съ тѣмъ, чтобы *пущать* ихъ въ земскую думу, тогда Россія будетъ спасена, ибо тоже земство и тоже дворянство, которыя теперь не умѣютъ избирать предсѣдателей управъ и предводителей, *за неимѣніемъ людей*, вдругъ найдутъ и изберутъ 58 геніальныхъ русскихъ людей!

Если бы все это не было напечатано, мы бы не повѣрили, что логика можетъ дойти до такой нелогичности!

Какъ? дѣтямъ, которыя, не умѣютъ еще бойко читать, вы скажете: нѣтъ, я вижу, вы никогда не выучитесь хорошо читать, перейдите прямо къ собственнымъ сочиненіямъ—вы скорѣе разовьетесь?

Впрочемъ, я отсюда вижу кого разумѣетъ подъ будущими депутатами-спасителями Россіи почтенный *авторъ*.

Это тѣ дворяне, которымъ нигдѣ нѣтъ дѣла, нигдѣ нѣтъ мѣста на Руси, которые плюютъ на мѣстные интересы своихъ имѣній и своихъ уѣздовъ, и предпочитаютъ въ гостиныхъ и въ клубахъ, а иные даже въ печати, составлять блестящіи рѣчи о незнакомыхъ имъ нуждахъ Россіи съ точки зрѣнія европейской политики. Во всякомъ случаѣ одно изъ двухъ: или въ земскую думу попадутъ тѣ, которыхъ теперь избираютъ въ извѣстныя должности за неимѣніемъ другихъ, или тѣ, которыхъ потому не избираютъ, что они никогда не бываютъ на выборахъ, — которые, значитъ, гораздо менѣе первыхъ могутъ годиться въ депутаты земской думы: другихъ г. Кошелевъ не найдетъ и не укажетъ.

Нѣтъ, я позволю себѣ повторить г. Кошелеву: если дѣйствительно русскій чиновникъ имѣетъ въ своей природѣ органическіе недостатки, то именно эти же недостатки проявляетъ во всей ихъ силѣ г. Кошелевъ.

Недостатокъ этотъ крупенъ: онъ даже порокъ, и порокъ весьма вредный. Онъ заключается въ идеѣ, что можно нравственные недуги общества измѣнить *мѣропріятіями* и *законами на бумагѣ*.

Земская дума, какъ средство спасать растлѣвающую Россію—это такое же бумажное дѣло, какъ тѣ, противъ которыхъ ратуетъ г. Кошелевъ.

Это едва-ли послужило бы сколько нибудь спасительнымъ средствомъ перевоспитанія Россіи, такъ какъ, прибавивъ къ чиновникамъ—дурныхъ представителей русскихъ нуждъ по губерніямъ, мы ничего бы въ итогѣ не получили, *кромѣ пустаго краснобайства.*

Отъ такой напасти, Боже насъ сохрани.

Да, именно напасти; ибо, что можно было бы себѣ

представить ужаснѣе представительства отъ такихъ сословныхъ избирателей, которые изображаютъ собою общество, не только несостоятельное къ самостоятельной политической жизни *въ мѣстныхъ, необширныхъ сферахъ*... но несостоятельность въ своей нравственной жизни...

Нѣтъ, настоящее время дѣйствительно грустно, дѣйствительно *почти* безнадежно, вслѣдствіе условій, обставившихъ нашу общественную жизнь, и именно потому, что оно такъ грустно само по себѣ!... надо имѣть смѣлость высказываться громко противъ всякой мысли, которая, подобно мысли о земской думѣ, въ настоящее время, неизбѣжно бы это зло усилила, это тяжелое положеніе сдѣлала бы отчаяннымъ.

На этой-то мысли я и кончаю разборъ книги г. Кошелева, чтобы поскорѣе перейти къ книжкѣ г. Фадѣева.

Но повторяю, съ чего началъ. Какъ бы иллогичны ни были разсужденія г. Кошелева, и какъ бы ошибочно ни было его заключеніе, все же его статья важна какъ доказательство, что многіе и очень многіе уже стали задумываться надъ нескладностью нашего нынѣшняго положенія.

III.

Г-нъ Фадѣевъ и его книжка.

Книжка г. Фадѣева въ первоначальномъ видѣ печаталась въ газетѣ „Русскій Міръ“ отдѣльными статьями, подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „*Чѣмъ намъ быть*“?

Заглавіе это было чрезвычайно мѣтко, ибо именно прежде всего характеристическая черта нынѣшняго нашего хаоса есть та, что мы не знаемъ: „чѣмъ намъ быть“?

Наше состояніе могло бы сравниться съ тѣмъ акробатомъ, который, послѣ долгихъ, самыхъ утомительныхъ и удивительныхъ эволюцій и прыганій, вдругъ очутился опять на ногахъ, ошеломленный и задыхающійся, съ круженіемъ въ головѣ и съ ощущеніемъ подъ ногами движущейся земли.

Говоря короче, я бы дерзнулъ сказать: мы одурѣли отъ чрезвычайныхъ усилій быть необыкновенно умными.

У г. Фадѣева вопросъ: „чѣмъ намъ быть“? является прямымъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того положенія, *въ которомъ мы* прожили эти послѣдніе двад-

цать лѣтъ, переставъ быть тѣмъ, чѣмъ мы были прежде: исключительно государствомъ, и не съумѣвши изъ себя *сложить общество.*

По весьма вѣрному опредѣленію г. Фадѣева, началомъ этого двадцатилѣтія завершился нашъ воспитательный періодъ исторіи, начавшійся Петромъ; намъ задали выпускной экзаменъ, мы его сдали какъ сдавали на Руси всѣ вообще ученики того времени, съ грѣхомъ по поламъ и имѣя въ виду позабыть все, чему мнимо выучились и какъ попугаи протараторили на выпускныхъ экзаменахъ.

Я представляю себѣ, напримѣръ, кадетика того времени, милаго, тихаго, кроткаго, порядочнаго, съ румяными щечками, точно дѣвица красная, выдержавшаго свой экзаменъ и выходящаго изъ швейцарской 1-го кадетскаго корпуса. Положимъ, это происходитъ въ 1855 году.

Вышелъ онъ—такъ свободою на него со всѣхъ сторонъ и пахнуло; куда ни посмотритъ, нигдѣ не видно ему предѣла, ни откуда не выглядываетъ фигура дядьки; въ немъ самомъ нѣтъ уже того чувства страха, которое заставляло его въ два часа дня, напримѣръ. думать о девяти часахъ вечера, когда онъ долженъ быть снова въ корпусѣ...

Куда пойдетъ и что сдѣлаетъ этотъ кадетикъ?

Внутреннее чувство ему говоритъ: помни, братъ, помни, ты теперь ужъ не кадетикъ, ты человѣкъ, все, что ты хочешь, ты можешь, а хотѣть ты можешь все.

Вотъ мой кадетикъ стоитъ, и не знаетъ куда пойти.

Но прежде чѣмъ дать ему двинуться въ ту или другую сторону, остановимся передъ нимъ и разберемъ *его личность.*

Сердце у него доброе, мягкое, сострадательное, и по временамъ пылкое: онъ довѣрчивъ, онъ не подозрителенъ, онъ въ хорошемъ смыслѣ слова добрый малый; онъ вѣруетъ въ Бога и въ свою Церковь, чему много способствуетъ то обстоятельство, что любовь къ семьѣ въ немъ сохранилась живою, и въ свою очередь сберегла въ немъ первые разсказы няни о Богѣ и о святыхъ, и первыя заповѣди матери о добрѣ и злѣ; затѣмъ далѣе—онъ горячо любитъ свое отечество: оно ему представляется чѣмъ-то образнымъ и живымъ, то въ видѣ солдатика, то въ видѣ мужичка, то въ видѣ того деревенскаго домика, гдѣ онъ провелъ съ семьею свое дѣтство, то наконецъ въ видѣ Суворова, берущаго Очаковъ, или Наполеона, бѣгущаго изъ Москвы. Кадетикъ этотъ и честенъ, и скроменъ, движенія въ немъ пріучены къ извѣстному порядку: онъ почтителенъ и въ мысляхъ и на дѣлѣ къ старшимъ по возрасту, къ старшимъ по чину и къ женщинѣ, потому что она женщина: послѣднее чувство родилось въ немъ еще дома, въ дѣтствѣ, подъ вліяніемъ дружбы, которую онъ питалъ къ своей старшей сестрѣ. Кое-чему онъ выучился; къ чтенію страсти не имѣетъ, но попадется книга, прочтетъ съ удовольствіемъ; пишетъ довольно правильно, и развитъ на столько, что понимаетъ и чувство долга, и внушенія совѣсти...

Таковъ кадетикъ, выдержавшій выпускной свой экзаменъ въ 1855 году. Мы его оставили пораженнымъ пахнувшею на него со всѣхъ сторонъ свободою, и не знающимъ куда идти.

Бѣдный кадетикъ какъ-то глубоко вздохнулъ и взглянулъ назадъ на свой первый кадетскій корпусъ: какъ *ни хороша свобода*, думаетъ онъ, а все вотъ тамъ

мнѣ и совѣтъ бы дали, и приласкали бы, а будь со мною теперь мамаша, какъ я былъ бы счастливъ, она навѣрное бы мнѣ сказала, куда идти.

И лицо кадетика приняло грустное выраженіе.

Но вотъ видитъ онъ, идетъ одинъ изъ корпусныхъ офицеровъ.

Лицо кадетика просіяло. Онъ прямо къ нему. Какъ подошелъ къ нему, ужъ одно чувство, что онъ окрыленъ, ему показалось отраднымъ и пріятнымъ.

Офицеръ тоже обрадовался встрѣчѣ съ кадетикомъ. На вопросъ, что ему дѣлать? офицеръ говоритъ ему:

— А по моему, ты вотъ что сдѣлай: у тебя деньги есть?

— Есть.

Ну такъ закупи что нужно, позавтракай хорошенько, потомъ поѣзжай къ себѣ въ деревню домой, побудь съ мамашею, порадуй старуху собою, а потомъ прямо въ полкъ: такимъ образомъ ты избѣгнешь искушеній, съ панталыги не собьешься, дома получишь благословеніе матери, а ужъ въ полку начнется служба, тамъ опасности тебѣ не предстоитъ.

Совѣтъ показался кадетику хорошъ: какъ разъ по сердцу.

Онъ пригласилъ офицера съ собою позавтракать: 45-ти-лѣтній капитанъ съ 18-ти-лѣтнимъ кадетикомъ позавтракали, попили, подружились, обѣщали другъ другу писать и поцѣловавшись разъѣхались.

Кадетикъ мой на-веселѣ ѣдетъ прямо на Николаевскую дорогу.

Но увы, на дорогѣ встрѣчаетъ его пьяная компанія товарищей, и встрѣчаетъ гдѣ же: у Казанскаго *собора, въ ту* самую минуту, когда мой бѣдный каде-

тикъ собирался войти въ соборъ, чтобы поставить свѣчу и помолиться передъ дорогою.

— Ты куда? кричатъ ему хриплые голоса.

— Я въ церковь, кротко отвѣчаетъ кадетикъ.

— Въ церковь? Что ты ошалѣлъ? бабенка эдакая, въ монахи что ли собираешься?... Садись съ нами.

— Я, я, начинаетъ говорить кадетикъ.

— Безъ разсужденій, и двое его подняли и посадили въ коляску.

— Трогай, крикнули ямщику.

Раздалась пѣснь, тройка полетѣла.

— Куда это? робко спросилъ кадетикъ.

— Куда? расхохотался одинъ изъ товарищей, ты спрашиваешь куда, — никуда! куда глаза глядятъ, понимаешь, чортъ побери, никуда! куда хочешь! Свободны мы, чортъ возьми, свободны, а этотъ шибздрикъ свободенъ и въ церковь себѣ пробирается, а? монашенька ты эдакая...

— Да мнѣ надо, господа, на машину.

— На машину? на какую?

— Домой выдь я ѣду въ деревню.

— Домой? Въ деревню? Къ бабамъ подъ юбки. Ахъ дѣвка ты эдакая: да чортъ возьми, что ты ошалѣлъ, что ли? Свобода, значитъ дома нѣтъ никакихъ маменекъ, папенекъ знать не хотимъ, катай къ Излеру!

Пріѣхали къ Излеру. Тамъ потребовали шампанскаго, потомъ цыганъ, потомъ опять шампанскаго, потомъ опять цыганъ.

Въ восемь часовъ утра возвращался нашъ бѣдный кадетикъ къ товарищу на ночлегъ, влюбленный въ Катю *цыганку*.

И сталъ мой бѣдный кадетикъ пить, кутить, пѣть самыя разгульныя пѣсни: понемногу огрубѣли въ немъ внутреннія ткани, огрубѣли и чувства. Дѣтство, родной домикъ, семья, корпусъ, все это въ немъ замерло; онъ часто бывалъ пьянъ, и всегда вскрикивалъ: свободу, давайте мнѣ побольше свободы, и только...

Ничто его не манило къ себѣ: ни полкъ, ни семья, ни книга, ничто кромѣ вина и лихой разгульной дѣвки.

Простите, читатели, это длинное отступленіе.

Но мнѣ кажется, что этотъ образъ кадетика, есть самый простой и слѣдовательно удобопонятный способъ выразить наше общество въ эти 20 лѣтъ.

Кадетикъ — это *мы*, русскіе образованные люди, Корпусъ — это наше прошедшее, нашъ воспитательный періодъ исторіи, какъ называетъ его г. Фадѣевъ; старый офицеръ съ добрымъ и простымъ словомъ сердечнаго совѣта—это, такъ сказать, душа стараго порядка, то есть олицетвореніе всего, что этотъ старый завѣтъ имѣлъ хорошаго, роднаго, такъ сказать, и прежде всего олицетвореніе живой связи съ домомъ, съ семьею, и ея преданіями и началами.

Послушайся кадетикъ этого офицера, поѣзжай онъ въ деревню, найди онъ тамъ родную семью, какъ бы онъ сталъ еще моложе, еще горячѣе ко всему хорошему, какъ въ немъ развилось бы истинное уваженіе къ свободѣ, и какъ бы толково—поступивъ въ полкъ, полный всѣми этими духовными сокровищами, взялся бы онъ за свою офицерскую службу, какой бы вышелъ изъ него хорошій человѣкъ и отличный офицеръ!... А *между тѣмъ*, нѣтъ: онъ поддался обольщеніямъ дикой, *своевольной* и разгульной жизни и всѣ прекрасные

отростки его юности не могли распуститься, а засохли.

Посовѣтовались бы мы, въ часъ наступившей для насъ свободы послѣ выпускнаго экзамена 1855 года, съ духомъ стараго порядка во всемъ, что онъ имѣлъ хорошаго, распросили бы его куда намъ идти, и какъ намъ идти, и нѣтъ сомнѣнія, онъ бы намъ сказалъ, какъ офицеръ кадетику — надо прежде всего дома, у себя, у роднаго очага побывать, тамъ пожить, тамъ присмотрѣться, потомъ сейчасъ же всѣмъ намъ надо заняться дѣломъ, каждый своимъ, и кромѣ *дѣла* и *дома*, другаго ничего не знать. Тогда выйдя изъ одной школы, посовѣтовавшись съ однимъ для всѣхъ авторитетомъ, запасшись приблизительно одинаковыми чувствами и мыслями у себя дома, мы бы, принявшись за дѣло, имѣли бы одну задачу, понимали бы другъ друга, и благодаря этому взаимному пониманію были бы въ состояніи произвести Богъ знаетъ какія чудеса самодѣятельности, ибо взаимное пониманіе привело бы къ взаимодѣйствію.

Но въ настоящее время не только нѣтъ взаимодѣйствія, но, какъ совершенно основательно говоритъ г. Фадѣевъ, главная отличительная черта нынѣшняго умственнаго состоянія въ Россіи заключается въ томъ, что нельзя подъискать трехъ лицъ, одинаково мыслящихъ объ одномъ и томъ же предметѣ въ области общественной жизни.

Отсюда легко понять, что не менѣе основательно то положеніе г. Фадѣева, которое есть одна изъ главныхъ мыслей его сочиненія: у насъ *нѣтъ общества*.

Г. Фадѣевъ говоритъ: нѣтъ общества, но прибавляетъ: *есть государство;* но, мнѣ кажется, что выра-

женіе это не совсѣмъ вѣрно; у насъ есть глава государства, государственныя учрежденія и правительственныя лица, но если у насъ нѣтъ общества, то значитъ нѣтъ и государства, ибо подъ словомъ государство, должно разумѣть общество, коего жизнь составляетъ одно гармонически цѣлое съ отправленіями его государственной жизни.

Причина, почему у насъ нѣтъ общества, заключается, по мнѣнію г. Фадѣева, въ отсутствіи какого нибудь связующаго всѣ разнородныя части общества звѣна; звѣномъ этимъ должно быть какое нибудь плотно-объединенное, образованное и исторически образовавшееся сословіе.

Въ воспитательномъ періодѣ такимъ сословіемъ было русское дворянство, съ его силою крѣпостнаго права. Дворянство въ то время, какъ бы незначительно ни было его политическое значеніе, раздѣляло въ извѣстной долѣ съ правительствомъ трудъ руководить обществомъ.

Съ началомъ новаго періода, когда дворянство утратило свою силу, оно перестало быть сословіемъ; оно превратилось въ ничто, и Россія очутилась въ положеніи, гдѣ народъ, представляя изъ себя стихійное начало, сталъ между двумя силами: одною, организованною — силою правительства, другою неорганизованною — силою общества въ разбродѣ, въ хаосѣ, гдѣ никто не знаетъ, съ чего начать и куда идти.

Такъ приблизительно очерчиваетъ г. Фадѣевъ нынѣшнее состояніе Россіи, которое совершенно логическимъ путемъ приводитъ его къ мысли о необходимости, за отсутствіемъ исторически-создавшагося *руководящаго сословія*, создать его искусственно, такъ

какъ безъ этого сословія — жизнь Россіи немыслима иначе, какъ къ состоянію прозябанія. Это искусственное руководящее сословіе, г. Фадѣевъ называетъ *культурнымъ*, и полагаетъ его возможнымъ создать посредствомъ слѣдующей комбинаціи; какъ основу, г. Фадѣевъ оставляетъ дворянство въ его нынѣшнемъ видѣ, дворянство земельное, а затѣмъ къ нему онъ пріобщаетъ крупныя денежныя и торговыя личныя силы и всѣхъ тѣхъ, которые по какимъ-либо причинамъ признаны были бы достойными войти въ составъ этого высшаго сословія.

Вся сила этой постройки заключается въ другой главной мысли г. Фадѣева, паралельно проводимой съ мыслію о созданіи культурнаго сословія или культурнаго дворянства,—въ искусственномъ оживленіи этого сословія посредствомъ усиленія мѣстной или провинціальной политической жизни. Такимъ образомъ созданіе искусственнаго дворянства имѣло-бы мѣсто исключительно въ области уѣздной жизни, а уѣздная жизнь въ свою очередь, при усиленіи правъ мѣстныхъ ея представителей, пріобрѣла-бы своего рода политическій интересъ, который непремѣнно бы вызвалъ къ дворянской службѣ въ новыхъ условіяхъ лучшія личныя силы.

Надо слѣдовательно возсоздать общество: а для возсозданія общества надо связующее, живое начало, или, говоря проще, нужна закваска. Эта закваска — дворянство.

Все это съ точки отправленія г. Фадѣева логически вѣрно: но мнѣ кажется, что въ этой второй части своего труда, слѣдующей послѣ мѣткаго изображенія состоянія Россіи въ настоящее время, г. Фадѣевъ слишкомъ *съузилъ свой* кругозоръ и не достаточно широко

взглянулъ на вопросъ; его взглядъ вѣрный и широкій при обзорѣ нынѣшняго состоянія умственной Россіи, внезапно съуживается при рефлексивномъ движеніи назадъ, какъ только тому, что онъ изображалъ,— сталъ онъ подводить причины. Г. Фадѣевъ, говоря, объ уничтоженіи дворянства какъ сословія, объясняетъ кончину его освобожденіемъ 19-го февраля. Вотъ въ этомъ-то вопросѣ мнѣ показалось, что взглядъ г. Фадѣева слишкомъ съузился въ оцѣнкѣ отношеній дворянства къ Россіи прежней, къ реформѣ 19-го февраля 1861 года и къ Россіи настоящей. Мнѣ стало досадно, признаюсь, ибо во взглядѣ г. Фадѣева, я нашелъ слегка видоизмѣненнымъ тотъ узкій взглядъ петербургскаго чиновника, который дворянству въ Россіи причинилъ нравственнаго вреда гораздо болѣе, чѣмъ могли бы 10 эмансипацій крестьянъ нанести ему вреда матеріальнаго.

Поговорите съ любымъ петербургскимъ чиновникомъ: если онъ хоть мало-мальски грамотенъ, то прежде всего онъ вамъ поспѣшитъ свою грамотность доказать тѣмъ, что станетъ пускать самыя пошлыя либеральныя фразы о томъ, что съ положеніемъ 19 февраля дворянство въ Россіи покончено: „*нѣтъ крѣпостныхъ душъ, нѣтъ и дворянства*“ и мысль эта, какъ чиновническая аксіома, чуть-ли не сдѣлалась государственною аксіомою.

Но, скажутъ мнѣ, что же тутъ невѣрнаго? мысль эта безусловно вѣрна.

Да, вѣрна, скажу и я; но невѣрно пониманіе этой мысли: пониманіе это и слишкомъ узко, и слишкомъ матеріально. Само собою разумѣется, что съ точки зрѣнія петербургскаго чиновника совершенно все равно: широко или узко, матеріально или идеально воззрѣніе

на этотъ вопросъ—фактъ несомнѣненъ: дворянство уничтожено положеніемъ 19 февраля и дѣло съ концомъ. Но совсѣмъ не все равно, думаю я, какъ смотрѣть на этотъ вопросъ о дворянствѣ для такого добросовѣстнаго изслѣдователя, какимъ является г. Фадѣевъ.

Для него, думаю я, важно быть сильнымъ въ своей аргументаціи не пошлыми фразами, а всестороннимъ изслѣдованіемъ вопроса; иначе при всей вѣскости его аргументаціи, ему должно предстоять на каждомъ шагу обнаруживать одно изъ слабыхъ ея мѣстъ, или, что гораздо хуже, онъ можетъ дать поводъ противникамъ считать его въ томъ или другомъ вопросѣ, благодаря поверхности сужденій, своимъ единомышленникомъ. Это-то опасеніе и заставляетъ меня надѣяться, что г. Фадѣевъ не посѣтуетъ на меня за опытъ добросовѣстной критики его воззрѣній на современное положеніе дворянства.

Все это въ высшей степени важно, какъ я покажу ниже.

Если въ обращеніи съ вопросомъ о русскомъ дворянствѣ мы должны остаться на узкомъ воззрѣніи петербургскаго чиновника, и въ изслѣдованіи значенія реформы 19 февраля на дворянство не идти дальше той фразы, о которой я говорилъ, что съ отнятіемъ-де у дворянства крѣпостныхъ душъ уничтожилось самое дворянство, мы уже впередъ даемъ противникамъ противъ себя неотразимое оружіе въ видѣ слѣдующаго лже-силлогизма: вы говорите, что реформа 19 февраля уничтожила дворянство, скажутъ противники: прекрасно, но вы опять заговариваете о возстановленіи дворянства; а такъ какъ вся сила дворянства заключалась, какъ *вы говорили*, въ крѣпостномъ состояніи,

слѣдовательно вы хотите въ томъ или въ другомъ видѣ возстановить крѣпостное состояніе.

Чтобы ни въ какомъ случаѣ противники нашихъ воззрѣній не могли имѣть противъ насъ этого оружія, которое, при всей своей нелѣпости, бьетъ въ носъ массѣ читателей, составляющей, какъ всѣмъ извѣстно, весьма неприхотливую у насъ и неглубокомудрствующую публику, надо къ вопросу о дворянствѣ и объ отношеніяхъ его къ прежней исторіи Россіи, къ реформѣ 19 февраля и къ нынѣшней Россіи, подходить гораздо глубже и гораздо шире.

Это не представляетъ большаго труда, ибо факты въ рукахъ того, кто хочетъ этимъ трудомъ заняться, неопровержимы.

Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь, сколь возможно полно и сжато, разсмотрѣть отношенія дворянства въ Россіи и къ правительству въ эпоху царствованія Николая I.

IV.

Дворянское сословіе и дворянскій духъ.

Итакъ я сказалъ, что не могу раздѣлять воззрѣній г. Фадѣева на сословіе русскаго дворянства, и на вліяніе на это сословіе, крестьянской реформы.

Г. Фадѣевъ разсуждаетъ такъ: дворянское сословіе на Руси образовалось своеобразно; оно обязано своимъ существованіемъ исключительно царской власти, оно жило жизнью ея, во всемъ всегда нераздѣльно, и не будучи сомкнуто въ касту, а напротивъ, допуская къ себѣ доступъ изъ другихъ слоевъ народа, оно постоянно обновлялось, и, стоя надъ народомъ, было его руководителемъ. Затѣмъ отрицая, чтобы крѣпостное право было органическою и политическою силою русскаго дворянства, а признавая его только случайнымъ наростомъ, безъ котораго связь дворянства съ народомъ оставалась бы столько же сильною, г. Фадѣевъ, признаетъ, однакоже, что реформа 19 февраля самымъ рѣшительнымъ образомъ нанесла почти смертельный ударъ вліянію дворянства на народъ, не

столько тѣмъ, что лишила его владѣнія крестьянами и ихъ надѣлами, сколько тѣмъ, что поставила народъ внѣ всякаго вліянія на него дворянства. Съ той поры дворянство, какъ сословіе, разошлось въ массѣ грамотныхъ на Руси людей, и дальнѣйшія реформы, значительно ускорили и облегчили это разложеніе дворянства на частицы.

Какъ я сказалъ въ моемъ послѣднемъ письмѣ, такой взглядъ на дворянство представляетъ, по моему, то большое неудобство, что всѣ дальнѣйшіе изъ него выводы къ улучшенію нынѣшняго положенія Россіи, съ первой же минуты, какъ они высказываются, вооружаютъ противъ себя всю такъ называемую интеллигенцію, и пожалуй, не безъ основанія заставляютъ ее подозрѣвать въ мысли г. Фадѣева, стремленіе возобновить что-либо изъ крѣпостнаго права въ томъ или другомъ видѣ.

Въ началѣ первые выводы изъ положенія г. Фадѣева являются вѣрными, но потомъ, по мѣрѣ своего развитія и удаленія отъ главной мысли, они уносятъ васъ въ такой міръ подробностей и мѣропріятій, гдѣ съ одной стороны, кажется, что авторъ перестаетъ чувствовать себя на твердой почвѣ хозяиномъ своего предмета, а съ другой стороны,—на каждомъ шагу онъ выставляетъ больное мѣсто въ своихъ доводахъ, и даетъ противникамъ возможность наносить себѣ чувствительные удары.

Такъ, для примѣра, возьмемъ главную черту нынѣшняго состоянія русскаго общества, такъ мастерски очерченнаго г. Фадѣевымъ. Нѣтъ двухъ людей въ образованномъ обществѣ, какъ говоритъ г. Фадѣевъ, *другъ друга* понимающихъ на счетъ главныхъ, основ-

ныхъ началъ государства и общества и его идеаловъ; такъ напримѣръ, нѣтъ двухъ людей одинаково понимающихъ отношенія монархическаго начала къ русскому народу, отношенія нашей Церкви къ нашему государству, или задачи народнаго образованія, или значеніе свободы, смыслъ прогресса, и т. п. Такое видимое, озязательное и внезапное разобщеніе въ главныхъ воззрѣніяхъ на основныя начала нашей жизни, г. Фадѣевъ приписываетъ, главнымъ образомъ, тому, что въ самомъ началѣ нынѣшняго двадцатилѣтія высшій слой русскаго общества внезапно и очень быстро разсползся по всѣмъ направленіямъ, и одновременно пересталъ быть въ единеніи съ правительствомъ, и во главѣ какъ народа, такъ и культурныхъ слоевъ общества.

Все это, сколько мнѣ кажется, справедливо.

Но, затѣмъ, далѣе. Вотъ, далѣе, какъ мнѣ кажется твердая-то почва уходитъ изъ подъ ногъ г. Фадѣева. Г. Фадѣевъ хочетъ возсоздать, какъ я говорилъ новое дворянское сословіе, снова его слить съ правительствомъ, снова поставить его во главѣ народа; а для того, чтобы оно могло въ тоже время стоять и во главѣ общества, то есть всѣхъ не стихійныхъ слоевъ, онъ придумываетъ создать, какъ я говорилъ, собственно не дворянское сословіе, а *культурное* сословіе, то есть смѣшанное сословіе, въ которомъ основа будетъ дворянство помѣстное, а составныя части: купцы, ученые, литераторы, чиновники, словомъ, всѣ тѣ, которые будутъ подходить подъ исвѣстный цензъ, имѣющій установиться для этого культурнаго сословія. И этому культурному сословію, г. Фадѣевъ предполагаетъ, *какъ новому* дереву, послѣ посадки и прививки,

дать разростись, окрѣпнуть и развиться въ школѣ земскаго управленія въ уѣздной полиціи въ уѣздѣ.

Здѣсь при всемъ желаніи видѣть что либо послѣдовательное, я не нахожу ничего другаго, кромѣ искуственной комбинаціи. Сопоставляя эту искуственную комбинацію какъ выходъ или, по крайней мѣрѣ, какъ одно изъ средствъ къ выходу изъ того тяжелаго положенія русскаго общества, которое обрисовалъ г. Фадѣевъ такъ умно и мѣтко, съ этимъ самымъ положеніемъ, нельзя не прійти къ заключенію, что между обѣими частями его очерка нѣтъ никакого, или, по крайней мѣрѣ, весьма мало—соотвѣтствія: это несоотвѣтствіе я позволилъ бы себѣ выяснить сравненіемъ: положимъ, человѣкъ тяжко боленъ: въ немъ, при осмотрѣ, открывается порокъ сердца и анемія мозга, развитые настолько, что всѣ функціи жизни разрушены; что бы мы сказали про доктора, который діагностировавъ какъ нельзя вѣрнѣе состояніе больнаго, началъ бы его лечить съ пальцевъ лѣвой или правой ноги.

Процессъ разложенія, совершившійся съ дворянствомъ и констатированный г. Фадѣевымъ, когда бы онъ ни начался, былъ, во всякомъ случаѣ, сколько мнѣ кажется, естественнымъ процессомъ; процессъ же возсозданія этого разложившагося тѣла, предлагаемый г. Фадѣевымъ какъ средство исцѣленія всего государства, есть, сколько мнѣ кажется, крайне искусственный процессъ отъ начала до конца, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи между зломъ и леченіемъ его нѣтъ соотвѣтствія.

Кромѣ того, надо принять въ соображеніе и слѣдующее: г. Фадѣевъ создаетъ новое культурное сословіе, которое должно быть тѣмъ нравственнымъ усто-

емъ, на которомъ все-таки Россія можетъ опять прійти къ равновѣсію и къ правильному движенію впередъ. Но для этого ему нужно, чтобы устоемъ этого культурнаго сословія или устоемъ этого устоя сдѣлалось то самое дворянство, которое какъ сословіе разложилось послѣ 19 февраля 1861 года.

Очевидно, значитъ образованіе культурнаго сословія и его оживленіе поставлены въ зависимость отъ условія почти неосуществимаго; ибо, сколько мнѣ кажется, если дворянство не могло остаться сословіемъ при реформѣ 19 февраля и послѣ нея, то еще труднѣе ему будетъ послѣ разложенія сплотиться вновь въ сферѣ самыхъ разнородныхъ началъ, одинаково ему враждебныхъ. Мало того: сплотиться для того, чтобы сдѣлаться основою культурнаго сословія. Быть устоемъ, основою или закваскою въ сословіи, которое, какъ культурное, по своему составу есть, такъ сказать, тѣсто неудобомѣсимое и неудоборастворимое—чуть ли не труднѣе еще чѣмъ быть просто самостоятельнымъ сословіемъ.

Наконецъ, самое главное: какимъ образомъ г. Фадѣевъ хочетъ дать силу этому, искусственно имъ проектируемому, *культурному сословію?*

Онъ переноситъ его въ провинцію—въ уѣздъ и губернію и предполагаетъ дать этому сословію извѣстныя широкія права власти въ управленіи уѣздомъ; и волею-неволею, долженъ придти къ тому, чтобы прежде всего дать делегатамъ этого культурнаго сословія *права полицейской власти.* Надъ кѣмъ? Разумѣется—надъ крестьянами, а такъ какъ главнымъ элементомъ въ этомъ культурномъ сословіи все же будетъ, по мнѣнію г. Фадѣева, *мѣстное* дворянство, то-есть прежніе помѣ-

щики, то, весьма естественно, противники мыслей г. Фадѣева, могутъ сказать ему: мы видимъ, къ чему клонятся ваши реформаторскія соображенія:—вы хотите вотчинную полицію, или, другими словами, возстановленія крѣпостнаго права.

Таковы, смѣю полагать, тѣ неправильности въ изложеніи г. Фадѣевымъ своихъ выводовъ изъ очерка общаго положенія *Россіи*, которыя, какъ я сказалъ, явились неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того взгляда, которымъ смотритъ г. Фадѣевъ на русское дворянство.

Съ этимъ взглядомъ на дворянство я никакъ не могу согласиться. Мнѣ все кажется, что и самъ г. Фадѣевъ съ своимъ взглядомъ не согласенъ, а дѣлаетъ натяжку, созидая изъ дворянства до 1861 года сословіе для того, чтобы показать какъ 19 февраля 1861 года растворило это сословіе въ массѣ безсословныхъ лицъ.

Было ли русское дворянство когда либо сословіемъ въ томъ или другомъ живомъ смыслѣ?

Очевидно было. Но когда?

Мнѣ кажется, что оно было сословіемъ тогда, когда дворянство составляли бояре: тогда оно составляло исторически сложившееся сословіе съ политическою силою, съ юридическими правами и съ вліяніемъ непосредственнымъ на народъ. Какъ оно пользовалось своими правами и своимъ вліяніемъ, какую роль оно играло въ исторіи—это другой вопросъ. Я здѣсь говорю только о томъ, что дворянство подъ именемъ бояръ было политическимъ сословіемъ въ періодъ московскаго царства до Петра I-го.

Петръ I-й уничтожаетъ дворянство какъ бояръ: они *ему ненавистны* именно потому, что представляютъ со-

бою политическую и народную силу, и вмѣсто бояръ создаетъ дворянство, обязанное государственною службою, и доступъ въ это дворянство открываетъ всякому посредствомъ табели о рангахъ. Забота Петра направлена была въ особенности на умерщвленіе духа, такъ сказать, боярства; для этого онъ создаетъ, новый духъ— духъ чиновничества, которое обязательно поставляетъ въ прямую оппозицію дворянству: чиновничество стало чѣмъ-то въ родѣ многоглавой гидры, которая должна была являться вездѣ, гдѣ дворянству вздумалось бы проявлять свою самостоятельность. Однихъ дворянъ посадили къ дѣламъ государства въ силу чиновническихъ регламентовъ, другая часть дворянства, сильная богатствомъ и связями, вошла тѣломъ и духомъ въ новую область европейской придворно-государственной жизни, и стала жить безконечными интригами и безпредѣльнымъ обаяніемъ придворнаго блеска, третью часть бояръ разослали по деревнямъ. Такимъ образомъ дворянство, какъ боярское сословіе, было при Петрѣ разорвано на мелкіе клочки, и не будучи въ состояніи сложиться въ одно цѣлое, могло сохранить кое-гдѣ отдѣльныхъ носителей боярскаго духа, но сословнаго тѣла и сословной силы получить уже не могло.

Рядъ послѣдующихъ царствованій даетъ въ торжествѣ то одной, то другой дворянской семьи на поприщѣ придворно-государственномъ чувствовать еще нагляднѣе отсутствіе дворянства какъ политическаго цѣлаго, какъ сплоченнаго и съ народомъ объединеннаго сословія. Царствованія эти, такъ сказать, раздразниваютъ аппетитъ къ карьерѣ и къ интригамъ въ отдѣльныхъ дворянскихъ родахъ, и чѣмъ это раздразниваніе аппетитовъ становилось сильнѣе, тѣмъ силь-

нѣе разрываться стало между этими родами временщиковъ и остальнымъ дворянствомъ всякое общеніе, и тѣмъ очевиднѣе въ тоже время было для всѣхъ разъединеніе этихъ личностей съ народомъ.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II совершается для дворянства два крупныхъ событія. Одною стороною своего царствованія она доводитъ придворный блескъ до апогея, и блескъ этотъ въ столицѣ становится до того яркимъ, что все внѣ и вдали отъ этого центра свѣта темнѣетъ; въ этомъ морѣ блеска каждый дворянинъ не только получаетъ право быть, но получаетъ волшебное право достигать самыхъ высшихъ почестей и власти подъ условіемъ обладанія къ тому средствъ; съ другой стороны Екатерина пытается изъ дворянства, владѣющаго землями и крестьянами, сдѣлать юридическое сословіе, и, призвавъ это сословіе къ государственной жизни въ провинціальной администраціи, хочетъ разсадить его на множество должностей, ею созданныхъ.

Что же случилось вслѣдствіе обоихъ событій? Не трудно понять, что изъ двухъ событій, первое почти уничтожило для дворянства значеніе втораго. Глядя, кто въ самой столицѣ, а кто въ глуши провинціи, на быстрыя повышенія не одного, а десятковъ, даже сотенъ людей на службѣ военной, гражданской и придворной въ Петербургѣ, могли ли дворяне довольствоваться своими земскими или судебными, или дворянскими должностями въ губерніи? Петербургъ сіялъ и гремѣлъ славою двора, славою наэлектризованнаго общества, славою гостиныхъ вельможъ и пріемныхъ великихъ людей, и тысячами отголосковъ побѣдъ нашей арміи и чествованій насъ въ Европѣ. Передъ

этою картиною—что могла значить должность земскаго исправника или засѣдателя въ уѣздѣ, или предсѣдателя палаты въ губернскомъ городѣ. Нашлись только кое-гдѣ охотники на должность губернскихъ предводителей дворянства, и то только потому, что эта должность давала доступъ къ Петербургу и къ двору.

Съ той поры по 1858 годъ въ теченіе 70 лѣтъ, дворянство, какъ новое сословіе созданное Императрицею Екатериною II, заявило себя только тѣмъ, что всѣ учрежденія губернскія и уѣздныя, которыя оно призвано было наполнить лучшими изъ своихъ представителей, оно предоставило на произволъ судьбы, и такъ какъ вездѣ на эти должности шли худшіе изъ дворянъ, то въ весьма непродолжительномъ времени, уже въ началѣ царствованія Александра I, вся эта обширная часть мѣстнаго государственнаго управленія, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ стало представлять то жалкое положеніе, которое изобразилъ Гоголь въ „Ревизорѣ", и „Мертвыхъ душахъ", не преувеличивши, а скорѣе смягчивши картины и типы, имъ снятые съ натуры. Общество, которое привѣтствовало въ Чичиковѣ геніальную сатиру, а въ „Ревизорѣ" геніальную комедію, и помирало со смѣху, глядя на каждую изъ его сценъ, было то самое русское дворянство, которое такъ жестоко было осмѣяно въ этихъ произведеніяхъ, и если въ ту эпоху, когда дѣды этого общества, глядя на „Недоросля", не узнавали себя въ этомъ Фонъ-Визинскомъ chef-d'oeuvre, то точно также внуки Фонъ-Визинскаго поколѣнія не узнавали себя ни въ Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ, ни въ Землянникѣ и т. п. Тотъ фактъ, что ни тѣ, ни другіе себя *не узнавали въ* безпощадной сатирѣ своего времени

весьма важенъ, сколько мнѣ кажется, потому, что онъ является однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что дворянство русское какъ сословіе, какъ цѣльная корпорація, какъ политическое тѣло, не существовало. Мнѣ кажется, что если бы оно было сословіемъ, оно бы глядя, на „Ревизора“ и читая „Мертвыя души“, почувствовало бы или укусъ прямо въ сердце, или оплеуху на обѣихъ щекахъ: правда, и то надо сказать, что будь дворянство тѣмъ сословіемъ, какимъ мечтала его создать Екатерина, вѣроятно, ко времени Гоголя, Ляпкины-Тяпкины и т. п. не были бы типами цѣлаго дворянскаго общества; но во всякомъ случаѣ, будь дворянство сословіемъ, и усмотри оно такую на себя сатиру, оно бы встрепенулось, оно бы можетъ быть ужаснулось, и такъ или иначе не посмѣялось бы все-таки надъ собою такъ черезъ чуръ уже добродушно.

Но если дворянство какъ политическое или просто общественное сословіе перестало существовать съ Петра I, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы дворянство не существовало вовсе съ тѣхъ поръ *какъ среда, въ которой рождались носители дворянскаго духа*. Я того мнѣнія, что во весь періодъ времени отъ Петра I до 1861 года, то есть въ теченіе почти 200 лѣтъ, дворянство не только существовало, но господствовало въ Россіи *какъ среда. Сословіе* и *среда представителей дворянскаго духа*, въ примѣненіи къ русскому дворянству, — двѣ вещи розныя. Дворянство, какъ сословіе, существовало *до Петра*, дворянство какъ *среда* стало существовать *послѣ Петра*. Г. Фадѣевъ весьма мѣтко называетъ періодъ нашей исторіи отъ Петра до конца царствованія покойнаго Государя *воспитательнымъ*, въ

томъ смыслѣ, что общество воспитывалось правительствомъ.

Ммѣ кажется, что тотъ-же періодъ можно назвать дворянскимъ, именно потому, что дворянскій духъ въ немъ бралъ верхъ надъ духомъ народнымъ нашей царской Руси, и надъ духомъ чиновничества, созданнаго Петромъ I, не дерзавшаго еще выступить слишкомъ открыто въ бой съ духомъ дворянской среды, какъ это оно сдѣлало послѣ, начиная съ 1860 годовъ, о чемъ я поговорю ниже.

Что это такое за *дворянскій духъ*, въ точности опредѣлить весьма трудно. Въ немъ была смѣсь чисто народныхъ духовныхъ свойствъ, съ европейскими привычками и воззрѣніями. Со времени Петра, всѣ великіе люди Россіи, за немногими исключеніями, являются типомъ носителей этого дворянскаго духа, рѣзко отдѣлявшимися отъ типа носителей не дворянскаго духа. Менщиковъ (несмотря на свое происхожденіе изъ пирожниковъ) и Долгорукіе, Румянцевъ и Разумовскіе, Потемкинъ и Суворовъ, Кутузовъ и Денисъ Давыдовъ, Карамзинъ и Пушкинъ, князь Вяземскій и Тютчевъ, и т. д.,и т. д. — все это представители весьма выразительно высказавшагося русскаго *дворянскаго* духа.

Возьмите нашихъ первокласныхъ писателей Николаевскаго періода, Тургенева и Гончарова; какъ бы они дорого теперь ни дали, чтобы быть одного типа съ Помяловскимъ и Добролюбовымъ, вы ясно и безошибочно видите въ каждой буквѣ обоихъ *русскій дворянскій духъ*.

Государственные люди занимались политикою въ этомъ *дворянскомъ* духѣ, писатели и поэты писали въ этомъ *дворянскомъ* духѣ, представители арміи дышали

этимъ *дворянскимъ* духомъ, школы воспитывались въ этомъ *дворянскомъ* духѣ, государи управляли въ этомъ *дворянскомъ* духѣ. Вездѣ вы видите слѣды этого духа, эту небрежность и неряшество въ подробностяхъ, эту громадность, смѣлость и цѣльность въ приступѣ къ дѣлу и въ главныхъ его чертахъ, эту благородную отвагу и ни чѣмъ неудержимую рѣшимость послѣдней минуты, эту лѣнь и нѣгу въ соединіи съ поразительнымъ вниманіемъ и умѣньемъ ловить оттѣнки, эту гордость и чувство своего національнаго достоинства, словомъ, духъ этотъ, какъ я сказалъ, проявлялся вездѣ и принималъ тысячи оттѣнковъ.

Вамъ скажутъ, что всѣ эти черты—принадлежность русскаго характера, а не дворянскаго духа. Я съ этимъ несогласенъ. Цѣльнаго русскаго народнаго духа—дворянскій духъ послѣ Петра въ себѣ не имѣлъ; стоитъ только припомнить, что напримѣръ, общенія со своею Церковью, которая есть главная духовная основа жизни русскаго народа,—русскій дворянинъ, начиная съ Петра не представляетъ въ своей духовной жизни, и въ ту пору, когда православію на западѣ Россіи угрожало порабощеніе, надо припомнить, что дворяне русскіе не только ничего не сдѣлали въ пользу Церкви, но какъ будто все сдѣлали, чтобы этому порабощерію помочь, а народъ русскій—на оборотъ, самъ, своею одинокою духовною силою, ему помѣшалъ и спасъ православіе (и русскую народность) на западѣ...

Въ этомъ разобщеніи *дворянскаго духа* съ духомъ Церкви, виноваты не столько дворяне, сколько событія нашей по-петровской Руси. Когда Петръ раскрошилъ *сословіе* русскихъ бояръ, и всѣ эти крошки раз-

бросалъ на вѣтеръ, онъ тѣмъ самымъ разорвалъ и корпоративную связь тогдашняго дворянства съ народомъ, а, слѣдовательно, и съ Церковью. Съ той поры цивилизація запада, какъ духъ, замѣнила для русскихъ дворянъ духъ общенія ихъ прежняго съ народомъ и Церковью, и если принять въ соображеніе, что со времени Петра безпрерывно тянется періодъ исторіи, гдѣ русская Церковь, послѣ удара, нанесеннаго ей Петромъ, все болѣе и болѣе перестаетъ быть существенною частью государственной нашей жизни, и все болѣе и болѣе дѣлается оффиціальною и декоративною ея частью, то остается только быть признательными русскимъ дворянамъ за то, что они не создали своей собственной обще-европейской вѣры...

Но я возвращаюсь къ предмету: письмо затягивается.

Чтобъ точнѣе выразить, въ чемъ именно заключалась одна изъ особенностей дворянскаго духа, я не ошибусь, кажется мнѣ, если прибѣгну къ простому слову: *патріотизмъ*. *Патріотизмъ* и *дворянскій духъ* въ то время были почти синонимы. Патріотизмъ этотъ въ обыкновенное время производилъ то, напримѣръ, что государственное дѣло вообще, то есть то, что римляне называли res publica, входило въ частную или семейную жизнь каждаго и сливалось съ нею; въ необыкновенное же время этотъ же патріотизмъ или дворянскій духъ рождалъ и великихъ людей, и великіе подвиги. Мы останавливаемся, напримѣръ, съ благоговѣйнымъ изумленіемъ передъ рядомъ подвиговъ севастопольскихъ героевъ. Откуда начало, гдѣ источникъ этого изумительнаго героизма не минуты, а 7500 часовъ *къ ряду?* Изъ той горсти моряковъ, изъ ко-

торой вышли Нахимовъ и Корниловъ, я вамъ отвѣчу. А откуда вышла эта горсть? Изъ дворянскихъ гнѣздъ костромской и ярославской губерній. И отцы у нихъ были такіе, и дѣды были такіе. Это дворянскій русскій духъ, перенесенный изъ дворянской усадьбы на севастопольскій бастіонъ—больше ничего. А эпопея 12-го года? Сколько тысячъ подвиговъ, гдѣ проявлялся тотъ же дворянскій духъ. Николаевское царствованіе еще такъ свѣжо, что мы именно въ немъ можемъ провѣрить, насколько дѣйствительно былъ живымъ дворянскій духъ и на сколько разнообразны были его проявленія. Правда, свобода слова и свобода дѣйствій не были въ ходу въ то время, но сколько разъ въ эту эпоху приходилось тому или другому министру вздрагивать отъ *чувствъ*, при полученіи того или другого извѣстія о Россіи; тѣ же нервы, которые у нихъ приходили въ содроганіе отъ болѣзни сына, отъ смерти жены, приходили совершенно одинаково въ содраганіе отъ иныхъ событій, въ Россіи совершавшихся: двухъ нервныхъ аппаратовъ, одного для жизни, а другого для Россіи — у нихъ не было; и сколько кипѣло, волновалось, выходило изъ себя (правда урывками и вспышками, но все же кипѣло) душъ подъ военнымъ или гражданскимъ одѣяніемъ, отъ *иныхъ изъ бумагъ* о Россіи. Канцелярскіе порядки и пріемы были и тогда мертвы и сложны, но пріемы людей стоявшихъ надъ канцеляріями бывали и энергичны, и широки, и размашисты, и почти всегда благородны. Всякое давленіе, всякое стѣсненіе производилось открыто. Въ конгрегаціи государственныхъ людей царствовалъ какой то духъ служенія идеѣ, служе*нія какому то* идеалу; чувствовалось, что государствен-

ный человѣкъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, любилъ эту живую идею, этотъ живой идеалъ болѣе самаго себя, или по крайней мѣрѣ столько же, сколько самаго себя. Учебныя заведенія давали много неучей, это правда, но эти неучи были честны, добродушны, любили свою семью, своего Царя, свое отечество, своего Бога; по выходѣ изъ школы, они тотчасъ находили въ жизни мѣсто, и съ сердцемъ, полнымъ завѣтными чувствами, принимались за дѣло бодро, весело и честно! Вступая въ полки, эти юные русскіе находили тамъ духъ русской арміи, духъ этотъ сейчасъ же роднился съ духомъ ихъ существа, и изъ этого слiянія выходилъ честный дворянскій духъ русскаго офицера, а изъ этого офицера выходилъ севастополецъ. И такихъ севастопольцевъ созидалось сотни и тысячи.

А на ряду съ этимъ возьмите самую характеристичную особенность Николаевскаго времени. Никогда великосвѣтскія гостинныя Петербурга и Москвы не были такъ полны русскими людьми, говорившими обо всемъ смѣло, свободно и благородно, какъ въ ту пору, когда мысль и слово съ злорадствомъ стѣснялись чиновниками. Эта смѣлость, это благородство въ разговорахъ была черта, выражавшая жизненную силу дворянскаго духа.

Всѣ эти люди Николаевской эпохи, за немногими исключеніями, были носители дворянскаго духа.

Чиновничество гораздо болѣе ненавидѣло дворянскій духъ чѣмъ дворянство — чиновническій; дворянскій духъ для чиновничества былъ тоже, что молитва для сатаны. Есть лица, которыя не вѣрятъ въ это существованіе духа чиновничества. Какъ нарочно, тоже царствованіе *Николая I-го* и тотъ же Севастополь по-

ставили рядомъ представителей этихъ двухъ ненавистныхъ одно другому началъ; *дворянскій духъ* держалъ солдатъ Севастополя одиннадцать мѣсяцевъ подъ огнемъ четырехъ армій; чиновническій духъ морилъ севастопольцевъ голодомъ, обкрадывалъ даже больныхъ и держалъ всю Россію подъ позоромъ баснословныхъ грабежей и кражъ! И ужъ за то ненавидѣли же севастопольцы чиновничество, отличающееся отъ дворянства тѣмъ, что дворянину Россія присуща и входитъ въ его жизнь, тогда какъ для чиновника она существуетъ какъ бумага—*внѣ* его существа.

Но самымъ поразительнымъ проявленіемъ борьбы этихъ двухъ силъ долженъ былъ быть подготовительный періодъ къ рѣшенію крестьянскаго вопроса.

Объ этомъ въ слѣдующемъ письмѣ.

V.

Бой на смерть чиновника съ дворяниномъ.

Надъ минутами, когда зарождалось, росло, зрѣло и созрѣвало дѣло освобожденія крестьянъ, историку будущаго придется много сидѣть и много думать, ибо врядъ-ли въ исторіи политическаго образованія европейскихъ народовъ найдется эпоха, столь мудреная къ уясненію и приведенію, такъ сказать, въ порядокъ, какъ эпоха крестьянскаго вопроса у насъ—по разнообразію элементовъ, вошедшихъ въ міръ дѣятелей этого великаго событія.

Въ одномъ письмѣ справиться съ этою задачею немыслимо, и если я дерзаю приступать къ столь трудному вопросу, каковымъ является вопросъ о духовной или внутренней сторонѣ крестьянскаго дѣла, то впередъ прошу къ себѣ снисхожденія у читателей, и предупреждаю ихъ, что я намѣренъ только намѣтить здѣсь тѣ главныя черты, которыя должны служить къ поясненію моего тезиса: доказать какъ крестьянская реформа послужила средствомъ духу чиновничества,

одержать окончательную побѣду надъ дворянскимъ духомъ, и чрезъ эту побѣду проложить путь къ новой, такъ сказать, эпохѣ, въ исторіи политической жизни Россіи.

Едва только пронеслось въ воздухѣ первое, такъ сказать, дыханіе крестьянскаго вопроса, какъ, весьма понятно, онъ сталъ достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей въ Россіи: всѣ захотѣли быть дѣятелями и мыслителями въ этомъ вопросѣ: всѣ, начиная отъ людей правительства и кончая людьми науки. Русская жизнь вытѣснила съ умственныхъ рынковъ всѣ другіе вопросы, и крестьянскій занялъ все мѣсто. Столь естественное явленіе имѣло и полезныя послѣдствія, и значительныя неудобства. Полезная сторона заключалась во-первыхъ, въ возможности разрабатывать вопросъ не только правительственными, но и общественными силами, а во-вторыхъ—въ томъ патріотическомъ настроеніи, которое овладѣло всѣмъ обществомъ вслѣдствіе сознанія жизненной важности крестьянскаго вопроса. Неудобство заключалось въ томъ, что неизбѣжно за обращеніе и няньчаніе съ этимъ вопросомъ взялись представители всѣхъ возможныхъ образовъ мыслей и воззрѣній на вопросъ, и судьба его съ самаго начала поставлена была въ зависимость отъ того, кто возьметъ верхъ: *правомыслящіе* или *кривомыслящіе*.

Очень скоро, то есть въ минуту зарожденія крестьянскаго вопроса, довольно наглядно обрисовались главныя группы мыслителей и дѣятелей по этому вопросу. Я позволю себѣ прямо даже опредѣлить ихъ цифру. Главныхъ групъ было пять. Во-первыхъ, группа *чиновниковъ*, безусловно враждебная *дворянскому духу*, какъ представителю начала внутренней, духовной связи съ

правительствомъ и народомъ, связи внѣ табели о рангахъ, связи исторической и, такъ сказать, самобытной. Во-вторыхъ, группа *европейскихъ идеалистовъ и теоретиковъ,* которыя гораздо ближе знали новый строй европейской политической жизни, чѣмъ Россію съ ея народнымъ бытомъ и ея исторіею, и для которыхъ политическіе идеалы запада и политическія его теоремы и аксіомы имѣли гораздо болѣе смысла и обязательной силы, чѣмъ смутно сознаваемые идеалы русской народной жизни. Большинство этихъ лицъ были добросовѣстные, чистые и честные люди, но и они, подступая къ крестьянскому вопросу, съ жаромъ человѣколюбія и любви къ своей мало имъ извѣстной родинѣ, склонны были скорѣе не сочувствовать русскому дворянству, чѣмъ сочувствовать, ибо это несочувствіе они могли оправдывать великимъ фактомъ разрушенія феодальной Европы подъ ударами безсословной революціи 93 года. Третья группа была еще чище и еще честнѣе второй. Это была маленькая группа славянофиловъ и ихъ сателитовъ, которые въ возбужденіи крестьянскаго вопроса привѣтствовали зарю возвращенія Россіи къ старой, народной, всесословной и земской Руси, а съ другой стороны предчувствовали въ освобожденіи крестьянъ ту новую силу, которая рано или поздно должна была сдѣлать изъ Россіи дѣйствительно живой, славянскій колоссъ. Но болѣе, чѣмъ вторая группа, эта третья группа мыслителей должна была съ недовѣріемъ глядѣть на русское дворянство въ томъ духѣ, въ какомъ оно стало жить со времени Петра I-го, и видѣть въ немъ если не прямое, то все же косвенное препятствіе къ осуществленію идеала безсословной, народной, земской Россіи, въ томъ случаѣ, если дворянство

въ видѣ помѣщиковъ стало бы слишкомъ близко къ крестьянскому дѣлу. *Четвертая* группа была группа представителей не образа мыслей, а осколковъ мыслей, то здѣсь, то тамъ подобранныхъ, духовныхъ бродягъ, которые въ крестьянскомъ вопросѣ видѣли возможность произвести переворотъ, безъ всякой заботы о конечной цѣли, безъ всякой мысли о благѣ Россіи: эта группа людей похожа была на уличныхъ любителей скандаловъ, которымъ все равно, что изъ скандала можетъ выйдти, лишь бы онъ былъ. Само собою разумѣется, что для этой группы людей всякое представленіе о дворянствѣ было ненавистно потому, что такъ или иначе оно сливалось въ ихъ головѣ съ представленіемъ Россіи старой, Россіи стараго порядка. Наконецъ, пятую группу представляло собою *дворянство*, дворянство помѣщичье, призванное играть главную роль въ крестьянскомъ вопросѣ.

Самымъ естественнымъ образомъ должно было произойти раздѣленіе этихъ пяти группъ на двѣ главныя.

Первыя четыре, какъ болѣе или менѣе анти-дворянскія должны были слиться въ одно; дворяне-помѣщики должны были составить другую партію, и, само собою, прежде чѣмъ началось разрѣшеніе самаго вопроса, дворянство взглянуло съ недовѣріемъ на тѣ четыре партіи, которыя, въ свою очередь, взглянули съ недовѣріемъ на дворянство.

Но могли-ли эти четыре, по духу весьма неродственныя другъ съ другомъ партіи, оставаться въ сознательномъ единеніи? Общаго у нихъ было только недовѣріе къ дворянству; во всемъ остальномъ они расходились въ началахъ и въ оттѣнкахъ духовнаго міра. Объединеніе было возможно при одномъ условіи:

одна партія сильнѣйшая должна была проглотить слабѣйшія. Это-то и случилось. Группа чиновниковъ и группа бродягъ—какъ ненавидѣвшія дворянскій духъ—гораздо сильнѣе партіи западниковъ и партіи славянофиловъ, поглотили эти обѣ партіи въ себѣ. Процессъ этого поглощенія былъ очень простъ и понятенъ. Чиновники, говорившіе съ напускнымъ жаромъ о любви къ народу и къ крестьянамъ, не могли не быть сочувственно приняты и западниками-идеологами, и добродушными славянофилами, а такъ какъ, кромѣ напускной любви къ народу, у этихъ чиновниковъ были въ распоряженіи чернила, перья и бумага канцелярій, и эта сила могла вести далеко, то, весьма естественно. чиновники могли завладѣть добродушными идеалистами, которые не знали ни одной тайны канцелярскаго чудотворства. Съ другой стороны являлись тѣ, которыхъ я назвалъ умственными бродягами; у нихъ жаръ любви къ перевороту не былъ напускной, а искренній; это были люди, у которыхъ, за неимѣніемъ царя въ головѣ, была способность толковать и писать о прогрессѣ въ какомъ угодно тонѣ и на какой угодно ладъ, лишь бы запахъ оставался запахомъ прогресса, запахомъ переворота. Сдѣлаться союзниками и учениками чиновниковъ имъ ничего не стоило; съ одного разбѣга они дѣлались сегодня столоначальниками, завтра литераторами; это была, такъ сказать, ходячая, мелкая монета въ распоряженіи чиновниковъ новой Россіи, и, слившись во едино съ этими чиновниками, они вмѣстѣ съ ними поглотили въ себѣ и идеологовъ запада, и славянофиловъ. Обѣ эти группы говорили про чиновниковъ: у нихъ сила, умѣнье, ловкость, навыкъ,

у насъ убѣжденія,—пойдемъ за ними, они проведутъ наши убѣжденія.

Но разсчетъ былъ не совсѣмъ вѣренъ. Чиновники провели многое изъ ихъ убѣжденій, это правда: но многаго и не провели, а замѣнили дѣлами своего собственнаго духа.

Такъ въ главныхъ чертахъ обрисовалась среда, которая занялась крестьянскимъ вопросомъ одновременно съ высшимъ правительствомъ и одновременно съ дворянствомъ. На правительствѣ высшемъ легъ почипъ дѣла и легла разработка главныхъ его основъ: на средѣ чиновниковъ, поглотившей въ себѣ представителей науки и самостоятельныхъ политическихъ убѣжденій, легла канцелярская или редакціонная работа: на дворянствѣ легли сотрудничество съ высшимъ правительствомъ, а потомъ долгъ подчиненія утвержденному новому порядку вещей.

И вотъ образовываются въ политической сферѣ той эпохи два *теченія*: одно теченіе—вызванное заботою о *крестьянскомъ вопросѣ*, другое теченіе—вызванное *двойною* заботою: *освободить крестьянъ* и *уничтожить дворянство, какъ политическую силу*.

Первое теченіе мыслей о крестьянскомъ вопросѣ образовалось на самомъ верху общества и въ государственныхъ его сферахъ; оно получило начало въ мысли главы государства, и, слившись съ мыслями многихъ другихъ лицъ, образовало теченіе или направленіе вокругъ главы государства; сущностью этого теченія было царское желаніе освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Мысль эта была, прежде всего безпристрастна; ея исходное начало была увѣренность, что дворяне-помѣщики, при первомъ словѣ свер-

ху о своевременности этого дѣла, совершатъ его такъ, какъ царь имъ укажетъ. Другой мысли въ этомъ направленіи скрыто не было, и начиная съ царскихъ словъ, сказанныхъ въ Москвѣ въ 1856 году русскому дворянству, и кончая манифестомъ 19 февраля 1861 года, главная нота въ отношеніяхъ царской мысли къ русскому дворянству оставалась неизмѣнно безпристрастною: довѣріе къ нему было исходнымъ началомъ, крестьянское и отечественное благо было цѣлью дѣла!

Но далеко не тоже самое происходило въ томъ мірѣ идеологовъ-чиновниковъ, которому пришлось быть бумажнымъ и чернильнымъ дѣятелемъ въ крестьянскомъ вопросѣ. Здѣсь развивалась совсѣмъ иная забота; здѣсь поставлялись, къ сожалѣнію, впереди не одна, а двѣ цѣли: и настолько, насколько на верху весь духовный міръ былъ свѣтелъ и безпристрастенъ, настолько въ чиновничьемъ духовномъ мірѣ обращеніе съ крестьянскимъ вопросомъ явилось *страстнымъ и неискреннимъ*. Одною изъ заботъ здѣсь, какъ я сказалъ, было—сдѣлать изъ крестьянскаго вопроса оружіе противъ дворянства; исходя изъ этой заботы, нѣкоторые умы чиновничьяго міра поставили себѣ немедленно задачею: не только не дать дворянству завладѣть вопросомъ, но показать враждебныя отношенія дворянства къ вопросу настолько, чтобы на разрѣшеніе крестьянскаго дѣла могло вліять предубѣжденіе противъ дворянства и недовѣріе къ нему.

Когда крестьянскій вопросъ изъ области неопредѣленныхъ къ нему правительственныхъ стремленій перешелъ въ область государственнаго вопроса, подлежащаго разрѣшенію, обнаружились на поверхности общества *разныя весьма* любопытныя проявленія, и рѣз-

ко уже обозначилось то раздвоеніе, о которомъ я говорю: явилась такъ сказать *верхняя* лабораторія для этого вопроса, а внизу *нижняя* кухня.

Въ верхней лабораторіи было стремленіе крестьянскій вопросъ вести вмѣстѣ съ дворянствомъ: въ нижней кухнѣ было стремленіе—оттѣснить отъ него дворянство.

Но что дѣлало само дворянство? Первымъ весьма любопытнымъ явленіемъ на поверхности общества было положеніе, принятое помѣщичьимъ дворянствомъ относительно крестьянскаго вопроса. Въ каждой губерніи дворянство, въ первый разъ со времени его образованія въ сословіе Екатериною II, представило что-то въ родѣ *сословія* по духу и по тѣлу.

Вопросъ предложенъ былъ такъ сказать на обсужденіе дворянства, и дворянство, несмотря на то, что въ каждой губерніи образовалась партія анти-либеральная или крѣпостническая, высказалось за освобожденіе крестьянъ, сперва робко, неумѣло, осторожно, но потомъ, когда образованы были губернскіе комитеты спеціально для выработки проектовъ крестьянской реформы, настолько твердо, сочувственно, и настолько энергично, что побудило, такъ сказать, правительство отъ первой мысли освободить крестьянъ съ одною усадьбою, и отъ второй мысли предоставить на разрѣшеніе вопроса извѣстный срокъ для полюбовныхъ соглашеній крестьянъ съ помѣщиками—прямо перейти къ вопросу о выкупѣ съ надѣломъ.

Въ средѣ дворянства, одни этого выкупа желали, какъ средства поскорѣе развязаться съ томившимъ ихъ *своею неопредѣленностью* крестьянскимъ вопросомъ,

другіе этого исхода желали изъ чисто либеральнаго патріотизма.

На верху, то есть въ высшихъ правительственныхъ сферахъ—патріотическая готовность дворянъ, не только какъ помѣщиковъ, но какъ сословія идти, такъ сказать, на встрѣчу желаніямъ правительству, была принята съ глубокимъ сочувствіемъ, и являлась поводомъ къ усиленію политическаго довѣрія къ дворянству...

Такимъ образомъ была минута, когда не только дворянскій духъ, господствовавшій въ политической жизни прежнихъ царствованій получалъ снова свою жизненную силу, но когда изъ этихъ разрозненныхъ и разъединенныхъ помѣщиковъ-дворянъ могло дѣйствительно образоваться подъ вліяніемъ необыкновенно сильнаго патріотическаго толчка, что-то, какъ я сказалъ, въ родѣ политическаго сословія. Обрисовывалась въ туманѣ картина такая: дворянство выработаетъ по губерніямъ проекты освобожденія крестьянъ, выборные отъ губерніи призваны будутъ эти проекты сводить въ одинъ общій проектъ; этотъ общій проектъ поступитъ на законодательное утвержденіе въ видѣ двухъ частей: одной общей для всѣхъ губерній, другой мѣстной для каждой губерніи отдѣльно; затѣмъ, когда проектъ будетъ утвержденъ, на дворянство же будетъ возложено приведеніе его въ исполненіе вмѣстѣ съ мѣстными правительственными властями, и затѣмъ вся полицейская часть вопроса будетъ предоставлена въ полное завѣдываніе дворянства. Такимъ образомъ крестьяне получили бы усадьбу, надѣлы и свободу, а помѣщики сохранили бы права вотчинной

полиціи въ уѣздѣ *). Такова была картина одно мгновенье мелькнувшая, такъ сказать, на туманномъ фонѣ политическаго горизонта и создавшаяся подъ вліяніемъ другой картины, представлявшей дворянство по губерніямъ въ видѣ чего-то сплоченнаго и солидарнаго, и слѣдовательно въ видѣ чего-то серьезнаго.

Но картина эта, какъ я сказалъ, мелькнула только на одно мгновенье.

Чиновники, идеалисты запада, славянофилы и умственные бродяги, все слилось въ одну несокрушимую, ненавистью къ дворянству проникнутую *волю*. Мысль, что крестьянское дѣло принимаетъ оборотъ, который можетъ дать дворянскому духу не только прежнюю нравственную силу, но и тѣло въ видѣ политически объединеннаго сословія, тѣсно соединеннаго патріотическими чувствами съ правительствомъ, мысль эта наполнила канцелярскій міръ дѣятелей крестьянскаго вопроса ужасомъ. Ужасъ этотъ произвелъ рѣшимость *все сдѣлать*, чтобы осуществленіе этой возможной картины было невозможно.

И вотъ усиленная работа нижней кухни произвела на свѣтъ слѣдующія мысли: *во-первыхъ*, объ опасности

*) Напоминаю читателямъ, что я пишу здѣсь историческій очеркъ,—для того, чтобы они не могли меня заподозрить въ сочувствіи къ мысли о предоставленіи дворянству вотчинной полиціи въ то время и теперь. Зная, что это право вотчинной полиціи на практикѣ перешло бы изъ рукъ образованныхъ людей, каковыми можно считать большинство помѣщиковъ, въ руки безграмотныхъ и грубыхъ писарей, прикащиковъ и конторщиковъ, я не могу сочувствовать этой мысли. Дворянству не правъ вотчинной полиціи было нужно для пріобрѣтенія политической силы, а нравственнаго вліянія на народъ—посредствомъ *сожитія* съ нимъ.

предоставить какіе либо вопросы въ проектѣ реформы мѣстному разрѣшенію въ виду того, что эти мѣстно разрѣшаемые вопросы могутъ повредить общимъ частямъ проекта и вызвать крестьянскіе смуты, и о необходимости вслѣдствіе этого не вводить въ проектъ реформы какихъ нибудь вопросовъ, предоставляемыхъ мѣстному разрѣшенію.

Во-вторыхъ, о неудобствѣ слишкомъ точнаго соображенія съ трудами по крестьянскому вопросу мѣстныхъ губернскихъ дворянскихъ комитетовъ, такъ какъ всѣ эти работы проникнуты *дворянскою* тенденціозностью, и, болѣе или менѣе, составлены въ ущербъ крестьянскимъ интересамъ.

Въ-третьихъ, о неполитичности вообще принципа дворянскаго сотрудничества въ правительственномъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, такъ какъ изъ принципа этого сотрудничества можетъ возникнуть и укорениться въ народѣ мысль о вліяніи дворянства на правительство; таковая мысль, при *враждебномъ настроеніи* крестьянъ къ помѣщикамъ, можетъ уронить авторитетъ правительства въ глазахъ народа.

Въ-четвертыхъ, о необходимости, въ виду этихъ соображеній и съ цѣлью охранить правительственные политическіе интересы — составить одинъ правительственный общій для всей Россіи проектъ освобожденія крестьянъ, съ принятіемъ за основное начало правительственной политики въ этомъ вопросѣ—*начало исключительнаго правительственнаго почина*.

Въ-пятыхъ, о безусловной необходимости отстранять всякія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, съ тѣмъ, чтобы крестьяне управлялись сами, а полиція въ уѣздѣ ни въ какомъ случаѣ не могла принад-

лежать въ какомъ бы то ни было отношеніи, мѣстному дворянству. Мысль эта подкрѣплялась слѣдующими двумя мыслями: мыслью опять-таки о враждебномъ настроеніи крестьянъ къ помѣщикамъ, вслѣдствіе которой неминуемо грозила бы опасность страшныхъ безпорядковъ отъ малѣйшаго вмѣшательства дворянъ въ крестьянское дѣло, и мыслью о враждебномъ будто бы настроеніи дворянства къ правительству, которое, если бы полицейская власть надъ крестьянами сохранена была за помѣщиками, неминуемо повлекло бы за собою вліяніе дворянства на крестьянъ въ духѣ анти-правительственномъ.

Таковы были главныя мысли, родившіяся въ мірѣ дворянофобовъ крестьянскаго вопроса, и пущенныя въ ходъ по всѣмъ направленіямъ государственной сферы.

Само собою разумѣется, что всѣ эти мысли заключали въ себѣ противорѣчіе правдѣ и дѣйствительности; антагонизма между крестьянами и помѣщиками, какъ общаго настроенія крестьянскихъ массъ, не существовало ни прежде, ни во время крестьянской реформы: этотъ антагонизмъ не въ духѣ русскаго народа... Чтобы придать мысли объ этомъ антагонизмѣ вѣроятіе и силу опасности для государства, отдѣльные факты дурныхъ отношеній крестьянъ къ дурнымъ помѣщикамъ (которые были въ огромномъ меньшинствѣ) были подобраны и возведены въ общіе и повсемѣстные факты. Что же касается отношеній дворянства къ правительству, будто бы не благонамѣренныхъ, то нелѣпость этого заявленія была слишкомъ очевидна: но при искусственномъ созиданіи разныхъ *опасностей* въ области воздушныхъ картинъ, и эта не-

лѣпая мысль, при извѣстномъ настроеніи, могла явиться въ видѣ угрожающаго фантома.

Какъ бы то ни было, но политика созиданія этихъ угрожающихъ фантомовъ была нужна для захвата чиновниками въ свои руки крестьянскаго вопроса и, пущенная въ ходъ, она имѣла весьма важныя послѣдствія.

Эти послѣдствія были слѣдующія:

Во-первыхъ, крестьянскій вопросъ пересталъ быть дворянскимъ вопросомъ, онъ пересталъ быть въ *широкомъ* смыслѣ и государственнымъ: онъ сдѣлался главнымъ образомъ *канцелярскимъ* или *чиновническимъ*: центръ тяжести изъ широкой сферы совѣщаній со всѣми государственными людьми, перешелъ въ узкую сферу нѣсколькихъ дѣятелей, гдѣ на ряду съ людьми честно преданными дѣлу, усѣлись и взяли верхъ люди съ черезъ-чуръ безсословными воззрѣніями на вопросъ: этого-то, главнымъ образомъ, добивались изобрѣтатели лжи и клеветы на счетъ крестьянскихъ и дворянскихъ чувствъ.

Во-вторыхъ, недовѣріе къ дворянамъ помѣщикамъ стало общественнымъ мнѣніемъ.

Въ-третьихъ, по перенесеніи всѣхъ работъ по крестьянскому вопросу изъ губернскихъ въ центральный комитетъ, чиновническое воззрѣніе на дворянство стало не только главнымъ руководительнымъ началомъ, но стало *духомъ* эпохи вообще, что весьма понятно, ибо разъ какъ чиновникамъ удалось возбудить подозрѣніе противъ тѣхъ лицъ, или противъ того сословія, которое одно въ состояніи было, по своему образованію и по своимъ отношеніямъ къ народу, стоять у дѣлъ и содѣйствовать великимъ цѣлямъ Главы госу-

дарства,—они же, эти чиновники, удаляя дворянъ отъ одной реформы, удаляли ихъ и отъ всѣхъ другихъ послѣдующихъ реформъ, и на мѣсто дворянъ предлагали и ставили себя, какъ преданныхъ правительству болѣе, чѣмъ дворяне.

Такимъ образомъ, дворянскій духъ въ политической жизни Россіи, который существовалъ съ Петра I-го, незамѣтно сходилъ со сцены и уступалъ свое мѣсто своему антиподу, духу чиновничества, созданнаго Петромъ Великимъ, для борьбы съ духомъ русскаго боярства.

Доказательствомъ этого полнаго торжества духа чиновника надъ духомъ дворянскимъ явилось то разобщенное съ дѣятелями крестьянскаго вопроса положеніе, въ которомъ находились помѣщики съ 1859 г. по 1861-й годъ, и то оторванное отъ народа положеніе въ которомъ они очутились послѣ 19 февраля 1861 года. Осуществляя величайшія изъ благъ для народа—свободу, обезпеченную землею, эта же реформа вводила въ народъ *два* совершенно искусственныя *начала*: начало розни и взаимнаго недовѣрія между крестьянами и помѣщиками, и начало мнимаго, дутаго крестьянскаго самоуправленія, какъ органическую-де принадлежность свободы.

Всякій, кто знаетъ русскаго мужика и русскую жизнь, кто наблюдалъ на мѣстѣ жизнь его въ эти послѣдніе 15 лѣтъ, долженъ прійти къ грустному признанію той истины, что не будь этихъ двухъ началъ въ крестьянской реформѣ, крестьянское благосостояніе сдѣлало бы исполинскіе шаги на пути не только матеріальнаго, но и духовнаго развитія, и, кто знаетъ, можетъ быть въ настоящее время мы бы имѣли дѣй-

ствительно что-то въ родѣ дворянскаго помѣщичьяго сословія, какъ результатъ мирнаго и на взаимномъ довѣріи основаннаго сожитія крестьянъ съ помѣщиками!

Но пора вернуться къ дворянству. Г. Фадѣевъ въ своемъ изслѣдованіи говоритъ, между прочимъ, что дворянство, въ виду несомнѣнныхъ признаковъ недовѣрія къ нему, пало, такъ сказать, духомъ и отдалилось, болѣе чѣмъ когда либо, отъ всякой политической роли, а когда вслѣдъ за крестьянскою реформою пришла и земская, которая была по духу продолженіемъ крестьянской въ смыслѣ враждебномъ дворянству, то большая часть дворянъ бросила свои имѣнія и разбрелась жить вездѣ, только не въ своихъ имѣніяхъ.

Съ этою какъ будто попыткою оправдать дворянское сословіе помѣщиковъ въ своемъ равнодушіи къ государственному дѣлу трудно согласиться.

Для поясненія моихъ мыслей, я вернусь къ 1858 году. Я сказалъ, что собранное въ дворянскіе комитеты по губерніямъ для разработки крестьянскаго вопроса дворянство въ первый разъ въ нашей новой исторіи явилось чѣмъ-то въ родѣ политическаго сословія. И дѣйствительно, всякій изъ дворянъ-помѣщиковъ въ то время, кто только могъ, счелъ себя обязаннымъ явиться въ свой губернскій городъ для обсужденія крестьянскаго вопроса. Дворянство соединилось въ совѣщательное учрежденіе. Важность вопроса была соединительнымъ, такъ сказать, началомъ. Различіе мнѣній явилось причиною оживленія этихъ собраній. Однимъ словомъ, всякій почувствовалъ, что

дворянство въ губерніи есть нѣчто живое, способное къ соединенію себя въ сословіе.

Но со дня закрытія губернскаго комитета, дворянство это какъ сословіе, вдругъ улетучилось, и улетучилось такъ скоро, что не могло даже почувствовать той обиды, о которой говоритъ г. Фадѣевъ, и которую я называю побѣдою чиновническаго духа надъ *дворянскимъ* въ сферахъ нашей политической жизни. Тѣ, которые помнятъ то время, помнятъ очень хорошо и то, что дворяне эти не то, что обидѣлись на кого бы то ни было или чѣмъ бы то ни было, а просто послѣ послѣдняго засѣданія у себя въ губернскихъ городахъ убѣжали, усталые и утративши сословную энергію духа; ее, то-есть этой энергіи сословнаго духа, хватило какъ будто ровно на столько, на сколько длились засѣданія губернскихъ крестьяскихъ комитетовъ.

Г. Фадѣевъ говоритъ, что дворянство обидѣлось. Нѣтъ, говорю я, въ ту пору, когда началось, видимо для всѣхъ, царство чиновническихъ идей въ Петербургѣ, и это царство вторглось и въ область крестьянскаго вопроса, въ ту пору некому уже было обижаться, ибо дворянства, какъ сословія уже не было. Чтобъ почувствовать обиду, надо было, чтобы дворянство, болѣе чѣмъ когда либо, было сплочено въ единое духомъ и тѣломъ сословіе, а тамъ, гдѣ не было сословія, тамъ сословной обиды не могло быть ни нанесено, ни почувствовано. Въ томъ-то вся бѣда нашего нынѣшняго безъисходнаго положенія, что ни тогда, ни послѣ дворянство не могло обижаться, какъ сословіе, ибо его не было; а все, что говоритъ г. Фадѣевъ о покинувшихъ свои имѣнія и дѣла *общественныя* дворянахъ, можетъ относиться къ нѣсколь-

кимъ помѣщикамъ, но никакъ не къ сословію, и число покинувшихъ свои имѣнія изъ-за реформъ нынѣшняго времени, во всякомъ случаѣ несравненно менѣе того громаднаго количества русскихъ дворянъ-помѣщиковъ, которые покидали свои имѣнія и послѣ 1861 года, не вслѣдствіе политическихъ какихъ либо мыслей, а изъ преемственнаго изъ рода въ родъ равнодушія къ своимъ и чужимъ дѣламъ.

И такъ, дворяне-помѣщики, какъ только кончились засѣданія губернскихъ комитетовъ, разъѣхались и болѣе не собирались. Въ этомъ главная роковая и навѣки неисправимая ошибка дворянъ-помѣщиковъ, если только можно назвать ошибкою почти естественную неспособность нашихъ дворянъ-помѣщиковъ быть долго соединенными во имя какой либо отвлеченной идеи. Будь патріотическое настроеніе тогдашнихъ дворянскихъ комитетовъ серьезнѣе, глубже и устойчивѣе, дворяне-помѣщики на тѣхъ же комитетахъ или въ своихъ собраніяхъ могли бы выработать програму политическаго поведенія, коего исходное начало было бы безграничная преданность правительственнымъ идеямъ съ одной стороны, и столь же безграничная рѣшимость стать душою такъ сказать провинціальной народной жизни, безъ всякихъ даже политическихъ задачъ и административныхъ должностей.

Но такъ называемые дѣятели крестьянской реформы въ Петербургѣ чиновническаго закала очень хорошо знали, что такого необыкновеннаго проявленія дворянами-помѣщиками сословнаго духа ожидать было почти немыслимо, и смѣлая ихъ работа къ изгнанію, посредствомъ крестьянской реформы, дворянскаго духа не *только изъ мѣстной*, но изъ центральной госу-

дарственной жизни, увѣнчалась полнымъ успѣхомъ именно потому, что нигдѣ не встрѣтила серьезной оппозиціи. Были голоса, одиноко раздававшіеся противъ тѣхъ дѣятелей крестьянской реформы, которые были друзьями крестьянъ изъ ненависти къ дворянскому духу; но что могли значить эти отдѣльные голоса, когда не только было легко эти отдѣльныя лица чернить въ глазахъ правительства и называть врагами его, но когда оказалось возможнымъ даже вовсе на дѣлѣ несуществовавшее дворянское сословіе представить какимъ-то страннымъ чудовищемъ, во мракѣ какого-то подземелья составляющимъ заговоры противъ великихъ правительственныхъ предначертаній.

Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь разъяснить то жизненное значеніе для нашей исторіи, которое имѣла эта побѣда чиновническаго духа надъ дворянствомъ.

VI.

Значеніе побѣды чиновника надъ представителями дворянскаго духа.

Въ предъидущихъ моихъ письмахъ я все говорилъ о *дворянскомъ духѣ*, который, въ эпоху реформъ нынѣшняго времени, пересталъ быть руководительнымъ началомъ русской государственной и общественной жизни,—послѣ побѣды, одержанной надъ нимъ, посредствомъ крестьянской реформы, духомъ чиновничества.

Для дальнѣйшаго развитія моей мысли я снова обращусь къ вопросу: *что такое былъ этотъ дворянскій духъ?* Первою характеристическою чертою этого дворянскаго духа было то, что онъ былъ *русскій*, то есть *народный*, и слѣдовательно въ проявленіи своихъ отношеній къ русской жизни не представлялъ фальши. Какъ я сказалъ въ моемъ V письмѣ, дворянскій духъ былъ не что иное, какъ тотъ духовный міръ мыслей, чувствъ, вѣрованій и привычекъ, который сложился изъ согласованія народныхъ, чисто русскихъ началъ боярства съ идеями западной цивилизаціи; говоря проще, *это была* смѣсь стараго русскаго образованія

съ западными идеями поверхностно воспринятой цивилизаціи. Прибѣгая къ сравненію, я бы сказалъ, что это смѣсь стараго вина съ новымъ, въ которомъ духъ старости и ея крѣпость слышнѣе свѣжаго аромата новаго вина. Дворянскій этотъ духъ былъ вездѣ: въ семьѣ, въ обществѣ, въ военной и гражданской службѣ, на высшихъ степеняхъ іерархіи, въ школѣ высшей и низшей; и былъ то онъ вездѣ не потому, что онъ былъ крѣпокъ западною цивилизаціею, а потому, что онъ былъ русскій, то есть былъ крѣпокъ своимъ единеніемъ съ русскою народною жизнію: съ французскимъ языкомъ, съ блестящими манерами, съ образованіемъ, въ европейской одеждѣ—русскій дворянинъ былъ тотъ же простой русскій человѣкъ, во всѣхъ главныхъ проявленіяхъ его духовнаго міра. Это были изъ народнаго источника взятыя воззрѣнія на Царя, изъ того же источника взятыя воззрѣнія на царскую службу, сливавшуюся въ одно съ служеніемъ отечеству, тѣ же и изъ того же источника происходившія семейныя отношенія, воззрѣнія на женщину; тѣ же понятія о нравственности, словомъ тотъ же духовный міръ. Про то, про что дворянинъ говорилъ: это грѣшно и безнравственно, мужикъ говорилъ просто — это грѣшно, что дѣлалъ дворянинъ въ ясномъ сознаніи долга, то дѣлалъ мужикъ инстинктивно; но безпредѣльно широкая, безпредѣльно добродушная и глубоко самобытная натура была у обоихъ таже самая, съ тою лишь разницею, что въ народѣ этотъ духовный міръ портило невѣжество, а въ дворянствѣ—поверхностность западнаго образованія. Но духомъ оба были слиты, и это то давало всей жизни въ то время извѣстное положительное *направленіе*, положительное потому, что въ немъ *ясно*

были присущи: 1) идеалы, какъ цѣль жизни; 2) извѣстный строй обязанностей и взаимныхъ отношеній,—какъ средства къ достиженію цѣлей; и 3) самое главное — источникъ, изъ котораго исходили и эти идеалы, и этотъ нравственный строй—народная жизнь.

Положительное направленіе въ русской жизни пошатнулось въ первыя, такъ сказать, минуты появленія на сцену крестьянскаго вопроса.

Крестьянскій вопросъ, являясь въ общество, сопровождался какъ будто чѣмъ-то въ родѣ внезапнаго сильнаго круговорота въ воздухѣ: круговоротъ этотъ какъ будто сталъ перевертывать многихъ людей головами книзу, и во всякомъ случаѣ поставилъ ихъ къ этому вопросу въ отношенія, основанныя на извращенныхъ, такъ сказать, о немъ понятіяхъ.

Извращеніе это заключалось въ внезапномъ воцареніи одновременно съ крестьянскимъ вопросомъ принципа нивеллированія, принципа уравненія всѣхъ общественныхъ неровностей, принципа отрицательныхъ отношеній ко всѣмъ безъ разбора порядкамъ старой жизни. Крѣпостное право явилось какимъ-то невообразимымъ чудовищемъ, которое не только стало причиною отсутствія въ крестьянскомъ мірѣ личной свободы и всякой собственности, чѣмъ оно и было, но провозглашено было причиною всѣхъ рѣшительно золъ и недуговъ государственныхъ, и общественныхъ. Не вникая въ вопросъ, и въ особенности не желая вникать въ суть крѣпостнаго права, со всѣхъ сторонъ его стали признавать съ одной стороны чисто европейскимъ проявленіемъ феодальныхъ отношеній владыки къ своему крестьянину, а съ другой стороны даже просто восточнымъ *рабствомъ*, поѣдавшимъ въ корнѣ всѣ будто-бы

органическія силы русскаго государства, и, само собою разумѣется, дворянство, какъ то сословіе, которое располагало крѣпостнымъ правомъ, признано было тою силою, съ сокрушенія которой надо было начать, для созиданія на развалинахъ Россіи старой, Россіи новой, Россіи *нивеллированной*, Россіи *уравненной*.

Но дворянство, какъ я сказалъ, не было ни въ ту пору, ни прежде политическимъ сословіемъ съ тѣломъ: разрушить его, слѣдовательно, тѣлесно не было никакой возможности. Дворянство являлось только въ видѣ разобщенныхъ между собою мелкихъ, среднихъ и крупныхъ помѣщиковъ съ одной стороны, а съ другой стороны въ видѣ *духа среды*, давшаго русской жизни извѣстное положительное направленіе, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

Слѣдовательно, весь этотъ нивеллирующій духъ новаго времени долженъ былъ устремиться къ двумъ цѣлямъ: къ разрушенію дворянства въ лицѣ помѣщиковъ *посредствомъ крестьянскаго вопроса*, и къ сокрушенію *дворянскаго духа* въ русской жизни, какъ главнаго руководительнаго ея начала, посредствомъ введенія въ жизнь новыхъ руководительныхъ началъ.

Достиженіе этихъ обѣихъ цѣлей одновременно стало тою главною мыслію, которая, какъ я сказалъ, наполнила собою всѣ духовные рынки русской жизни въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. И вотъ на этихъ-то рынкахъ стали обнаруживаться тѣ новыя духовныя явленія, которыя мало по малу сложили изъ себя ту новую эпоху въ духовной жизни Россіи, признаки и плоды которой, въ видѣ повсемѣстнаго и почти поголовнаго хаоса мыслей, такъ

мастерски изображены г. Фадѣевымъ въ первой части его книги.

Теперь, когда мы удалились отъ эпохи первоначальнаго зарожденія этого хаоса на столько, что можемъ уже составлять себѣ цѣльныя картины тогдашней всеобщей ломки строя мыслей, понятій и вѣрованій, теперь мы чувствуемъ и сознаемъ себя въ правѣ удивляться всему, что было, и находить страннымъ все то, что въ то время мы воспринимали безсознательно какъ вліяніе какой-то новой, роковой, всемогущей духовной атмосферы.

И дѣйствительно, не странно ли было въ монархическомъ самодержавномъ государствѣ *русскомъ*, то есть въ государствѣ, сложившемся изъ началъ своей собственной, самобытной жизни—зрѣлище какого-то всепоглощающаго и всесокрушающаго вихря нивеллированія, ни въ чемъ по духу своему не отличавшагося отъ нивеллированія политическихъ переворотовъ Запада,—вихря, получившаго у насъ начало изъ столь чистаго и честнаго духовнаго источника, каковымъ явилось въ Россіи сознаніе сверху своевременности освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости?

Теперь, только теперь, вглядываясь въ картины того времени, мы вправѣ спросить: что могло быть общаго между правительственнымъ священнымъ дѣломъ освобожденія крестьянъ и подувшимъ внезапно въ обществѣ вихремъ—все старое русской жизни уничтожить, и все возвышавшееся въ этой жизни сравнять?

Вотъ здѣсь-то, къ сожалѣнію, и обрисовывается во всей наглядности своей безсиліе дворянства русскаго, какъ сословія. Пока ему навязывали нарочно, съ цѣлью возбудить противъ *него* недовѣріе общественнаго мнѣ-

нія, всевозможные устрашающіе политическіе замыслы, и пока въ обращеніи съ крестьянскимъ дѣломъ возникали щекотливые и ненужные вопросы,—какъ вопросъ, напримѣръ, о вотчинной полиціи, ставившій дворянъ, отстаивавшихъ эту мысль, въ прямой и ненавистью проникнутый антагонизмъ къ дѣятелямъ по крестьянскому вопросу, — тѣ же дворяне дѣлали навсегда неисправимую ошибку проявленіемъ того равнодушія, съ которымъ они, какъ носители своего дворянскаго духа, отнеслись къ вторженію новаго, нивеллирующаго антидворянскаго духа во всѣ рѣшительно области русской жизни.

И дѣйствительно, пока крестьянскій вопросъ въ сферѣ недворянской, то есть непомѣщичьей, служилъ чиновнику орудіемъ и средствомъ посягать на борьбу со всѣми проявленіями дворянскаго духа въ русской жизни, помѣстное дворянство не выходило изъ узкой сферы крестьянскаго вопроса, и не перенесло борьбу съ представителями нивеллирующаго направленія на всѣ тѣ пункты, на которые послѣдніе устремили свою нивеллирующую дѣятельность: ни въ сферахъ государственныхъ, ни въ сословныхъ своихъ собраніяхъ, ни въ печати, ни даже въ семейной жизни, носители и представители дворянскаго духа, не только не вступили въ борьбу съ представителями духа новаго времени, нашедшаго себѣ средства и силы въ союзѣ и въ общеніи съ чиновниками, но даже подчинились, такъ сказать, тому вліянію, которое имѣли на русскую жизнь представители не столько программы новой свободной жизни, сколько осколковъ программы, въ безпорядкѣ склеенныхъ, и которое весьма скоро закрыло *дворянскому духу* доступъ въ какія бы то ни было области жизни. Въ то время

борьба съ цѣлью отстоять все то, что для правильнаго развитія русской жизни, необходимо было удержать изъ стараго порядка противъ нивеллирующихъ элементовъ, всплывшихъ наверхъ и соединившихся въ цѣльное направленіе посредствомъ крестьянскаго вопроса — въ то время, говорю я, борьба этихъ двухъ началъ была возможна, и могла бы, при единодушіи дворянъ въ отпорѣ новыхъ разрушительныхъ идей, найти себѣ опору въ сочувствіи къ нимъ въ высшихъ государственныхъ сферахъ, и, слѣдовательно, могла привести къ благимъ результатамъ. При этомъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что дворянство имѣло въ своемъ распоряженіи силы для борьбы, надо вспомнить, что дворянство, какъ сословіе имѣло въ то время въ своемъ завѣдываньи всѣ сферы провинціальной государственной жизни—начиная съ полицейской, и кончая училищною, а для приданія этимъ силамъ значенія, дворянство имѣло чрезъ своихъ предводителей непосредственный доступъ къ Главѣ правительства.

Но такъ какъ въ то время представители *дворянскаго духа* въ разныхъ сферахъ русской жизни, борьбы этой не предприняли, а малодушно подчинились вліянію новыхъ идей, борьба послѣ этой минуты стала уже невозможною, и въ настоящее время можно только исторически изслѣдовать эту эпоху, удивляться ей, но думать о средствахъ побороть тотъ порядокъ вещей, который, сложившись изъ множества фальшивыхъ идей, утвердилъ всеобщій хаосъ умственный и духовный въ русской жизни—врядъ-ли возможно. Можно ожидать, что ухудшеніе этого хаотическаго состоянія приведетъ къ духовному кризису и, вызвавъ реакцію, произведетъ *переворотъ въ мысляхъ* русскаго общества внезапный

и самостоятельный, но думать, какъ думаетъ г. Фадѣевъ, создать изъ хаоса порядокъ посредствомъ созданія искусственнаго культурнаго сословія или посредствомъ той или другой мѣры—мнѣ кажется совершенно невозможно.

Партія проиграна была дворянствомъ окончательно, ибо оно дало чиновникамъ себя оторвать отъ народа посредствомъ реформъ, вмѣсто того чтобы сплотиться въ одно для принятія реформъ отъ Главы правительства, и для противодѣйствія чиновникамъ одновременно.

Проигрышъ партіи сталъ несомнѣненъ, но не тогда, и не потому, что такъ или иначе были разрѣшены тѣ или другіе вопросы въ крестьянскомъ дѣлѣ, но тогда, когда стало ясно, что *отрицательное направленіе духа времени*, созданное нашими нивеллиризаторами, взяло верхъ надъ *положительнымъ или народнымъ направленіемъ* духа стараго порядка, не имѣвшаго ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ, и взяло верхъ потому, что представители *положительнаго* направленія малодушно сошли съ поля битвы.

Нивеллиризаторы провозгласили, какъ я сказалъ, что *крѣпостное право* есть весь старый строй русской жизни; дворянство въ государственныхъ сферахъ, въ общественной и семейной, должно было громко и рѣшительно протестовать противъ такого *лжеученія*, и, предоставляя крестьянскому вопросу идти своей дорогой, ни въ какомъ случаѣ не допускать, чтобы разрушители крѣпостнаго права разрушали бы и старую Россію.

Но въ самомъ дѣлѣ, крѣпостное право и старый *порядокъ* русской духовной жизни, было ли это тоже *самое?* Можно безошибочно сказать—что нѣтъ. Въ Н

колаевскую эпоху, болѣе чѣмъ когда либо, крѣпостное право дворянъ-помѣщиковъ надъ крестьянами являлось, какъ весьма вѣрно замѣчаетъ г. Фадѣевъ, наростомъ къ организму Русскаго Государства, который такъ и просился, чтобъ его срѣзали. Въ собственномъ смыслѣ крѣпостное право, какъ право помѣщиковъ тогда отсутствовало, и мѣсто его занимали отношенія управляющихъ и прикащиковъ къ крестьянамъ, то есть такое управленіе, которое, по духу своему и пріемамъ, весьма мало отличалось отъ нынѣшнихъ, напримѣръ, волостныхъ старшинъ или становыхъ приставовъ. Дворянства мѣстнаго, за-исключеніемъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, почти вовсе не было въ жизни крѣпостнаго права въ то время. Были, безспорно, случаи жестокаго обращенія съ крестьянами помѣщиковъ или ихъ управителей, но 1) случаи эти были немногочисленными исключеніями изъ общаго строя отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, а во 2) они не имѣли того мрачнаго характера, который проявляется теперь въ злоупотребленіяхъ власти надъ крестьянами нынѣшнихъ со стороны ихъ самоизбранныхъ властей за эти послѣднія четырнадцать лѣтъ. Первые были единичные факты, имѣвшіе значеніе личнаго дѣйствія, а никакъ не проявленія юридическаго права, тогда какъ вторые, то есть нынѣшніе факты злоупотребленій надъ крестьянами находятся въ связи съ цѣлою организаціею ихъ новаго быта и съ духомъ нынѣшняго времени. Общій характеръ крѣпостнаго права въ Николаевскую эпоху не представлялъ собою ничего другого, какъ неподвижную, такъ сказать, сѣть отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, гдѣ жизнь крестьянъ прозябала *точно* также, какъ прозябала жизнь

дворянства, но гдѣ въ тоже время не только не было никакого презрѣнія со стороны помѣщиковъ къ крестьянамъ, ни ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ какъ на западѣ, но гдѣ, напротивъ, слышалось, видѣлось и чуялось вѣяніе чего-то добродушнаго, сродственнаго, и другъ на друга похожаго во взаимныхъ отношеніяхъ. Прозябаніе это происходило оттого, что духъ дворянства отсутствовалъ въ крѣпостномъ правѣ тогдашняго времени и сосредоточивался главнымъ образомъ на сферахъ государственной службы военной и гражданской, гдѣ мѣшалъ собою, то есть дворянскими воззрѣніями, убѣжденіями, идеалами, привычками и вообще складомъ всей жизни, духу чиновничества, распоряжаться государственнымъ дѣломъ по своему. Дворянинъ по табели о рангахъ былъ, такъ сказать, въ духовномъ подчиненіи у дворянина-помѣщика въ сферѣ государственной жизни. Домашняя даже жизнь перваго отражала въ себѣ преданія и обычаи — жизни второго.

Съ зарожденіемъ новой эпохи одновременно съ крестьянскимъ вопросомъ, — что мы видимъ прежде всего? Мы видимъ, что этотъ дворянинъ по табели о рангахъ, или что тоже этотъ чиновникъ начинаетъ думать, чувствовать и жить — по новому, либеральному, анти-дворянскому катихизису, не смотря на то, или не подозрѣвая того, что главныя основы этого новаго катихизиса являются не только анти-дворянскими, но отрицаніемъ русскихъ народныхъ началъ, составляющихъ для правительства и государства одну изъ главныхъ его потребностей, и прямо разрушаютъ основы того духовнаго міра, въ которомъ жила Россія,—Рос-

правительственная столько же, сколько Россія дво-
ская.

Два-три года проходятъ, и мы видимъ невѣроятное
лище безшабашнаго нигилиста, безпринципнаго пи-
и, братающагося, во имя новыхъ идей, во имя ни-
лированія Россіи, во имя анти-дворянскихъ стрем-
ій, съ чиновниками, то есть съ правительственны-
слугами разныхъ величинъ. Гражданскіе генералы
одной стороны и Добролюбовы, Писаревы и Помя-
скіе—съ другой, становятся какъ будто подъ одни
мена для созданія чего-то новаго, посредствомъ
рушенія стараго.

Это старое, какъ я сказалъ, было названо огуломъ
постнымъ правомъ, и пока комитеты, коммиссіи и
ныя правительственныя лица разрабатывали крестьян-
й вопросъ для разрушенія крѣпостнаго права въ
номъ смыслѣ, общество, то есть интеллигенція
сіи, въ которой сердцевиною стало чиновничество,
лись за разрушеніе крѣпостнаго права въ томъ ши-
омъ, никогда не существовавшемъ государствен-
ъ смыслѣ, который одними намѣренно, а другими
незнанію Россіи, былъ данъ Россіи стараго по-
ка.

Дождь новыхъ идей, по большей части фальши-
ъ, недодуманныхъ, непровѣренныхъ, взятыхъ ото-
ду, изъ головъ незрѣлой молодежи и изъ Луи-Бла-
и Лассаля, полилъ на Россію ливнемъ. Сегодня
ъ крѣпостнымъ правомъ разумѣли отношенія семьи
ея главѣ, переходившія изъ рода въ родъ въ рус-
й жизни, какъ вліяніе дворянскаго ,
ъ именемъ крѣпостнаго права, объявляли права
щинъ *будто неполныя* и недостаточныя для движе-

нія Россіи впередъ; послѣ завтра крѣпостное право являлось въ видѣ уродливыхъ будто бы отношеній школьной молодежи къ своему начальству, которую надо было тоже освободить наравнѣ съ крестьянами; на четвертый день чудовище крѣпостнаго права являлось въ видѣ слишкомъ будто бы требовательной, и слишкомъ стѣсняющей русскую жизнь русской Церкви; на пятый день—въ видѣ вопроса о необходимости создать особое крестьянское управленіе или крестьянское государство въ государствѣ, съ своимъ судомъ и съ своею школою—съ тѣмъ, чтобы ко всѣмъ этимъ учрежденіямъ былъ закрытъ доступъ всякаго дворянскаго духа, то есть духа образованной среды той эпохи, и такъ до безконечности. Что день, являлась то въ печати, то въ обществѣ новая идея, или что тоже, новая фальшь, и фальшь потому именно, что она исходила изъ ложнаго пониманія крѣпостнаго права и ставила вопросъ вслѣдстіе этого, въ своемъ зародышѣ, въ ложныя отношенія къ жизни.

Вопросъ о пользѣ житейской или практической извѣстной идеи стояла на второмъ планѣ: на первомъ планѣ стояла забота, посредствомъ этой новой идеи, разрушить хоть что либо изъ того духовнаго міра старой Россіи, гдѣ царствовалъ дворянскій духъ.

Эта забота наполнила фальшью весь тогдашній воздухъ, и такъ какъ въ этомъ воздухѣ вырабатывался крестьянскій вопросъ, то прежде всего, разумѣется, фальшь эта внесла много ненужнаго и много ложнаго въ сферу крестьянскаго вопроса. Въ ту пору могло казаться, что между четырьмя группами дѣятелей, о которыхъ я говорилъ, взявшими въ свои руки крестьянское *дѣло* изъ рукъ дворянъ-помѣщиковъ, и разными

группами русскаго общества, или вѣрнѣе, русской интеллигенціи, состоялось нѣчто въ родѣ безмолвнаго договора: общество принимало на себя поддерживать крестьянское дѣло исключительно въ томъ направленіи, въ какомъ онъ разрѣшался четырьмя соединенными группами дѣятелей крестьянскаго вопроса, а взамѣнъ этого четыре соединенныя группы дѣятелей крестьянскаго вопроса, которыя въ ту пору составляли зерно средняго правительства, какъ будто обязывались смотрѣть сквозь пальцы на нивеллирующую дѣятельность интеллигенціи по всѣмъ отраслямъ русской жизни.

Иначе какъ объяснить себѣ, что въ ту пору не нашелся ни одинъ кружокъ мыслящихъ людей въ средѣ русскаго общества, который бы протестовалъ противъ фальшивыхъ идей, полившихъ дождемъ на русское общество; что могло быть, напримѣръ, общаго между стремленіями западныхъ идеологовъ, или русскихъ славянофиловъ, и тѣми осколками сорвавшихся какъ будто съ цѣпи мыслей, которыя, подъ названіемъ новыхъ идей, вторглись въ семью, вторглись въ училища, вторглись въ разные департаменты и канцеляріи, и положили начало тому реально-отрицательному направленію русской духовной жизни, плоды котораго мы собираемъ теперь? Очевидно; ничего не могло быть общаго, ибо невозможно себѣ представить мыслителя, чтущаго цивилизацію запада или благоговѣющаго предъ идеалами русской народной жизни — сочувствующаго извращенію, напримѣръ, понятій о семьѣ, грубо-реальному воззрѣнію на женщину, послабленію авторитетовъ школы, порабощенію русской Церкви. А между тѣмъ, если нивеллирующее начало взяло верхъ как

всѣми остальными, какъ разъ въ эпоху созрѣванія крестьянскаго вопроса, то случилось это именно потому, что честные идеологи запада и честные славянофилы не помѣшали его успѣхамъ, чтобы въ свою очередь никто бы не мѣшалъ имъ въ союзѣ съ чиновниками и умственными бродягами сдѣлать изъ крестьнскаго дѣла прежде всего анти-дворянское дѣло.

Но если идеологи запада и славянофилы помогли нивеллирующему началу своимъ молчаніемъ и бездѣйствіемъ, чиновническій элементъ помогъ ему своимъ сочувствіемъ, и своимъ содѣйствіемъ. Всякая новая идея въ качествѣ, прежде всего, анти-дворянской идеи подходила какою нибудь стороною къ чиновническому воззрѣнію на дворянство, какъ на нѣчто враждебное духу его бюрократическаго взгляда на правительство и государство; и очень скоро наступило время, когда рядомъ со словами: „плевать на дворянство", произносившимися въ чиновническихъ сферахъ, мы услыхали въ тѣхъ же сферахъ безпорядочныя и фальшью проникнутыя рѣчи, изъ которыхъ дѣти могли черпать—право не слушаться своихъ родителей, школьники—право не уважать своего начальства, народъ—право не внимать голосу своей Церкви, и все это подъ предлогомъ крестьянскаго вопроса!

А такъ какъ чиновничество на практикѣ было изъ всѣхъ двигателей русской жизни сильнѣе, то, взявшись сперва за крестьянскій вопросъ, оно и воспользовалось имъ, чтобы, съ помощью своихъ союзниковъ въ печати, въ обществѣ и въ наукѣ, заставить себя и свой духъ признать именно главною руководящею силою тогдашней новой Россіи. А дворянскій или *русскій духъ* вмѣстѣ съ народнымъ получилъ значеніе

ти-чиновническаго, а слѣдовательно анти-правительвеннаго, и даже анти-государственнаго начала.

Явилась чиновническая Церковь, явился чиновнискій народъ вмѣсто русскаго народа, явилась чиновическая школа вмѣсто русской дворянской школы, вились чиновническіе идеалы вмѣсто дворянскихъ иделовъ, явились понятія о чиновническомъ правительтвѣ, вмѣсто прежняго дворянскаго понятія о народомъ правительствѣ.

И, какъ я сказалъ, характеристическою чертою той побѣды чиновническаго духа было то, что нигиистъ новаго завѣта сталъ сочувственнѣе ему, чѣмъ ворянинъ съ преданіями стараго завѣта, и благодая этому сочувствію, нигилистъ, подъ крылышкомъ чиовника вылупившись изъ яйца, явился новымъ типомъ усской жизни, родоначальникомъ безконечно рязнобразнаго поколѣнія нигилистовъ всякихъ слоевъ русжаго общества.

Такъ водворилось быстро и незамѣтно то новое ›омя на Руси, которое пустило до того глубокіе кор-, что и теперь, послѣ всего, что мы пережили пеьнаго не отъ реформъ, а отъ безпорядочныхъ явлей руской жизни, тотъ, кто скажетъ, напримѣръ, что началѣ пятидесятыхъ годовъ мосты чинились на ‹си лучше, чѣмъ теперь, или дѣти уважали своихъ дителей болѣе, чѣмъ теперь, или дисцыплина въ колѣ была лучше, чѣмъ теперь — такого человѣка ямо называютъ *крѣпостникомъ* въ какихъ угодно оргахъ печати: у интеллигенціи, вслѣдствіе ложнаго раха и стыда, исчезла смѣлость дать такому уродлиму смѣшенію понятій названіе *абсурда*...

VII.

О томъ же предметѣ.

Изъ предъидущаго моего письма видно, въ чемъ заключается существенное различіе между чиновническимъ началомъ и между началомъ дворянскаго духа. Существенное это различіе заключалось въ томъ, что, не имѣя въ себѣ тѣхъ жизненныхъ, такъ сказать, преданій разъ навсегда установившихъ въ дворянствѣ извѣстныя воззрѣнія на государственную и семейную жизнь, чиновническій духъ могъ измѣняться несравненно легче и скорѣе дворянства, именно относительно главныхъ воззрѣній на основы нашей старой жизни.

Это-то, какъ я сказалъ, и случилось; и случилось оно тогда, когда чиновничество, благодаря обстоятельствамъ, приняло въ свое вѣдѣніе разрѣшеніе одного изъ главнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ Россіи—крестьянскій вопросъ, и приняло его въ сообществѣ съ западными идеологами, русскими славянофилами, и разными умственными бродягами.

Находившись болѣе или менѣе въ подчиненіи у дворянскаго духа въ Николаевскую эпоху, чиновническій *духъ, съ* преобразованіемъ *крестьянскаго* вопроса въ

анти-дворянскій, разомъ изъ этого подчиненія вышелъ въ первые годы новаго царствованія, и сталъ для русской жизни тѣмъ, чѣмъ былъ прежде дворянскій духъ—руководительнымъ началомъ всей жизни общественной и государственной.

Я очень живо помню эту зарю чиновническаго духа для русской жизни, ибо она, какъ нельзя нагляднѣе, обрисовывалась въ фактахъ и личностяхъ. Мнѣ живо помнится, какъ смиренно пребывавшіе дотолѣ во мракѣ неизвѣстности люди-чиновники, не имѣвшіе никакого понятія о бытовой сторонѣ крестьянскаго вопроса вдругъ выходятъ изъ этой тьмы неизвѣстности на Божій свѣтъ, и становятся *дѣятелями крестьянскаго вопроса*,—да мало того, что дѣятелями, они прямо дѣлаются могущественными и авторитетными дѣятелями, и черезъ нѣсколько времени ихъ причисляетъ молва къ лику святыхъ и знаменитыхъ дѣятелей, становящихся во главѣ цѣлой значительной партіи, такъ названной тогда анти-дворянской партіи.

Этотъ фактъ порѣшилъ участь дворянскаго духа, какъ политическаго духа, порѣшилъ и судьбу новаго времени: ставъ разъ во главѣ партіи движенія, эти чиновники захотѣли остаться тамъ навсегда, и не отступили ни отъ какихъ *уступокъ духу времени*, чтобы удержаться на высотѣ вождей русскаго общества, носителей реформаторскихъ идеаловъ.

А между тѣмъ, уже съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности, чиновники выказали свою несостоятельность очень наглядно: ибо, какъ я сказалъ, сдѣлали изъ него, по совершенному незнанію живой и бытовой сущности крестьянскаго вопроса, вопросъ соціальныхъ теорій, *вопросъ осуществленія* анти-дворянскихъ идей,

настроеніе умовъ сдѣлалось главнымъ и преобладающимъ. Вездѣ вы находите главною нотою слѣдующую мысль: дворяне-помѣщики враждебно-де настроены противъ крестьянскаго вопроса, они враги-де всякой реформы, имъ довѣрять не слѣдуетъ, и т. д.

Странное явленіе: мысль эта до такой степени въѣлась, такъ сказать, въ литературу, что съ той поры по настоящее время она не только не ослаблялась, но, напротивъ, становилась все грубѣе, все нетерпимѣе и фанатичнѣе. Теперь, какъ я выше сказалъ, безъ опасенія быть названнымъ крѣпостникомъ, нельзя сказать, что въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, напримѣръ, климатъ Россіи былъ теплѣе.

Этимъ и объясняется, какъ я покажу ниже, та легкость, съ которою чиновническому духу, разъ овладѣвшему вершинами общественно-государственной жизни посредствомъ крестьянскаго вопроса, удалось на нихъ остаться во всѣхъ послѣдующихъ реформахъ.

И такъ, главными союзниками чиновниковъ явились и интеллигенція и литература.

Интеллигенція, то есть свободные люди разныхъ сферъ умственной дѣятельности, признавала за чиновниками практическую силу проводить свои мысли и свои стремленія. Литература, съ преувеличеннымъ до нельзя передъ глазами фантомомъ крѣпостнаго состоянія въ Россіи, какъ причиною всеобщаго застоя, ожидала отъ чиновниковъ не только разрѣшенія крестьянскаго вопроса въ смыслѣ уничтоженія крѣпостнаго права, но разрушенія всего стараго порядка въ Россіи.

Здѣсь-то и начало нашихъ общественныхъ духовныхъ бѣдъ, здѣсь начало того хаоса, въ которомъ мы *чувствуемъ* и видимъ себя доселѣ.

Литература и чиновничество очень скоро представили изъ себя что-то въ родѣ трогательной дружбы сестры и брата. Литература стала напирать на чиновничество, чиновничество стало заискивать у литературы.

Но скажутъ мнѣ: Кто это чиновничество? Что это за литература?

Чиновничество — это тѣ же дворяне, могутъ мнѣ сказать.

Да—теперь. Но тогда нѣтъ, это не были—тѣ же дворяне.

Нѣсколько лѣтъ спустя, дворяне сдѣлались чиновниками, когда увидѣли, что, дворянами быть—значитъ быть какими-то уродами въ семьѣ русской интеллигенціи; но въ ту пору, въ самомъ началѣ новой эпохи, чиновничество было тѣмъ, чѣмъ создалъ его Петръ Великій,—представителемъ анти-дворянскаго, или анти-свободнаго начала, или, что тоже, начала по должности правительственнаго, тогда какъ дворянство было по существу своему *самостоятельною* правительственною опорою. Въ эпоху до-реформенной Россіи чиновничество невольно подчинялось дворянскому духу, и представляло борьбу своего чувства преданности къ правительству съ чувствомъ преданности дворянства. Въ первый день новой эпохи, чиновничество, то-есть служилое сословіе не изъ помѣщиковъ, ставъ открыто во враждебныя отношенія къ дворянству помѣщичьему, открыто объявило въ тоже время, что монополію преданности правительству оно оставляетъ за собою, что правительство въ *свободной* опорѣ дворянъ-помѣщиковъ не нуждается, и что та преданность правительства, которую дворяне считаютъ самобытнымъ своего сословія

чувствомъ, есть въ настоящее время не что иное, какъ маска, подъ прикрытіемъ которой это дворянство хочетъ-де удержать старый порядокъ крѣпостнаго состоянія.

Это новое политическое исповѣдываніе вѣры, благодаря поддержкѣ славянофиловъ, ученыхъ идеологовъ запада и литературы, съ ея зваными и незваными, получило въ началѣ новой эпохи кредитъ и силу: сочувствовать крестьянскому вопросу въ томъ видѣ, въ какомъ чиновники хотѣли его разрѣшить стало синонимомъ сочувствія правительству; не сочувствовать именно этому виду разрѣшенія крестьянскаго вопроса стало одно и тоже, что не сочувствовать правительству. Такъ поставили вопросъ и дѣло чиновники.

А такъ какъ съ своей стороны литература вседневная поставила вопросъ еще иначе, еще шире, объявивъ, что подъ именемъ крѣпостнаго состоянія слѣдуетъ разумѣть всю совокупность учрежденій и основъ тогдашняго міра, то въ самомъ скоромъ времени, подъ вліяніемъ давленія литературнаго духа на чиновниковъ, понятіе о преданности и непреданности правительству получило еще болѣе странное толкованіе: не противниковъ уже извѣстнаго вида крестьянскаго вопроса стали называть представителями анти-правительственнаго начала; подъ туже категорію подведены были всѣ тѣ, которые не признавали крѣпостнымъ состояніемъ старый порядокъ семейной жизни, старый порядокъ дисциплины, старый порядокъ школы, старое значеніе русской Церкви и т. п.

Кто-бы могъ повѣрить слѣдующему, напримѣръ, факту: на моихъ глазахъ, въ 1861 году, была написана весьма бойкимъ перомъ записка, съ цѣлью ее

отдать въ печать, въ которой, подъ вліяніемъ серьезныхъ опасеній за интересы правительственные, столько-же, сколько за интересы цѣлости русскаго государства, рѣшительнымъ образомъ осуждалась та распущенность, которая все болѣе и болѣе входила духомъ въ наши воспитательныя заведенія: приводились поразительные факты въ подкрѣпленіе мысли объ опасности.

Записка эта была прочтена въ обществѣ нѣсколькихъ лицъ: однимъ изъ нихъ былъ знаменитый красный, поплатившійся послѣ за свои увлеченія каторгою.

— Вы можете ее сжечь, говоритъ красный.

— Отчего? спрашиваетъ авторъ.

— Оттого, что ея вамъ или не дозволятъ, или исковеркаютъ такъ, что нельзя ея будетъ печатать.

Всѣ усмѣхнулись.

— Не смѣйтесь, продолжалъ красный, теперь такое время, что *тотъ, кто за порядокъ, тотъ, врагъ правительства.*

Слова эти врѣзались мнѣ въ память. Красный разумѣлъ подъ словами: *врагъ правительства*,—врага новаго порядка.

Черезъ 6 мѣсяцевъ авторъ статьи получаетъ свою записку „*Дозволенною къ печати*“.

Онъ мнѣ ее показалъ. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ. Она была въ 5-ти учрежденіяхъ на просмотрѣ,

По ней гуляли: черныя чернила, красныя чернила, синій карандашъ, красный карандашъ и черный карандашъ. Все, что написано было въ улику и въ обличеніе молодежи и ихъ руководителей,—все, гдѣ представлялась опасность отъ злоупотребленій свободою,—

6*

все, гдѣ отстаивались права правительства—все то было безпощадно вычеркнуто.

Остался скелетъ записки, но скелетъ, гдѣ иныя кости были вынуты и выброшены.

Этотъ красный въ тѣ дни былъ чиновникомъ, и чиновникъ притомъ небезгласный.

Но совсѣмъ другую судьбу имѣли записки, книги и статейки въ литературѣ, пропикнутыя ненавистью къ крѣпостному состоянію en grand, и сочувствіемъ къ эмансипаціи *анти-дворянскаго характера*. Здѣсь замѣчательны были обманъ и тасовка именъ, прилагавшихся къ вещамъ стараго и новаго порядка. *По поводу* крѣпостнаго права, такъ сказать, придираясь къ нему, всякій писалъ противъ всего, съ чѣмъ крѣпостное право не имѣло ничего общаго; по поводу эмансипаціи и подъ прикрытіемъ сочувствія къ ней, всякій, кто брался проповѣдывать какую бы то ни было отрицательную и разрушительную идею, былъ въ литературѣ le bienvenu, и принимался какъ *свой*, какъ передовой.

Но для того, чтобы всякій могъ говорить въ этой литературѣ въ *новомъ* смыслѣ, нужна была очевидно большая свобода для печатнаго слова, чѣмъ существовала прежде.

Свобода эта явилась, явилась именно изъ лагеря чиновниковъ, но явилась опять-таки въ видѣ кундштюка.

Расширенію свободы печати сочувствовали всѣ честные русскіе люди. Чиновники какъ будто вторили желаніямъ этихъ честныхъ людей. Явилась бо́льшая свобода печати.

Но въ день, когда она явилась, пользоваться ею, *опять-таки* по непонятному стеченію обстоятельствъ,

дано было только извѣстной кликѣ исключительно новыхъ людей, исключительно съ цѣлью, чтобы эта свобода была анти-дворянскою и направлена противъ стараго порядка не только вещей, но и жизни. Безпристрастные люди, то есть люди, замѣчавшіе въ новомъ порядкѣ вещей дурное и хорошее, и въ старомъ порядкѣ хорошее и дурное, съ перваго же дня отрѣшены были отъ биржи петербургской печати.

Какъ бы малъ и незначителенъ фактъ этотъ ни былъ въ обсужденіи столь важнаго вопроса, какимъ является вопросъ объ историческомъ происхожденіи нынѣшняго хаоса, тѣмъ не менѣе онъ, то повліялъ всего болѣе на воспитаніе новаго поколѣнія въ духѣ нравственной разнузданности, получившей роковое значеніе свободы, ставшей на мѣсто дисциплины и порядка прежняго времени. Самый тотъ фактъ, что такая мелочь, какъ печать тогдашней новой эпохи, могла перевернуть до самаго дна весь умственный міръ образованнаго большинства, уже доказывалъ какъ въ это самое время—зрѣлые для освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости—мы были незрѣлы къ воспріятію какихъ бы то ни было новыхъ идей въ областяхъ жизни болѣе возвышенныхъ.

Чтобы почувствовать себя свободнымъ, намъ понадобилось не сознаніе необходимости усадить новыя идеи на прочныя старыя основы, но понадобилось чувствовать надъ собою въ сферѣ политической—господство либерала-чиновника, въ сферѣ общественной и домашней—деспотизмъ перваго встрѣчнаго либерала-писаки.

У одного моего знакомаго сохранились драгоцѣнныя воспоминанія *того времени* въ формѣ дневника. Вотъ

между прочимъ, что онъ пишетъ. „Для меня непонятны дружба и согласіе нашихъ чиновниковъ съ тѣми писателями, которые, повидимому, не задаютъ себѣ другой задачи, какъ смущать, волновать и поворачивать людей не только наизнанку, но головою къ низу. Есть минуты, когда мнѣ приходитъ въ голову странная мысль въ объясненіе этой задачи. Было время, когда литература лондонскаго Герцена была ненавистна чиновнику, ибо ею онъ его обличалъ. Теперь Герцена заткнули за поясъ наши подцензурные писатели; они краснѣе Герцена, но за то чиновнику милы, ибо не только его не обличаютъ, но ему кадятъ. Чиновнику лестно, какъ будто, имѣть и чувствовать подъ ногою когорту писателей, назвавшихъ свои писанья литературою, и опираясь на нихъ, рисоваться въ обольстительномъ видѣ популярнаго чиновника, за которымъ высокою горою стоитъ на картинѣ общественное мнѣніе. Бѣдное общественное мнѣніе: если бы ты знало, какъ тебя дурачатъ—ты бы не захотѣло носить это громкое имя“!

Эти строки, писанныя въ то время весьма искреннимъ цѣнителемъ всякой *свободы*, подъ условіемъ лишь, чтобы она была *разумная*, очень мѣтко характеризуетъ тогдашній, дѣйствительно странный союзъ чиновничества съ проповѣдниками отрицательнаго направленія.

Разница только въ томъ, что то, что тогда казалось для умнаго наблюдателя и составителя дневника страннымъ и въ тоже время непонятнымъ, теперь для каждаго безпристрастнаго историка хотя и остается страннымъ, но перестаетъ быть непонятнымъ. Не съ воздуха взятыя мысли, а рядъ событій, такъ какъ они *развертывались* съ того перваго дня, когда *крестьянскій вопросъ* перешелъ изъ Россіи на почву чиновничью,

доказываетъ слишкомъ убѣдительно, что всякій разъ, когда съ тѣхъ поръ возбуждался вопросъ о какой либо реформѣ, всякій разъ чиновническій духъ въ тѣсномъ союзѣ съ такъ называемою либеральною печатью стремится къ отстраненію отъ обсужденія этой реформы представителей интересовъ дворянъ-помѣщиковъ. Скоро послѣ освобожденія крестьянъ, послѣдовавшая земская реформа уже болѣе, чѣмъ крестьянская, является по первымъ чертамъ чисто-чиновническою комбинаціею, гдѣ усилія создать уѣздныя коллегіальныя учрежденія, независимыя отъ прямаго вліянія на нихъ губернскаго и уѣзднаго дворянства, привели къ несостоятельности этого принципа коллегіальности. Затѣмъ, послѣдовала полицейская реформа, изъявшая полицію въ уѣздѣ изъ рукъ дворянства, затѣмъ учебная реформа, изъявшая изъ вѣдѣнія избиравшихся дворянствомъ попечителей училища и гимназіи, и въ каждомъ изъ такихъ событій трудно было, помимо духа законодателя и высокихъ ко благу народа стремленій высшаго правительства, не узнать въ то же время и побѣдоносную руку русскаго чиновника, ставшаго хозяиномъ новой эпохи въ русской государственной жизни.

Кто изъ насъ, слѣдя за этою новою эпохою постоянно шагъ за шагомъ, день за днемъ, не помнитъ какъ дни эти и реформы ихъ создавали одновременно и новые типы въ мірѣ литераторовъ и въ мірѣ чиновниковъ?

Они были родными братьями, эти два типа современныхъ людей, либераловъ — отрицателей старыхъ идей — съ тою лишь разницею, что пока писатель съ изумительною легкостью упражнялъ свои силы на аренѣ петербургскихъ журналовъ и газетъ, чиновникъ-либе-

ралъ тѣ же способности и съ тою же легкостью изощрялъ на почвѣ безконечно-обильной либеральныхъ проектовъ. Кто не былъ въ то время проекторомъ и составителемъ проектовъ? даже Огризко составлялъ проектъ питейнаго устава. Проекты сочинялись и писались сотнями; причемъ сочинять проектъ о введеніи новыхъ какихъ нибудь бланковъ казалось столько же легкимъ, какъ сочинить новый планъ учебной реформы.

И если après tout, та легкость, съ которою въ литературѣ всякій брался за перо, чтобы новыми безсодержательными идеями разгонять идеи стараго времени, много повредила выроставшему въ то время новому поколѣнію, извратила его инстинкты, его отношенія къ жизни, мы не должны скрывать отъ себя и того, что не менѣе вреда сдѣлали Россіи и тѣ либералы-чиновники, которые слишкомъ легко поступали съ трудными, непомѣрно трудными задачами нѣкоторыхъ реформъ.

Ихъ главная вина заключалась въ томъ, что они эксплуатировали высокія стремленія къ благу и обновленію Россіи, господствовавшія на вершинахъ государства... Никто не задавалъ себѣ вопросовъ: готова ли Россія къ той или другой реформѣ? готовъ ли въ данномъ случаѣ къ работѣ тотъ чиновникъ, который на себя ее бралъ?

Всеобщая лихорадка чиновничьяго либерализма царствовала во всемъ своемъ разгарѣ: надо проекты, надо новыя учрежденія, новые законы, новыя начала; но есть ли для проектовъ люди, для учрежденій люди, на уровнѣ ли общества эти новые законы, не противорѣчатъ ли эти новыя начала основамъ русской жизни — *до всего этого* чиновнику-либералу не было никакого

дѣла. Ему казалось ненужнымъ обдумывать, на сколько его поверхностное, а иногда и крайне себялюбивое, съ цѣлью добраться до популярности, обращеніе съ тѣмъ или другимъ вопросомъ обязывали правительство и увлекали его на пути, гдѣ идти безоглядно и все впередъ было невозможно.

Но еще горшая бѣда заключалась въ томъ, что это преобладаніе чиновническаго духа въ сферѣ реформаторскихъ проектовъ, и сліяніе этого чиновничьяго лжелиберальнаго духа съ лже-либеральнымъ направленіемъ въ литературѣ вредно вліяли на всѣ слои образованнаго общества, разбрасывая повсюду какъ брандеры для умовъ некрѣпкихъ, несформировавшихся, не созрѣвшихъ, Богъ вѣсть какіе миражи того, что можно думать, къ чему можно стремиться, и того, что можно попирать, и къ чему слѣдуетъ стремиться.

Чиновникъ, какъ и литераторъ, являлись не врагами того, что безусловно вредно для правительственныхъ интересовъ, въ смыслѣ государственныхъ, или безусловно безнравственно и опасно, какъ нарушеніе одной изъ основъ религіозныхъ, семейныхъ или государственныхъ преданій — нисколько: оба они являлись врагами того, что пахло стариною, что носило въ томъ или другомъ видѣ отпечатокъ происхожденія изъ дворянскаго духа. всего того, словомъ, что, по своей сущности, по своей цѣльности и по своей стойкости являлось въ прямомъ противорѣчіи съ безконечно растяжимыми новыми идеями фальшивой свободы.

Дворянинъ, который имѣлъ въ то время смѣлость увѣрять, что ту же эмансипацію съ надѣломъ земли можно было бы совершить съ большимъ вниманіемъ къ дворянскимъ интересамъ; отецъ семейства, который

сталъ бы говорить, что прогрессъ ни малѣйшимъ образомъ не требуетъ отмѣны Церковью установленныхъ и освященныхъ преданій семейной жизни; педагогъ, который дерзнулъ бы говорить о томъ, что ученики должны быть подчинены своему начальству съ тою строгостью, какая существуетъ вездѣ; священникъ, который осмѣлился бы сказать съ церковной каѳедры, что эпоха реформъ не только не должна ослабить уваженіе къ Церкви, но усилить ее вслѣдствіе усиленія въ ней потребности — всѣ эти лица были бы и литературою, и чиновникомъ названы врагами времени, врагами правительственныхъ предначертаній.

Увы! все это странное имѣло свою коренную, органическую причину. Ненадо было такъ скоро торопиться покончивать съ дворянскимъ духомъ и съ тѣми началами, которыя этотъ духъ собою представлялъ. При всѣхъ его недостаткахъ и порокахъ, дворянинъ-помѣщикъ, иногда даже инстинктивно, былъ единственное лицо въ Россіи, которое какими нибудь сторонами зналъ русскій народъ и слѣдовательно Россію.

Наоборотъ, чиновникъ, созданный Петромъ Великимъ, и литераторъ-журналистъ Петербурга были лица, ничего незнавшія ни о русскомъ народѣ, ни о Россіи.

Отсюда и произошли всѣ бѣды, приведшія насъ къ нынѣшнему духовному хаосу. День побѣды русскаго чиновника, какъ руководителя времени и общества былъ днемъ пораженія русскаго дворянина-помѣщика; но русскій дворянинъ-помѣщикъ, будучи фиктивною личностью, какъ членъ сословія, далеко не былъ фиктивною личностью, какъ-то живое, русское, исторически-сложившееся лицо, коего жизненные интересы — криво или дурно, это другой вопросъ — тѣсно и орга-

ически были связаны съ интересами мужика снизу, ъ интересами сельскаго священника по срединѣ, и съ интересами высшаго правительства сверху. Пораженіе дворянскаго духа, если не вдругъ, то постепенно не могло не отразиться невыгодно для всѣхъ тѣхъ, съ которыми онъ былъ органически кровью и духомъ, такъ сказать, воплощенъ.

Объ этомъ-то я и поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

VIII.

Нѣчто о консерваторахъ въ Россіи.

Во всякое время у насъ, а въ эпоху послѣднихъ реформъ въ особенности, чувствовалась, такъ сказать, въ политическомъ образѣ мыслей ошибка, или вѣрнѣе одно изъ тѣхъ роковыхъ заблужденій, которыя имѣютъ вліяніе на весь ходъ историческаго развитія народа, и которое у насъ въ настоящее время какъ будто иными смутно начинаетъ сознаваться и приводитъ къ какой-то реакціи, но къ реакціи весьма запутанной и сложной, посреди которой, какъ въ хитро-завязанномъ узлѣ, не знаешь, гдѣ найти ту нитку или тотъ узелокъ, съ котораго должно начать развертыванье узла.

Это роковое заблужденіе заключалось въ мысли, что въ Россіи, въ отличіе будто-бы отъ другихъ государствъ, можно совершать реформы въ либеральномъ духѣ, обходясь совершенно безъ консерваторскихъ или охранительныхъ началъ. Откуда эта странная мысль взялась?

Сколько кажется, она есть продуктъ чиновническаго ума, незнающаго русскаго народа. Поставленный на либеральную стезю, чиновникъ разсуждалъ такъ: *въ Россіи, въ отличіе* отъ государствъ запада, правитель-

ство самодержавно и неограниченно, сословій историческихъ нѣтъ: есть правительство и народъ; реформы, исходя сверху, какія бы онѣ ни были, пріемлются народомъ какъ указы къ исполненію, осуществляются посредствомъ правительственныхъ чиновниковъ, и затѣмъ все приходитъ, мало по малу, къ тому обновленному состоянію, которое имѣетъ въ виду правительство, какъ конечную цѣль всѣхъ своихъ преобразовательныхъ предначертаній.

Исходя изъ этой мысли, чиновники отрицали, чтобы правительство могло бы быть когда нибудь слишкомъ либерально или недостаточно консервативно: они отвергали въ принципѣ и въ сущности даже обязанность правительства, въ виду собственныхъ интересовъ, нераздѣльно связанныхъ съ государственными—держать въ равновѣсіи стремленія либеральныя съ началами консервативными. Все это пустяки, говорили чиновники: это имѣетъ смыслъ въ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ есть двѣ палаты, гдѣ есть правая и лѣвая сторона: а у насъ, помилуйте, у насъ ничего этого нѣтъ, у насъ ни какихъ консерваторовъ быть не можетъ: всѣ должны быть одной партіи — правительственной.

Какъ бы странны разсужденія эти ни были, но въ то время, когда они стали слышаться на поверхности высшихъ слоевъ общества, гораздо еще страннѣе былъ тотъ фактъ, про который я уже говорилъ, что самые умные, самые честные и самые свободномыслящіе люди въ русской тогдашней интеллигенціи стали подъ знамена этихъ чиновническихъ заблужденій только для того, чтобы не дать судну носившему эмансипацію, на которомъ *за бортъ* выкинуто было чиновничьимъ эки-

пажемъ дворянство, наткнуться въ своемъ плаваніи на консерваторскіе подводные камни. Выше я назвалъ въ числѣ этихъ людей славянофильскую партію; но не она одна перешла на сторону этого чиновническаго воззрѣнія: почти всѣ, мыслившіе прежде иначе, люди въ разныхъ сферахъ общественной жизни перешли на сторону чиновниковъ, отвергавшихъ безусловно нужду для правительства консерваторскихъ идей.

Съ тѣхъ поръ прошло почти двадцать лѣтъ, и такъ какъ втеченіе этого времени, благодаря отсутствію консерваторскихъ идей въ началѣ, обнаружилась масса явленій самаго безпорядочнаго свойства въ общественной жизни, то совершенно естественнымъ ходомъ вещей тѣ люди, которые двадцать лѣтъ назадъ были одинокими личностями, не только не смѣвшими во имя консерватизма группироваться въ партіи, но даже подпадавшіе подъ подозрѣніе враждебно будто-бы настроенныхъ противъ правительства умовъ, теперь уже составляютъ кружекъ, болѣе или менѣе единомыслящій, который, за неимѣніемъ пока еще твердо установившагося взгляда, получилъ все же извѣстную нравственную силу и извѣстную смѣлость высказывать какъ свои мнѣнія, такъ и свои опасенія за наше политическое будущее.

Съ этими консерваторами надо уже считаться.

Но любопытно прислушаться къ тому, какъ либеральные чиновники, продолжающіе еще быть за одно съ мнимо-либеральною газетною и журнальною печатью, хрипло допѣвающей свои послѣднія либеральныя пѣсенки, разсуждаютъ въ отвѣтъ на заявленія лагеремъ консерваторовъ своихъ мнѣній.

Они прежде всего хотятъ уличить во лжи этихъ

консерваторовъ: „*Что?* говорятъ они, *вы небось 20 лѣтъ назадъ пророчили революцію, рѣзню, разрушеніе порядка, гибель Россіи, и этими ужасами хотѣли запугать правительство на пути благодѣтельныхъ либеральныхъ реформъ.*

Вамъ это не удалось. Событія изобличали лживость вашихъ пророчествъ; реформы совершились спокойно: Россія могучимъ ходомъ идетъ впередъ, благосостояніе вездѣ удесятеряется, безпорядковъ нигдѣ нѣтъ, народное образованіе подвигается исполинскими шагами впередъ. Но вамъ это досадно; васъ это приводитъ въ негодованіе, и вы снова съ яростью набрасываетесь на реформы, чтобы ими объяснять тѣ частныя уклоненія и уродливости, которыя кое-гдѣ являются въ видѣ исключительныхъ, отдѣльныхъ случаевъ, и ничего общаго не имѣютъ съ общею картиною повсемѣстнаго благосостоянія Россіи“.

Такъ говорятъ теперь либералы-чиновники и либералы-журналисты, прибавляя къ этому, pour la bonne bouche, въ видѣ устрашенія: „*консерваторы хотятъ возстановленія крѣпостного состоянія, уничтоженія земства, суда присяжныхъ и т. д., но горе, если теперь идти назадъ: тогда-то, и только тогда, можно ожидать всевозможныхъ безпорядковъ*“ и т. д.

Вся эта музыка имѣетъ цѣлью помѣшать, такъ сказать, здоровому взгляду на Россію нынѣшнюю, взять верхъ надъ взглядомъ чиновническимъ: чтобы правительство не могло быть испугано успѣхами деморализаціи общества, лже-либералы возводятъ на консерваторовъ самымъ грубымъ и безцеремоннымъ образомъ клевету въ крѣпостничествѣ, и затѣмъ хотятъ еще болѣе запугивать умы призраками какихъ-то народныхъ

ужасовъ, неизбѣжныхъ при ходѣ назадъ, о которомъ никто и не помышляетъ.

Но какъ-бы груба, пошла, и нехитра ни была эта политика нашихъ лже-либераловъ, какъ бы безсмысленна ни была эта подтасовка понятій и мыслей съ цѣлью взводить клевету на намѣренія консерваторовъ въ Россіи, они, то есть лже-либералы, еще на столько не утратили кредитъ въ массахъ нашей публики, чтобы не производить извѣстнаго нервнаго дѣйствія; очень многихъ образованныхъ лицъ до сихъ поръ еще коробитъ и сводитъ въ три погибели при словахъ: „*консерваторъ и консерватизмъ*,“ и коробитъ ихъ потому, что, благодаря лже-либеральной печати и лже-либеральному чиновничеству, слово: „консерваторъ“ для нихъ тождественно съ словомъ: *крѣпостникъ*.

Смѣшно было-бы приниматься доказывать, что консерваторъ не крѣпостникъ, и что нынѣшніе консерваторы вовсе не хотятъ вернуться ни къ крѣпостному состоянію, ни къ старому *внѣшнему* порядку политической жизни: спорить съ умышленно лгущими и сознательно клевещущими — не значитъ-ли ронять себя въ собственныхъ глазахъ?

Но обо всемъ этомъ надо упоминать, ибо нынѣшняя ложь нашихъ псевдо-либераловъ, какъ нельзя удачнѣе связывается съ ихъ ложью 20 лѣтъ назадъ, и непосредственно, очень наглядно изъ нея вытекаетъ.

20 лѣтъ назадъ, они очень безцеремонно объявили, что правительство и общество, вступая въ періодъ реформъ, можетъ обойтись безъ консервативныхъ началъ.

Сегодня, когда часть общества, какъ будто чувствуетъ себя неловко отъ сознанія отсутствія въ обществѣ и въ его учрежденіяхъ консервативныхъ началъ,

они же. т. е. лже-либералы, не менѣе безцеремонно объявляютъ, что самое неловкое состояніе части общества происходитъ не отъ отсутствія консервативныхъ началъ, но отъ усилій крѣпостниковъ возвратиться къ эпохѣ крѣпостного состоянія.

Очевидно, что они, то есть лже-либералы, повидимому, логичны въ томъ и въ другомъ своемъ объявленіи.

Но весь вопросъ въ томъ: могутъ-ли правительство и общество въ настоящее время быть съ этими лже-либералами солидарными, и называть крѣпостничествомъ опасеніе многихъ за отсутствіе въ русской государственной жизни, ровновѣсія между движеніемъ мысли впередъ и неподвижностью и устойчивостью основъ нашего государственнаго строя?

Вопросъ этотъ весьма важенъ.

Мнѣ кажется, что отвѣтить на него нельзя иначе, какъ безусловно-отрицательно.

Лихорадочное состояніе умовъ посреди ломки стараго порядка и созиданія новаго, извинявшее ослѣпленіе многихъ на счетъ всей той фальши, которая подъ предлогомъ прогресса пущена была въ нашу духовную жизнь, миновало. Теперь настала пора болѣе спокойнаго состоянія умовъ, при которомъ ослѣпленіе можетъ быть причиною уже роковыхъ, неисправимыхъ ошибокъ.

Чтобы избѣгнуть этихъ ошибокъ, надо постараться видѣть ясно въ современной жизни, гдѣ фальшъ и гдѣ, напротивъ, истина, надо возстановить каждое понятіе въ его настоящемъ смыслѣ; надо сказать себѣ, и притомъ съ убѣжденіемъ, что *русское* государство, въ которомъ сверху консерватизмъ будетъ, по внушенію чи-

новниковъ и фельетонной печати, называться крѣпостничествомъ, а дворянство родовое—представителемъ этого крѣпостничества, элементомъ революціи посредствомъ хода назадъ, что русское государство при такихъ условіяхъ существовать не можетъ, будь оно сто разъ сильнѣе самодержавіемъ нашего и существовать не можетъ именно потому, что *оно русское*, то есть потому, что такое воззрѣніе на наше государственное развитіе инстинктивно, то есть существенно противорѣчитъ духу, генію, инстинктамъ русскаго народа, который искони былъ и всегда будетъ *консервативенъ*, пока его не передѣлаютъ въ развращенный выродокъ своихъ крѣпкихъ духомъ предковъ.

Что намъ *прежде* всего нужно: либеральныя теоріи или цѣлость государства? Полагаю, что прежде всего намъ нужно обезпечить себѣ правильный порядокъ государственной жизни для обезпеченія, въ свою очередь, этой жизни будущности; ибо трудно себѣ представить, какой будетъ толкъ отъ либерализма, если его полезныя начала будутъ примѣняться одновременно съ разрушительными!

Либерализмъ долженъ имѣть свое мѣсто въ нашей жизни, и большое мѣсто, но не менѣе большое мѣсто долженъ имѣть и консерватизмъ.

Либерализмъ одинъ царствовать не можетъ даже въ республикахъ.

Неужели же у насъ, въ Россіи, мыслимо его единоцарствіе? Гдѣ же основы такого порядка вещей? Неужели въ нашемъ народѣ?

Какъ я уже не разъ говорилъ, неисправимая ошибка была сдѣлана тогда, когда духъ либеральныхъ преобразованій сосредоточился въ нашемъ чиновническомъ

и журнальномъ мірѣ, вмѣсто того, чтобы его сосредоточить въ союзѣ нашего высшаго правительства съ дворянствомъ—нечиновничьимъ. Изъ этого союза вышло бы, можетъ быть, то, что реформы были бы меньше либерально-остры: но, не переставая быть либеральными, онѣ были бы *народнѣе*, ибо дворянство, какъ я сказалъ, дворянство землевладѣльческое—все же одно изъ всѣхъ сословій Россіи извѣстными сторонами сливалось съ народомъ и поневолѣ отражало бы въ себѣ духъ народа.

Чиновники—наоборотъ: они отражали въ себѣ теоріи либерализма и полное разобщеніе съ народомъ; свобода, ими задуманная, имѣла очень бойкія и острыя стороны, но она мало роднилась съ сторонами русской, народной жизни.

Весьма вѣроятно, что если бы вмѣсто чиновничества и газетной печати руководителями общественнаго движенія въ духѣ свободы впередъ явилось русское дворянство, оно непремѣнно явилось бы въ союзѣ и съ народомъ, и съ русскимъ духовенствомъ, которое есть одновременно и часть народной Церкви, и часть самаго народа.

Тогда бы съ первой же минуты установилось, независимо отъ формы нашего управленія, то самое равновѣсіе между стремленіями впередъ западнаго прогресса, и между охранительнымъ движеніемъ чисто русскихъ народныхъ и государственныхъ учрежденій, во главѣ которыхъ стоитъ наша Церковь, и къ числу которыхъ принадлежитъ наша семья; и разъ это равновѣсіе было бы установлено, было бы нетрудно, при осуществленіи дальнѣйшихъ реформъ, его поддерживать. *Все общество* жило бы въ духѣ, такъ сказать,

этой борьбы правильной, спокойной и неизбѣжной, борьбы началъ прогресса и ея новой свободы съ началами старой жизни, которая для всякаго народа есть тоже свобода, и свобода весьма драгоцѣнная, свобода его духа, его преданій, его идеаловъ, его вѣрованій, и т. п., словомъ—борьбы точно такой же, каковой она является при парламентаризмѣ въ Англіи.

Живя въ духѣ этой борьбы, мы бы не находили ничего дикаго, ничего анормальнаго въ предъявленіи одновременно съ требованіями прогресса тѣхъ требованій уваженія къ старинѣ, къ семейству, къ народу, къ власти, и, наконецъ, къ Церкви, которыя въ государствахъ, — гдѣ свобода пріобрѣталась не переворотами,—переживаютъ всѣ либеральнѣйшіе кризисы; но которыя у насъ въ настоящее время и печатью, и массою публики, и даже чиновниками,—обзываются *юродствомъ*.

Смѣшно сказать, но, увы, это такъ. Въ Европѣ только два государства пережили общественные перевороты съ колебаніемъ своихъ основъ: государства эти—Франція и Россія. Въ этихъ обоихъ государствахъ, слово свобода получило съ той первой минуты, когда оно было произнесено—ложно-роковое значеніе своеволія, отрицанія и разрушенія:—своеволія въ выборахъ и опредѣленіи сторонъ жизни и учрежденій, нуждавшихся въ обновленіи; отрицанія — потому, что первымъ дѣломъ нашихъ прогрессистовъ было отрицать всѣ положительныя стороны нашей исторической жизни, и, наконецъ, разрушенія—потому, что съ первой же реформы въ государствѣ признано было нужнымъ разрушить, вмѣстѣ съ случайными неправильно-

стями въ нашей исторической жизни и всѣ ея жизненныя основы.

Да, смѣшно сказать, что въ Россіи, гдѣ Глава государства располагаетъ непосредственно такою силою, столько же нравственною, сколько вещественною, что именно въ такомъ государствѣ направленіе, данное реформамъ *помимо Главы государства* чиновническимъ духомъ, было именно то самое, которое во Франціи привело къ ряду революцій, одна другой ужаснѣе и одна другой нелѣпѣе, и было оно то самое потому, что чиновничій либеральный духъ, вѣроятно, самъ не вѣдая того, нанося удары дворянству, нанося удары старому порядку жизни, прежде всего наносилъ удары тѣмъ живымъ основамъ, на которыхъ держится искони наша государственная власть, и къ числу которыхъ принадлежало начало общенія народа съ государственною властью посредствомъ дворянства. Общеніе это и посредничество это, были далеко не политическія: дворянинъ не являлся въ видѣ уполномоченнаго отъ народа къ Царю, или, наоборотъ—въ видѣ посланника отъ Царя къ народу; то и другое, то есть общеніе народа съ властью посредствомъ дворянства, было чисто-нравственное или духовное, и заключалось въ томъ, какъ я уже говорилъ, что волею или неволею образованный дворянинъ, мысля о народѣ,—мыслилъ болѣе или менѣе въ духѣ этого народа, ибо жилъ или съ нимъ, или очень близко отъ него; а разъ—оно, то есть дворянство, стоя у престола мыслило о народѣ болѣе или менѣе вѣрно, оно незамѣтно являлось единственною живою связью,—связью разумною между властью и народомъ.

Разъ—*дворянство*, подъ предлогомъ, что оно было

живымъ существомъ только вслѣдствіе крѣпостнаго права, а не въ силу своего органическаго сожитія съ народомъ, было удалено отъ вліянія на реформы, какъ сословіе будто бы враждебное правительственному почину къ реформамъ, и замѣнилось оно чиновниками и дешевою вседневною печатью, явился уже не дѣйствительный, а фиктивный міръ русскаго народа и русскаго государства, нѣчто въ родѣ субъекта для всевозможныхъ клиническихъ надъ ними опытовъ хирургіи и медицины.

Чиновники-реформаторы, какъ профессора любой клиники, стали дѣлать свои опыты, не обращая никакого вниманія на мысль: что можетъ быть, если этотъ усыпленный субъектъ былъ бы живой, онъ бы могъ доказать неосновательность и несостоятельность многихъ изъ предвзятыхъ теорій.

Будучи самъ именно въ состояніи сна, ибо онъ былъ невѣжественъ, народъ какъ разъ, въ минуту реформъ, совершавшихся для него, лишенъ былъ, такъ сказать, естественнаго истолкователя своихъ нуждъ; за него и за этихъ истолкователей, взялись мыслить и говорить одни только либеральные чиновники и одна только либеральная печать?

А между тѣмъ, спрошенный въ свое время, посредствомъ своихъ переводчиковъ-дворянъ, народъ имѣлъ бы многое что сказать по поводу духа и идей совершавшагося общественнаго переворота.

Онъ бы, вѣроятно, явился съ полнымъ запасомъ тѣхъ консервативныхъ нуждъ, которыя во всѣхъ государствахъ высказываютъ представители народа одновременно съ нуждами прогресса и которыя по тому *самому столько* же обязательны, сколько и послѣднія

при осуществленіи реформъ, имѣющихъ цѣлью народное благо и упроченіе будущности государства.

Прежде всего, какъ я уже сказалъ, ужъ то было бы хорошо, что въ священный сосудъ великихъ реформъ не было бы примѣшано ни чиновнической, ни журнальной фальши: каждая мысль, каждое понятіе носили бы свое настоящее имя: свобода была бы свободою, крѣпостнымъ состояніемъ былъ бы названъ не весь старый строй Россіи, а только крѣпостныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, освобожденіе крестьянъ было бы только освобожденіемъ крестьянъ, а не введеніемъ въ русскую жизнь нивеллирующаго начала для всѣхъ исторически сложившихся авторитетовъ русской жизни, и тамъ, гдѣ было бы увлеченіе уйти слишкомъ далеко въ область свободы, то есть въ чрезмѣрномъ разобщеніи съ народомъ, тамъ была бы непремѣнно со стороны дворянства остановка этого увлеченія во имя народныхъ духовныхъ интересовъ.

Но главное, тогда бы начало всей перестройки положено было бы правильное и прочное, тогда какъ теперь дѣйствительно псевдо-либераламъ есть какъ будто бы основаніе бояться, чтобы крикъ какого нибудь консерватора не поколебалъ основъ великихъ реформъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ поняли наши лже-либералы; ибо при всемъ своемъ желаніи быть передовыми, передовыми quand même, они все-таки чувствуютъ, что легло-то въ основу ихъ либеральной новой Россіи совсѣмъ не то, что было прочно тогда и прочно теперь, а что-то шаткое—либеральныя утопіи чиновниковъ-народолюбцевъ, тогда какъ должны были бы лечь тѣже самыя основы, какими прожила Россія свои 980 лѣтъ до эпохи нынѣшнихъ реформъ. На поверх-

ности либерально-настроеннаго въ данный моментъ своего развитія общества — могутъ всплывать всевозможныя такъ называемыя idées avancées, передовыя мысли, но когда эти самыя случайныя мысли съ поверхности общества переходятъ въ основы его строя или его реформъ, тогда основы эти не только сами по себѣ непрочны, но онѣ производятъ непрочность самаго строя, самыхъ реформъ.

Живо помнится мнѣ то время, когда дебаттировался, напримѣръ, вопросъ о волостяхъ и волостномъ самоуправленіи одновременно съ разрѣшеніемъ вопроса о крестьянской свободѣ, личной и имущественной. Въ увлеченіи чисто и односторонне-либеральномъ изъ этой модной, случайной идеи создать нѣчто красиво-либеральное подъ видомъ мужицкаго self-goverment, вдругъ выросъ какой то принципъ нераздѣльный будто-бы отъ органической части крестьянской реформы, принципъ, который поспѣшили признать основою всего крестьянскаго новаго міра, и что же? Дѣйствительно, чиновникамъ утопистамъ удалось это дѣло: волостное самоуправленіе, при всей своей непрактичности, при всемъ несогласованіи его со складомъ русской жизни, жизни того самаго народа, которому оно навязывалось какъ благо, при всей его, такъ сказать, безпочвенности, эфемерности, при всемъ отсутствіи въ немъ консервативнаго начала и, наконецъ, при всей экзажераціи въ немъ либеральной теоріи, легло все-таки въ основу новой народной жизни. Но не прошло десяти лѣтъ, какъ всѣ отрезвившіеся отъ опьяненнаго народолюбіемъ состоянія испуганно глядятъ на эту шаткую основу пятидесятимилліоннаго міра съ одной стороны, *а съ другой* стороны — на эту страшную неразумную

силу, данную въ руки одному только невѣжественному народу, парализировать которую не можетъ ни одинъ образованный человѣкъ въ Россіи.

И что же?

Едва только прозрѣвшіе люди увидѣли всю несостоятельность этой либеральной химеры, обратившейся въ основу строя государства—они и ужаснулись безобразія волостнаго самоуправленія; едва только даже самъ народъ сталъ стонать подъ игомъ навязаннаго ему благодѣянія, коего либерализмъ онъ не можетъ постигнуть—какъ со всѣхъ баттарей либеральной печати и либеральнаго чиновничества начали раздаваться страшные крики: какъ?! говорятъ они, вы хотите трогать волостное управленіе; вы развѣ не знаете, что оно основаніе крестьянской реформы; вы, значитъ, хотите ввести опять крѣпостное состояніе, разрушить всѣ благодѣянія эмансипаціи?! и пр. пр., и публика испуганная не знаетъ, кому вѣрить.

Но общественный malaise вс таки усиливается, ибо никакія разглагольствованія либеральнаго пошиба не могутъ уже теперь обмануть мало-мальски зоркихъ и понятливыхъ людей. Le jeu est fait, rien ne va plus, какъ восклицали на рулеткѣ. Безпочвенность, непрактичность и химеричность волостнаго самоуправленія выдали самихъ себя.

Но замѣтьте, что изъ этого всего выходитъ. Волостное самоуправленіе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно было создано положеніемъ 19 февраля, именно потому что оно было произведеніемъ чиновническаго духа ненависти къ дворянству, не столько измышлено было для блага крестьянъ, сколько для того, чтобы лишить возможности дворянъ какимъ бы то ни было образомъ

соприкасаться къ крестьянскому міру. Трудно вѣрится, чтобы въ то время эта ненависть чиновничьяго либерализма къ дворянству была такъ страстна и слѣпа, но фактъ на лицо: предпочли отдать весь крестьянскій міръ съ десятками милліоновъ душъ на произволъ пьяныхъ писарей и кулаковъ-старшинъ, предпочли поставить весь крестьянскій міръ въ такое положеніе, гдѣ бы онъ могъ растлиться и разрушиться до тла, чѣмъ допустить единственное образованное сословіе въ Россіи, имѣть какое бы то ни было вліяніе на крестьянъ. Въ виду такого факта трудно не повѣрить тѣмъ, которые даже въ дѣйствительности желанія чиновниковъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сомнѣваются.

Вѣроятно бы, если на мѣсто чиновниковъ призваны были вопросъ о волостномъ управленіи рѣшать дворяне-помѣщики, они бы не предложили посредствомъ волостнаго управленія забрать себѣ въ руки вновь крѣпостное право, но они бы, вѣроятно, очень основательно замѣтили, что между освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщичьей собственности въ личномъ и имущественномъ отношеніи и крестьянскимъ самоуправленіемъ въ такой крупной сферѣ какъ волость, ровно ничего нѣтъ общаго; ибо если допустить, что для свободы крестьянъ нужно имъ завѣдывать волостью, то есть частью уѣзда, нѣтъ причины, чтобы для той же цѣли крестьянамъ не даны были въ исключительное завѣдываніе уѣзды, а тамъ и губерніи, и т. д., они бы сказали тоже, и тоже не безъ основанія, что освобожденіе крестьянъ отъ крѣпости не должно значить, при крестьянскомъ уровнѣ образованія, освобожденіе *отъ всякой власти*, освобожденіе *отъ всякаго вліянія*.

Напротивъ, самая эта свобода, сказали бы дворяне, требуетъ строгаго подчиненія крестьянъ дисциплинѣ и нравственному вліянію образованнаго сословія, то есть дворянскаго, и если священникъ мѣстный долженъ былъ бы требовать отъ крестьянина уваженія къ нему и къ Церкви, и имѣть на него духовно-нравственное вліяніе на крестьнскій міръ, то не менѣе желательно чтобы политически-нравственное вліяніе на этотъ крестьянскій міръ имѣло бы дворянство; и въ всякомъ случаѣ — участія въ волостномъ управленіи, по меньшей мѣрѣ, наравнѣ съ мужиками—оно въ правѣ было себѣ требовать.

Но всего этого не случилось.

А теперь какъ только построенное на либеральной химерѣ волостное управленіе обличило свою несостоятельность окончательно, выходитъ что? Одни говорятъ: надо ввести въ волость дворянина; другіе говорятъ: да, можетъ быть дѣйствительно, это единственное средство спасти волостное самоуправленіе; но это невозможно сдѣлать, ибо тогда явится опасность разрушенія всего положенія 19 февраля, ибо положеніе о крестьянскомъ самоуправленіи есть одна изъ его основъ.

И они правы тѣ, которые боятся коснуться этой основы, ибо разъ вы коснулись одной основы, можно коснуться и другой, и тогда много ли останется отъ положенія 19 февраля: только свобода лица и его надѣлъ?

Правда, можно имъ отвѣтить: да вольно же вамъ было такую химеру, такую либеральную фальшь класть въ основу такого вѣчнаго зданія, какъ положеніе 19 февраля, но все же разъ — эта роковая ошибка была

сдѣлана не знаешь можно ли ее исправлять 14 лѣтъ спустя, посредствомъ отмѣны цѣлой части положенія 19 февраля.

Приходится ждать, покуда волостное это управленіе рушится само собою, когда сгніютъ его тлѣнные корни.

А затѣмъ надо обдумывать этотъ фактъ, какъ важный урокъ, даваемый намъ судьбою.

Изъ этого урока мы должны извлечь ту несомнѣнно практическую истину, что даже въ нашемъ государствѣ нельзя быть правительствомъ либеральнымъ безъ уравновѣшиванія этого либерализма элементомъ консерватизма.

А консерватизмъ представляли собою, въ 1860 году всетаки дворяне-землевладѣльцы въ союзѣ съ народомъ и духовенствомъ.

IX.

Земское увлеченіе.

Итакъ, въ доказательство того, какъ скоро практи-
кая русская жизнь, обнаружила несостоятельность
 части крестьянской реформы, которая введена бы-
не для пользы самаго дѣла, а для торжества анти-
рянскихъ или лже-либеральныхъ чиновничьихъ идей,
представилъ примѣръ волостнаго самоуправленія и
залъ на печальную, постигшую его участь. Дворя-
-помѣщики были тщательно отстранены отъ вліянія
 это учрежденіе, и въ этомъ принципѣ отстраненія
рянства теоретики и утописты крестьянской реформы
али найти главное условіе жизненной прочности
стьянскаго самоуправленія.

А между тѣмъ, не смотря на то, что дворяне-помѣ-
ки не коснулись въ эти 15 лѣтъ пальцемъ до воло-
аго самоуправленія, во все это время, въ полномъ
слѣ слова, не показывали въ немъ даже кончика
его носа, учрежденіе волостнаго самоуправленія съ
а на годъ стало рушиться и пришло теперь къ
нчательному почти разложенію.

И какъ я сказалъ, роковая важность этой грустной

кончины любимаго дѣтища нашихъ крестьянскихъ дѣятелей заключается не въ томъ собственно, что волостное самоуправленіе рушится, а въ томъ, что это самоуправленіе, съ цѣлью обезпечить ему прочность и неприкосновенность, поставлено было съ удивительною легкомысленностью въ краю угла всей крестьянской реформы, и теперь приводитъ правительство къ весьма критическому и безвыходному положенію: надо коснуться этого уродливаго учрежденія волостнаго самоуправленія, чтобы исправить его. Но какъ сдѣлать, когда это уродливое учрежденіе есть одна изъ основъ крестьянскаго положенія 19 февраля?

Но не смотря на этотъ, добытый нами за эти пятнадцать лѣтъ, грустный опытъ, не смотря на очевидность для всѣхъ безпристрастныхъ людей ошибокъ, сдѣланныхъ крестьянскими дѣятелями —иными умышленно, другими не умышленно, не смотря на критическое положеніе, въ которомъ находится правительство относительно столь важнаго вопроса, какимъ на практикѣ является крестьянское самоуправленіе,—не смотря на все это, наше положеніе потому тягостно, что мы, то есть общество, далеко еще не излечены радикально отъ лже-либеральныхъ теорій, далеко еще не обезпечены отъ возврата той горячки, которую наши лже-либеральные и анти-дворянскіе доктринеры называютъ торжествомъ современныхъ идей.

Во-первыхъ, мы видимъ очень ясно, что пропаганда лже-либеральныхъ идей и отрицательнаго направленія нашихъ нивеллизаторовъ сбила съ толку такое количество людей, что большая часть нашей интеллигенціи, какъ я сказалъ, содрогается при одной мысли, что *бы-то ни* было передѣлать въ крестьянскомъ положе-

ніи 19 февраля; во вторыхъ, самая передѣлка эта является обставленною такими затрудненіями чисто практическими, что нужны громадный трудъ и величайшая осмотрительность въ передѣлкѣ волостнаго самоуправленія такъ, чтобы эта передѣлка не затронула ни одного изъ существенныхъ благъ, добытыхъ крестьянами положеніемь 19 февраля, и въ третьихъ, наконецъ, допустивъ даже возможность этой передѣлки (въ сущности я ее допускаю только въ теоріи, но не на практикѣ), пришлось бы выдержать опять отчаянный бой противъ нашихъ либераловъ-идеологовъ и дворянофобовъ, бой въ которомъ, никакъ нельзя поручиться, чтобы они еще разъ не взяли верхъ, хотя бы посредствомъ системы запугиванія правительства миражами тѣхъ опасностей, которыя будто бы ему будутъ угрожать отъ передѣлки чего-либо въ положеніи 29 февраля.

Все это относится къ вопросу о волостномъ самоуправленіи; уже это одно такъ много надѣлало усложненій для будущаго, но вѣдь дѣло въ томъ, что это введеніе крестьянскаго самоуправленія,—въ видѣ анти-дворянскаго государства въ государствѣ, гдѣ искони дворянство, народъ и Царь составляли одно нераздѣльное цѣлое, съ Церковью—въ видѣ души этого трехличнаго тѣла,—введеніе крестьянскаго самоуправленія, говорю я, было только началомъ цѣлаго ряда дальнѣйшихъ реформъ, которыя послужили взаимнымъ дополненіемъ для укрѣпленія, такъ сказать, главной идеи первой реформы—идеи политическаго обезсиленія дворянъ-землевладѣльцевъ.

Едва крестьянское дѣло успѣло начаться,—и начаться благополучно, благодаря безпримѣрной въ лѣтопи-

сихъ міра преданности интересамъ дѣла того самаго дворянства, которое признано было незаслуживающимъ никакого довѣрія, какъ политическое сословіе, — какъ приступлено было, подъ вліяніемъ тѣхъ же анти-дворянскихъ идей къ канцелярской разработкѣ *положенія о земскихъ учрежденіяхъ.*

Съ первымъ словомъ объ этомъ положеніи является понятіе о новомъ *видѣ самоуправленія:* самоуправленіе земское или провинціальное, или всесословное.

Здѣсь, то есть въ чиновничьей лже-либеральной кухнѣ, по этому вопросу началась опять горячка, вызванная рѣшимостью прежде всего сдѣлать изъ этого дѣла *анти-дворянское дѣло;* практическая польза, состоятельность учрежденія—все это послѣ, все это вопросы второстепенные, кричали лже-либеральные реформаторы въ хоръ со всею лже-либеральною печатью, главное — сдѣлать изъ земства новое орудіе къ окончательному уничтоженію дворянскаго землевладѣнія.

Бѣдное дворянство! Смѣшно вспомнить, какимъ уже крѣпкимъ сномъ оно спало, какъ политическая сила, когда ея усыпленное тѣло стало представляться въ видѣ угрожающаго и могучаго исполина, съ которымъ опять будто бы надо было считаться, какъ только заговорили объ учрежденіи земства въ Россіи.

Живо помнится мнѣ и эта эпоха, которую можно назвать *эпохою земскаго увлеченія*, пришедшею на смѣну *эпохѣ эмансипаціоннаго увлеченія*: какъ почти всегда у насъ бываетъ, въ какихъ нибудь два-три года большая часть интеллигенціи успѣла почти позабыть о крестьянской реформѣ; жаръ любви въ ней давно уже потухъ, но зато жаръ къ дальнѣйшему движенію русской жизни впередъ сталъ сильнѣе, и по роковому

опредѣленію судьбы, нивеллизаторское направленіе, то есть направленіе анти-дворянское, упоенное успѣхомъ первой реформы, усиливалось одновременно и пропорціонально жаждѣ общества къ дальнѣйшимъ реформамъ.

И здѣсь опять состоялся роковой союзъ представителей тѣхъ группъ интеллигенціи, о которыхъ я говорилъ выше, когда рѣчь шла о началѣ крестьянской реформы. Едва только заговорили о земствѣ, идеологи запада съ восторгомъ ухватились за эту мысль, въ наивномъ мечтаніи сдѣлать изъ земства нѣчто въ родѣ западнаго провинціальнаго самоуправленія, при условіи равноправности всѣхъ сословій въ мѣстномъ представительствѣ. „Все готово для такой реформы у насъ", говорили они съ восхищеніемъ: „и дворяне есть, и купцы есть, и мѣщане есть, и духовенство есть, и крестьяне есть,—стоитъ только создать учрежденіе, и реформа провинціальнаго самоуправленія готова".

Съ своей стороны, идеалисты-славянофилы съ неменьшимъ увлеченіемъ привѣтствовали мысль о земской реформѣ. „Все готово, для такой реформы у насъ" говорили они съ восхищеніемъ: „дворянства нѣтъ, горожанъ у насъ нѣтъ, купцовъ у насъ нѣтъ,—а есть *одинъ русскій народъ, земство, Русь безсословная*", всего болѣе ихъ умиляло слово—*земство*. „Наконецъ-то", прибавляли славянофилы, „воскреснетъ это русское, полное жизни и силы, народное учрежденіе, въ которомъ безсословный народъ будетъ составлять единое цѣлое, и въ братскомъ единеніи станетъ завѣдывать нуждами своего края".

Чиновники-реформаторы приняли мысль о земской реформѣ съ одною главною заботою: отстранить опять-таки отъ разработки ея вліянія дворянъ-землевладѣль-

цевъ и всецѣло сосредоточить эту реформу въ кабинетахъ петербургскихъ проекторовъ, подъ охраною и при руководствѣ петербургской лже-либеральной печати.

Наконецъ, та группа интеллигенціи, которую я назвалъ бродягами либеральной мысли, схватилась за идею о земствѣ, какъ за новую тему, на которую можно было проповѣдывать какія угодно лже-либеральныя мысли, имѣя въ виду одну лишь цѣль—какъ можно далѣе и смѣлѣе отодвигать умственный строй русскаго общества отъ жизни древней Россіи и какъ можно шире между ними копать бездну.

И чего-чего не наговорили тогда по поводу земской реформы, чего только по этому поводу не было придумано и написано въ книгахъ, журналахъ и газетахъ! Самыя нелѣпыя мысли объ этой реформѣ считали необыкновенно серьезнымъ дѣломъ; но странно: всего менѣе считали тогда серьезнымъ самое главное—вопросъ о состояніи Россіи въ ту пору, когда заваривалась земская каша.

А между тѣмъ, состояніе Россіи въ ту пору заслуживало внимательнаго изученія для того, чтобы опредѣлить, въ какомъ практическомъ видѣ могла бы быть введена столь нужная и полезная реформа, каковою являлось введеніе земскихъ учрежденій въ принципѣ.

Къ сожалѣнію, *только теперь* многіе понимаютъ, насколько для успѣха земскаго дѣла нужно было это соображеніе его, то есть земскаго вопроса съ состояніемъ Россіи, но тогда, какъ я сказалъ, большинство представителей группъ интеллигенціи увлеклось идеею земства до такой степени, что вопросъ о Россіи очутился въ сторонѣ, какъ бы позабытый. Тѣмъ не менѣе легко *было понять* уже тогда что какъ только какая нибудь

органически-государственная реформа совершается по увлеченію и подъ вліяніемъ какихъ нибудь завѣтныхъ идей или предвзятыхъ кабинетныхъ теорій и доктринъ, изъ этого можетъ выйти такая реформа, которой существенная польза призвана парализироваться и даже вовсе исчезнуть отъ введенія въ нее, то-есть въ реформу, разныхъ доктринальныхъ непрактическихъ условій.

Это-то и случилось съ земскою реформою. Кто не помнитъ, что, три года послѣ ея осуществленія, земство повисло на волоскѣ, и стало на краю пропасти: еще минута—и оно бы погибло, вслѣдствіе столкновеній чисто теоретическихъ представителей земства съ правительственною властью. Поводъ къ этимъ столкновеніямъ былъ введенъ буквою закона о земскихъ учрежденіяхъ, и въ одинъ прекрасный день правительство, создавши земскія учрежденія, пришло къ мысли, что это учрежденіе является какимъ-то ему соперникомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, что можетъ быть общаго между смиреннымъ земскимъ хозяйствомъ и правительственною политикою?

Вся бѣда была въ томъ, что не озаботившись тѣмъ, въ какомъ состояніи была Россія для принятія земскаго учрежденія, всѣ умы прельстились, такъ сказать, либеральною красотою этой земской формы. Красавица-свобода въ украшеніяхъ самоуправленія всѣмъ ослѣпила собою глаза, и влюбленные въ нее чиновники стали, глядя на эту красавицу, писать проектъ земской реформы наилиберальнѣйшей Петербургской стряпни. А бѣдное русское-то земство настоящее, то есть русскій помѣщикъ, русскій священникъ, русскій крестьянинъ,—*никто* изъ нихъ даже не былъ спрошенъ

о томъ, какъ они смотрятъ на эту красавицу-свободу въ украшеніяхъ западнаго самоуправленія и либерализма.

А между тѣмъ, я увѣренъ, что недалеко ушелъ бы я отъ истины, если сталъ утверждать, что спрошенные во время о земствѣ земскіе люди, то есть тѣ самые, о соединеніи которыхъ въ одно сословное цѣлое такъ радовались наши славянофилы-идеалисты, то есть дворяне-помѣщики, священники и крестьяне, сказали бы приблизительно слѣдующее: *„если вы можете намъ обезпечить по одному дѣльному, да честному, да хорошему рабочему человѣчку на уѣздъ, давайте намъ земское самоуправленіе: пусть этотъ человѣчикъ и работаетъ какъ знаетъ; а мы ему будемъ платить хорошее жалованье; нуженъ ему помощникъ, мы ему и помощника дадимъ. Но только, Бога ради, не давайте намъ никакихъ новыхъ присутственныхъ мѣстъ, да канцелярій да переписокъ. Богъ съ ними со всѣми, прока отъ нихъ никакого; только расходъ одинъ: какъ вы намъ дадите присутственное мѣсто, значитъ, нужно ужъ не одного человѣчка найти, а многихъ, а откуда ихъ взять: или плуты придутъ, или бездѣльники, да содержать ихъ придется, а пользы отъ нихъ никакой; лучше одного, да хорошаго—чѣмъ троихъ, да нехорошихъ—и повѣрять, и хозяйничать легче. Поручите все хозяйство по уѣзду одному человѣку, а его пускай повѣряетъ, кто захочетъ, или кого назначутъ отъ земства или отъ правительства—все равно; а надъ этимъ человѣчкомъ въ уѣздѣ поставьте хоть одного человѣка на всю губернію, или собраніе губернское, или губернскія дворянскія собранія; пригласите въ эти собранія столько-то крестьянъ, столько-то горожанъ—пускай ревизуютъ каждый уѣздъ,—и отлично, а большаго количества людей и не*

ищите; ихъ въ провинціи нѣтъ. Поглядите, не то что общественнымъ, своимъ-то помѣщичьимъ, собственнымъ, такъ сказать, имѣніемъ почти никто не занимается и не интересуется".

Но этого всего не было сказано настоящими земскими людьми по той простой причинѣ, что объ этомъ никто ихъ не спрашивалъ. Даже допустимъ, что ихъ бы спросили, для формы; я знаю очень хорошо, какимъ градомъ оскорбительныхъ и насмѣшливыхъ возраженій отвѣтили бы петербургскіе лже-либералы, чиновникъ и журналистъ, на такое простое возраженіе русскаго практическаго человѣка: „*какъ?*" отвѣтили бы они „*вы, хотите закрѣпостить цѣлый уѣздъ въ руки одного человѣка?—Какъ? Вы допускаете возможность, чтобы этотъ одинъ человѣчикъ былъ дворянинъ? Какъ? Вы хотите земство подчинить контролю дворянскаго собранія? Какъ? Вы не признаете существенной важности въ связи коллегіальнаго всесословнаго учрежденія съ исполнительнымъ учрежденіемъ, тоже всесословнымъ? Какъ? Вы не понимаете, что нужны избирательные съѣзды, что нужны земскія управы, нужны члены, предсѣдатели, казначеи, бухгалтеры, секретари, книги, уѣздныя собранія и губернскія собранія съ гласными отъ разныхъ сословій,—какъ—вы всего этого не понимаете? Да послѣ этого съ вами и говорить нечего: вы неучи, васъ учить надо, за васъ надо думать и дѣйствовать. Поймите же, наконецъ, что земская реформа должна быть торжествомъ и всесословности, и безсословности; ея главная цѣль дать возможность мужику быть предсѣдателемъ земской управы и земскаго собранія. А то, что вы предлагаете—подчиненіе всего хозяйства уѣзда одному человѣку:—это знаете что? Это, значитъ, ничто*

иное, какъ введеніе крѣпостнаго помѣщичьяго права, но уже не на крестьянъ однихъ, а на весь уѣздъ, потому что этотъ вашъ одинъ человѣчикъ будетъ непремѣнно дворяниномъ, да еще помѣщикомъ, да, пожалуй, еще знающимъ, толковымъ и умнымъ помѣщикомъ. А, мы этого-то не хотимъ".

Вотъ, приблизительно, то, что отвѣтили бы наши реформаторы - идеологи русскому земскому человѣку, если бы спрошенный о земствѣ, онъ далъ о немъ свое мнѣніе.

Надо прежде всего замѣтить, что въ ту эпоху, когда возбужденъ былъ вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій, провинція въ Россіи ощущала уже весьма сильно *недостатокъ въ людяхъ*, въ рабочихъ, такъ сказать, интеллигенціи: часть дворянства заснула, другая часть выѣхала изъ своихъ имѣній и начала проживать свои выкупныя свидѣтельства; съ этимъ недостаткомъ въ людямъ, количественнымъ и матеріальнымъ, совпадало какое-то всеобщее растлѣніе духа.

Но, какъ я сказалъ, чиновники-либералы, виновники и создатели этого растлѣнія *русскаго духа*, подняли вопросъ безъ всякаго предварительнаго соображенія съ тогдашнимъ состояніемъ Россіи. Что это такъ было, въ этомъ нельзя сомнѣваться, ибо главная особенность всѣхъ приготовительныхъ работъ по составленію проекта земскихъ учрежденій заключалась въ томъ, что чиновники-проектеры представили себѣ русскую провинцію, населенную многочисленнымъ контингентомъ образованныхъ дѣятелей, и на этомъ представленіи создали весь планъ реформы.

Было ли это случайное незнаніе тогдашнихъ обстоятельствъ провинціи, или было это представленіе умы-

ıленное—не берусь рѣшать, хотя думаю, что тутъ ѣло не обошлось безъ умысла, на томъ основаніи, то если чиновники-либералы знали о недостаткѣ въ 'оссіи людей, они бы должны были свой земскій проктъ волею или неволею примѣнить къ этому недотатку, и тогда пришлось бы имъ всю силу и власть емскихъ учрежденій сосредоточить въ единоличныхъ чрежденіяхъ, за неимѣніемъ возможности устроить ıноголичныя; а этого они не могли хотѣть, ибо тогда ти единоличныя учрежденія, вѣроятно, наполнились ы исключительно дворянами. Вотъ почему я склоненъ ıумать, что именно потому, что наши либералы-чиıовники предвидѣли недостатокъ въ людяхъ, именно ıотому-то они приложили всѣ старанія къ тому, чтоы, при составленіи проекта, все было разсчитано на ольшой комплектъ земскихъ людей, дабы масса люıей всѣхъ сословій, какая бы она ни была, могла бы ıѣшать преобладанію въ земствѣ исключительно двоянскаго помѣщичьяго элемента.

Вотъ тутъ-то доктринеры, идеологи и либералы иновники высказались вполнѣ; они поспѣшили взять ъ запада, для примѣненія къ намъ, одно изъ сильıѣйшихъ демократическихъ и соціалистическихъ наıалъ: начало дешеваго ценза для права голоса, и тимъ разсчитывали сдѣлать невозможнымъ преоблаıаніе въ будущемъ земствѣ консервативнаго и аристократическаго начала крупной землевладѣльческой единоличной силы. Клочекъ земли, такъ сказать, явился, по смыслу проекта, основаніемъ для права голоса въ земскихъ учрежденіяхъ, для права быть избираемымъ въ должности, для права быть земскимъ дѣятелемъ.

о томъ, какъ они смотрятъ на эту красавицу-свободу въ украшеніяхъ западнаго самоуправленія и либерализма.

А между тѣмъ, я увѣренъ, что недалеко ушелъ бы я отъ истины, если сталъ утверждать, что спрошенные во время о земствѣ земскіе люди, то есть тѣ самые, о соединеніи которыхъ въ одно сословное цѣлое такъ радовались наши славянофилы-идеалисты, то есть дворяне-помѣщики, священники и крестьяне, сказали бы приблизительно слѣдующее: „*если вы можете намъ обезпечить по одному дѣльному, да честному, да хорошему рабочему человѣчку на уѣздъ, давайте намъ земское самоуправленіе: пусть этотъ человѣчикъ и работаетъ какъ знаетъ; а мы ему будемъ платить хорошее жалованье; нуженъ ему помощникъ, мы ему и помощника дадимъ. Но только, Бога ради, не давайте намъ никакихъ новыхъ присутственныхъ мѣстъ, да канцелярій да переписокъ. Богъ съ ними со всѣми, прока отъ нихъ никакого; только расходъ одинъ: какъ вы намъ дадите присутственное мѣсто, значитъ, нужно ужъ не одного человѣчка найти, а многихъ, а откуда ихъ взять: или плуты придутъ, или бездѣльники, да содержать ихъ придется, а пользы отъ нихъ никакой; лучше одного, да хорошаго—чѣмъ троихъ, да нехорошихъ—и повѣрять, и хозяйничать легче. Поручите все хозяйство по уѣзду одному человѣку, а его пускай повѣряетъ, кто захочетъ, или кого назначутъ отъ земства или отъ правительства—все равно; а надъ этимъ человѣчкомъ въ уѣздѣ поставьте хоть одного человѣка на всю губернію, или собраніе губернское, или губернскія дворянскія собранія; пригласите въ эти собранія столько-то крестьянъ, столько-то горожанъ—пускай ревизуютъ каждый уѣздъ,—и отлично, а большаго количества людей и не*

гущите; ихъ въ провинціи нѣтъ. Поглядите, не то что общественнымъ, своимъ-то помѣщичьимъ, собственнымъ, такъ сказать, имѣніемъ почти никто не занимается и не интересуется".

Но этого всего не было сказано настоящими земскими людьми по той простой причинѣ, что объ этомъ никто ихъ не спрашивалъ. Даже допустимъ, что ихъ бы спросили, для формы; я знаю очень хорошо, какимъ градомъ оскорбительныхъ и насмѣшливыхъ возраженій отвѣтили бы петербургскіе лже-либералы, чиновникъ и журналистъ, на такое простое возраженіе русскаго практическаго человѣка: „*какъ?*" отвѣтили бы они „*вы, хотите закрѣпостить цѣлый уѣздъ въ руки одного человѣка?—Какъ? Вы допускаете возможность, чтобы этотъ одинъ человѣчикъ былъ дворяниномъ? Какъ? Вы хотите земство подчинить контролю дворянскаго собранія? Какъ? Вы не признаете существенной важности въ связи коллегіальнаго всесословнаго учрежденія съ исполнительнымъ учрежденіемъ, тоже всесословнымъ? Какъ? Вы не понимаете, что нужны избирательные съѣзды, что нужны земскія управы, нужны члены, предсѣдатели, казначеи, бухгалтеры, секретари, книги, уѣздныя собранія и губернскія собранія съ гласными отъ разныхъ сословій,—какъ—вы всего этого не понимаете? Да послѣ этого съ вами и говорить нечего: вы неучи, васъ учить надо, за васъ надо думать и дѣйствовать. Поймите же, наконецъ, что земская реформа должна быть торжествомъ и всесословности, и безсословности; ея главная цѣль дать возможность мужику быть предсѣдателемъ земской управы и земскаго собранія. А то, что вы предлагаете—подчиненіе всего хозяйства уѣзда одному человѣку:—это знаете что?* Это, значитъ, ничто

иное, какъ введеніе крѣпостнаго помѣщичьяго права, но уже не на крестьянъ однихъ, а на весь уѣздъ, потому что этотъ вашъ одинъ человѣчикъ будетъ непремѣнно дворяниномъ, да еще помѣщикомъ, да, пожалуй, еще знающимъ, толковымъ и умнымъ помѣщикомъ. А, мы этого-то не хотимъ".

Вотъ, приблизительно, то, что отвѣтили бы наши реформаторы - идеологи русскому земскому человѣку, если бы спрошенный о земствѣ, онъ далъ о немъ свое мнѣніе.

Надо прежде всего замѣтить, что въ ту эпоху, когда возбужденъ былъ вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій, провинція въ Россіи ощущала уже весьма сильно *недостатокъ въ людяхъ*, въ рабочихъ, такъ сказать, интеллигенціи: часть дворянства заснула, другая часть выѣхала изъ своихъ имѣній и начала проживать свои выкупныя свидѣтельства; съ этимъ недостаткомъ въ людямъ, количественнымъ и матеріальнымъ, совпадало какое-то всеобщее растлѣніе духа.

Но, какъ я сказалъ, чиновники-либералы, виновники и создатели этого растлѣнія *русскаго духа*, подняли вопросъ безъ всякаго предварительнаго соображенія съ тогдашнимъ состояніемъ Россіи. Что это такъ было, въ этомъ нельзя сомнѣваться, ибо главная особенность всѣхъ приготовительныхъ работъ по составленію проекта земскихъ учрежденій заключалась въ томъ, что чиновники-проектеры представили себѣ русскую провинцію, населенную многочисленнымъ контингентомъ образованныхъ дѣятелей, и на этомъ представленіи создали весь планъ реформы.

Было ли это случайное незнаніе тогдашнихъ обстоятельствъ провинціи, или было это представленіе умы-

шленное—не берусь рѣшать, хотя думаю, что тутъ дѣло не обошлось безъ умысла, на томъ основаніи, что если чиновники-либералы знали о недостаткѣ въ Россіи людей, они бы должны были свой земскій проектъ волею или неволею примѣнить къ этому недостатку, и тогда пришлось бы имъ всю силу и власть земскихъ учрежденій сосредоточить въ единоличныхъ учрежденіяхъ, за неимѣніемъ возможности устроить многоличныя; а этого они не могли хотѣть, ибо тогда эти единоличныя учрежденія, вѣроятно, наполнились бы исключительно дворянами. Вотъ почему я склоненъ думать, что именно потому, что наши либералы-чиновники предвидѣли недостатокъ въ людяхъ, именно потому-то они приложили всѣ старанія къ тому, чтобы, при составленіи проекта, все было разсчитано на большой комплектъ земскихъ людей, дабы масса людей всѣхъ сословій, какая бы она ни была, могла бы мѣшать преобладанію въ земствѣ исключительно дворянскаго помѣщичьяго элемента.

Вотъ тутъ-то доктринеры, идеологи и либералы чиновники высказались вполнѣ; они поспѣшили взять съ запада, для примѣненія къ намъ, одно изъ сильнѣйшихъ демократическихъ и соціалистическихъ началъ: начало дешеваго ценза для права голоса, и этимъ разсчитывали сдѣлать невозможнымъ преобладаніе въ будущемъ земствѣ консервативнаго и аристократическаго начала крупной землевладѣльческой единоличной силы. Клочекъ земли, такъ сказать, явился, по смыслу проекта, основаніемъ для права голоса въ земскихъ учрежденіяхъ, для права быть избираемымъ въ должности, для права быть земскимъ дѣятелемъ.

Затѣмъ, введено было другое, не менѣе коренное по своему демократизму, начало; крестьянской массѣ признано было нужнымъ дать въ земствѣ двойную силу, отличную отъ всѣхъ другихъ сословій: во-первыхъ, изъ крестьянъ была составлена особая избирательная единица для выбора своихъ земскихъ гласныхъ; во-вторыхъ, крестьяне ввведены были частью въ общую избирательную массу землевладѣльцевъ въ уѣздѣ,— такъ что въ сущности, дѣло было составлено такъ, что если бы крестьяне захотѣли вовсе отстранить дворянъ-землевладѣльцевъ отъ всякаго участія въ земскихъ дѣлахъ, они бы имѣли къ тому полную законную возможность. Кстати припомнить, что именно это-то случилось въ полтавской губерніи, три года назадъ, когда большая часть всѣхъ земскихъ управъ пополнилась *исключительно крестьянами-казаками*, и дворяне были вездѣ забаллотированы, по предварительному соглашенію между собою крестьянъ-собственниковъ.

Такимъ образомъ, представляется яснымъ, что для чиновниковъ-либераловъ и земскихъ идеологовъ не было даже и нужды входить въ разслѣдованіе вопроса: есть ли въ провинціи недостатокъ въ людяхъ образованныхъ или нѣтъ, такъ какъ земское учрежденіе должно было, по смыслу ихъ воззрѣній на эту реформу, сосредоточиться главнымъ образомъ, въ массѣ мелкихъ землевладѣльцевъ; а такъ какъ въ этой массѣ главную силу количественную представляли собою крестьяне-собственники, то понятно, что вопросъ о томъ, найдутся ли земскіе люди изъ другихъ сословій *или не* найдутся—былъ для земскихъ проектеровъ *вопросомъ* второстепеннымъ.

Разъ—этотъ вопросъ былъ признанъ второстепеннымъ—ничего не стоило проектерамъ-чиновникамъ создать планъ какихъ угодно многолюдныхъ коллегіальныхъ учрежденій, и этотъ планъ многолюдныхъ коллегіальныхъ учрежденій былъ созданъ.

Явились избирательные съѣзды, крестьянскіе и всесословные, явились уѣздныя и губернскія управы съ неограниченнымъ количествомъ членовъ (не менѣе трехъ), явились уѣздныя и губернскія земскія собранія, явился цѣлый механизмъ весьма сложныхъ отношеній управъ къ собраніямъ, и земства къ администраціи, и все это для того, чтобы замѣтить существовавшія прежде весьма несложныя коммиссіи повинностей и народнаго продовольствія.

Чиновники-либералы явились въ этомъ дѣлѣ вѣрными своему принципу и своимъ традиціямъ; они постарались сдѣлать изъ земскихъ учрежденій весьма видное, по своимъ либеральнымъ формамъ и пріемамъ, либеральное учрежденіе, но учрежденіе дутое, безъ содержанія, безъ внутреннихъ силъ, безъ соотвѣтствія уровню провинціальнаго жизненнаго строя, и въ полномъ разладѣ съ принципомъ нашего государственнаго быта. Учрежденіе это съ самаго перваго дня скрипѣло, такъ сказать, немилосердно отъ фальши всѣхъ его подробностей, но проектерамъ-либераламъ до этого скрипа не было дѣла: для нихъ главнымъ казались не серьезность дѣла, и не неловкое положеніе, въ которое они ставили правительство, а быть либеральными и нанести возможно большій ударъ крупному землевладѣнію въ лицѣ помѣщиковъ.

Теперь, по истеченіи 10 лѣтъ со введенія земскихъ учрежденій въ Россіи, удивляешься тому, какъ могли

люди, десять лѣтъ назадъ, до такой степени увлекаться теоріями дутаго либерализма и началами демократизма, чтобы создать въ Россіи проектъ такого всесословнаго государственнаго учрежденія, коего *доктрины* весьма были сходны съ тѣми, которыя легли въ основу революціи Франціи 1793 года? Кто же могъ не знать въ то время, чѣмъ былъ тотъ крестьянскій уровень, которому одновременно давали дешовую водку и перевѣсъ надъ всѣми образованными людьми русской земли въ земскихъ учрежденіяхъ? Кто могъ не понять, что нѣтъ наличныхъ образованныхъ силъ въ провинціи для наполненія 550 коллегіальныхъ учрежденій и противувѣса крестьянству? Кто могъ не знать, что если дворянскія наши сословныя учрежденія, у которыхъ дѣла было гораздо меньше, чѣмъ у земскихъ, не могли привлекать къ себѣ участіе всѣхъ лучшихъ людей въ Россіи изъ сословія дворянъ-помѣщиковъ, то какимъ-же образомъ можно было разсчитывать на чье-бы то ни было участіе въ дѣлахъ столь трудныхъ, отвѣтственныхъ и важныхъ, какими явилось земское дѣло? Казалось, что все это всякій понималъ; но чадъ либерализма ложнаго и анти-дворянскаго, былъ такъ силенъ, что всѣ, знавшіе въ чемъ дѣло, насильно забывали практическую правду, чтобы апплодировать торжеству демократическихъ идей, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Дворяне первые и громче всѣхъ кричали: вотъ теперь кончается дворянска эра въ провинціи, а начинается земская! А когда имъ задавали вопросъ: что же значитъ эта новая земская эра? они съ удивительною наивностью отвѣчали, что *земская эра—значитъ либеральная эра, значитъ мужицкая эра, значитъ безсословная эра, значитъ анти-дворянская эра!*

же для земскихъ учрежденій самихъ, сколько для интересовъ правительства и самаго общества.

Вредъ этотъ долженъ былъ проявиться въ нѣсколькихъ видахъ.

Во-первыхъ, создавая многосложное и многосословное учрежденіе для хозяйственнаго управленія губерніею и ея уѣздами, правительство, усложняло себѣ свое собственное дѣло управленія хлопотами и дѣлами, которыя нисколько не окупались мѣстною пользою, но которыя ложились на него бременемъ совершенно даромъ, и приводили его къ непріятной для него необходимости срѣзать и обрѣзать тѣ изъ правъ новаго земскаго учрежденія, которыя при переложеніи съ бумаги на дѣло оказывались непропорціональными той совокупности правъ, которую на самомъ дѣлѣ правительство желало дать земскимъ учрежденіямъ.

Руководимое исключительно одною цѣлью—общественнымъ благомъ, высшее правительство, какъ всегда, явилось и въ этомъ дѣлѣ вполнѣ добросовѣстнымъ и повѣрило на слово тѣмъ, которые взяли на себя канцелярскую разработку проекта земскихъ учрежденій въ томъ либерально-теоретическомъ духѣ, который тогда господствовалъ въ періодической печати и въ среднихъ чиновничьихъ сферахъ.

Но весьма скоро обнаружилось, что правительство слишкомъ довѣрчиво отдало редакторскую часть проекта земскихъ учрежденій на эксплоатацію петербургскому лже-либерализму.

Оказалось, что земство, именно потому что въ томъ видѣ, въ какомъ оно было призвано дѣйствовать положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, не могло собрать нужныхъ личныхъ силъ для исполненія возложеннаго

на него дѣла удовлетворительно, всегда было въ состояніи выдѣлять изъ себя двѣ-три личности, которыя, за неимѣніемъ способностей заниматься дѣломъ, имѣли громкій голосъ и способность *играть въ земскія учрежденія,* и, воображая себя какими-то изъ особаго тѣста созданными людьми, стремились къ популярности въ провинціи посредствомъ какой-то борьбы съ представителями правительственныхъ элементовъ.

Дѣятелей земскихъ было мало, слишкомъ мало; но земскіе крикуны, или земскіе пѣтухи, вездѣ есть; и вотъ эти-то пѣтухи очень скоро стали кричать, и прежде чѣмъ образовалась правильная земская дѣятельность, образовалось нѣчто дѣтское и смѣшное въ видѣ *земской оппозиціи.*

Эта *земская оппозиція* явилась именно какъ послѣдствіе построенія земскихъ учрежденій въ духѣ лже-либеральныхъ идей и заботъ отстранить отъ этихъ учрежденій рѣшительное вліяніе помѣщичьяго сословія. Она, то есть оппозиція эта, явилась или тамъ, гдѣ иные изъ дворянъ хотѣли посредствомъ земства выказать свою дворянскую силу, или тамъ, гдѣ наоборотъ иные изъ дворянъ захотѣли верхомъ на земсвѣ пріобрѣсть себѣ популярность въ этомъ земствѣ, какъ антидворянскіе или безсословные дѣятели, какъ коноводы мѣстнаго земства противъ правительства или противъ дворянства.

Но какой бы дѣтскій характеръ ни имѣла эта оппозиція въ земствѣ, правительство не могло ея терпѣть, и явилась необходимость разъяснять права и обязанности земскихъ учрежденій, но уже не въ томъ широкомъ смыслѣ, какой давали ему при разработкѣ проекта лже-либеральные черезъ-чуръ усердные слуги пра-

ія земскихъ учрежденій, какъ со всѣхъ сторонъ, даже въ лже-либеральной печати, стали раздаваться госа, въ видѣ воплей и жалобъ на то, что земство овершенно напрасно затрачиваетъ земскія деньги на одержаніе своихъ многочисленныхъ штатныхъ учрежденій.

Но при этомъ не слѣдуетъ думать, что если жизнь рактическая передѣлала по своему земскія учреждеія и отняла отъ нихъ чисто-демократическій характеръ, не слѣдуетъ думать, говорю я, чтобъ самый актъ выработки чиновниками такихъ особенностей роекта, которыя введены были прямо съ цѣлью утверрить демократическія и анти-дворянскія начала на емской почвѣ, не произвелъ вреда.

Напротивъ, вредъ былъ нанесенъ ходу русской жизни, и вредъ немаловажный, столько-же для правительственныхъ, сколько для общественныхъ интересовъ. Объ этомъ я сейчасъ поговорю.

ною частью въ губерніи и въ уѣздѣ, или экономическихъ конторъ; Россія ни въ чемъ больше не нуждалась: ей не нужно было ни участія безграмотныхъ крестьянъ, ни безмолвнаго участія духовенства въ земскихъ дѣлахъ, ни сидѣнія въ земствѣ засыпавшихъ отъ скуки купцовъ, ни ораторовъ, ни безконечныхъ преній о народномъ образованіи, словомъ ей не нужно было той театральной либерально-политической обстановки, въ которой земскія учрежденія явились вслѣдъ за крестьянскою реформою.

Какъ я сказалъ, Россіи нужны были дѣльные, бойкіе расторопные и распорядители по уѣздамъ, по одному на каждый, все равно изъ какого сословія, которые могли бы завѣдывать и хозяйствомъ, и уѣздомъ и даже медицинскою частью; а школы всегда могли быть отдѣлены отъ земства,—ибо не имѣютъ съ нимъ особенно тѣсной связи,—и переданы училищнымъ совѣтамъ.

Приведеніе земства къ такому простому виду будь оно сдѣлано въ началѣ, оно бы озадачило, вѣроятно, нашихъ петербургскихъ лже-либераловъ, но не произвело бы ни тѣни неудовольствія въ Россіи; напротивъ, весьма вѣроятно нашлись бы сейчасъ же охотники быть полновластнымъ хозяиномъ въ уѣздѣ въ рядахъ лучшихъ русскихъ людей и дѣло пошло бы на ладъ просто безъ рѣчей и безъ криковъ.

Но совсѣмъ другое впечатлѣніе должны были производить опыты надъ упрощеніемъ и обуздываніемъ земства тогда, когда уже весь сложный механизмъ либерально-всесословнаго земства пущенъ былъ въ ходъ, и когда, какъ я сказалъ, искусственное привитіе къ нему какого-то западнаго лже-либеральнаго духа родилъ зем-

скихъ пѣтуховъ прежде чѣмъ родить земскихъ дѣятелей.

Явилась сейчасъ же неурядица въ мысляхъ, понятіяхъ и воззрѣніяхъ: столько же въ печати, сколько въ общественной жизни сдѣлалось что-то въ родѣ ощущенія *земскаго* malaise: и земству стало неловко, и правительству стало неудобно. Земскіе пѣтухи хотѣли изъ земства сдѣлать арену для своихъ политическихъ рѣчей, правительство основательно требовало безусловно, чтобы земство ни въ какомъ случаѣ не переступало далѣе чисто-хозяйственнаго круга дѣятельности.

Но легко ли отдѣльно каждому уѣздному земству толковать, гдѣ предѣлъ далѣе котораго идти нельзя? Понадобились общія распоряженія, общія мѣры, общіе циркуляры, и каждая изъ общихъ мѣръ по необходимости принимала, именно по причинѣ своей общности, характеръ какого-то приведенія земства къ порядку, и казалось теоретически-стѣснительною, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была практически нужна.

А будь земство просто экономическими распорядительными конторами по уѣздамъ, безъ всякаго соображенія, либераленъ ли такой видъ земства или недостаточно либераленъ, похожъ ли онъ на европейскій механизмъ или непохожъ—всякое объясненіе такимъ отдѣльнымъ лицамъ своихъ правъ и обязанностей было бы столько же просто, какъ тотъ механизмъ единоличнаго земскаго учрежденія, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

Опасаясь вліянія на умы земскихъ пѣтуховъ или ораторовъ,—въ которыхъ у насъ никогда нѣтъ недостатка, когда нужно говорить громко-либеральныя и безсодержательныя рѣчи,—правительство не могло до-

на него дѣла удовлетворительно, всегда было въ состояніи выдѣлять изъ себя двѣ-три личности, которыя, за неимѣніемъ способностей заниматься дѣломъ, имѣли громкій голосъ и способность *играть въ земскія учрежденія,* и, воображая себя какими-то изъ особаго тѣста созданными людьми, стремились къ популярности въ провинціи посредствомъ какой-то борьбы съ представителями правительственныхъ элементовъ.

Дѣятелей земскихъ было мало, слишкомъ мало; но земскіе крикуны, или земскіе пѣтухи, вездѣ есть; и вотъ эти-то пѣтухи очень скоро стали кричать, и прежде чѣмъ образовалась правильная земская дѣятельность, образовалось нѣчто дѣтское и смѣшное въ видѣ *земской оппозиціи.*

Эта *земская оппозиція* явилась именно какъ послѣдствіе построенія земскихъ учрежденій въ духѣ лже-либеральныхъ идей и заботъ отстранить отъ этихъ учрежденій рѣшительное вліяніе помѣщичьяго сословія. Она, то есть оппозиція эта, явилась или тамъ, гдѣ иные изъ дворянъ хотѣли посредствомъ земства выказать свою дворянскую силу, или тамъ, гдѣ наоборотъ иные изъ дворянъ захотѣли верхомъ на земсвѣ пріобрѣсть себѣ популярность въ этомъ земствѣ, какъ антидворянскіе или безсословные дѣятели, какъ коноводы мѣстнаго земства противъ правительства или противъ дворянства.

Но какой бы дѣтскій характеръ ни имѣла эта оппозиція въ земствѣ, правительство не могло ея терпѣть, и явилась необходимость разъяснять права и обязанности земскихъ учрежденій, но уже не въ томъ широкомъ смыслѣ, какой давали ему при разработкѣ проекта лже-либеральные черезъ-чуръ усердные слуги пра-

ловались на то, что земство ихъ грабитъ, земство ихъ вдвойнѣ будто бы облагаетъ, земство ихъ раззоряетъ, при чемъ они забывали, что земство—это они же, крупные землевладѣльцы, которые потому то неправильно быть можетъ и облагаются, что, за неявкою ихъ въ земскія собранія, дѣломъ распоряжаться стали такіе земскіе люди, которымъ все равно, правильно или неправильно, справедливо, или несправедливо они облагаютъ.

Такимъ образомъ практическая невозможность получать на мѣстѣ столько людей, сколько того требовала лже-либеральная конституція земскихъ учрежденій привела къ тому, что земское учрежденіе не могло имѣть на строй русской жизни вліянія государственнаго учрежденія, подвигающаго впередъ всю народную жизнь.

Напротивъ, оно скорѣе пріостановило это движеніе впередъ, ибо разомъ, такъ сказать, охладило Россію къ интересамъ ея мѣстной экономической жизни.

Много было званныхъ, и слишкомъ мало избранныхъ на нивѣ земскихъ учрежденій, и все это вслѣдствіе двухъ qui pro quo или несчастныхъ недоразумѣній.

Когда заговорили о нуждѣ имѣть хозяйственную мѣстную администрацію лучшую чѣмъ прежде, лже-либералы нашего государственнаго міра позаботились о либерализмѣ и о популярности болѣе, чѣмъ о хозяйственныхъ нуждахъ и средствахъ провинціи въ Россіи. Это одинъ qui pro quo. Когда послѣ изданія и введенія земскихъ учрежденій оказалось, что дѣйствительно ложному либерализму земскихъ учрежденій принесены были въ жертву практическіе интересы провинціи и потребовалось очистить эти земскія учрежденія отъ не

ною частью въ губерніи и въ уѣздѣ, или экономическихъ конторъ; Россія ни въ чемъ больше не нуждалась: ей не нужно было ни участія безграмотныхъ крестьянъ, ни безмолвнаго участія духовенства въ земскихъ дѣлахъ, ни сидѣнія въ земствѣ засыпавшихъ отъ скуки купцовъ, ни ораторовъ, ни безконечныхъ преній о народномъ образованіи, словомъ ей не нужно было той театральной либерально-политической обстановки, въ которой земскія учрежденія явились вслѣдъ за крестьянскою реформою.

Какъ я сказалъ, Россіи нужны были дѣльные, бойкіе расторопные и распорядители по уѣздамъ, по одному на каждый, все равно изъ какого сословія, которые могли бы завѣдывать и хозяйствомъ, и уѣздомъ и даже медицинскою частью; а школы всегда могли быть отдѣлены отъ земства,—ибо не имѣютъ съ нимъ особенно тѣсной связи,—и переданы училищнымъ совѣтамъ.

Приведеніе земства къ такому простому виду будь оно сдѣлано въ началѣ, оно бы озадачило, вѣроятно, нашихъ петербургскихъ лже-либераловъ, но не произвело бы ни тѣни неудовольствія въ Россіи; напротивъ, весьма вѣроятно нашлись бы сейчасъ же охотники быть полновластнымъ хозяиномъ въ уѣздѣ въ рядахъ лучшихъ русскихъ людей и дѣло пошло бы на ладъ просто безъ рѣчей и безъ криковъ.

Но совсѣмъ другое впечатлѣніе должны были производить опыты надъ упрощеніемъ и обуздываніемъ земства тогда, когда уже весь сложный механизмъ либерально-всесословнаго земства пущенъ былъ въ ходъ, и когда, какъ я сказалъ, искусственное привитіе къ нему *какого-то* западнаго лже-либеральнаго духа родилъ зем-

скихъ пѣтуховъ прежде чѣмъ родить земскихъ дѣятелей.

Явилась сейчасъ же неурядица въ мысляхъ, понятіяхъ и воззрѣніяхъ: столько же въ печати, сколько въ общественной жизни сдѣлалось что-то въ родѣ ощущенія *земскаго* malaise: и земству стало неловко, и правительству стало неудобно. Земскіе пѣтухи хотѣли изъ земства сдѣлать арену для своихъ политическихъ рѣчей, правительство основательно требовало безусловно, чтобы земство ни въ какомъ случаѣ не переступало далѣе чисто-хозяйственнаго круга дѣятельности.

Но легко ли отдѣльно каждому уѣздному земству толковать, гдѣ предѣлъ далѣе котораго идти нельзя? Понадобились общія распоряженія, общія мѣры, общіе циркуляры, и каждая изъ общихъ мѣръ по необходимости принимала, именно по причинѣ своей общности, характеръ какого-то приведенія земства къ порядку, и казалось теоретически-стѣснительною, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была практически нужна.

А будь земство просто экономическими распорядительными конторами по уѣздамъ, безъ всякаго соображенія, либераленъ ли такой видъ земства или недостаточно либераленъ, похожъ ли онъ на европейскій механизмъ или непохожъ—всякое объясненіе такимъ отдѣльнымъ лицамъ своихъ правъ и обязанностей было бы столько же просто, какъ тотъ механизмъ единоличнаго земскаго учрежденія, о которомъ я сейчасъ говорилъ.

Опасаясь вліянія на умы земскихъ пѣтуховъ или ораторовъ,—въ которыхъ у насъ никогда нѣтъ недостатка, когда нужно говорить громко-либеральныя и *безсодержательныя* рѣчи,—правительство не могло до-

пустить совмѣстнаго дѣйствія земства нѣсколькихъ губерній, не могло допустить также безцензурной земской печати, и того и другаго оно не могло допустить именно потому, что земство явилось въ видѣ сложныхъ всесословныхъ коллегіальныхъ учрежденій; тогда какъ прійми земство простую форму хозяйственно-распорядительныхъ конторъ, правительство не встрѣтило бы никакого затрудненія дозволять конторѣ или земскому дѣятелю одной губерніи имѣть сношеніе съ конторою или земскимъ управленіемъ другой губерніи.

Но всего важнѣе былъ тотъ вредъ, который явился послѣдствіемъ неосновательно распространившагося въ обществѣ мнѣнія, что правительство будто бы желаетъ стѣснить земство, и даже его уничтожить, будто бы испугавшись его власти.

Люди, у которыхъ не было ни малѣйшей охоты заниматься земскимъ дѣломъ, какъ общественно-практическимъ дѣломъ, какъ дѣломъ общественной пользы, были очень довольны тѣмъ, что правительство вынуждено было прибѣгнуть къ необходимости регулировать отношенія земства къ нему, и воспользовались этимъ, какъ предлогомъ для оправданія своего равнодушія къ земскимъ дѣламъ. Вотъ еще, говорили они, станемъ мы заниматься земствомъ, когда то и дѣло, что его обрѣзываютъ, и земство чуть ли не съ перваго года своего существованія сдѣлалось учрежденіемъ для провинціальной интеллигенціи и для большинства крупныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ—безъинтереснымъ.

Индефферентизмъ къ земству дошелъ до такихъ размѣровъ, что на каждомъ шагу приходилось встрѣчать *въ Петербургѣ* крупныхъ землевладѣльцевъ, которые *очень наивно* и чуть ли не со слезами на глазахъ жа-

ловались на то, что земство ихъ грабитъ, земство ихъ вдвойнѣ будто бы облагаетъ, земство ихъ раззоряетъ, при чемъ они забывали, что земство—это они же, крупные землевладѣльцы, которые потому то неправильно быть можетъ и облагаются, что, за неявкою ихъ въ земскія собранія, дѣломъ распоряжаться стали такіе земскіе люди, которымъ все равно, правильно или неправильно, справедливо, или несправедливо они облагаютъ.

Такимъ образомъ практическая невозможность получать на мѣстѣ столько людей, сколько того требовала лже-либеральная конституція земскихъ учрежденій привела къ тому, что земское учрежденіе не могло имѣть на строй русской жизни вліянія государственнаго учрежденія, подвигающаго впередъ всю народную жизнь.

Напротивъ, оно скорѣе пріостановило это движеніе впередъ, ибо разомъ, такъ сказать, охладило Россію къ интересамъ ея мѣстной экономической жизни.

Много было званныхъ, и слишкомъ мало избранныхъ на нивѣ земскихъ учрежденій, и все это вслѣдствіе двухъ qui pro quo или несчастныхъ недоразумѣній.

Когда заговорили о нуждѣ имѣть хозяйственную мѣстную администрацію лучшую чѣмъ прежде, лже-либералы нашего государственнаго міра позаботились о либерализмѣ и о популярности болѣе, чѣмъ о хозяйственныхъ нуждахъ и средствахъ провинціи въ Россіи. Это одинъ qui pro quo. Когда послѣ изданія и введенія земскихъ учрежденій оказалось, что дѣйствительно ложному либерализму земскихъ учрежденій принесены были въ жертву практическіе интересы провинціи и потребовалось очистить эти земскія учрежденія отъ не

нужной лже-либеральной примѣси, и дать имъ тотъ простой видъ. какой должны имѣть чисто хозяйственныя мѣстныя учрежденія — тогда тѣже лже-либералы стали пожимать плечами, и говорить о стѣсненіи будто бы свободы земскаго учрежденія. Вотъ второе qui pro quo.

Но оба эти qui pro quo оказались къ сожалѣнію неисправимыми.

Нельзя было упростить земское учрежденіе, и очистить его отъ лже-либеральной примѣси.

Нельзя было помѣшать лже-либераламъ говорить объ ограниченіи будто бы свободы земскихъ учрежденій, ибо разъ—эта лже-либеральная примѣсь вошла въ плоть земскихъ учрежденій, всякое дѣйствіе съ цѣлью ее оттуда выжить—не могло не имѣть характера дѣйствительно ограничивающаго ту свободу земства, которая будто была дана земству первоначально.

Читатели помнятъ, что я говорилъ объ ошибкахъ сдѣланныхъ при разработкѣ крестьянскаго вопроса, благодаря лже-либераламъ, относительно органическаго слитія съ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ съ усадьбою и полевымъ надѣломъ вопроса о крестьянскомъ самоуправленіи, сдѣлавшагося источникомъ множества неудобствъ для правительства, и множества безпорядковъ для мѣстной провинціальной жизни.

Ошибка была сдѣлана, и вредъ отъ этой ошибки оказался неисправимымъ.

Не тоже ли самое, но гораздо въ большихъ размѣрахъ, приходится сказать объ ошибкахъ сдѣланныхъ при составленіи проекта земскихъ учрежденій?

Но къ сожалѣнію размѣры вреда, происшедшаго *оттого,* что на созданіе земскихъ учрежденій имѣла

вліяніе исключительно чиновничья лже-либеральная среда, съ отстраненіемъ отъ разработки этого жизненнаго для Россіи вопроса—русскихъ землевладѣльцевъ-дворянъ, размѣры, говорю я, вреда дѣйствительно несравненно больше, чѣмъ вредъ происшедшій отъ лже-либерализма въ дѣлѣ устройства волостнаго управленія.

Къ тому же вредъ произведенный лже-либеральнымъ изобрѣтеніемъ волостнаго самодержавія—вредъ почти исключительно матеріальный; онъ заключается въ водвореніи вмѣсто порядка цѣлаго міра безпорядковъ и злоупотребленій матеріальныхъ.

Здѣсь же, въ вопросѣ земскихъ учрежденій—вредъ почти исключительно нравственный, и потому самому несравненно глубже вошедшій въ русскую жизнь.

Земство явилось и примѣнилось въ Россіи подъ громкимъ именемъ *самоуправленія*.

Князь Васильчиковъ, нашъ русскій Токвиль, посвятилъ этому *самоуправленію* три большія книги; и вотъ это то самоуправленіе было почти съ самаго начала развѣнчано какъ политическій идеалъ; земство, говоря на простомъ языкѣ, опротивило всѣмъ и каждому, и вотъ на это то опротивившее самому себѣ земство легли обязанности, съ которыми оно не въ состояніи было справиться даже на половину, ибо не находило людей, или если были люди, то не находило въ нихъ охоты къ земской дѣятельности.

Въ доказательство того, какъ неподготовлено было земство въ той формѣ, въ какой оно было придумано, въ всесословности, достаточно припомнить одинъ фактъ: нѣкоторыя земскія собранія не безъ основанія признали справедливымъ привлечь къ платежу земскихъ сборовъ фабрики и заводы, принявъ за основаніе обло-

женія размѣры оныхъ и сумму производства; едва только вопроса коснулись этого, какъ всѣ купцы, то есть, опять-таки часть русскаго земства, возопили, и въ концѣ концовъ изданъ былъ законъ, воспрещающій земству при обложеніи фабрикъ и заводовъ принимать за норму размѣры годоваго производства или годовой прибыли фабрики и завода.

Фактъ этотъ слишкомъ явно показывалъ, что земство нельзя искусственно сплачивать изъ неимѣющихъ ничего между собою общаго сословій въ средѣ провинціальнаго общества, гдѣ уровень образованія былъ такъ еще низокъ, и гдѣ между дворяниномъ, обратившимся въ краснаго соціалиста и между безграмотнымъ мужикомъ средняго ничего не было—кромѣ развѣ духовенства, но духовенство привлекать къ хозяйственному самоуправленію было совершенно безполезно для земства и вредно для духовныхъ интересовъ самого духовенства.

И если немыслимо было въ одну изъ основъ земства ставить наше грубое и чуждое всякому экономическому общественному интересу купечество, то не менѣе затруднительнымъ оказалось пріохотить и природиить, такъ сказать, къ земству—наше дворянское сословіе землевладѣльцевъ.

Купечество не вошло въ земство, и прямо даже съ перваго же его шага насолило ему, потому, что оно было грубо и невѣжественно и другаго интереса кромѣ своего денежнаго не признавало; дворянство же не вошло въ земство потому, что оно было ему инстинктивно антипатично, или если вошло, то главнымъ образомъ *въ видѣ* преобразовавшихся въ самый красный цвѣтъ *демократовъ*.

дей, чтобы заняться коллегіально и серьезно хозяйственными нуждами губерніи и уѣзда, то откуда бы хватило людей на дѣло еще болѣе трудное—на просвѣщеніе и образованіе народа?

Наши лже-либералы до сихъ поръ думаютъ, что учить народъ значитъ строить школы и нанимаютъ человѣка за 300 руб. въ годъ въ учителя, точно также, какъ нанимаютъ сторожей и прикащиковъ.

При такомъ воззрѣніи на народное образованіе, удивительно ли, что наше земство, которое скроилось по образцу петербургскихъ лже-либераловъ, съумѣло выстроить школы и нанять учителей, но не съумѣло серьезно подвинуть народное образованіе?

При такомъ уровнѣ земства, можно смѣло сказать—земскія учрежденія въ ихъ нынѣшнемъ видѣ еще далеко, далеко нашимъ земскимъ людямъ не подъ силу...

XI.

Роковое значеніе земскаго банкрота.

Я останавливаюсь на земской реформѣ.

Это было послѣднее дѣйствіе того великаго общественнаго переворота, которое позволило себѣ правительство.

Правда, послѣ земской реформы, послѣдовала судебная реформа, но судебная реформа, какъ ни велики были перемѣны ею произведенныя, все же была, главнымъ образомъ, судебная, а не общественная реформа.

Вотъ почему концомъ правительственной иниціативы на пути общественныхъ переворотовъ я считаю земскую реформу.

Она была, въ одно и тоже время, и вѣнцомъ реформъ и самымъ разительнымъ доказательствомъ нашей общественной несостоятельности.

Земское положеніе ничего не произвело прочнаго и плодороднаго—повсемѣстно.

Примѣненное ко всей Россіи, оно вызвало индивидуальную дѣятельность какъ исключеніе, и безпечность и равнодушіе какъ общее правило.

Съ введеніемъ земскихъ учрежденій, началась, какъ

я сказалъ, земская комедія, или игра въ земскія учрежденія, въ иныхъ мѣстахъ перешедшая въ драму, напримѣръ, въ московской губерніи и однажды въ Петербургѣ, когда земскіе люди захотѣли играть въ парламентъ, и чуть чуть не привели правительство къ закрытію земскихъ учрежденій въ Россіи;—или, какъ въ самарской губерніи, когда вдругъ открылся голодъ въ 4-хъ уѣздахъ, голодъ потребовавшій подписки по всей Россіи, и объясненный земствомъ тѣмъ, что будто бы мѣстная администрація помѣшала земству во время принять мѣры къ предупрежденію голода въ одной изъ плодороднѣйшихъ губерній Россіи, орошаемой Волгою.

Такіе факты не легко забыть. Они явились обличителями земской несостоятельности, какъ учрежденія государственнаго.

На ряду съ этимъ, я могу назвать земство новгородское, прославившее себя своими дѣльными раскладками повинностей, своею почтовою частью, своими хозяйственными распоряженіями по части народнаго продовольствія, вятское, тверское и херсонское земства, прославившія себя своими усиліями на пользу народнаго образованія; московское земство—своими безчисленными протоколами, перепечатанными въ книжечки, и проч. и проч.; но все это явилось со всѣми свойствами метеора и случайно, неизвѣстно какъ и почему, свалившись, какъ снѣгъ на голову, до сихъ поръ, не смотря на прошедшее десятилѣтіе, не слилось органически ни съ народомъ, ни съ почвою.

Все это явилось какъ подвиги частныхъ лицъ, но далеко не какъ результатъ твердой и послѣдовательной системы.

Сегодня закройся земство, никто въ Россіи того да-

должно было заняться земство, и между всѣми другими отраслями земскаго хозяйства.

Въ особенности неудовлетворителенъ былъ бы отвѣтъ на вопросъ: много ли земство сдѣлало съ прямою цѣлью улучшить экономическое состояніе излюбленной земскими либералами—меньшой братіи, или говоря проще—русскаго народа. Очень мало, а въ иныхъ губерніяхъ, такъ ровно ничего!

А школъ вездѣ настроено бездна, и одного жалованья на содержаніе коллегіальныхъ земскихъ учрежденій издержано въ эти 10 лѣтъ до 20 милліоновъ рублей!

Народъ русскій между тѣмъ, для просвѣщенія котораго настроено было земствомъ столько школъ, продолжаетъ коснѣть почти въ прежнемъ невѣжествѣ, и если въ чемъ-либо есть перемѣна, то развѣ только въ томъ, что не смотря на увеличеніе количества земскихъ школъ, процвѣтаетъ безнравственность, растлѣніе и невѣжество въ средѣ того народа, для просвѣщенія котораго издержано за 10 лѣтъ земствомъ около 50 милл.!

И на эти 50 милл., какъ мало хорошихъ школъ, какъ много безполезныхъ школъ, какъ много, увы, вредныхъ школъ!

Спрашивается, почему же все это?

Потому, дерзаю я отвѣтить, что земскія учрежденія не слѣдовало создавать коллегіальными, при отсутствіи людей способныхъ ихъ наполнять: людей не хватило, земство обратилось для иныхъ въ тягость, для другихъ въ формальность, для третьихъ въ игрушку, для четвертыхъ въ средство проводить *идеи* современности, и *въ концѣ* концовъ, если не хватило у государства лю-

ности и отличить насущныя потребности отъ второстепенныхъ.

3) Оно не могло пріобрѣсти вліяніе на народную жизнь.

4) Наконецъ, оно не могло привлечь къ себѣ лучшія силы страны.

Спрашивается, чего же послѣ этого ожидать отъ земства для будущаго?

Или, быть можетъ, я ошибаюсь, и четыре эти факта несправедливы.

Но тогда пусть мнѣ это докажутъ, и я больше, чѣмъ кто либо, обрадуюсь этимъ фактамъ и отрекусь отъ своихъ выводовъ, ибо никто болѣе меня, лѣтъ десять назадъ, не вѣрилъ въ жизненную способность земскаго учрежденія.

Но пока этихъ разубѣждающихъ фактовъ не имѣется,—я имѣю передъ глазами огромное количество *земскихъ сборниковъ* изъ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, знакомство съ которыми привело меня къ вышесказаннымъ четыремъ выводамъ относительно земской дѣятельности.

Для перваго вывода факты на лицо: съ перваго года по нынѣшній годъ существованія земства не только опредѣленіе экономическихъ силъ каждой губерніи и каждаго уѣзда не подвинулось впередъ, но въ иныхъ мѣстностяхъ какъ будто стало еще безпорядочнѣе чѣмъ прежде; въ началѣ виднѣлось что-то въ родѣ старанія узнать хоть что нибудь объ этихъ экономическихъ силахъ; теперь все это дѣло обратилось въ мертвое и механическое повтореніе пріемовъ и цифръ прошлаго года въ графахъ нынѣшняго, причемъ успѣли во многихъ уже мѣстахъ обнаружиться огромные недочеты,

XI.

Роковое значеніе земскаго банкрота.

Я останавливаюсь на земской реформѣ.

Это было послѣднее дѣйствіе того великаго общественнаго переворота, которое позволило себѣ правительство.

Правда, послѣ земской реформы, послѣдовала судебная реформа, но судебная реформа, какъ ни велики были перемѣны ею произведенныя, все же была, главнымъ образомъ, судебная, а не общественная реформа.

Вотъ почему концомъ правительственной инициативы на пути общественныхъ переворотовъ я считаю земскую реформу.

Она была, въ одно и тоже время, и вѣнцомъ реформъ и самымъ разительнымъ доказательствомъ нашей общественной несостоятельности.

Земское положеніе ничего не произвело прочнаго и плодороднаго—повсемѣстно.

Примѣненное ко всей Россіи, оно вызвало индивидуальную дѣятельность какъ исключеніе, и безпечность и равнодушіе какъ общее правило.

Съ введеніемъ земскихъ учрежденій, началась, какъ

я сказалъ, земская комедія, или игра въ земскія учрежденія, въ иныхъ мѣстахъ перешедшая въ драму, напримѣръ, въ московской губерніи и однажды въ Петербургѣ, когда земскіе люди захотѣли играть въ парламентъ, и чуть чуть не привели правительство къ закрытію земскихъ учрежденій въ Россіи;—или, какъ въ Самарской губерніи, когда вдругъ открылся голодъ въ 4-хъ уѣздахъ, голодъ потребовавшій подписки по всей Россіи, и объясненный земствомъ тѣмъ, что будто бы мѣстная администрація помѣшала земству во время принять мѣры къ предупрежденію голода въ одной изъ плодороднѣйшихъ губерній Россіи, орошаемой Волгою.

Такіе факты не легко забыть. Они явились обличителями земской несостоятельности, какъ учрежденія государственнаго.

На ряду съ этимъ, я могу назвать земство новгородское, прославившее себя своими дѣльными раскладками повинностей, своею почтовою частью, своими хозяйственными распоряженіями по части народнаго продовольствія, вятское, тверское и херсонское земства, прославившія себя своими усиліями на пользу народнаго образованія; московское земство—своими безчисленными протоколами, перепечатанными въ книжечки, и проч. и проч.; но все это явилось со всѣми свойствами метеора и случайно, неизвѣстно какъ и почему, свалившись, какъ снѣгъ на голову, до сихъ поръ, не смотря на прошедшее десятилѣтіе, не слилось органически ни съ народомъ, ни съ почвою.

Все это явилось какъ подвиги частныхъ лицъ, но далеко не какъ результатъ твердой и послѣдовательной системы.

Сегодня закройся земство, никто въ Россіи того да-

же не замѣтитъ. Дѣла сдадутся въ какіе нибудь комитеты и коммиссіи; чиновники коронные замѣнятъ чиновниковъ земскихъ, и все пойдетъ, какъ шло.

Мы сжились съ этимъ фактомъ несостоятельности земства, какъ русскаго государственнаго учрежденія, до такой степени, что мы не придаемъ ему ровно никакого значенія.

Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы этотъ фактъ утрачивалъ, благодаря тому, что мы къ нему привыкли, все свое серьезное и роковое значеніе въ исторіи нашей политической жизни.

По моему, этотъ фактъ есть торжество русскаго чиновника окончательно, которое разъ на всегда рѣшаетъ вопросъ о значеніи въ исторіи Россіи русскаго общества, какъ самостоятельнаго двигателя судебъ своего народа.

Если это такъ, то воля ваша, примиряться съ мыслію, что Россіи не суждено играть другой роли на землѣ, какъ механическаго театра маріонетокъ, гдѣ куколки ходятъ, вися на невидимой ниткѣ въ рукѣ чиновника и по его волѣ,—какъ то очень трудно для всякаго, кто искренно любитъ Россію.

Всякій день убѣждаетъ тѣхъ, которые имѣютъ несчастье не страдать куриною слѣпотою, въ непреложности этого роковаго факта.

Земство въ Россіи, проживши десятилѣтіе, обнаружило четыре несомнѣнные факта, слишкомъ, къ сожалѣнію, наглядно характеризующіе его несостоятельность.

1. Оно не могло привести въ опредѣленную извѣстность свои экономическія силы.

2) Оно не могло опредѣлить главныя свои обязан-

ности и отличить насущныя потребности отъ второстепенныхъ.

3) Оно не могло пріобрѣсти вліяніе на народную жизнь.

4) Наконецъ, оно не могло привлечь къ себѣ лучшія силы страны.

Спрашивается, чего же послѣ этого ожидать отъ земства для будущаго?

Или, быть можетъ, я ошибаюсь, и четыре эти факта несправедливы.

Но тогда пусть мнѣ это докажутъ, и я больше, чѣмъ кто либо, обрадуюсь этимъ фактамъ и отрекусь отъ своихъ выводовъ, ибо никто болѣе меня, лѣтъ десять назадъ, не вѣрилъ въ жизненную способность земскаго учрежденія.

Но пока этихъ разубѣждающихъ фактовъ не имѣется,—я имѣю передъ глазами огромное количество *земскихъ сборниковъ* изъ разныхъ губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ, знакомство съ которыми привело меня къ вышесказаннымъ четыремъ выводамъ относительно земской дѣятельности.

Для перваго вывода факты на лицо: съ перваго года по нынѣшній годъ существованія земства не только опредѣленіе экономическихъ силъ каждой губерніи и каждаго уѣзда не подвинулось впередъ, но въ иныхъ мѣстностяхъ какъ будто стало еще безпорядочнѣе чѣмъ прежде; въ началѣ виднѣлось что-то въ родѣ старанія узнать хоть что нибудь объ этихъ экономическихъ силахъ; теперь все это дѣло обратилось въ мертвое и механическое повтореніе пріемовъ и цифръ прошлаго года въ графахъ нынѣшняго, причемъ успѣли во многихъ уже мѣстахъ обнаружиться огромные недочеты,

значительныя растраты земскихъ кассъ, и обремененіе плательщиковъ непомѣрными окладами земскихъ сборовъ. Работа же къ опредѣленію экономическихъ силъ мѣстности для облегченія болѣе правильной оцѣнки источниковъ обложенія, и платежныхъ силъ, и болѣе равномѣрной раскладки смѣтныхъ окладовъ почти вездѣ пріостановилась.

Земскія собранія разсуждаютъ много о народномъ образованіи, но объ опредѣленіи экономическихъ своихъ силъ перестали разсуждать вовсе.

Что касается втораго пункта, я о немъ достаточно говорилъ въ моихъ письмахъ. Въ томъ, что земство почти вездѣ за главныя свои обязанности приняло второстепенныя, а второстепенныя признало главными—заключалась ребяческая, или комическая сторона земства, то есть, то свойство земской дѣятельности которое заставило серьезныхъ людей сказать, что наше земство *играетъ въ дѣятели*, но не болѣе.

Мнѣ кажется, что я не совсѣмъ удалюсь отъ истины, если фактъ этотъ объясню слѣдующимъ образомъ:

Какія главныя обязанности земства?

Забота о правильномъ распредѣленіи повинностей и взиманія ихъ съ одной стороны, а съ другой, хозяйственное управленіе уѣздомъ или губерніею, начиная съ народнаго продовольствія и кончая дорогами и мостами.

Всѣ эти обязанности входятъ, въ видѣ цифръ и статей, въ такъ называемый *обязательный* отдѣлъ земской смѣты.

Какія же второстепенныя обязанности земства?

Народное образованіе, напримѣръ, во всѣхъ его видахъ.

земство вообще, наше дворянство земледѣльческое въ особенности.

Можетъ быть, первые три дня по обнародованіи такой мѣры экстра ординарной, стали бы объ ней кричать наши либералы-крикуны, но на четвертый день большая часть русскаго земства и дворянъ-зеледѣльцевъ признали бы себя очень довольными, и сказали бы: слава Богу, насъ избавили, наконецъ, отъ этой скучной земской обузы!

Таково положеніе нашего земства, и я нисколько не преувеличиваю признаки времени, дѣлая такія предположенія.

Остается уяснить себѣ только, какъ мы къ такому состоянію пришли, и какую связь этотъ земскій банкротъ имѣетъ съ состояніемъ всего нашего общества и политическаго строя въ настоящее время.

разрядовъ школы, но нѣтъ хлѣба черезъ каждые два года.

Херсонское земство чуть ли не тысячъ двадцать уже издержало на свою литературную дѣятельность: что годъ, то являются цѣлые томы, гдѣ оно восхваляетъ свою гуманно-просвѣтительную дѣятельность. Но одинъ земецъ изъ практическихъ людей весьма основательно обратилъ вниманіе на слѣдующее соображеніе: вотъ уже 10 лѣтъ, какъ херсонское земство ораторствуетъ о лѣсоразведеніи, въ виду того, что каждые 2 года губернія страдаетъ неурожаемъ отъ засухи, а засуха происходитъ отъ безлѣсья; и что же, говоритъ этотъ земецъ: если бы въ эти 10 лѣтъ херсонское земство обратило бы на лѣсоразведеніе всѣ деньги, употребленныя ею на разведеніе *дурныхъ школъ* оно бы на эту уже сумму развело $^{1}/_{8}$ всего нужнаго губерніи лѣса.

Но херсонское земство смотритъ на это дѣло какъ на *обязательный расходъ* по народному продовольствію, и потому предпочитаетъ ему расходъ необязательный на огульное открытіе школъ съ первыми встрѣчными учителями.

А что люди умираютъ отъ голода—не все ли равно херсонскому земству?

Въ-третьихъ, сказалъ я, земство не могло пріобрѣсти вліяніе на народъ.

Этотъ третій фактъ есть послѣдствіе четвертаго: земство не имѣло возможности привлечь къ себѣ лучшія личныя силы въ образованномъ высшемъ сословіи и, вслѣдствіе этого, не могло имѣть вліянія на народную жизнь.

Безсиліе и мертвенность земства въ провинціал

щества въ 1863 и 1864 годахъ, по поводу польскихъ смутъ, общество, то есть дворянство россійское, петербургское чиновничество и петербургская интеллигенція находились въ какомъ то разслабленномъ, апатическомъ настроеніи и хаотическомъ умственномъ состояніи.

За доказательствами идти недалеко. Въ самый разгаръ еще польскаго мятежа, графъ Муравьевъ начерталъ цѣлый планъ обрусенія западнаго края посредствомъ русскихъ людей, вызываемыхъ въ край для службы и какъ помѣщики. Помѣщиковъ не оказалось вовсе, а изъ приглашенныхъ на службу чиновниковъ 9/10, оказались чуть ли не хуже всѣхъ Гоголевскихъ типовъ „Ревизора". Добродушіе послѣднихъ замѣнено было въ первыхъ какимъ-то жесткимъ цинизмомъ въ проявленіяхъ разнообразнаго нигилизма.

Нигилизмъ въ русскомъ обществѣ вступалъ уже въ то время въ свой періодъ.

Это уже не были горсти длинноволосыхъ, немытыхъ и нечесанныхъ юношей, зачитывающихся до умоизступленія Бюхнеромъ и Молешотомъ; это было цѣлое общество, которое наивно вѣрило, что быть либеральнымъ—значитъ отрѣшаться отъ тѣхъ преданій о *принципахъ*, которыя держали это общество въ извѣстной нравственной дисциплинѣ.

О старомъ дворянскомъ духѣ, съ его семейными началами, не было уже помину; на мѣстѣ его царилъ тотъ чиновничій-литературный, либеральный духъ, о которомъ я говорилъ выше и коего отличительная черта была индефферентизмъ ко всѣмъ возможнымъ нравственнымъ началамъ стараго времени, начиная съ семейной связи и кончая уваженіемъ къ Церкви.

земство какъ будто считаетъ себя созданнымъ для распространенія грамотности въ Россіи!

Но еще болѣе крупный фактъ, обрисовавшій всю нравственную несостоятельность, есть, безъ сомнѣнія, та коммисія, учрежденная въ Петербургѣ, которая занимается, или занималась вопросомъ объ уменьшеніи праздничнаго разгула въ народѣ.

Чтобы такая коммисія могла создаться, надо, чтобы земство было признано вполнѣ безсильнымъ учрежденіемъ въ средѣ русскаго народа, ибо, казалось бы, кому, какъ не земству заниматься такими вопросами, которые прямо входятъ въ кругъ его обязанностей по народному хозяйству.

Но оно такъ и есть: духовно-нравственное банкротство земства чувствуется на Руси вездѣ; какія-то лица, и какая-то механика исполняютъ земское дѣло кое-какъ, но жизненныхъ отношеній народа къ земству, и земства къ народу—нѣтъ никакихъ.

Никто въ этомъ ничтожествѣ земства такъ не убѣжденъ, какъ земство само, и оттого съ каждымъ годомъ кружокъ людей, составляющій контигентъ для избранія земскихъ дѣятелей, все болѣе и болѣе съуживается и дошелъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до крайнихъ своихъ предѣловъ: некого избирать, говорится въ иныхъ уѣздахъ!

И если бы правительство, учреждающее нынѣ комитеты для обсужденія вопросовъ чисто земскаго или общественнаго вѣдѣнія, захотѣло быть твердо послѣдовательнымъ, ему оставалось бы сдѣлать еще одинъ шагъ: назначить по одному или по два правительственныхъ чиновника въ губернію, для завѣдыванія *земскими* дѣлами, столь мало интересующими наше

земство вообще, наше дворянство земледѣльческое въ особенности.

Можетъ быть, первые три дня по обнародованіи такой мѣры экстра ординарной, стали бы объ ней кричать наши либералы-крикуны, но на четвертый день большая часть русскаго земства и дворянъ-зеледѣльцевъ признали бы себя очень довольными, и сказали бы: слава Богу, насъ избавили, наконецъ, отъ этой скучной земской обузы!

Таково положеніе нашего земства, и я нисколько не преувеличиваю признаки времени, дѣлая такія предположенія.

Остается уяснить себѣ только, какъ мы къ такому состоянію пришли, и какую связь этотъ земскій банкротъ имѣетъ съ состояніемъ всего нашего общества и политическаго строя въ настоящее время.

XII.

Объ умственной несостоятельности общества.

Читатели помнятъ то, что говорено было мною въ предыдущихъ моихъ письмахъ.

Когда крестьянскую реформу забрали въ свои руки петербургскіе чиновники окончательно, тогда, чувствуя себя безапелляціонными и неограниченными властелинами судебъ Россіи, передъ разсыпавшимся въ песокъ русскимъ земельнымъ дворянствомъ, они принялись за осуществленіе земской реформы безъ всякой заботы о томъ,—есть ли на Руси земскіе люди, способные наполнить собою земскія учрежденія.

Для нихъ важна была буква реформы, а жизнь ея являлась вопросомъ второстепеннымъ.

А между тѣмъ, когда мы переносимся назадъ къ той эпохѣ, когда началось земское дѣло, намъ приходится припомнить, что эта эпоха, совпадаетъ какъ разъ съ тою, когда, послѣ либеральныхъ элюкибрацій 1861 и 1862 годовъ, въ средѣ нашего общества, и послѣ минутнаго патріотическаго настроенія того же об-

свою способность и свое практическое умѣнье пользоваться меньшею свободою въ томъ видѣ, въ какомъ она была обезпечена за нимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Но, для того земства, которое не съумѣло воспользоваться меньшею свободою, бо̀льшая свобода и расширеніе его правъ, не только не оказались бы средствомъ обратить это земство изъ несостоятельнаго въ состоятельное, но, напротивъ, послужила бы причиною и источникомъ еще большей неурядицы въ области земской жизни.

Въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ, говоря о книгѣ г. Кошелева, я сказалъ, что считаю мысль о земской думѣ, имъ предлагаемой, какъ средство для спасенія Россіи, въ высшей степени неосновательною мыслію, по той простой причинѣ, что я никакъ не могу допустить, чтобы земство или дворянство, которое оказалось несостоятельнымъ въ провинціальномъ представительствѣ, могло оказаться вдругъ, ни съ того, ни съ сего, состоятельнымъ въ центральномъ представительствѣ.

Тоже самое говорю я въ отвѣтъ тѣмъ, которые думаютъ лечить недуги земства посредствомъ расширенія его правъ.

Земству нужны люди, а не новыя права.

Имѣй земство людей, оно бы очутилось передъ такимъ громаднымъ міромъ обязанностей, прямо вытекающихъ изъ нынѣшняго ограниченнаго закономъ круга дѣятельности, что очень надолго этому земству не хватило бы времени даже думать о какомъ бы то ни было расширеніи его правъ.

Давно извѣстно, что никто такъ не притязателенъ

Петербургъ былъ центромъ этого новаго направленія; онъ же былъ центромъ дальнѣйшихъ реформъ, изъ которыхъ земская—была главная.

Легко понять, что нельзя было отъ общества, въ которомъ не требовалось уваженія дѣтей къ родителямъ, учениковъ—къ воспитателямъ, общества—къ литературнымъ идеаламъ, вѣрующихъ—къ своей Церкви, и т. д.,—что нельзя было, говорю я, отъ такого общества требовать уваженія не только патріотическаго, но даже просто экономическаго къ какимъ нибудь вновь созидаемымъ земскимъ учрежденіямъ и интересамъ русской провинціи.

Исторія на каждомъ шагу намъ показываетъ слишкомъ убѣдительно, что искуственно создавать интересъ къ общественному дѣлу никто не можетъ; она показываетъ намъ тоже, что въ обществѣ, гдѣ ложно понимаемая цивилизація разшатываетъ старыя основы и связи порядка въ семьѣ, въ литературѣ, въ политической жизни, тамъ прежде всего, отъ этой разнузданности нравовъ и воззрѣній на жизнь и на государство, терпитъ самое общественное дѣло; общество, гдѣ уваженіе къ семьѣ, къ школѣ, къ старшимъ, къ Церкви, перестаетъ быть обязательнымъ, можетъ создавать для общественнаго дѣла непомѣрныхъ честолюбцевъ, безпринципныхъ афферистовъ, пустыхъ содержаніемъ ораторовъ и писателей, корыстолюбивыхъ чиновниковъ, безполезныхъ мечтателей, но честныхъ патріотовъ и безкорыстно интересующихся общественнымъ благомъ дѣятелей создавать не въ силахъ.

Оно можетъ пожинать лишь то, что посѣяло.

И если намъ пришлось видѣть столь поразительный *контрастъ* между реформаторами Петербурга, соз-

дающими цѣлый либеральный проектъ земства, гдѣ понадобились для его осуществленія около 2000 способныхъ и образованныхъ земскихъ людей, и между Россіею, то есть русскимъ обществомъ, въ первый же годъ реформы заявляющимъ, что оно не можетъ дать даже *ста* такихъ способныхъ и образованныхъ земскихъ дѣятелей, то, волею или неволею, мы должны сознаться въ томъ, что либеральныя оргіи нашего общества, съ Добролюбовыми, Писаревыми и Комп., во главѣ нашей литературы, и съ либеральными чиновниками, во главѣ политическаго нашего движенія впередъ, даромъ и безслѣдно намъ не обошлись.

Мы думали, что можно подрывать уваженіе къ принципамъ и авторитетамъ стараго порядка, и, въ тоже время, воспитывать людей для государства, и жестоко ошиблись.

Кто уничтожаетъ принципы и основы семейнаго быта, тотъ подрываетъ основы общества; кто подрываетъ основы общества, тотъ разрушаетъ основаніе государства; кто разрушаетъ принципы, тотъ уничтожаетъ почву, родящую и воспитывающую людей для государства.

Всѣ эти истины-аксіомы; аксіомами они были тогда, аксіомами они и теперь.

Вся бѣда въ томъ, что приходится намъ убѣждаться въ этомъ теперь, когда земство успѣло пережить цѣлую эпоху своего младенчества въ разслабленномъ состояніи, и, слѣдовательно, не сегодня, то завтра вступитъ во второй періодъ своего развитія больнымъ уродомъ, отъ котораго не только нельзя будетъ ждать пользы, но которое будетъ требовать постояннаго за

собою ухода, какъ за больнымъ, коего малѣйшая неосторожность подвергаетъ опасности смерти.

Къ сожалѣнію, если многіе говорятъ уже теперь о весьма сильномъ болѣзненномъ состояніи нашего земства, весьма немногіе видятъ въ этой болѣзни ту связь съ общимъ болѣзненнымъ состояніемъ нашего общества, о которой я сейчасъ говорилъ.

Почти всѣ считаютъ нынѣшнюю несостоятельность нашего земства, а съ нимъ вмѣстѣ, и нашего дворянства, недугомъ, хотя и серьезнымъ, но случайнымъ и острымъ, то есть временнымъ.

И въ этомъ заблужденіи, или вѣрнѣе, въ этомъ ослѣпленіи большей части нашего общества заключается, по моему, самая важная сторона, и та роковая опасность, которая компроментируетъ все наше политическое будущее.

Говоря о несостоятельности нашего земства и считая ее вопросомъ, не имѣющимъ ничего общаго съ состояніемъ нашего общества (которое тоже несостоятельно), большинство мыслящихъ людей разсуждаетъ такъ: да, дѣйствительно земство у насъ во многомъ несостоятельно, но причина этой несостоятельности кроется въ ограниченности его круга дѣйствій, въ стѣсненіи-де его свободы и самостоятельности, въ лишеніи его правъ безцензурной гласности, въ недозволеніи земскимъ собраніямъ нѣсколькихъ губерній имѣть общія совѣщанія и т. д. Дайте земству большую свободу, и земство окажется самостоятельнымъ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ принципѣ бо̀льшая свобода могла быть для земства благодѣтельною, но для какого земства?

Для того земства, которое съумѣло-бы выказать

свою способность и свое практическое умѣнье пользоваться меньшею свободою въ томъ видѣ, въ какомъ она была обезпечена за нимъ положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Но, для того земства, которое не съумѣло воспользоваться меньшею свободою, бóльшая свобода и расширеніе его правъ, не только не оказались бы средствомъ обратить это земство изъ несостоятельнаго въ состоятельное, но, напротивъ, послужила бы причиною и источникомъ еще большей неурядицы въ области земской жизни.

Въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ, говоря о книгѣ г. Кошелева, я сказалъ, что считаю мысль о земской думѣ, имъ предлагаемой, какъ средство для спасенія Россіи, въ высшей степени неосновательною мыслію, по той простой причинѣ, что я никакъ не могу допустить, чтобы земство или дворянство, которое оказалось несостоятельнымъ въ провинціальномъ представительствѣ, могло оказаться вдругъ, ни съ того, ни съ сего, состоятельнымъ въ центральномъ представительствѣ.

Тоже самое говорю я въ отвѣтъ тѣмъ, которые думаютъ лечить недуги земства посредствомъ расширенія его правъ.

Земству нужны люди, а не новыя права.

Имѣй земство людей, оно бы очутилось передъ такимъ громаднымъ міромъ обязанностей, прямо вытекающихъ изъ нынѣшняго ограниченнаго закономъ круга дѣятельности, что очень надолго этому земству не хватило бы времени даже думать о какомъ бы то ни было расширеніи его правъ.

Давно извѣстно, что никто такъ не притязателенъ

на права, какъ тотъ, кто не признаетъ за собою никакихъ обязанностей; всякое требованіе новаго права свободы является у такого человѣка не потребностью, выработанною трудомъ, а фантастическою похотью разгоряченнаго праздностью воображенія.

Совершенно то же явленіе должно отнести къ земству.

Въ Россіи есть губерніи, гдѣ оказывается полный дефицитъ въ земскихъ людяхъ, а между тѣмъ, въ каждомъ земствѣ и въ обществѣ людей, мечтающихъ о новыхъ правахъ для земства—тысячи!

Дороги хуже Рюриковскихъ, мосты проваливаются вездѣ, всякій неурожай влечетъ за собою голодъ, и все это потому, что нѣтъ въ земствѣ людей, исполняющихъ умѣло и усердно свои обязанности, а между тѣмъ, имя требующихъ увеличенія правъ земства, и, слѣдовательно, удесятеренія его обязанностей—легіонъ!

Такое легкомысленное толкованіе несостоятельности земства его, будто бы ограниченными слишкомъ, правами, кромѣ того, что оно постоянно будетъ служить дѣйствительнымъ препятствіемъ къ улучшенію печальнаго состоянія земскихъ дѣлъ, знаменательно еще и тѣмъ, что оно, какъ нельзя болѣе осязательно и наглядно служитъ признакомъ и доказательствомъ несостоятельности русскаго общества, и той органической внутренней связи, въ которой находятся между собою земство и общество.

Несостоятельное земство явилось плодомъ несостоятельнаго общества и, къ сожалѣнію, до тѣхъ поръ, пока общество не сознаетъ своей несостоятельности, трудно ожидать благополучнаго исхода для несостоятельности земства.

Общество, хотя и начинаетъ чувствовать свои от-

дѣльные недуги, но на счетъ общаго своего состоянія, связи этихъ отдѣльныхъ недуговъ между собою, и происхожденія ихъ отъ одной главной хронической болѣзни, оно, къ сожалѣнію, находится въ полнѣйшемъ самообольщеніи.

Объ этой-то общей или главной болѣзни, остается нѣ поговорить въ заключеніе.

XIII.

Въ чемъ наше спасеніе.

Г. Фадѣевъ, въ своей книгѣ: „Чѣмъ намъ быть"? показалъ весьма наглядно, что главный недугъ нынѣшняго общества представляетъ собою нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго, послѣ, посѣтившей народъ Израиля, кары Господней, когда строители башни перестали понимать другъ друга; но онъ какъ будто забываетъ во второй части своей книги то, что имъ въ такихъ вѣрныхъ и мрачныхъ подробностяхъ изображено въ первой, и съ удивительною легкостью предлагаетъ рядъ мѣръ, которыя могли бы, по его мнѣнію, излечить общество отъ его нынѣшнихъ недуговъ.

Сущность этихъ мѣръ сводится, какъ я уже сказалъ, къ опыту искусственно создать новое исправляющее должность улетучившагося дворянства *культурное сословіе*, а затѣмъ къ увеличенію интересовъ власти мѣстныхъ въ провинціи агентовъ или къ усиленію самодѣятельности общества въ провинціи, предоставивъ главные аттрибуты власти избираемымъ этимъ новымъ *культурнымъ* сословіемъ лицамъ.

которомъ пока еще лишь горсть, и притомъ, маленькая горсть серьезныхъ людей видитъ возможность выхода изъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ очутилось наше общество.

Высшее правительство, послѣ введенія земской реформы, остановилось на ней на пути своихъ общихъ, политическихъ, такъ сказать, реформъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ земской реформы правительство взялось *за учебную реформу.*

Мнѣ кажется что въ этомъ и въ этомъ одномъ заключается путь къ спасенію нашего будущаго общества, а съ нимъ и Россіи, и хотя состояніе нашего общества теперь еще таково, что 9/10 этого общества представляютъ собою настроеніе умовъ враждебное этой реформѣ, все же, какъ я сказалъ, горсть людей, уцѣлѣвшихъ отъ хаотическаго крушенія нашего общественнаго строя — привѣтствовали въ этомъ правительственномъ дѣйствіи одну изъ мудрѣйшихъ мыслей главы правительства.

И дѣйствительно—школа одна можетъ передѣлать тотъ духовный сумбуръ, который за послѣднее время сталъ отличительнымъ признакомъ нашего общества, и такъ мѣтко охарактеризованъ г. Фадѣевымъ.

Жаль только, замѣчу мимоходомъ, что вмѣсто предложенія какого-то фантастическаго культурнаго сословія для спасенія Россіи—предложенія, которое я объясняю себѣ тѣмъ, что г. Фадѣевъ началъ писать свою книгу, не боясь нашей въ либерализмъ играющей литературы, а кончалъ ее уже малодушно, съ мыслію хоть немного погладить по шерсти газетныхъ крикуновъ (что ему и удалось),—жаль, говорю я, что, вмѣсто культурнаго сословія, онъ не рѣшился сказать, что другаго выхода изъ этого хаоса и сумбура нѣтъ

томъ, такъ сказать, на общую потребность государства, съ другой стороны, она дѣйствительно приносила съ собою извѣстную долю матеріальнаго блага.

Но все-таки, не смотря на то, она оказалась несостоятельною.

Почему? Потому что духовные недуги общества были слишкомъ велики, и матеріальная сущность реформы должна была оказаться несостоятельною, вслѣдствіе невозможности изъ духовно несостоятельнаго общества создать земство какъ сословіе и какъ учрежденіе.

Даже чисто-матеріальная реформа, каковою явилась крестьянская реформа, отмѣнившая право владѣнія крестьяниномъ, какъ вещью, и давшая ему земли, и та, какъ я выше показалъ, оказалась несостоятельною во всемъ томъ, гдѣ эта реформа пыталась улучшить нравственный бытъ крестьянина наравнѣ съ матеріальнымъ.

Земская реформа, разсчитанная на здоровыя силы образованнаго общества, очень понятно, оказалась еще болѣе несостоятельною, ибо застала общество уже сдѣлавшимъ огромный шагъ впередъ на пути своего духовнаго разложенія, коего первымъ и главнѣйшимъ признакомъ явилось *обезлюденіе* и *разъединеніе* этого обезлюденнаго общества.

Третій годъ введенія крестьянской реформы обнаружилъ уже недостатокъ людей, а земская реформа обнаружила этотъ недостатосъ еще болѣе.

Какъ я сказалъ, обезлюденіе общества идетъ рука объ руку съ обезначаліемъ общества.

Все то, что г. Фадѣевъ говоритъ въ первой части своего труда о состояніи современнаго общества, переводится на обыкновенную рѣчь очень ясно и просто.

Русскіе люди перестали понимать другъ друга.

Нѣтъ въ немъ двухъ людей, понимающихъ одно и тоже понятіе одинаково.

Что это значитъ? Не значитъ ли это, напримѣръ, что измѣнились понятія о чести, о нравственности, о долгѣ и т. д.?

Разумѣется. Вотъ эти-то элементарныя понятія, основныя начала общества, каждый сталъ понимать по своему.

И по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ разнообразились толкованія такихъ элементарныхъ понятій, понятія эти мѣшались, путались, затемнялись и, чѣмъ больше путались, тѣмъ дальше отходили отъ своихъ первообразовъ.

Люди въ нашемъ обществѣ все болѣе и болѣе становились похожими на того потерявшагося въ чащѣ лѣса человѣка, которому казалось, входя въ лѣсъ, что онъ все шелъ по прямому направленію отъ того мѣста, откуда вышелъ; идетъ, идетъ, оборачивается, — все тотъ же лѣсъ, все тотъ же сводъ неба видитъ онъ на горизонтѣ; оборотившись, онъ думаетъ, что идетъ прямо назадъ и придетъ къ тому мѣсту, откуда вошелъ; но онъ идетъ, идетъ и со страхомъ видитъ, что онъ заблудился, и дѣйствительно, онъ давно, почти со входа въ лѣсъ, только потому, что чуть-чуть для обхода кустика свернулъ въ сторону отъ прямой линіи, сбился съ дороги, и бродитъ по направленію совершенно противоположному.

Тоже самое случилось съ обществомъ.

Входя въ новую жизнь прогресса, какъ въ дикій лѣсъ безъ руководителя и безъ подготовки, оно думало, что пойдетъ прямо, но встрѣтилось вдругъ первое ма-

ленькое препятствіе, оно свернуло въ сторону, и, затѣмъ, пошло уже блудить, блудить, и блуждаетъ до сихъ поръ.

Смѣшно было бы, оставляя это общество въ блуждающемъ состояніи, пытаться изъ него создавать руководящее сословіе, и предлагать ему такія общественныя блага, которыми дорожить можетъ только общество, крѣпко и прочно привязанное къ своему дому.

Надо, сколько мнѣ кажется, прежде вывести общество изъ того мрака, въ которомъ оно блуждаетъ, а потомъ уже позаботиться о томъ, чтобы ему на пепелищѣ его было хорошо и удобно въ обстановкѣ новыхъ правъ и обязанностей.

Вывести насъ изъ мрака можетъ одно только—просвѣщеніе, но просвѣщеніе серьезное.

Создать культурное сословіе выдѣленное изъ нынѣшняго общества въ хаосѣ и безъ принциповъ—значило бы новую причину хаоса прибавить къ прежнимъ.

Мы и этотъ печальный опытъ пережили, ибо не изъ нынѣшняго ли нашего культурнаго сословія мы отряжали сотни учителей для обученія въ школахъ, и не болѣе ли половины оказывалось или неспособными или нигилистами.

Наученные этимъ печальнымъ опытомъ, мы ничего не должны ни ждать, ни требовать отъ нашего современнаго общества.

Все наше спасеніе въ будущемъ, въ плодахъ отъ нынѣшняго поворота *школы* на здравую и прямую дорогу.

Оглядываясь назадъ, мы за эти послѣднія десять лѣтъ, должны остановиться передъ однимъ *весьма крупнымъ* правительственнымъ дѣйствіемъ, въ

которомъ пока еще лишь горсть, и притомъ, маленькая горсть серьезныхъ людей видитъ возможность выхода изъ того безвыходнаго положенія, въ которомъ очутилось наше общество.

Высшее правительство, послѣ введенія земской реформы, остановилось на ней на пути своихъ общихъ, политическихъ, такъ сказать, реформъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ земской реформы правительство взялось *за учебную реформу*.

Мнѣ кажется что въ этомъ и въ этомъ одномъ заключается путь къ спасенію нашего будущаго общества, а съ нимъ и Россіи, и хотя состояніе нашего общества теперь еще таково, что $^{9}/_{10}$ этого общества представляютъ собою настроеніе умовъ враждебное этой реформѣ, все же, какъ я сказалъ, горсть людей, уцѣлѣвшихъ отъ хаотическаго крушенія нашего общественнаго строя — привѣтствовали въ этомъ правительственномъ дѣйствіи одну изъ мудрѣйшихъ мыслей главы правительства.

И дѣйствительно—школа одна можетъ передѣлать тотъ духовный сумбуръ, который за послѣднее время сталъ отличительнымъ признакомъ нашего общества, и такъ мѣтко охарактеризованъ г. Фадѣевымъ.

Жаль только, замѣчу мимоходомъ, что вмѣсто предложенія какого-то фантастическаго культурнаго сословія для спасенія Россіи—предложенія, которое я объясняю себѣ тѣмъ, что г. Фадѣевъ началъ писать свою книгу, не боясь нашей въ либерализмъ играющей литературы, а кончалъ ее уже малодушно, съ мыслію хоть немного погладить по шерсти газетныхъ крикуновъ (что ему и удалось),—жаль, говорю я, что, вмѣсто культурнаго сословія, онъ не рѣшился сказать, что *другаго выхода* изъ этого хаоса и сумбура нѣтъ

внѣ твердой системы серьезнаго низшаго, средняго и высшаго образованія.

Сказать это было ему потому легко, что ни въ одной исторіи народнаго образованія такъ рельефно и такъ скоро не высказались послѣдствія учебной распутицы, какъ у насъ въ эти 20 лѣтъ.

Если г. Фадѣевъ имѣлъ множество фактовъ подъ рукою для освѣщенія картины сумбура въ обществѣ, то еще больше могъ онъ найти фактовъ для обрисовки той печальной картины *лже-прогресса*, введеннаго въ русскую высшую школу, который въ сущности былъ одною изъ главныхъ причинъ несостоятельности нашего общества.

Едва началось новое время на Руси, какъ стали колебаться основы нашей высшей школы—гимназіи и университета. То и другое сдѣлалось наравнѣ съ крѣпостными мужиками предметомъ газетнаго порицанія и даже брани.

Этого рода обсужденіе на улицахъ и площадяхъ системы высшаго образованія юношества не замедлило перейти въ общество и въ семью. Усиленная пропаганда за какую-то болѣе современную, болѣе гуманную, болѣе свободную систему высшаго образованія, войдя въ русскую семью, успѣла, въ очень скорое время, раздуть всѣ толки объ этой болѣе современной школѣ въ какое-то общественное мнѣніе.

Общественное это мнѣніе начало всѣми путями напирать на правительство, и нѣтъ ничего удивительнаго, что правительство, въ самомъ разгарѣ столь великихъ реформъ, какъ крестьянская и другія, не имѣя другой цѣли, какъ общее благо, и не располагая въ *тогдашнее* время большимъ досугомъ для всесторон-

ягo, такъ сказать, изслѣдованія этого вопроса, при нало возможнымъ дать гимназіямъ новую программу, а университетамъ новую, такъ называемую, автономію.

Но не прошло десяти лѣтъ, какъ, къ счастію, послѣдствія этой уступки, сдѣланной правительствомъ въ дѣлѣ высшей школы, проявились во всей ихъ наглядности.

Усумниться въ томъ, что невѣжество, распущенность, безпринципность, молодежи не были прямымъ послѣдствіемъ уступокъ, сдѣланныхъ правительствомъ сбитому съ толка лже-либералами общественному мнѣнію, не было никакой возможности.

Люди и факты были на лицо и обличали сами себя.

Неуваженіе къ семьѣ дѣти оправдывать стали школою, неуваженіе къ школѣ они стали черпать въ самой школѣ.

Здѣсь, само собою разумѣется, не мѣсто входить въ обсужденіе вопроса о разныхъ учебныхъ системахъ; достаточно припомнить, что тѣ учебныя реформы, которыя подъ вліяніемъ духа времени, введены были въ началѣ шестидесятыхъ годовъ не только въ наши гимназіи, но вообще въ нашу школу, представляли собою введеніе чего-то либеральнаго, шаткаго, разжигающаго и раздразнивающаго умы молодежи взамѣнъ твердаго, прочнаго, строгаго и развивающаго прежней системы.

Вотъ это-то шаткое въ основахъ, снисходительное къ уклоненіямъ отъ всякихъ преданій дисциплины, слабое въ своихъ собственныхъ требованіяхъ, проникнутое заботою о популярности, и наконецъ, раздразнивающее воображеніе юношества, и подлаживающееся къ его слабостямъ либеральничанье, возведенное въ

учебную и воспитательную систему, не замедлило, какъ я сказалъ, дать поразительно печальные плоды.

Спорить объ этомъ невозможно, ибо, къ сожалѣнію, плоды эти мы собираемъ еще теперь; страшно думать, сколько десятковъ, сотенъ и тысячъ юношей погибли и гибнутъ доселѣ, сбитые съ толку обществомъ, увлеченнымъ на ложный путь воззрѣній на свою школу.

Увидя эти столь быстро обнаружившіеся плоды сдѣланныхъ мнимому общественному мнѣнію уступокъ въ вопросѣ высшаго образованія, увидя университетскія каѳедры пустыми вслѣдствіе неохоты людей къ наукѣ, увидя гимназіи, переполненныя учениками, обращенныя въ какіе-то фаланстеры политическихъ бредней и разсадники нигилизма, увидя аудиторіи университета полныя крупными невѣждами - студентами, увидя, наконецъ, въ каждой семьѣ и въ цѣломъ обществѣ борьбу двухъ поколѣній, гдѣ отецъ не понимаетъ сына, а сынъ презираетъ отца,—правительство ужаснулось, и *сознало немедленно свою ошибку*.

Я нарочно подчеркиваю эти слова: сознать свою ошибку есть самый трудный человѣческій подвигъ и есть въ то же время одна изъ величайшихъ нравственныхъ заслугъ.

Еще свѣтлѣе является эта заслуга тогда, когда она принадлежитъ правительству, которое почти вправѣ, посреди величайшихъ дѣлъ, имъ совершенныхъ, и въ блескѣ своей славы, этой ошибки не замѣчать, или, замѣтивъ, не признавать ее ошибкою.

Но этого мало.

Ошибка была сознана высшимъ правительствомъ въ *такую пору*, когда въ обществѣ сверху до низу почт

не было человѣка, раздѣлявшаго съ высшимъ правительствомъ сознанія этой ошибки.

Это явленіе, какъ бы грустно оно ни было, знаменательно возвышаетъ безъ того уже высокую заслугу высшаго правительства.

Мнѣ кажется, что я не нарушу долгъ почтенія къ Главѣ правительства, если прямо скажу, что инціатива и главное побужденіе къ признанію необходимости измѣнить учебную систему всецѣло принадлежитъ именно Ему, то есть, Главѣ правительства.

Напротивъ, я убѣжденъ, что историкъ будущаго, дойдя до этого мѣста въ исторіи нынѣшняго царствованія, еще съ большимъ благоговѣніемъ преклонится предъ тѣмъ Монархомъ, который на вершинѣ, такъ сказать, своей славы и въ минуту самаго сильнаго ея блеска, взглянулъ въ глубь каждой русской семьи и каждой русской школы и увидѣлъ, какъ нуждалось общество и государство въ такой системѣ образованія, которая одна могла бы дать этому обществу, помимо его собственныхъ увлеченій и заблужденій, сѣсть на прочныхъ основахъ политическаго развитія.

И все это, повторяю, случилось тогда, когда не только въ обществѣ, но въ средѣ самаго правительства почти не было убѣжденныхъ въ неотложной необходимости положить конецъ либеральному шатанію высшей школы въ государствѣ.

Итакъ, по инціативѣ и твердому желанію самаго Главы правительства приступлено было, наконецъ, къ введенію классическаго образованія въ гимназіяхъ на прочныхъ и твердыхъ основаніяхъ, къ переустройству военныхъ учебныхъ заведеній, къ пересмотру уставовъ университетовъ, и къ реформамъ по народной школѣ.

рованнаго и ни во что невѣрящаго, съ сумрачнымъ видомъ бродящаго среди общества, сословія стариковъ; во-вторыхъ, оно занимается не политикою, а наукою, слѣдовательно, оказывается вполнѣ способнымъ воспринимать умственное развитіе посредствомъ научной системы, и дѣйствительно развивается весьма наглядно; въ-третьихъ, благодаря тому, что новая система образованія служитъ исключительно къ умственному развитію юношества правильно и постепенно, вмѣсто того, чтобы, подобно прежней системѣ, ставить юношество посреди массы предметовъ науки, сбивавшихъ съ толку и развивавшихъ въ нихъ не столько любознательность и прилежаніе, сколько болѣзненную раздражительность ума, самолюбіе и искусственное безвѣріе, юношество стало въ правильныя, нормальныя, естественныя, такъ сказать, отношенія къ семьѣ, къ своему учебному начальству и къ окружающему его обществу.

Все это несомнѣнно, и все это нельзя не привѣтствовать, какъ начало новой умственной жизни въ нашемъ обществѣ будущаго.

И вотъ что замѣчательно. Въ доказательство того, что эта классическая система, столь ненавистная нашему духу вѣка, не есть насильственно навязываемая школѣ ученая фикція, а есть именно начало животворящее, и плодотворящее, лѣтописецъ нынѣшняго времени долженъ сослаться на два, совершившіеся въ нашихъ глазахъ, факта, весьма знаменательные и крупные, о которыхъ никто не говоритъ въ нашей печати потому, что печать боится еще доселѣ затрогивать этотъ вопросъ, вѣроятно, изъ страха денежныхъ убытковъ.

ыя условія, которыми дѣло школьнаго образованія началѣ было обставлено, не смотря на враждебность ь нему этой массы общества, нашей интеллигенціи и ашей печати, даже и въ настоящее время, учебная еформа успѣла уже обнаружить доказательства своей уховной, плодотворящей силы.

Юношество гимназій съ одной стороны, и юношество военно-учебныхъ заведеній съ другой—какъ неоднократно я имѣлъ случай въ этомъ убѣждаться, и какъ со всѣхъ сторонъ о томъ заявляютъ, бывающіе съ ними въ сношеніяхъ, люди разныхъ сферъ и положеній,—представляютъ собою, за весьма немногими исключеніями, поразительный контрастъ не только съ юношествомъ тѣхъ же гимназій и тѣхъ же школъ лѣтъ десять и пятнадцать назадъ, но и съ окружающимъ это юношество обществомъ.

Контрастъ этотъ проявляется въ извѣстныхъ чертахъ ихъ духовной жизни, и вотъ это-то усвоеніе ихъ духовною природою новыхъ чертъ и составляетъ сущность возлагаемыхъ на это новое поколѣніе надеждъ, и служитъ доказательствомъ — насколько право было высшее правительство, твердо рѣшившееся, не взирая ни на какія возраженія, вводить новую учебную систему для подготовленія юношества къ университету и вводить эту систему не какъ нибудь, но во всей ея полнотѣ.

Новыя эти черты въ юношествѣ проявляются прежде всего въ томъ, что юношество это *юно*, то есть имѣетъ всѣ качества и недостатки юности, общіе всѣмъ странамъ и народамъ, тогда какъ прежде, въ отличіе отъ всѣхъ народовъ, наше гимназическое юношество представляло изъ себя печальный типъ разоча-

рованнаго и ни во что невѣрящаго, съ сумрачнымъ видомъ бродящаго среди общества, сословія стариковъ; во-вторыхъ, оно занимается не политикою, а наукою, слѣдовательно, оказывается вполнѣ способнымъ воспринимать умственное развитіе посредствомъ научной системы, и дѣйствительно развивается весьма наглядно; въ-третьихъ, благодаря тому, что новая система образованія служитъ исключительно къ умственному развитію юношества правильно и постепенно, вмѣсто того, чтобы, подобно прежней системѣ, ставить юношество посреди массы предметовъ науки, сбивавшихъ съ толку и развивавшихъ въ нихъ не столько любознательность и прилежаніе, сколько болѣзненную раздражительность ума, самолюбіе и искусственное безвѣріе, юношество стало въ правильныя, нормальныя, естественныя, такъ сказать, отношенія къ семьѣ, къ своему учебному начальству и къ окружающему его обществу.

Все это несомнѣнно, и все это нельзя не привѣтствовать, какъ начало новой умственной жизни въ нашемъ обществѣ будущаго.

И вотъ что замѣчательно. Въ доказательство того, что эта классическая система, столь ненавистная нашему духу вѣка, не есть насильственно навязываемая школѣ ученая фикція, а есть именно начало животворящее, и плодотворящее, лѣтописецъ нынѣшняго времени долженъ сослаться на два, совершившіеся въ нашихъ глазахъ, факта, весьма знаменательные и крупные, о которыхъ никто не говоритъ въ нашей печати потому, что печать боится еще доселѣ затрогивать этотъ вопросъ, вѣроятно, изъ страха денежныхъ убытковъ.

Факты эти слѣдующіе: во-первыхъ учащееся въ гимназіяхъ юношество принудило, такъ сказать, своимъ поведеніемъ и своими отношеніями дисциплины къ школѣ учительскую корпорацію многихъ уже гимназій утаенное несочувствіе къ новой учебной системѣ промѣнять на сочувствіе къ ней: во-вторыхъ, то же юношество за эти послѣдніе два, три года съумѣло своимъ поведеніемъ и своимъ тактомъ умирить страстно возбужденный противъ гимназій нравъ многихъ семействъ въ обществѣ. Юношество это явилось въ обществѣ и въ свои семьи, какъ тѣ умные правители въ завоеванныя оружіемъ иноплеменныя государства, которые, мало по малу, умѣютъ непримиримую ненависть покоренныхъ жителей преобразовывать въ мирное настроеніе покоряющагося необходимости населенія.

Эти два факта имѣютъ громадное значеніе въ наше нынѣшнее время всеобщаго сомнѣнія и безвѣрія во все духовное и на принципахъ стараго времени (то есть времени до 1860 года) основанное.

Къ этимъ двумъ фактамъ присоединяется и третій. Стойкость правительства въ этомъ дѣлѣ отразилась на всѣхъ почти учебныхъ заведеніяхъ: вездѣ почти молодежь стала воспитываться въ новомъ, хорошемъ духѣ, послѣ того какъ зародышъ этого новаго духа развился въ мысли о классическихъ гимназіяхъ.

И если наши школы, мало по малу развиваясь и усовершенствуясь, возвратятъ намъ нашу русскую, старую, добрую семью съ дѣтьми, любящими Бога, свое отечество и свою семью и свой трудъ,—Россія спасена.

А данныя, которыми успѣла уже заявить новая

школа таковы, что на спасеніе Россіи этимъ путемъ есть свѣтлая и большая надежда!

Но, скажутъ мнѣ, а то громадное количество юношей, которые въ гимназіяхъ не доходятъ до испытанія зрѣлости и окончанія гимнастическаго курса, оно куда дѣвается? не погибаетъ ли оно навсегда? не обречено ли оно сдѣлаться орудіемъ всевозможныхъ негодяевъ, и постоянно волновать умы своими жалобами на испорченную жизнь?

Тема эта проповѣдуется многими, какъ умышленное оружіе противъ классической гимназіи.

Но тема эта—ложная тема, и она-то гораздо болѣе чѣмъ эти, оплакиваемыя ею юноши, способна волновать умы, и поддерживать въ обществѣ вредное ихъ броженіе.

Цифры на лицо, это первое. Теперь гимназій вдвое болѣе противъ того количества гимназій, которое было въ старое время; теперь курсъ шире и строже, это правда; но не смотря на то, теперь до восьмаго класса гимназіи доходитъ до 20 юношей, тогда какъ прежде число гимназистовъ седьмаго класса не доходило до десяти, и не взирая на то, тогда объ этихъ недоходящихъ до седьмаго класса гимназіи не кричали, а теперь о недоходящихъ до восьмаго класса гимназистахъ кричатъ и плачутъ. Ясно, что этотъ плачъ умышленъ и злонамѣренъ.

Да и плакать теперь о нихъ менѣе основанія, чѣмъ тогда, ибо теперь математическое образованіе классическихъ гимназій ведется такъ подробно и систематично, что всякій гимназистъ, не окончившій даже курса въ гимназіи, можетъ безъ малѣйшаго труда поступить *въ реальное* училище, или въ любую военную гимна-

зію съ увѣренностью, что онъ знаетъ не хуже, чѣмъ знаютъ соотвѣтствующіе его возрасту ученики военныхъ гимназій, и во всякомъ случаѣ столько же развитъ, сколько ученики его возраста въ другихъ школахъ.

Здѣсь я кончаю свои письма.

Начавъ ихъ съ книгъ г. Кошелева о земской думѣ и г. Фадѣева о культурномъ сословіи, я кончилъ вопросомъ о классическихъ гимназіяхъ.

Повидимому, между этими тремя предметами нѣтъ никакой связи, и я очень далеко отошелъ отъ земства, которымъ занимался такъ долго, и отъ крестьянской реформы, и отъ духа чиновничества, поборовшаго духъ дворянства.

Да, я отошелъ далеко, но только *повидимому*, въ самомъ же дѣлѣ я шелъ, сколько мнѣ кажется, логически.

Я доказалъ, что намъ теперь безъ царя въ головѣ не до земской думы, не до провинціальнаго self-goverment, не до культурнаго сословія; я доказалъ, что духовный банктротъ земства есть неизбѣжное послѣдствіе духовной несостоятельности общества; я доказалъ, что съ той минуты, какъ крестьянская и всѣ послѣдуюшія реформы перешли въ руки петербургскаго чиновника, вмѣсто того, чтобы вызвать самодѣятельность дворянъ-землевладѣльцевъ, духъ древняго русскаго дворянства улетучился; я доказалъ, наконецъ, что вслѣдствіе того, что дворянскій духъ улетучился, общество восприяло духъ либерала-чиновника и либерала-фельетониста, какъ жизненное руководительное начало, и пришло къ полному сумбуру...

Спасать надо, слѣдовательно, общество.

Никакія законодательныя мѣры спасать общество отъ сумбура не могутъ.

Никакія законодательныя мѣры улетучившійся дворянскій духъ вернуть въ общество не могутъ.

Послѣдній опытъ призванія уѣздныхъ дворянскихъ предводителей къ какой-то должности англійскаго шерифа слишкомъ ясно это доказалъ: одни предводители требуютъ себѣ жалованья отъ казны или отъ земства (имъ все равно,—лишь бы было жалованье!), другіе бросили свои мѣста, и некого избирать въ предводители.

Слѣдовательно, искать спасенія для общества надо въ другихъ путяхъ.

Путь этотъ найденъ и указанъ Главою государства, Государемъ.

Путь этотъ: воспитаніе юношества на твердыхъ началахъ дисциплины и въ духѣ нравственности и религіи, съ тѣмъ чтобы это юношество внесло въ общество новый духъ русской жизни.

Внесетъ ли оно этотъ новый духъ въ жизнь русскаго государства—это вопросъ будущаго, но во всякомъ случаѣ, какъ видите, между всѣми предметами, о которыхъ я писалъ, и новою системою воспитанія есть связь непосредственная.

Это обстоятельство болѣе другихъ побудило его къ переходу въ гражданскую службу. Переходъ состоялся. Галстуки и булавки были куплены, рубашки сидѣли отлично, фракъ былъ идеаленъ, а служба министерства была такъ же легка, какъ куреніе хорошихъ сигаръ. Тутъ Россія стала къ графу Прокопію въ отношенія еще болѣе фамильярныя, а камеръ-юнкерскій мундиръ придалъ этой фамильярности то, что Французы называютъ beaucoup d'applomb.

Кстати подоспѣла крестьянская реформа. Графъ поѣхалъ въ деревню, и окунулся въ миръ, о которомъ зналъ только по слухамъ, что живутъ тамъ какіе то мужики, а мужики эти des крѣпостные и не совсѣмъ счастливы. Изъ деревни онъ поѣхалъ въ губернскій городъ: тамъ узналъ, что такое губернаторъ и что такое губернскій крестьянскій комитетъ; съ тѣмъ и другимъ познакомился за обѣдами. Губернаторская власть ему понравилась, въ особенности потому, что губернаторъ вездѣ предсѣдалъ, имѣлъ жандарма въ передней, и могъ говорить все, что хотѣлъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что говоритъ хорошо и, что всѣ его слушаютъ.

Все это вмѣстѣ побудило его сказать себѣ: mon cher Procope, ты долженъ быть губернаторомъ! И вотъ, о удивленіе, графъ Прокопій толкуетъ о крестьянскомъ вопросѣ ничуть не застѣнчивѣе самого губернатора: слова: надѣлъ, усадьба, огородъ, тягло такъ и льются изъ него безъ зацѣпки одно о другое; онъ управляется съ ними съ такою же легкостью съ какою три года назадъ опредѣлялъ различіе между абиссинскимъ и патагонскимъ па въ балетѣ, только послѣднее онъ мило и сладострастно подпѣвалъ на ухо разнымъ тайнымъ совѣтникамъ, а первыя онъ выливалъ съ достоинствомъ

пуса, потомъ какого-то лицея, потомъ опять какого-то корпуса. Перемѣны эти происходили отъ вопроса, долго не разрѣшавшагося авторами дней графа Прокопія: къ чему онъ призванъ, къ военной или гражданской службѣ? Военная однакожь перетянула, чему много способствовалъ весьма убѣдительный аргументъ одного изъ дядей графа Прокопія, разсуждавшаго такъ: „военные люди на все способны, а штафирки дрянь“, и вотъ семнадцати лѣтъ графъ Прокопій, окончивъ свое воспитаніе, былъ офицеромъ гвардіи и слѣдовательно полноправнымъ гражданиномъ. Тутъ опять началась жизнь, въ которой ничего особеннаго не происходило, за исключеніемъ великихъ надеждъ, которыя продолжалъ подавать графъ, не только старому графу-отцу, не только танцовавшимъ съ нимъ дамамъ, но даже самому себѣ.

Графъ читалъ книги иногда даже съ удовольствіемъ, но съ толкомъ рѣдко, говорилъ по французски съ товарищами по полку и, не смотря на корнетскій чинъ, сиживалъ въ театрѣ въ первомъ ряду креселъ, гдѣ въ антрактахъ балета или оперы, подъ впечатлѣніемъ спектакля и болѣе или менѣе оживленныхъ разговоровъ о предметахъ серіозныхъ, смутно подумывалъ и о Россіи и какъ будто представлялъ себя въ довольно интимныхъ съ нею отношеніяхъ.

Затѣмъ нашедши, и быть-можетъ не безъ основаній, что военная служба не представляетъ собою ничего особеннаго въ мирное время, и что не довольно скоро осуществлялись надежды, которыя онъ подавать сталъ отъ груди кормилицы, графъ Прокопій взглянулъ снисходительно на службу штатскую, и въ галстукѣ съ воткнутою въ оный красивою булавкой находилъ прелести *почти* столько же, сколько въ гвардейскомъ мундирѣ.

Пріятное это впечатлѣніе директора продолжалось не долго. Директоръ испыталъ непріятное впечатлѣніе смерти, а графъ Прокопій получилъ пакетъ, изъ котораго узналъ о своемъ повышеніи. Онъ улыбнулся и принялъ это повышеніе съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ Юлій Цезарь принялъ титулъ императора! Когда же ему сказали, что въ какой-то гостиной, кто-то скептически отнесся къ его способностямъ, графъ Прокопій улыбнулся презрительно и сказалъ: „les jugements des hommes sont comme eux, toujours injustes et toujours malveillants" *), а въ другой разъ пожалъ плечами и произнесъ: erarre humanum est".

Графъ Прокопій женился, кругъ дѣятельности его расширился, онъ сталъ особой. И вотъ однажды, въ разговорѣ въ одной изъ петербургскихъ гостиныхъ большаго свѣта, онъ сообщилъ, что отлично знаетъ Россію, ибо изучилъ ее во время сдѣланнаго имъ объѣзда въ теченіи семнадцати дней. Какъ подобаетъ интеллектуальному человѣку, графъ писалъ свои путевыя замѣтки и писалъ ихъ въ формѣ писемъ своему полупріятелю и полуподчиненному **). Счастливый случай сдѣлалъ насъ обладателями этихъ писемъ. Убѣдивши графа въ томъ,

*) Сужденіе людей, подобно имъ самимъ, всегда несправедливы и всегда злы!

**) Въ петербургскомъ чиновничьемъ мірѣ есть категорія людей, которыя къ каждому мало-мальски значущему графу или князю относятся полупріятельски и полуподчиненно, въ силу подчиненія не іерархическаго, а добровольнаго, неизвѣстно чѣмъ вызываемаго. Обыкновенно это бываетъ вслѣдствіе робости и смиренія, одного, и ничѣмъ не стѣсняемой безцеремонности другаго. Графъ же Прокопій всегда писалъ эти письма, и давно уже ничемъ не стѣснялся.

и важностью предъ членами крестьянскаго комитета. На пути въ Петербургъ, графъ Прокопій рѣшилъ важный вопросъ: онъ созналъ себя эмансипаторомъ и довольно либеральнымъ.

Затѣмъ на первой по возвращеніи мазуркѣ графъ Прокопій сѣлъ такъ, что за нимъ двѣ вліятельныя дамы могли слушать его рѣчи, и пока дама, съ которою онъ танцовалъ выслушивала съ безмолвнымъ пораженіемъ всѣ провинціальные очерки графа Прокопія, сзади сидѣвшія вліятельныя дамы слушали en connaissance de cause, ничему не удивлялись по принципу, а къ концу мазурки рѣшили, что графъ Прокопій подаетъ великія надежды, и что такого человѣка надо и пуссировать и муссировать.

Черезъ три дня, графъ Прокопій сидѣлъ въ гостиной этихъ двухъ дамъ, и ораторствовалъ, между тремя и четырьмя часами, о судьбахъ Россіи, о помѣщикѣ, каковъ онъ былъ во дни оны, объ администраціи вообще и о министрѣ своемъ въ особенности. Отвѣчалъ онъ на всѣ вопросы съ изумительною полнотой, и доказавъ этимъ дамамъ, что эмансипація давно уже имъ вся передумана и рѣшена во всѣхъ подробностяхъ и что apres tout le „выкупъ" единственное средство выйти изъ нея съ честью и славой, графъ Прокопій всталъ и уходя понялъ, что великія надежды имъ поданныя начинаютъ оправдываться съ быстротой молніи.

Черезъ семь дней послѣ этого, графу Прокопію предложили быть вице-директоромъ гдѣ-то. Онъ задалъ себѣ вопросъ; не слишкомъ ли это мало? но все-таки принялъ и вступилъ въ должность съ тѣмъ негліже въ отвагѣ и рѣшимости, которое даже на директора произвело впечатлѣніе весьма пріятное.

шаетъ думать, наблюдать и сосредоточиваться; вотъ почему, да извинитъ мнѣ русская публика, я сѣлъ въ особо приготовленное для меня отдѣленіе! Какъ люди наивны! Встрѣтилъ на дебаркадерѣ А. Н., который узнавъ зачѣмъ я ѣду и куда я ѣду, предложилъ мнѣ свои услуги, увѣряя, что имѣетъ много свѣдѣній о Россіи. Я улыбнулся въ отвѣтъ на такое предложеніе, но такъ, чтобъ онъ могъ понять, что есть люди, которые въ этихъ услугахъ могутъ и не нуждаться. Но, чтобъ его не обидѣть и pour sauver les apparences, я обѣщался его выслушать и даже прибавилъ что эти свѣдѣнія для меня — неоцѣнимое сокровище. И сдержалъ слово.

Между двумя большими станціями пригласилъ въ свой вагонъ А. Н. для разговора. Нашелъ его, какъ многихъ — полнымъ иллюзуарныхъ свѣдѣній о Россіи! „Вы подъ вліяніемъ всего, что видите и слышите, живя въ Россіи, составили себѣ пристрастныя убѣжденія“, сказалъ я ему. Бѣдные такіе люди! какъ легка надъ ними побѣда мысли! Vale! Пишите и пишите!

II.

18-го мая, Москва.

Я въ Москвѣ, но Москва не во мнѣ. Знаете, что сіе значитъ? Что я смѣю не любить Москвы: тамъ черезчуръ силенъ запахъ тулупа, а отъ него до Азіи не далеко. Въ то же время я нашелъ, что есть что-то претендующее на дикую свободу, что мнѣ не нравится въ движеніяхъ людей, въ ихъ образѣ мыслей и въ ихъ рѣчахъ.... Удивлялись тому, что я въ Москвѣ, но еще болѣе удивились тому, что я призналъ нужнымъ поѣ-

что это сокровище бросаетъ новый свѣтъ на Россію, напоминаетъ собою замѣтки Токвиля объ Америкѣ, и безъ сомнѣнія будетъ способствовать къ развитію науки отечествовѣдѣнія, мы получили позволеніе эту переписку предать гласности.

I.

Москва, прямо съ желѣзной дороги, 16-го (17-го) мая.

И такъ я уѣхалъ? Но зачѣмъ? Ma foi je me suis laissé dire, что въ Россіи что-то произошло новаго и, что après tout надо составить себѣ о ней цѣльное и единое представленіе! И такъ я призванъ взглянуть sur ce pays, которому (pays муж. рода) судьба дала названіе Россіи. Закрываю глаза и вижу сію страну развалинъ и опустошенія, о которой *нѣсколько* журналистовъ и *нѣсколько* Русскихъ, никогда не видѣвшихъ вблизи цивилизаціи въ Европѣ, говорятъ какъ о народѣ перерождающемся для великаго будущаго. Странная фикція, грустная иллюзія. Не будь я ce que je suis, я бы могъ, не выходя изъ моего кабинета, написать все, что увижу и сочинить цѣлый трактатъ о государствѣ Россійскомъ и о его судьбахъ! Но я ѣду, и если новаго ничего не увижу, виноватъ буду не я!

Проводивъ меня, задали ли вы себѣ вопросъ, который мнѣ пришелъ въ голову въ ту минуту, когда поѣздъ трогался: множество народа, толпившееся на дебаркадерѣ, публика ли, или просто толпа? Публика въ Европѣ вѣдь единица, иногда пассивная, иногда активная; но у насъ? Qu'en pensez vous? У насъ сколько мнѣ кажется, эта толпа вездѣ и всегда весьма не кстати; *въ дорогѣ* вообще еще болѣе чѣмъ гдѣ-либо, ибо мѣ-

шаетъ думать, наблюдать и сосредоточиваться; вотъ почему, да извинитъ мнѣ русская публика, я сѣлъ въ особо приготовленное для меня отдѣленіе! Какъ люди наивны! Встрѣтилъ на дебаркадерѣ А. Н., который узнавъ зачѣмъ я ѣду и куда я ѣду, предложилъ мнѣ свои услуги, увѣряя, что имѣетъ много свѣдѣній о Россіи. Я улыбнулся въ отвѣтъ на такое предложеніе, но такъ, чтобъ онъ могъ понять, что есть люди, которые въ этихъ услугахъ могутъ и не нуждаться. Но, чтобъ его не обидѣть и pour sauver les apparences, я обѣщался его выслушать и даже прибавилъ что эти свѣдѣнія для меня — неоцѣнимое сокровище. И сдержалъ слово.

Между двумя большими станціями пригласилъ въ свой вагонъ А. Н. для разговора. Нашелъ его, какъ многихъ — полнымъ иллюзуарныхъ свѣдѣній о Россіи! „Вы подъ вліяніемъ всего, что видите и слышите, живя въ Россіи, составили себѣ пристрастныя убѣжденія", сказалъ я ему. Бѣдные такіе люди! какъ легка надъ ними побѣда мысли! Vale! Пишите и пишите!

II.

18-го мая, Москва.

Я въ Москвѣ, но Москва не во мнѣ. Знаете, что сіе значитъ? Что я смѣю не любить Москвы: тамъ черезчуръ силенъ запахъ тулупа, а отъ него до Азіи не далеко. Въ то же время я нашелъ, что есть что-то претендующее на дикую свободу, что мнѣ не нравится въ движеніяхъ людей, въ ихъ образѣ мыслей и въ ихъ рѣчахъ.... Удивлялись тому, что я въ Москвѣ, но еще болѣе *удивились тому*, что я призналъ нужнымъ побѣ-

хать по Россіи, съ тѣмъ чтобъ ее изучить. Тѣмъ, которые удивлялись, я далъ понять, что дѣлаю это изъ снисхожденія къ нѣкоторымъ нуждамъ, которыя у насъ находятъ своевременнымъ признать общественными. Люди оффиціальные показались мнѣ corrects, люди не оффиціальные или слишкомъ красными или слишкомъ мало Европейцами; слово Россія и Русскій у нихъ черезчуръ часто на языкѣ! Это признакъ несомнѣнный того, что главное вмѣстилище болѣзни, носящей имя— національная политика—есть Москва. Нѣмецъ въ Москвѣ se sent mal à son aise, тогда какъ у насъ въ Петербургѣ онъ и всякій представитель образованнаго Запада чувствуютъ, что имъ воздаютъ должное. Пора Москвѣ испытывать благодѣтельное гуманитарное и гуманизирующее вліяніе желѣзныхъ дорогъ. Мнѣ сказали впрочемъ, что ожидать этого трудно *пока*; ибо движеніе къ Москвѣ изъ Россіи сильнѣе, чѣмъ изъ Москвы въ Петербургъ. Жаль, что не наоборотъ.

Обѣдалъ въ клубѣ. Обѣдъ хорошъ. Отклонилъ всякое чествованіе моего присутствія, какъ гостя. Признаюсь, что недовѣріе къ языку Москвичей было причиной сего отказа. Москва слишкомъ живетъ на распашку, а потому не сознаетъ отчетливо, что можно и чего нельзя сказать.

Ея старички ѣдятъ много, надѣваютъ на себя салфетки съ подбородка; слышатъ дурно, похожи на крѣпостниковъ, хотя въ сущности замерзли въ дорогѣ, кто между 30-мъ и 40, кто между 40 и 50 годомъ нашего вѣка. Они всегда отдѣльно обѣдаютъ отъ людей средняго возраста и тщательно осматриваются, чтобы какъ можно дальше быть отъ людей молодыхъ. Они ищутъ робко-лукаваго взгляда крѣпостнаго слуги кругомъ себя и *грустятъ о* томъ, что его нѣтъ.

Средніе возрастомъ люди не имѣютъ ни нашей умѣренности, ни нашего умѣнья лавировать между двумя крайними точками — либерализмомъ и консерватизмомъ: это неумѣнье я приписываю тому, что они въ Москвѣ, куда звуки нашего камертона доходятъ гораздо слабѣе. Есть люди серіозно говорящіе о земствѣ: ils en sont encore là! эти люди не читали, разумѣется, ни Маколея, ни Токвиля, и не видали вблизи ни Франціи, ни Англіи! Они мечтаютъ о политической роли какого-то сословія именуемаго образованнымъ; другіе называютъ это сословіе—землевладѣльцами. Эти люди выпытывали отъ меня мои взгляды. Я далъ имъ понять себя настолько, чтобы не было большой рѣзкости между ихъ фикціями и моими убѣжденіями. Они очень удивлены были, поражены даже тѣмъ, что въ иныхъ вопросахъ я очень либераленъ и держусь принципа laissez-faire; но сказалъ имъ прямо и ясно, что внѣ аристократическаго элемента не признаю никакого передоваго движенія прочнымъ. Я особенно желалъ высказать это краеугольное мое воззрѣніе, такъ какъ обращался къ слушавшимъ меня двумъ, тремъ руссофиламъ или славянофиламъ, которые изъ народа дѣлаютъ основу и сущность соціальнаго положенія Россіи.

Молодыхъ людей мнѣ было жаль; они готовятъ себѣ грустные дни въ будущемъ. Для нихъ не существуетъ ни срока службы, ни почтенной личности, ни авторитета мыслителей исторіи всемирной цивилизаціи; они считаютъ себя равными намъ съ вами и какъ будто анализируютъ то, что мы говоримъ. Все это не обѣщаетъ много хорошаго. Если отъ меня зависѣло, я все бы сдѣлалъ, чтобы отвлечь молодежь отъ политики. даже поощрялъ бы долги и кутежъ. Лучше видѣть ихъ

IV.

Москва, 19-го мая.

Былъ на обѣдѣ у Г. Цѣль этого обѣда была доказать мнѣ, что есть дѣятели земства. Ихъ было, кажется, четыре; и другъ на друга удивительно хмурились. Наивность во всемъ и изумительная самоувѣренность — ихъ отличительныя черты. Они говорятъ о хлѣбныхъ магазинахъ, о земскихъ школахъ, о земскихъ банкахъ, какъ говорятъ у насъ въ Петербургѣ о вопросахъ изъ области всемірнаго интереса; они думаютъ, что всякій изъ насъ ничѣмъ другимъ не озабоченъ, какъ пустяками изъ земскаго хлама, и что нельзя быть Русскимъ не зная, что въ Подольскѣ магазины въ порядкѣ, а въ Вереѣ земство нуждается въ банкѣ! Въ этомъ ихъ наивность. Мнѣ было ихъ жаль! Они въ полномъ убѣжденіи, что открыли Америку, повозившись три года въ своихъ управахъ и собраніяхъ. Слова: народное благо, общественный интересъ начинаютъ и кончаютъ каждую фразу. Въ этомъ ихъ изумительная самоувѣренность. Ils ont l'air de nous avoir pris ce que nous leur avons donné, c'est le plus grand de leur ridicule *)

Въ отвѣтъ на ихъ краснорѣчіе о школахъ, о потребностяхъ въ кредитѣ, объ улучшеніи крестьянскаго быта, я поставилъ вопросъ прямо и точно, и такъ точно, что очевидно ихъ озадачилъ и отвѣта не получилъ. Изъ этого заключилъ, что узнавать Россію c'st presque de la naiveté (почти наивность): надо прежде еще ее учить

*) Они какъ будто взяли у насъ силой то, что мы имъ дали; въ этомъ главная смѣшная ихъ сторона.

помилуйте, когда еле-еле можетъ справиться съ своимъ земствомъ. Воображаю какое удивленіе, скажу больше, благоговѣніе возбудили взгляды ваши: уже это одно такая значительная польза! Да! нельзя не жалѣть молодыхъ людей; вотъ и здѣсь подчасъ вижу такихъ, которые осмѣливаются разсуждать насчетъ самыхъ почтенныхъ лицъ; ужъ видно вѣкъ такой. Какъ вѣрны последнія ваши строки, насчетъ того, что лучше видѣть молодежь въ похмѣльѣ отъ вина, чѣмъ въ опьяненіи отъ собственныхъ мыслей. Я всегда говорю что всякія собственныя мысли, у молодыхъ въ особенности, не что иное, какъ вино, которое или опьяняетъ, или одуряетъ и въ обоихъ случаяхъ вредно и опасно.

Что сказать вамъ о насъ грѣшныхъ? Какъ ваше сіятельство уѣхали, стало грустно, но можете быть увѣрены, что духъ вашъ вездѣ и во всемъ пребываетъ съ нами. Вездѣ кругомъ, слава Богу, тихо, толковъ какихъ нибудь особенныхъ не слыхать. Вчера встрѣтилъ лишь князя П, но особеннаго ничего они не сказали. Если будутъ дѣла деликатныя или такія, которыя требуютъ общихъ политическихъ соображеній, отложу ихъ до пріѣзда вашего сіятельства.

Вы спрашиваете меня, что говорятъ о вашей поѣздкѣ? Кромѣ отзывовъ уважительныхъ и слѣдовательно хорошихъ, ничего не слышно; газеты пока молчатъ. Впрочемъ сказывали мнѣ, что въ клубѣ были разныя шуточки насчетъ этого: такъ напримѣръ В. увѣрялъ, что будто бы цѣль вашей поѣздки — узнать не говоритъ ли кто-нибудь лучше васъ въ Россіи. Но вѣрьте, ваше сіятельство, это только одна зависть: всѣмъ не угодишь.

Жена, дѣти, всѣ чтущіе ваше сіятельство и я первый изъ нихъ кланяемся съ преданностью.

IV.

Москва, 19-го мая.

Былъ на обѣдѣ у Г. Цѣль этого обѣда была доказать мнѣ, что есть дѣятели земства. Ихъ было, кажется, четыре; и другъ на друга удивительно хмурились. Наивность во всемъ и изумительная самоувѣренность — ихъ отличительныя черты. Они говорятъ о хлѣбныхъ магазинахъ, о земскихъ школахъ, о земскихъ банкахъ, какъ говорятъ у насъ въ Петербургѣ о вопросахъ изъ области всемірнаго интереса; они думаютъ, что всякій изъ насъ ничѣмъ другимъ не озабоченъ, какъ пустяками изъ земскаго хлама, и что нельзя быть Русскимъ не зная, что въ Подольскѣ магазины въ порядкѣ, а въ Вереѣ земство нуждается въ банкѣ! Въ этомъ ихъ наивность. Мнѣ было ихъ жаль! Они въ полномъ убѣжденіи, что открыли Америку, повозившись три года въ своихъ управахъ и собраніяхъ. Слова: народное благо, общественный интересъ начинаютъ и кончаютъ каждую фразу. Въ этомъ ихъ изумительная самоувѣренность. Ils ont l'air de nous avoir pris ce que nous leur avons donné, c'est le plus grand de leur ridicule *)

Въ отвѣтъ на ихъ краснорѣчіе о школахъ, о потребностяхъ въ кредитѣ, объ улучшеніи крестьянскаго быта, я поставилъ вопросъ прямо и точно, и такъ точно, что очевидно ихъ озадачилъ и отвѣта не получилъ. Изъ этого заключилъ, что узнавать Россію c'st presque de la naiveté (почти наивность): надо прежде еще ее учить

*) Они какъ будто взяли у насъ силой то, что мы имъ дали; *въ этомъ* главная смѣшная ихъ сторона.

дѣятелей бѣдными, жиденькими, болѣзненно раздражительными и черезчуръ крикливыми. Я кое-что узналъ, но ничему не научился; ничто не поколебало моего политическаго катехизиса, ничто не измѣнило ни на іоту моихъ познаній о Россіи. Я имъ доказываю абсолютную несостоятельность волостнаго суда, какъ учрежденія дисгармонирующаго съ общимъ настроеніемъ государственнаго правосудія, а они мнѣ разсказываютъ какія-то чудеса про такой-то или другой волостной судъ. Я требую отмѣны этого учрежденія, съ точки зрѣнія государственной необходимости, то-есть государственнаго разума, а они говорятъ о какихъ-то заявленіяхъ, сдѣланныхъ крестьянами въ пользу предоставленія имъ права на судъ мировой, etc. etc.

Что изъ такихъ примѣровъ вывести? Одно лишь: вторая категорія того, что мнѣ было говорено не есть что-либо для меня новое въ существѣ своемъ: это толко видоизмѣненныя формы давно извѣстнаго, робкіе приступы къ предметамъ, съ которыми мы обращаемся смѣло, это проявленія неумѣнья подходить къ вопросамъ и представлять ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ, однимъ словомъ, это дѣтство и отрочество того человѣка, который достигаетъ совершеннолѣтія и зрѣлости, когда изъ узкой рамки національнаго дѣятеля выступаетъ на широкое поприще всемірнаго мыслителя.

V.

Между Москвой и К., 20-го 21-го мая, деревня, волость, община, крестьянское самоуправленіе и т. д.!

Переходъ, повидимому, рѣзкій отъ Москвы къ деревнѣ, во всей ея неблаговидной наготѣ, навелъ на меня

грусть, потому что я съ усиліями искалъ этой рѣзкости и не нашелъ ее!

Русская деревня вообще показалась мнѣ картиной втораго акта той комедіи, которой первый актъ я видѣлъ въ Москвѣ. Тамъ завязка, тамъ группа дѣйствующихъ лицъ, говорящихъ и дѣйствующихъ для того, чтобы подготовить зрителя къ необходимости признать жизнь въ картинѣ втораго дѣйствія, и въ тѣхъ лицахъ, которыя, подъ новымъ именемъ «крестьянъ» имѣютъ значеніе общественной силы не въ себѣ, но въ томъ, что имъ приписываютъ Москва и Москвичи.

Занавѣсъ втораго акта поднялся на той станціи желѣзной дороги, гдѣ я вышелъ, чтобы навѣстить NN. и исполнить одну изъ важнѣйшихъ задачъ моего труда, взглянуть на крестьянскій бытъ, рѣшить самому: на чьей сторонѣ правда. на той ли, которая признаетъ крестьянскій бытъ быстро идущимъ внизъ, или на той, которая съ умиленіемъ видитъ его восходящимъ вверхъ.

Увидѣлъ исправника, увидѣлъ посредниковъ, увидѣлъ и человѣкъ пять молодцовъ, въ которыхъ узналъ волостныхъ старшинъ. по медалямъ на груди, но не по выраженію благороднаго сознанія своего достоинства, присутствіе коего признаю аттрибутомъ всякаго образованнаго представителя власти. Эти пассивные агенты власти, съ азіятскимъ поклономъ ниже пояса, поднесли мнѣ хлѣбъ-соль. Я принялъ его въ руки, и поднявъ, спросилъ ихъ: «какъ по вашему, хлѣбъ этотъ, испеченный вольными руками, изъ вольной муки, вкуснѣе того хлѣба, который пекли вы десять лѣтъ назадъ?» Ихъ «какъ можно» показалось мнѣ такъ же натянутымъ, какъ титулъ «ваша свѣтлость», которымъ они меня величали!

Исправникъ показался мнѣ представителемъ значительнаго прогресса въ мірѣ нашей внутренней администраціи. Въ любомъ городѣ Германіи, Франціи и даже Англіи, фигура его была бы на мѣстѣ въ этомъ званіи.

Посредники показались мнѣ тѣмъ, что они есть— *лишними*!

Въ былое время они были дѣйствительностью, когда они разрѣшили матеріальную задачу на нихъ возложенную. Теперь они фикція, представители какой-то принудительной опеки, съ нравственнымъ вліяніемъ на крестьянъ какъ предлогомъ, и съ жалованьемъ какъ причиной! То и другое обращаетъ ихъ въ защитниковъ quand même идеи возрожденія крестьянъ.

Они начали было меня въ томъ увѣрять, но я съ перваго же слова далъ имъ понять, что изслѣдованіе вопроса, что такое русскій крестьянинъ послѣ десяти лѣтъ свободы — произвожу самъ, и въ подсказываніи и внушеніяхъ не нуждаюсь.

Послѣ посредниковъ очередь дошла до старшинъ. Сперва я призналъ нужнымъ поговорить съ ними en masse. Я задалъ имъ три вопроса: 1) чѣмъ отличается нынѣшняя власть надъ крестьянами отъ помѣщичьей? 2) признаютъ ли они, старшины, въ себѣ двойственность власти — власть физическую и нравственную? и 3) сознаютъ ли они различіе между общественнымъ и административнымъ началами?

На всѣ три вопроса, я получилъ отвѣты, изъ которыхъ заключилъ, что или они меня не поняли или, что вѣроятнѣе, не хотѣли понять. Въ особенности понравился мнѣ отвѣтъ одного изъ старшинъ на первый вопросъ: «какая власть, батюшка; власть власти розь»,

et rien de plus. Старшины не развиты для своей должности, вотъ фактъ несомнѣнный.

Три другіе вопроса я отнесъ къ матеріальному быту крестьянъ вообще. «Улучшился ли бытъ крестьянина?» спросилъ я; Отвѣтъ былъ: «какъ же, батюшка; у хорошаго крестьянина и хозяйство хорошее.» — «А у дурнаго?» спросилъ я. «Ну, а у дурнаго и хозяйство послабѣе.» — «Сколько крестьянинъ имѣлъ годоваго дохода до 1861 года и сколько теперь?» былъ второй мой вопросъ. Отвѣтъ простъ: «А не ровно батюшка; какъ у кого.» — «Какую роль играютъ деньги въ экономіи крестьянина?» — третій вопросъ. Бѣднягамъ онъ показался такъ дикъ, что отвѣта уже не послѣдовало никакого.

Такъ какъ степень матеріальнаго благосостоянія измѣряется всего вѣрнѣе степенью умственнаго развитія, то изъ жалкихъ и жидкихъ отвѣтовъ старшинъ я не могъ не заключить, что хозяйство и экономическій бытъ крестьянъ laissent beaucoup à désirer (заставляютъ еще многаго желать). Если таковы старшины, власть самоизбранная этимъ бытомъ, то каковы же должны быть ихъ избиратели, la masse, le peuple или «народъ», говоря языкомъ нашихъ національныхъ политиковъ?

Замѣчательна отличительная черта народа — попрошайничество. Едва я кончилъ мои вопросы, и этимъ, такъ-сказать, устроилъ фактическую связь между сими жалкими представителями народа и мною, какъ трое изъ нихъ подошли ко мнѣ поближе, приняли традиціонную позу просителей и начали излагать предо мною свою покорнѣйшую просьбу о томъ, чтобы, по случаю неурожая въ какихъ-то деревняхъ съ нихъ не брали *платежей* за это полугодіе. «Je t'ai bien reconnu là, mon

cher peuple Russe.» *) подумалъ я, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы сказать имъ приблизительно слѣдующее: «Господа старшины! Какъ ступень той власти, которая управляетъ всею Россіей, вы должны понять, что всякая просьба съ вашей стороны пріобрѣтаетъ въ глазахъ массы значеніе правительственнаго дѣйствія. Сила правительства зиждется на повсемѣстномъ единообразіи въ осуществленіи его видовъ и примѣненіи его мѣропріятій; деревни суть ничтожные атомы цѣлаго именуемаго государствомъ, но въ то же время суть винты, имѣющіе цѣлію скрѣплять тотъ или другой рычагъ всего механизма; ослабить малѣйшій винтъ, значитъ произвести безпорядокъ, а безпорядокъ въ малѣйшей части государственнаго механизма производитъ нарушеніе порядка и гармоніи въ цѣломъ. Неурожай печальное событіе, я это признаю вмѣстѣ съ вами; но что же дѣлать? изъ-за него нарушать порядокъ управленія нѣтъ возможности; обратите производительныя ваши силы съ земли, когда она неблагодарна, къ такимъ источникамъ, которыхъ доходъ менѣе зависитъ отъ Зевеса и Феба! Идите къ своимъ очагамъ, живите благополучно, управляйте строго и мудро, и прежде всего помните, что гарантировать исправность платежей—есть первая и главная ваша обязанность, какъ представителей власти.» Слово: «слушаемъ батюшка,» и низкій поклонъ отвѣтили мнѣ на мои слова. Посредникъ подошелъ ко мнѣ поближе и началъ было излагать мнѣ свои соображенія о неудобствѣ сроковъ платежей, о затрудненіяхъ ко взысканію недоимокъ и проч. Еще немного, и дошелъ бы до того, что сталъ бы мнѣ доказывать, что

*) Я тебя въ этомъ узналъ, мой милый Русскій народъ!

крестьянинъ слишкомъ много платитъ, а мы платимъ слишкомъ мало, но я остановилъ его на дорогѣ и сказалъ ему: «Потченнѣйшій, знаете какой главный недостатокъ, не васъ лично, но вашего корпоративнаго индивидума? это то, что вы гораздо болѣе защитникъ крестьянъ, чѣмъ агентъ правительства; вотъ почему не удивляйтесь тому и не сердитесь на насъ, когда узнаете, что мы, Петербуржцы, подаемъ голосъ за безусловное ваше уничтоженіе. Согласитесь, что если должны быть защитники крестьянъ въ лицѣ правительственныхъ агентовъ, то простая справедливость требуетъ, чтобы были ipso jure и—защитники дворянъ. Затѣмъ, судите сами чѣмъ бы сдѣлалось правительство, если бы въ каждомъ агентѣ своемъ оно находило не своего защитника, а защитника той или другой части государства. Но оставимте безплодную почву мѣстныхъ соображеній», сказалъ я, «и перейдемъ къ вопросамъ болѣе практически государственнымъ. Что вы думаете насчетъ переселенія крестьянъ?» спросилъ я ихъ, настолько вопросительно. чтобы показать имъ видъ человѣка нуждающагося въ ихъ свѣдѣніяхъ. Каково было мое удивленіе, когда одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который такъ бойко и многорѣчисто доказывалъ мнѣ, что наши законы о платежахъ и податяхъ законы драконовскіе, отвѣчалъ мнѣ sans la moindre vergogne: „Да ничего мы не думаемъ; это вопросъ кабинетный, а не практическій.“ — „Такъ вы отвергаете фактическое значеніе вопросовъ кабинетныхъ?“ спросилъ я. Другой, поощренный неприличною выходкой перваго посредника, поспѣшно отвѣтилъ: „Совершенно.“—„Напрасно,“ сказалъ я имъ, „кабинетъ относится къ практикѣ, какъ солнце къ землѣ и другимъ *планетамъ*: какъ солнце концентрируетъ и децентри-

руетъ свѣтъ и теплоту, безъ которыхъ жизнь земли немыслима, такъ и кабинетъ; не отъ земли приходитъ первоначальный лучъ къ солнцу; а отъ солнца къ землѣ; такъ точно и во взаимныхъ отношеніяхъ кабинета и практики: изъ кабинета исходитъ первоначальная мысль на практическую почву, и уже отъ практической почвы возвращается къ кабинету, какъ къ центру; вотъ почему, когда я васъ спрашиваю о переселеніи, это доказываетъ, что такой вопросъ *есть*, а если онъ есть, то объ немъ надо имѣть то, или другое мнѣніе."

По лицу ихъ я увидѣлъ que j'ai touché juste. Изъ всего, что̀ они мнѣ сказали объ этомъ вопросѣ я узналъ не много: мысль, что переселеніе никогда не должно быть вопросомъ государственнымъ въ его цѣльности, а должно разрѣшаться на мѣстѣ съ помощью извѣстнаго ассигнованнаго каждой губерніи кредита—невѣрна. Прежде всего необходимы общія соображенія, общія мѣры и общія законоположенія, дабы случайностей, пробѣловъ и непредвидѣнныхъ затрудненій не было.

На мой вопросъ: отчего есть недоимки, оттого ли, что исправники дурно взыскиваютъ платежи, или оттого, что крестьяне дурно платятъ? господа посредники пропѣли мнѣ длинную пѣсню опять же о разныхъ мѣстныхъ будто бы причинахъ, мѣшающихъ платить исправно; изъ этой пѣсни, со множествомъ арій и варіантовъ, я понялъ одно: что, какъ всегда, виноваты мы, чиновники, а не бѣдные эти крестьяне; такъ что, почти выведенный изъ терпѣнія, я не могъ не сказать имъ: да оставьте господа, прошу васъ, наигрываніе на одну и ту же тему мѣстныхъ условій, причинъ и явленій; изучать вопросы государственные на мѣстѣ, вовсе не значитъ *узнавать какъ живется* Сидору или Карпу, какой

армякъ носитъ Семенъ, какой Кондратій: синій или сѣрый, а напротивъ, это значитъ мѣстныя соображенія приводить къ общимъ. Дѣло не въ томъ, какъ бы поменьше платить Карпу или Антону, а въ томъ, какъ бы Карпа и Антона заставить непремѣнно платить. Дѣло не въ томъ хорошо ли живется тому же Карпу, а въ томъ, какими общими чертами, *безошибочно* вѣрными, ознаменовался новый крестьянскій бытъ.

Потомъ мы перешли къ вопросу объ общинѣ и круговой порукѣ. Какъ я и ожидалъ, j'ai trouvé dans ces gens l'expression fidéle de leur couleur *). Они готовы стоять за общину, подъ предлогомъ, что это учрежденіе народное и историческое, а въ сущности потому, что въ ихъ воображеніи община является какою-то силой независящею отъ Петербурга, а въ то же время осуждаютъ круговую поруку, подъ предлогомъ, что она разорительна для хорошихъ хозяевъ и несправедлива, а въ сущности потому, что она обезпечиваетъ интересы казны! Старую лису, какъ меня, не обманешь; я вижу насквозь не то что̀ говорятъ мнѣ, а то что скрывается подъ обманчивыми формами кругло складываемыхъ рѣчей.

На ихъ разглагольствованія я отвѣтилъ: „нѣтъ, господа, я мнѣнія совершенно противоположнаго, и желалъ бы очень, чтобы вы имъ прониклись. Что̀ до общины, то это одряхлѣвшая форма соціальной безиндивидуальности, сожитія безсознательнаго въ массѣ, дисгармонирующаго вполнѣ съ задачей времени индивидуальнаго развитія. Круговую же поруку, какъ мѣру обезпечивающую исправное поступленіе платежей, я признаю необ-

---

*) *Я нашелъ въ этихъ людяхъ вѣрное выраженіе ихъ цвѣта.*

ходимою. Киргизская степь и плательщики на Руси—одно и то же; на сознаніе долга платить расчитывать мы не можемъ ни здѣсь, ни тамъ; слѣдовательно должны себя обезпечивать мѣрами въ принципѣ несправедливыми, но въ силу государственной необходимости безусловно нужными".

На первый разъ наблюденій бы довольно: я слегка утомился.

Какое счастье, подумалъ я, что я не министръ, всѣ эти народы m'auraient fait cent fois mourir d'une maladie de foie *). Въ коляскѣ возлѣ графа NN, хотя и среди полей, все же чувствовалъ себя какъ бы ближе къ Европѣ, ибо графа NN знаю за человѣка вполнѣ образованнаго. Куря хорошія сигары, мы говорили очень оживленно о томъ, что такое нынѣшнѣе хозяйство помѣщика.

Мысли графа показались мнѣ остроумными и вѣрными. По его мнѣнію, всѣ хозяйства можно раздѣлить на три главныя категоріи. Первая категорія идеальныхъ хозяйствъ: это тѣ, гдѣ преданіе розокъ и другихъ почтенныхъ по всей вразумительности средствъ не утратили свою впечатлительную силу, и гдѣ съ хорошимъ Нѣмцемъ-управляющимъ, à la rigueur, можно вести дѣло удовлетворительно.

Вторую категорію хозяйствъ составляютъ тѣ мѣстности, гдѣ народъ начинаетъ образовываться. Кому сія истина невѣдома? Образованіе народа — это экономическое бѣдствіе для помѣщика. Наконецъ третью категорію составляютъ имѣнія гдѣ доселѣ остались, Богъ знаетъ какъ и почему, мировые посредники перваго

*) Сто разъ бы сгубили меня отъ болѣзни печени.

призыва, дѣти той большой когорты Робеспьеровъ, безъ которыхъ будто бы улучшеніе мужицкаго быта не могло совершиться.

Мы ѣхали между полями. Знаете, что я испытываю, сказалъ я графу, когда гляжу на эти поля, что-то въ родѣ тоски, l'angoisse de l'impuissance à faire de tout ce qui m'entoure un terrain fertile et digne du beau nom de terre Européenne *).

Изъ полей мы въѣхали въ паркъ графа: ощущеніе тѣни деревъ мнѣ было особенно пріятно; мнѣ показалось, что это было дыханіе чего-то болѣе цивилизованнаго.

„Замѣтили ли вы одно?“ спросилъ меня графъ. „Есть мужики, которые смотрятъ въ глаза и не снимаютъ шапокъ?“ сказалъ я, угадавъ мысль графа. „Замѣтилъ, какъ видите“, сказалъ я смѣясь, „это доказываетъ, что у васъ имѣніе второй или третьей категоріи!“ Мы засмѣялись оба.

Подъѣзжая къ подъѣзду дома, графъ шепнулъ мнѣ какъ бы въ отвѣтъ: „Какъ сдѣлать, чтобъ избавиться отъ моего посредника? Становой циркулярно велѣлъ мужикамъ снимать шапки, при встрѣчѣ со мной; представьте себѣ, что этотъ скотина, посредникъ, осмѣлился жаловаться на такое распоряженіе мировому съѣзду. J'avoues, прибавилъ графъ, que le становой était bête, mais en revanche, le посредникъ a fait cela par ce que c'est un **)....“

---

*) Тоска безсилія сдѣлать изъ всего, что насъ окружаетъ плодородную почву, достойную великолѣпнаго имени европейской земли.

**) Я сознаю, что становой сдѣлалъ глупость, но за то *посредникъ* жаловался, потому что онъ—красный.

Я прервалъ и кончилъ: „rouge.“ Мы были уже на террасѣ.

VI.

Отвѣтъ на письма IV и V.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Два достопочтенныя письма ваши имѣлъ счастіе получить. Читаю ихъ и перечитываю и не знаю какъ ими вдоволь насладиться. Жаль, что нельзя печатать столь по истинѣ замѣчательное во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ описаніе Россіи. Въ письмѣ изъ Москвы, какая государственная всеобъемлющая мудрость вопросовъ, а возлѣ какая мутная водица въ отвѣтахъ; надо вамъ быть министромъ; какъ хотите, а надо.

Москву такъ и видишь озадаченную вами, а если Москвѣ не понимать политическія соображенія вашего сіятельства, то гдѣ же несчастной Россіи съ ними справиться? Шутки въ сторону; появленіе въ печати вашихъ писемъ открыло бы цѣлый міръ, научило бы какъ думать и смотрѣть вообще на Россію. Въ наше время, кто не мудрствуетъ, кто не пишетъ, но бѣда въ томъ, что всѣ пишущіе лукаво мудрствуютъ. Читалъ Ивану Петровичу ваши письма: прочтемъ страницу и скажемъ вмѣстѣ: такъ и чувствуется, что не выходя изъ кабинета насквозь ее видятъ. Что о второмъ письмѣ думаю и сказать не могу: и посредники, и старшины волостные, и помѣщики, и община и круговая порука, чего только не окинулъ вашъ гигантскій, такъ-сказать, взглядъ; перо, мысль, взглядъ, проницательность, дальновидность,

такъ все съ быстротой молніи вырѣзають на бумагѣ, всю жизнь какъ она есть!

Мнѣ ли не быть согласнымъ со всѣмъ, что ваше сіятельство пишете?

У насъ, слава Богу, все благополучно. Не полагаете ли нужнымъ, въ виду того, что газеты молчатъ, тиснуть гдѣ-нибудь слѣдующее: *„Мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что графъ X. отправился въ путешествіе по Россіи, для изученія ее въ величайшихъ подробностямъ“* Я полагаю даже прибавить: *„Замѣчательно, что это первый примѣръ между русскими людьми у насъ въ Россіи“*.

Дѣлъ деликатныхъ не было, но озадачиваетъ насъ одно: въ X. губерніи что-то много учреждается коммиссій по всѣмъ возможнымъ вопросамъ; говорятъ, даже учредилась коммиссія объ овцахъ, другая о свиньяхъ, третья объ уменьшеніи способности къ дѣторожденію въ женщинахъ.

Кто-то предложилъ, чуть ли не Иванъ Ивановичъ составить, по поводу столь значительнаго числа коммиссій, коммиссію у насъ. Какъ думаете, ваше сіятельство о семъ?

VII.

22-го мая, село Воскресное, вечеромъ.

Послѣ сутокъ проведенныхъ въ деревнѣ, пришелъ къ убѣжденію, что: primo есть люди съ рожденія созданные неспособными къ какой бы то ни было деревенщинѣ, и secundo, что я къ этой категоріи людей долженъ *отнести* самого себя.

Впрочемъ entendons nous, деревня деревни рознь; давая мыслямъ, плененнымъ здѣсь къ какой-то полуазіятской атмосферѣ, свободу стремиться на западъ, подобно лучамъ солнца, проходящимъ сквозь темныя и густыя тучи, чтобы пасть на зеленый лугъ или цвѣтущую гряду, я какъ бы предчувствовалъ и прозрѣвалъ, что есть благодатные уголки па землѣ, гдѣ слово *дерсвня* является средоточіемъ многихъ прелестей: такъ напримѣръ, я видѣлъ предъ собою благорастворенную Турень, или прелестную природу графства Вельскаго; гдѣ фермеръ и графъ, ergo палата общинъ и палата лордовъ, подъ сѣнью Бога и природы, представляютъ собою тоже мудрое согласіе какъ въ парламентѣ, подъ сѣнью закона и интересовъ края.

А здѣсь, гдѣ согласіе, гдѣ боги правды, мудрости, уваженія къ закону? Я вижу только образованнаго человѣка, помѣщика, зѣвающаго отъ скуки и скучающаго отъ зѣвоты, толпу людей, которыхъ во что̀ бы то ни стало хотятъ сдѣлать интересными, а на самомъ дѣлѣ, не имѣющихъ ничего общаго съ уровнемъ человѣчества, полуграмотныхъ волостныхъ старшинъ, сельскаго попа, существо особенное, и мировыхъ посредниковъ — дурныхъ, когда они хороши, и хорошихъ, когда они дурны. И это называютъ у насъ деревней. Довольно я въ ней пробылъ, чтобъ имѣть право сказать: довольно я ее понялъ.

Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра. Въ эти двадцать четыре часа я узналъ и увидѣлъ кое-что:

1. Я узналъ, что есть быкъ и есть волкъ, и что каждое изъ сихъ названій не есть одно и то же.

2. Я узналъ, что иныя изъ натуральныхъ повинностей *распредѣляются* весьма неравномѣрно, и что есть

цѣлыя деревни отступающіяся или отстраненныя отъ нихъ вовсе. Записалъ и приму къ свѣдѣнію. Вспомнилъ, что наканунѣ моего отъѣзда, гдѣ-то въ комитетѣ, кто-то объ этомъ вопросѣ что-то сказалъ.

3. Узналъ по расчету, мною самимъ сдѣланному, что крестьяне платятъ больше, чѣмъ я думалъ; и что это большее составляютъ какіе-то морскіе сборы, о которыхъ я не подозрѣвалъ. Что значитъ съѣсть собаку на математикѣ: считаешь безъ счетовъ и безъ утомленія, и не для себя только, но и для тѣхъ бѣдныхъ стадъ, которыхъ оптимисты наши имѣютъ наивность называть меньшею братіей.

4. Я понялъ яснѣе то, что̀ понималъ смутно: смыслъ словъ усадьба, огородъ, и полевой надѣлъ, я даже пошелъ такъ далеко, что просилъ показать себѣ владѣніе пріуроченное къ однимъ мѣстамъ, выраженіе которое слышалъ не разъ въ нашихъ комитетскихъ дѣлахъ.

5. Наконецъ я увидѣлъ, что̀ такое десятина, признаться сказать, я ее воображалъ себѣ то очень маленькою, то очень большою, это зависило отъ настроенія духа, въ которомъ я былъ, когда слушалъ дѣло, и отъ степени моего участія къ помѣщику, у котораго ее отбирали.

За то узналъ я тоже много такого, что меня еще болѣе разочаровало насчетъ быта, объ улучшеніи котораго иные изъ нашихъ хлопочутъ, не вѣдая сами зачѣмъ?

Я былъ въ деревенской избѣ, dans tout ce qu'il y a de plus изба, и узналъ въ ней, что это даже не изба, а... забылъ какъ зовутъ это жилище временъ Рюрика, въ которомъ люди живутъ безъ малѣйшаго понятія о томъ, что можно жить иначе. Изба, какъ мнѣ сказали, *есть жилище* крестьянина степенью выше, строющееся

Впрочемъ entendons nous, деревня деревни рознь; давая мыслямъ, плененнымъ здѣсь къ какой-то полуазіятской атмосферѣ, свободу стремиться на западъ, подобно лучамъ солнца, проходящимъ сквозь темныя и густыя тучи, чтобы пасть на зеленый лугъ или цвѣтущую гряду, я какъ бы предчувствовалъ и прозрѣвалъ, что есть благодатные уголки па землѣ, гдѣ слово *деревня* является средоточіемъ многихъ прелестей: такъ напримѣръ, я видѣлъ предъ собою благорастворенную Турень, или прелестную природу графства Вельскаго; гдѣ фермеръ и графъ, ergo палата общинъ и палата лордовъ, подъ сѣнью Бога и природы, представляютъ собою тоже мудрое согласіе какъ въ парламентѣ, подъ сѣнью закона и интересовъ края.

А здѣсь, гдѣ согласіе, гдѣ боги правды, мудрости, уваженія къ закону? Я вижу только образованнаго человѣка, помѣщика, зѣвающаго отъ скуки и скучающаго отъ зѣвоты, толпу людей, которыхъ во что́ бы то ни стало хотятъ сдѣлать интересными, а на самомъ дѣлѣ, не имѣющихъ ничего общаго съ уровнемъ человѣчества, полуграмотныхъ волостныхъ старшинъ, сельскаго попа, существо особенное, и мировыхъ посредниковъ — дурныхъ, когда они хороши, и хорошихъ, когда они дурны. И это называютъ у насъ деревней. Довольно я въ ней пробылъ, чтобъ имѣть право сказать: довольно я ее понялъ.

Впрочемъ нѣтъ худа безъ добра. Въ эти двадцать четыре часа я узналъ и увидѣлъ кое-что:

1. Я узналъ, что есть быкъ и есть волкъ, и что каждое изъ сихъ названій не есть одно и то же.

2. Я узналъ, что иныя изъ натуральныхъ повинностей распредѣляются весьма неравномѣрно, и что есть

али что̀ у кого на душѣ ляжетъ, то и скажешь". Другой, тоже изъ молодыхъ (я замѣтилъ, что молодые говорятъ охотнѣе старыхъ), сказалъ между прочимъ, что вчера они толковали о новыхъ подушныхъ. Дальнѣйшихъ объясненій я получить не могъ; посредникъ сказалъ мнѣ, что на нѣсколько копѣекъ увеличили окладъ податей и земскихъ сборовъ. Полчаса спустя, когда я остался одинъ, я задумался надъ тѣмъ, какое вліяніе можетъ имѣть на политическія судьбы Россіи крестьянскій разговоръ; ихъ отзывы о податяхъ не могутъ быть благопріятны намъ, а если такъ, то хорошо ли мы дѣлаемъ, что торопимся ихъ образовывать. Впрочемъ, какъ они мнѣ сказали, газетъ еще они не читаютъ; и то еще хорошо; а послѣ насъ—хоть будь потопъ, не все ли равно. Когда я говорю о будущности Россіи, это значитъ, что я въ духѣ и обращаюсь съ нею, какъ съ дитятей, котораго любятъ ласкать и баловать; а по правдѣ сказать, думать о будущности Россіи дальше завтрашняго дня — дѣло рискованное. Вѣдь въ концѣ концовъ Россія не мы, и мы не Россія.

Чтобы судить объ успѣхахъ образованія, я спросилъ: есть ли школа и есть ли въ ней ученики? мнѣ отвѣтили, что школа есть, но учениковъ нѣтъ; на мой вопросъ: почему? мнѣ сказали, что началась рабочая пора въ полѣ; на мой вопросъ: бываютъ ли въ школѣ экзамены? крестьяне вытаращили глаза, и одинъ только посредникъ умѣлъ отвѣтить: нѣтъ. Я подозвалъ къ себѣ мальчика, написалъ три слова на клочкѣ бумажки и велѣлъ ему прочесть и объяснить мнѣ ихъ смыслъ; мальчикъ, къ немалому изумленію, прочелъ очень скоро эти три слова; подозвалъ втораго, и тотъ прочелъ, но уже *не три*, а цѣлыхъ десять. На мой вопросъ: что̀ это

въ губерніяхъ болѣе близкихъ къ Москвѣ и за Москвой къ сѣверу.

Я вошелъ въ это жилище рано утромъ одинъ и, слѣдовательно, incognito, чтобы не вліять на отвѣты крестьянъ на мои вопросы. Живутъ они всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ, именуемой свѣтлицей или свѣтелкой; дѣти и женщины босыя, мущины и мальчики болѣе взрослые въ лаптяхъ, познакомился съ лаптями покороче: они некрасивы и неудобны. На мой вопросъ: „улучшился ли ихъ бытъ?“ сперва семья, а потомъ подошедшіе крестьяне отвѣчали мнѣ: „какъ же, батюшка, какъ не стать намъ лучше“; а на другой мой вопросъ: „вѣдь и прежде хорошо было?“. Они же отвѣчали: „и прежде, батюшка, хорошо было“. Одинъ только молодой крестьянинъ, на видъ черезчуръ бойкій, хотѣлъ было что-то сказать и пролѣзть чрезъ толпу, но я увидѣлъ, что другіе его удержали и тотчасъ убѣдился, что былъ узнанъ, тѣмъ болѣе, что въ избѣ уже очутились и исправникъ и посредникъ. Incognito не удалось. Пришлось говорить авторитетно.

Я потребовалъ себѣ menu крестьянскаго обѣда, въ видѣ разсказа о томъ, что ѣдятъ крестьяне: богатство мало измѣняетъ крестьянскій столъ. Вообще деньги не вліяютъ на физіономію быта крестьянина: ни бульйонъ, ни изба, ни платье, ни наряды, ни образованіе, ничего не отзывается улучшеніемъ; съ деньгами, или безъ денегъ, это все тотъ же русскій крестьянинъ, безъ мнѣнія о себѣ, безъ мнѣнія о другихъ.

Я спросилъ крестьянъ разговариваютъ ли они между собою, и о чемъ они говорятъ, когда разговариваютъ. Молодой крестьянинъ, тотъ же бойкій малый, очень развязно отвѣчалъ: „да обо всемъ, что̀ придется къ слову,

али что̀ у кого на душѣ ляжетъ, то и скажешь". Другой, тоже изъ молодыхъ (я замѣтилъ, что молодые говорятъ охотнѣе старыхъ), сказалъ между прочимъ, что вчера они толковали о новыхъ подушныхъ. Дальнѣйшихъ объясненій я получить не могъ; посредникъ сказалъ мнѣ, что на нѣсколько копѣекъ увеличили окладъ податей и земскихъ сборовъ. Полчаса спустя, когда я остался одинъ, я задумался надъ тѣмъ, какое вліяніе можетъ имѣть на политическія судьбы Россіи крестьянскій разговоръ; ихъ отзывы о податяхъ не могутъ быть благопріятны намъ, а если такъ, то хорошо ли мы дѣлаемъ, что торопимся ихъ образовывать. Впрочемъ, какъ они мнѣ сказали, газетъ еще они не читаютъ; и то еще хорошо; а послѣ насъ—хоть будь потопъ, не все ли равно. Когда я говорю о будущности Россіи, это значитъ, что я въ духѣ и обращаюсь съ нею, какъ съ дитятей, котораго любятъ ласкать и баловать; а по правдѣ сказать, думать о будущности Россіи дальше завтрашняго дня — дѣло рискованное. Вѣдь въ концѣ концовъ Россія не мы, и мы не Россія.

Чтобы судить объ успѣхахъ образованія, я спросилъ: есть ли школа и есть ли въ ней ученики? мнѣ отвѣтили, что школа есть, но учениковъ нѣтъ; на мой вопросъ: почему? мнѣ сказали, что началась рабочая пора въ полѣ; на мой вопросъ: бываютъ ли въ школѣ экзамены? крестьяне вытаращили глаза, и одинъ только посредникъ умѣлъ отвѣтить: нѣтъ. Я подозвалъ къ себѣ мальчика, написалъ три слова на клочкѣ бумажки и велѣлъ ему прочесть и объяснить мнѣ ихъ смыслъ; мальчикъ, къ немалому изумленію, прочелъ очень скоро эти три слова; подозвалъ втораго, и тотъ прочелъ, но уже *не три*, а цѣлыхъ десять. На мой вопросъ: что̀ это

ачить? посредникъ объяснилъ мнѣ, что у нихъ, бла-
дарія священнику, школа существуетъ съ 1861 года, держится на счетъ крестьянъ и идетъ отлично. Но зумѣется такая аттестація не обошлась безъ колкости; средникъ прибавилъ, что три раза онъ хлопоталъ объ страорлинарной наградѣ священнику, но напрасно. улыбнулся и сказалъ ему: „посмотримъ удастся ли кѣ, болѣе чѣмъ вамъ, похлопотать о наградѣ", и за-
исалъ себѣ имя этого оригинальнаго священника. Не-
льно я припомнилъ, что гдѣ-то читалъ, что такъ дѣ-
ла Екатерина II.

Вообще люди, какъ этотъ священникъ, живущіе въ уши, куда никакой чортъ не заглядываетъ, и работа-
щіе для такъ-называемой общественной пользы, меня дивляютъ: pourquoi diable se donnent-ils tant de peine?*) у, хорошо я пріѣхалъ; а не пріѣзжай я, вѣдь такъ и умеръ этотъ ревнитель общественнаго блага, оцѣ-
нный только двумя, тремя босоногими мальчишками.

Я собралъ мальчиковъ и сказалъ имъ нѣсколько обо-
рительныхъ словъ, въ пользу необходимости ученія: помните, сказалъ я кончая, что вы призваны быть тѣмъ колѣніемъ, которое должно засвидѣтельствовать предъ ицомъ всего міра, великія прерогативы свободнаго гра-
данина. А вы, ихъ отцы и дѣды, заключилъ я обра-
аясь къ крестьянамъ, пользуйтесь природнымъ вашимъ торитетомъ, чтобы дѣтей своихъ посылать въ школу, дѣ подъ благородною сѣнью неизмѣнныхъ началъ правды науки, они должны воспринимать крещеніе гражда-
нина".

Двумъ, тремъ крестьянамъ я задалъ вопросъ о томъ

*) Изъ-за какого дьявола они такъ бьются?

какъ понимаютъ они земство. Изъ ихъ отвѣта я могъ заключить, что иные не понимаютъ его вовсе, а другіе понимаютъ его смутно. Это напомнило мнѣ нашъ разговоръ съ княземъ N, когда вопросъ о земствѣ стоялъ еще на очереди имѣющихъ быть разрѣшенными. Мы слишкомъ много трудимся и хлопочемъ изъ-за этого вопроса, сказалъ я; повѣрьте, наши добрые соотечественники не поймутъ и перваго слова того, что мы обрабатываемъ для нихъ такъ тщательно.

По моему, нынѣшняя эпоха, наряду со многими несомнѣнными достоинствами, имѣетъ одинъ существенно важный недостатокъ: nous autres, les administrateurs — nous faisons trop de cas des administrés **). Невольно вспомнилъ я эти слова теперь, когда въ мрачной глубинѣ крестьянской избы, лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью, увидалъ земскихъ людей игнорирующими политическій смыслъ этого званія и этого учрежденія. Надо ли радоваться этому, или плакать надъ этимъ? Я еще недостаточно государственный человѣкъ, чтобъ этотъ вопросъ рѣшить положительно.

Посредникъ сказалъ мнѣ, что въ его участкѣ есть крестьяне очень толково будто знающіе земское дѣло, и что двое изъ нихъ даже въ должности членовъ уѣздной управы оказывались весьма способными и дѣльными людьми: но я уполномоченъ этому не вѣрить; посредники суть живыя рекламы крестьянскихъ совершенствъ и добродѣтелей! Это тѣмъ болѣе справедливо, что сегодня за обѣдомъ мой почтенный хозяинъ, графъ N, жаловался очень энергично именно на крестьянъ въ

**) Мы администраторы, слишкомъ носимся съ тѣми кого администрируемъ.

дѣлѣ земства, и въ карманъ не полезъ за доказательствами справедливости своей жалобы. Впрочемъ я буду имѣть случай взглянуть поближе на земское дѣло, намѣреваясь посвятить ему *цѣлый день*.

И такъ, цѣлое утро я отдалъ на изученіе крестьянскаго быта. Еслибы пришлось Богу писать донесеніе и отчетъ въ томъ что я видѣлъ, я бы сказалъ: ma foi, не стоило портить столько крови для эмансипаціи; но такъ какъ въ качествѣ государственнаго человѣка, я призванъ буду когда-нибудь отвѣчать государству и давать матеріалы, изъ которыхъ наши бѣдные историки-писаки могли бы созидать разныя краснорѣчивыя картины времени, то я скажу такъ: à la rigueur, par ci, par là, l'émaincpation a donné au бытъ du moujik, quelques améliorations *). Le moujik хорошій малый, но нѣтъ нужды на него смотрѣть серіозно.

Графъ N показался мнѣ жителемъ необитаемаго острова. Онъ любитъ крестьянъ какъ разъ въ мѣру, безъ платоническихъ экзальтацій и безъ горькихъ воспоминаній объ утраченной надъ ними власти. Онъ не признаетъ потребности въ народномъ образованіи массъ и находитъ даже въ этой заботѣ правительства экзажерацію, могущую имѣть вредныя послѣдствія. Я немного его мнѣнія, но мнѣ, какъ чиновному человѣку, не дано говорить такъ же свободно какъ помѣщику.

Сосѣдей помѣщиковъ графъ N не принимаетъ въ интимную жизнь, увѣряя, что они всѣ или des goujats (неучи), или красные; когда кто-нибудь является, онъ отсылаетъ его къ управляющему. На этотъ счетъ я поз-

*) Впрочемъ, нельзя не сознаться что эмансипація произвела въ бытѣ мужика *нѣсколько* улучшеній.

волилъ ему сдѣлать маленькую мораль, указавъ на то что при его состояніи и способностяхъ, онъ бы могъ изъ всѣхъ этихъ goujats и красныхъ сдѣлать себѣ политическую партію избирателей и хвалителей. То и другое въ нашъ вѣкъ полезно, ибо популярность играетъ, къ сожалѣнію, свою политическую роль даже у насъ!

Завтра утромъ двигаюсь дальше.

Въ сущности нельзя сказать чтобъ я былъ недоволенъ. Вездѣ on est bon enfant, за исключеніемъ вопроса о платежахъ, гдѣ всѣ точно сговорились мнѣ жужжать на ухо про непомѣрные и неравномѣрные платежи. Графъ N жалуется на то, что его раззоряетъ земство, крестьяне жалуются на бремя всѣхъ своихъ платежей вмѣстѣ, красные кричатъ о необходимости раздѣлить подати между всѣми сословіями поровну. Желалъ бы я чтобъ это жужжаніе было случайность, но боюсь чтобы въ этомъ сліяніи голосовъ не было что-то похожее на предвзятое намѣреніе заявлять себя недовольными. Messieurs, говорю я всѣмъ этимъ господамъ, поющимъ ту же арію, каждый платитъ много, даже слишкомъ много, ибо платитъ съ того, что онъ имѣетъ: вы съ земли, я и мы всѣ петербургскіе люди—съ нашего спокойствія, здоровья и способностей; мы не жалуемся, и вы слѣдуйте нашему примѣру.

Кланяйтесь Петербургу отъ меня и отъ Россіи. Elle et moi nous sommes bons amis pour le moment! Vale!

VIII.

Отвѣтъ на письмо VII.

Петербургъ, 26-го мая

Ваше сіятельство!

Многообильно письмо ваше изъ села Воскреснаго прибыло сегодня. Опять же скажу, но если можно еще съ большимъ убѣжденіемъ: такія письма читаешь съ какимъ-то упоеніемъ удовольствія, съ какимъ-то высоко-нравственнымъ наслажденіемъ. Не могу судить, насколько вы способны любить деревню, но вижу ясно, что понять ее для вашего ума и описать ее для вашего пера все равно что мнѣ выйти изъ одной комнаты въ другую. Гдѣ намъ до Турени или до княжества Вельскаго и вообще до тѣхъ мѣстъ, гдѣ, какъ изволите говорить, имѣютъ пребываніе разные боги! Не могу представить себѣ ваше сіятельство въ деревнѣ; я же самъ въ ней никогда не бывалъ и думаю, по правдѣ сказать, что въ ней только и могутъ жить люди бездѣльные, и что вообще чиновному человѣку тамъ не мѣсто.

Открытіе вашего сіятельства насчетъ быка и вола, насчетъ крестьянскихъ платежей, усадьбы и десятины и для меня оказались таковыми. Всегда слышалъ не совсѣмъ лестные отзывы насчетъ крестьянской избы и кушанья, которое крестьяне употребляютъ, но никогда не думалъ чтобъ ужъ было такъ плохо, какъ вы изволите находить. Нельзя не радоваться тому, что газетъ крестьянинъ не читаетъ: чѣмъ дальше отъ зла, тѣмъ

лучше. Разговоръ вашъ съ крестьянами и то что вы припомнили насчетъ разговора съ княземъ N весьма интересенъ. Что же касается посредниковъ, то я вообще не очень довѣряю людямъ такого сорта: сколько кажется, въ нихъ нѣтъ достоинствъ дѣловыхъ людей и вообще правильныхъ служебныхъ воззрѣній. Думаю также, согласно мнѣнію вашего сіятельства, что слишкомъ заботиться о всѣхъ вообще въ Россію — излишнее дѣло; хлопотъ служебныхъ и безъ нихъ достаточно. Очень радуюсь что вообще вы довольны всѣмъ что видите; дай Богъ чтобъ это всегда такъ было.

Русскіе вообще народъ хорошій, но баловать ихъ не нужно, а ужь что до такъ-называемой „свободы" относится, то безъ нея легко обойдешься. Вѣдь вы меня знаете. Ваше сіятельство, ужъ менѣе охотника до всякихъ нововведеній и реформъ не найдешь. Что говорить, онѣ вещь хорошая, но все-таки для чего онѣ? Только то и дѣлаютъ что переписку усложняютъ, да претензіи разныя увеличиваютъ такихъ людей, которымъ что ни давай, а все мало.

У насъ слава Богу все благополучно, имѣлъ счастіе передать вашей супругѣ ваши письма. Погода какъ нарочно съ вашего отъѣзда предурная.

Какъ слышно, у графа N. N. сильный насморкъ, такъ что никого не принимаютъ. Деликатныхъ дѣлъ по случаю лѣтняго затишья еще не было; былъ маленькій только казусъ по дѣлу о спорѣ русскихъ купцовъ съ Нѣмцами въ городѣ N.; первые написали жалобу и явились сюда; полагаю что ограничатся внушеніемъ (Русскимъ) быть умѣреннѣе и благоразумнѣе.

Примите благодарность, ваше сіятельство, за поклонъ *вашъ и Россіи* намъ грѣшнымъ

IX.

25-го мая, губернскій городъ К., вечеромъ поздно.

Какое огромное событіе по всѣмъ своимъ послѣдствіямъ—*желѣзныя дороги въ Россіи*!

Со вчерашняго дня утромъ по нынѣшнюю минуту, сколько я перевидѣлъ людей, нравовъ, мѣстностей, центровъ дѣятельности; сколько я пережилъ пріемовъ, пріятныхъ и непріятныхъ впечатлѣній, сколько переслушалъ и произнесъ рѣчей, сколько мыслей мимоходомъ коснулся, сколько моихъ мыслей оставилъ за собою тѣмъ, которые меня слушали и сумѣли меня понять, сколько наконецъ утомленія, и все это въ теченіе полутора сутокъ!

Изъ Воскреснаго выѣхалъ рано утромъ. Графъ хозяинъ провожалъ меня до желѣзной дороги. Исправникъ хотѣлъ угодить, ѣхалъ впереди и угощалъ насъ пылью Мы выѣхали въ открытой коляскѣ; опять паркъ, опять поле, опять свободные крестьянскіе полупоклоны, на станціи опять нѣсколько рекомендательныхъ и тенденціозныхъ фразъ посредника въ пользу крестьянъ. Въ заключеніе коснулся вопроса о переселеніи, о которомъ позабылъ было распросить исправника. „Переселяются, но мало“, сказалъ мнѣ исправникъ: съ посредниками я уже говорилъ объ этомъ. „Иные даже возвращаются назадъ“, прибавилъ онъ. Онъ захотѣлъ повидимому узнать мое мнѣніе объ этомъ предметѣ. Я отвѣчалъ коротко и ясно: *я допускаю переселеніе какъ фактъ случайный, но дезапробирую его какъ принципъ.*

Затѣмъ уѣхалъ и въ теченіе дня до вечера проѣхалъ цѣлыхъ двѣ губерніи.

Въ вагонѣ занятіемъ моимъ были размышленія. Думалъ о томъ что говорятъ современники про мое путешествіе, думалъ и о томъ что скажутъ про него поколѣнія грядущія. Одни меня судятъ, другія меня будутъ судить, но какъ? вотъ вопросъ. Современному суду не достаетъ безпристрастія и дальновидности; отъ суда потомства ускользнутъ оттѣнки, ускользнетъ психическая часть моего дѣла.

На одной изъ станцій встрѣтилъ князя П., крупнаго землевладѣльца въ той губерніи, по которой мы летѣли тридцать верстъ въ часъ. Пригласилъ его сѣсть со мною. Онъ не былъ удивленъ меня встрѣтить, ибо узналъ гдѣ-то что я ѣду. Я воспользовался случаемъ чтобы порасспросить его о губерніи. Впрочемъ, сказалъ я ему, я эту губернію знаю, земство безпокойное и съ претензіями на витіеватость! Суды еще болѣе безпокойные, воюющіе съ администраціей, губернаторъ умѣренный и порядочный, и пенька одна изъ главныхъ статей землевоздѣлыванія. Мой князь былъ слегка озадаченъ этимъ знаніемъ губерніи и, какъ часто уже случалось, все, что онъ говорилъ, показалось мнѣ мутною водицей, сравнительно съ тѣмъ что я уже зналъ.

Князь началъ было жаловаться на полицію своего уѣзда. Я ему сказалъ: жалобы на полицію приносите не людямъ, а Богу, ибо главный коммиссаръ ея для нашего милаго края—Богъ! Надо жить съ увѣренностію что она въ хорошихъ рукахъ.

Остановился для ночлега въ городѣ Бр. въ полнѣйшемъ инкогнито, на станціи желѣзной дороги. Мои люди на бѣду sont indiscrets; cette indiscrétion привела мнѣ *утромъ разныхъ* властей и съ ними предложеніе осмот-

рѣть городъ и его примѣчательности. Убѣдился, что Хлестаковъ вездѣ еще жить можетъ.

Изъ многаго что мнѣ предлагали я выбралъ училище. Обошелъ оба класса, вошелъ предубѣжденный противъ учителей: представляю ихъ себѣ проповѣдниками нигилизма и тому подобныхъ разрушительныхъ ученій; первое впечатлѣніе однако было благопріятно: учитель добрый толстячокъ, очень усердно кланявшійся и очень старательно объяснявшій географію Океаніи. Въ какой я губерніи? спросилъ я мальчика передней скамейки. Онъ отвѣчалъ мнѣ скоро и бойко, и признаюсь, меня озадачилъ: я думалъ что я еще въ той губерніи откуда выѣхалъ, оказалось что я уже успѣлъ проѣхать двѣ губерніи.

На урокѣ исторіи втораго класса я засталъ исторію Персовъ, повѣтствуемую какимъ-то молодымъ учителемъ. „Что такое исторія цивилизаціи?“ спросилъ я одного ученика, показавшагося мнѣ болѣе другихъ развитымъ. Но здѣсь еще болѣе озадачило меня замѣчаніе, довольно рѣзкимъ тономъ высказанное учителемъ, о томъ, что мальчики этого слова не знаютъ, а понятіе о цивилизаціи имѣютъ по слову образованіе. Учитель, какъ показали мнѣ его физіономія и дезинвольтура, оказался національной партіи. Я на него посмотрѣлъ съ удивленіемъ и думаю что онъ взглядъ мой понялъ. „Есть слова въ исторіи міра“, сказалъ я, „которыя не имѣютъ отечества, не имѣютъ и языка, которому бы принадлежали исключительно: таково слово цивилизація. Дитя, какого бы положенія оно ни было, къ какой бы націи ни принадлежало, дитя хижины и дитя вельможи должно съ колыбели съ этими словами сродняться, какъ съ звуками: отецъ и мать. Оно должно учиться чтобы любить

свое отечество, да, но должно учиться и для того чтобы врѣзать въ себя убѣжденіе что оно въ то же время гражданинъ того всемірнаго отечества, которое называютъ цивилизаціей.“

Затѣмъ я ушелъ, вернулся на станцію, въ 11 часовъ уѣхалъ, въ вагонѣ припоминалъ главнѣйшіе фазисы исторіи цивилизаціи Россіи. Бѣдная исторія! сказалъ я къ вечеру, кончая мои размышленія въ ту минуту когда прибылъ сюда. Встрѣча, усталость, обмѣнъ безцвѣтныхъ рѣчей и въ заключеніе мое намѣреніе назавтра изучить городъ и земство губерніи.

То что вы въ концѣ письма мнѣ говорите объ отзывахъ оппозиціи на счетъ моей поѣздки, высказанныхъ въ клубѣ, меня не только не сердитъ, но заставляетъ улыбаться не безъ самодовольствія. Всякая эпиграмма скрываетъ на днѣ своей мысли sa raison d'être et qui est le contraire de ce que l'on veut dire. A mon avis— надо быть quelque chose de plus qu'un simple mortel, чтобы заслужить честь эпиграммы. Vale.

X.

Отвѣтъ на письмо IX.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Не успѣлъ я, такъ-сказать, вдоволь насладиться вашимъ почтеннѣйшимъ письмомъ изъ села Воскреснаго, какъ принесла мнѣ почта многоуважаемое письмо ваше изъ города К. Да-съ! желѣзныя дороги въ Россіи— событіе огромное; на еще болѣе удивительна не знающая *отдыха* дѣятельность вашего сіятельства: тамъ,

ѣсь, опять тамъ и опять здѣсь, вездѣ вашъ взглядъ
ваши мысли! Боюсь, не утомляютъ ли васъ слишкомъ
іемы и изученіе; положеніе ваше трудное: откажешь—
идешь, а не откажешь—устанешь. Наконецъ-то заго-
рили газеты о вашемъ путешествіи. Тщательно соби-
ю все что пишутъ; къ сожалѣнію, все больше крити-
ски относятся. Читаешь и все кажется какъ будто
о-то насмѣшливое. Ужь не люблю я эту печать, скажу
откровенности вашему сіятельству; такъ и чешется
ка ваши письма напечатать, пусть научатся какъ пи-
ъ-то надо.

Вы изволили размышлять насчетъ того какъ совре-
нники и потомство посмотрятъ на ваше путешествіе
выражаете насчетъ того и другаго опасенія. Что ка-
тся современниковъ, то позвольте сообщить вашему
тельству извѣстіе успокоительнаго свойства; не далѣе
къ вчера я узналъ это навѣрно. Въ гостинной князя Ф.
ла рѣчь о вашемъ сіятельствѣ; самъ князь, графъ Е.
Н. П. Д. говорили съ восхищеніемъ, какъ объ особѣ
шей вообще, такъ въ особенности о замѣчательномъ
шемъ путешествіи, имѣющемъ огромное политическое
аченіе. При этомъ графъ Е. замѣтилъ что весьма
тко можетъ быть, что матеріалы вами, имѣющіе быть
бранными, послужатъ основаніемъ къ новымъ вели-
мъ реформамъ въ будущемъ. Тогда поймутъ васъ всѣ,
ше сіятельство, а что газеты и разные необразован-
е люди говорятъ, такъ Богъ съ ними, на то вы и
дете государственный человѣкъ, чтобы на все плевать.
о же касается потомства, то повѣрьте, ваше сіятель-
во, оно не такъ легкомысленно будетъ, какъ нѣкото-
е изъ современниковъ.

Даже *инкогнито не гнушаетесь*; что же можно больше

сдѣлать? Инкогнито хорошая вещь, но если по правдѣ сказать, оно мнѣ кажется всегда лучше какъ дашь о себѣ знать; вѣдь неравно услышишь что-нибудь такого что не совсѣмъ для уха образованнаго человѣка пріятно, или наткнешься на неблагонадежнаго человѣка; лучше подальше отъ того и другаго.

Рѣчь вашего сіятельства въ училищѣ всѣхъ насъ привела въ восторгъ. И гдѣ же, подумаешь, такія слова раздавались? Въ глуши какого-то уѣзднаго города!

Да, ужь нечего сказать; какія бы тамъ фазисы не были въ исторіи цивилизаціи Россіи, а пребѣдная она.

Престранные у насъ бываютъ казусы: представьте, что по дѣлу о чрезвычайномъ размноженіи коммисій въ X. губерніи оказалось что всѣ они учреждены на основаніи какого-то циркуляра. Что дѣлать теперь? Издать ли новый циркуляръ въ отмѣну прежняго, или закрыть коммисіи? Всѣ въ тупикъ стали.

XI.

25-го мая вечеромъ, въ томъ же губернскомъ городѣ.

Сегодня провелъ одинъ изъ тѣхъ дней, которые называютъ une journée bien employée! Еще два, три такихъ дня, и я пожалай сдѣлаюсь ультра-Русскимъ: такъ много слышалъ я и видѣлъ людей кормящихъ на убой, говорящихъ любезныя вещи и серьозно задумывающихся надъ общественными интересами въ захолустьѣ провинціальнаго города.

Нѣтъ, рѣшительно я начинаю вѣрить въ цивилизацію Россіи. Баронъ N и князь В. однажды въ какомъ-то комитетѣ спорили со мною на эту тему, увѣряя что дальше цивилизаціи палки мы, то-есть Россія, еще не

ушла; я протестовалъ по долгу совѣсти, хотя не чувствовалъ для своихъ аргументовъ солидной подъ собой почвы, но теперь, ma foi, je serai ferré á glace *) чтобы защищать столь прекрасную тему.

Но усталъ, глаза въ особенности.

Не сознаю отчетливо, чѣмъ въ особенности восхищаться, земскимъ ли собраніемъ, которое я видѣлъ, городомъ или завтракомъ и обѣдомъ который мнѣ давали. Но чрезъ всѣ одинаково прошелъ съ удовольстіемъ. D'où diable берутъ они поваровъ и людей стряпающихъ на кухняхъ столь трудныхъ какъ земская городская и обыкновенная житейская.

Намъ ставятъ всегда въ упрекъ что мы въ Петербургѣ беремъ себѣ лучшихъ людей изъ Россіи, и опустошаемъ ее до гола, приманивая ихъ нашими фаворами. Очень радъ видѣть и убѣдиться что это одна изъ тысячей клеветъ на насъ возводимыхъ. Въ провинціи есть люди, какъ есть хорошіе обѣды. Жду свиданія съ моими аппонентами на эту тему въ Петербургѣ, чтобъ имъ это объявить какъ фактъ не подлежащій сомнѣнію.

Городъ въ смыслѣ пункта концентрирующаго общественную жизнь, не существуетъ. Городъ въ смыслѣ мѣста удобнаго для жилья, существуетъ еще меньше. Что говорила Екатерина II при проѣздѣ чрезъ такую мостовую какъ та, которою меня угощали съ утра до вечера—не знаю: исторія и всѣ наши архивы и сборники, болтающіе много, объ этомъ не говорятъ ни слова: но я знаю и помню что я сказалъ: Боже, какое варварство! Мнѣ сказали что недавно ее для кого-то исправили. Злая иронія! Чѣмъ же она должна была быть до

*) Я буду плотно вооруженъ доводами.

этого „кого-то“ и чѣмъ же будетъ послѣ меня? Гдѣ-то я читалъ что Петръ Великій кого-то изъ своихъ приближенныхъ, за дурной мостъ, собственноручно побилъ палкой; желалъ бы я быть имъ на все время моего пребыванія въ городѣ Сл., чтобъ я имѣлъ право бить всякаго кто не чувствуетъ какъ я что мостовая черезчуръ дурна.

Городской голова счелъ долгомъ, неизвѣстно почему, явиться ко мнѣ въ мундирѣ съ депутаціей. Онъ — мужикъ, но умный и дѣльный мужикъ, сумѣвшій настолько потереться объ людей, чтобы составить себѣ свой міръ принциповъ общежитія и умѣнья жить. Онъ хорошо говоритъ, и въ крайнемъ случаѣ можетъ быть тѣмъ идеаломъ, для котораго не сегодня, такъ завтра, будутъ у насъ писать либеральную реформу городскаго управленія. По его словамъ, городъ имѣетъ источники дохода въ будущемъ: тѣмъ лучше! Мы только этого и просимъ. Я спросилъ его: давитъ ли масса демократическая и бездомная городскаго общества (подъ нею я разумѣю мѣщанъ) на элементъ порядка, закона и уваженія къ собственности? онъ отвѣчилъ мнѣ: давитъ-съ, но не всегда-съ! Депутація говорила не много; лица у нихъ— общій гостинодворскій типъ, среди котораго, какъ рѣдкость, блуждаютъ фигуры получиновническія и полудворянскія. Изучать болѣе было нечего. Въ извѣстныхъ случаяхъ умный человѣкъ чувствуетъ инстиктивно что онъ всему научился.

Земское собраніе мнѣ понравилось Зала большая, хорошій воздухъ, резонансъ очень удовлетворительный. Есть ораторы, есть правая, есть и лѣвая сторона. Предсѣдатель, мой товарищъ по полку во дни оны, дирижируетъ гурьбу съ умѣньемъ; есть люди говорящіе съ тог-

комъ, есть люди говорящіе для того, чтобъ ихъ не упрекнули въ молчаніи. Послѣдніе никогда не становятся первыми, къ чести собранія; а это много значитъ для такихъ юныхъ общественныхъ учрежденій. Дѣла о которыхъ шла рѣчь были мнѣ знакомы: говорили объ уравненіи повинностей; дворянамъ досталось отъ Іудъ Искаріотскихъ своей среды, ищущихъ популярности на счетъ своихъ собственныхъ и чужихъ кармановъ. Въ итогѣ я доволенъ былъ общимъ ходомъ дѣла и дисциплиной собранія, болѣе чѣмъ въ правѣ былъ ожидать.

Изъ собранія поѣхалъ въ губернскую управу, гдѣ меня ждали іо corpore всѣ члены. Они угощали меня книгами, планами, отчетами и толкованіями на нихъ. Изъ любезности долженъ былъ принимать видъ живаго интереса. Было слишкомъ жарко чтобъ оцѣнивать прелесть усовершенствованной бухгалтеріи. Былъ въ тюрьмѣ. Несчастныхъ болѣе чѣмъ тюрьма можетъ вмѣстить; это подтвердило меня въ убѣжденіи что преступленія растутъ количествомъ не по днямъ, а по часамъ. Прокуроръ, коего главный недостатокъ показался мнѣ тотъ что онъ ѣстъ разные соусы ножемъ, оспаривалъ за обѣдомъ у губернатора этотъ фактъ; но я уполномочиваю себя его оспариванію не вѣрить.

Губернаторъ человѣкъ умный и современный. Онъ grand seigneur и обращается въ то же время съ chose publique съ тактомъ и пониманіемъ государственнаго человѣка. Онъ прочелъ мнѣ свою краткую записку о нынѣшнемъ состояніи губернаторской власти, которая, по его мнѣнію, довольно дѣльному и оригинальному, страдаетъ тремя недугами: trop de responsabilité, trop de

этого „кого-то“ и чѣмъ же будетъ послѣ меня? Гдѣ-то я читалъ что Петръ Великій кого-то изъ своихъ приближенныхъ, за дурной мостъ, собственноручно побилъ палкой; желалъ бы я быть имъ на все время моего пребыванія въ городѣ Сл., чтобъ я имѣлъ право бить всякаго кто не чувствуетъ какъ я что мостовая черезчуръ дурна.

Городской голова счелъ долгомъ, неизвѣстно почему, явиться ко мнѣ въ мундирѣ съ депутаціей. Онъ — мужикъ, но умный и дѣльный мужикъ, сумѣвшій настолько потереться объ людей, чтобы составить себѣ свой міръ принциповъ общежитія и умѣнья жить. Онъ хорошо говоритъ, и въ крайнемъ случаѣ можетъ быть тѣмъ идеаломъ, для котораго не сегодня, такъ завтра, будутъ у насъ писать либеральную реформу городскаго управленія. По его словамъ, городъ имѣетъ источники дохода въ будущемъ: тѣмъ лучше! Мы только этого и просимъ. Я спросилъ его: давитъ ли масса демократическая и бездомная городскаго общества (подъ нею я разумѣю мѣщанъ) на элементъ порядка, закона и уваженія къ собственности? онъ отвѣчилъ мнѣ: давитъ-съ, но не всегда-съ! Депутація говорила не много; лица у нихъ— общій гостинодворскій типъ, среди котораго, какъ рѣдкость, блуждаютъ фигуры получиновническія и полудворянскія. Изучать болѣе было нечего. Въ извѣстныхъ случаяхъ умный человѣкъ чувствуетъ инстиктивно что онъ всему научился.

Земское собраніе мнѣ понравилось Зала большая, хорошій воздухъ, резонансъ очень удовлетворительный. Есть ораторы, есть правая, есть и лѣвая сторона. Предсѣдатель, мой товарищъ по полку во дни оны, дирижируетъ гурьбу съ умѣньемъ; есть люди говорящіе съ тол-

XII.

26-го мая, губернскій городъ К., послѣ пополуночи.

Пользуясь хорошею погодой, я пересѣлъ въ общій вагонъ перваго класса. Одному сидѣть надоѣло, а въ общемъ вагонѣ не такъ душно. Засталъ общество людей, на видъ порядочныхъ, но для которыхъ я былъ незнакомецъ. Это инкогнито доставило мнѣ большое удовольствіе; въ особенности я оцѣнилъ его тогда когда прислушавшись къ разговору узналъ въ чемъ дѣло. Толковали двое молодыхъ, двое пожилыхъ и одинъ старый человѣкъ о Петербургѣ и о томъ что принято называть общимъ терминомъ—политикой. Однимъ словомъ, насъ грѣшныхъ судили. При входѣ моемъ, я засталъ вопросъ о печати и литературѣ, въ полномъ ходу. Двое молодыхъ, старичокъ и одинъ изъ среднихъ лѣтъ бранили насъ за то что мы, Петербуржцы, будто не любимъ патріотовъ. Sapristi, подумалъ я, они въ карманъ за словомъ не лѣзутъ; представители трехъ поколѣній въ вагонѣ перваго класса, гдѣ-то въ центрѣ Россіи, проводятъ время въ томъ, что обсуживаютъ вопросъ о патріотизмѣ съ точки зрѣнія политической. Я понадѣялся на втораго среднихъ лѣтъ собесѣдника, который, казалось мнѣ, позволялъ говорить, не придавая никакого значенія словамъ своихъ собесѣдниковъ, и казался мнѣ по физіономіи скорѣе изъ нашихъ чѣмъ изъ Русскихъ pur sang. Но „въ тихомъ омутѣ черти водятся“, говоритъ пословица. Ни съ того, ни съ сего, когда казалось истощили они арсеналъ оружій противъ нашего бѣднаго Петербурга, за его нѣжную любовь ко всему что не дышетъ ультра-патріотизмомъ, молчали-

devoirs directs, et trop peu de prestige *). Я раздѣляю и одобряю en gros его мнѣніе. Хотя онъ еще молодъ и иногда увлекается, но все же въ немъ есть задатки для будущаго восхожденія. Съ судомъ онъ не уживается; съ земствомъ живетъ мирно. Я расположенъ думать что онъ умѣетъ земству импозировать свое вліяніе грандъ-синьйора; въ наше время умѣть это дѣлать—не бездѣлица. Son seul defaut est d'écrire: волостная старшина и городская голова!

Предводитель съ большею любовью говоритъ о своихъ прежнихъ суксесахъ въ гвардіи и свѣтѣ чѣмъ о своей политической роли въ губерніи. J'aime cela! это добрякъ въ полномъ смыслѣ слова. Насколько я его понялъ, il en assez du земство. Онъ мечтаетъ о губернаторствѣ.

Предсѣдатель окружнаго суда человѣкъ степенный по сану, но мальчишка по виду. Это одинъ изъ той толпы правовѣдовъ, которые уже со школьной скамьи мечтаютъ о справедливости, равноправности и въ каждомъ изъ насъ хотятъ видѣть враговъ легальности.

Всѣхъ этихъ великихъ людей провинціи я видѣлъ въ два пріема: за завтракомъ у головы и за обѣдомъ у губернатора. Я испытываю удовольствіе, повторяя что тотъ и другой были отличны: слава провинціи!

Съ неменьшимъ удовольствіемъ повторяю и подчеркиваю для потомства, которое прочтетъ эти строки, это повтореніе: *я достаточно близко видѣлъ городъ и земство Сл. губерніи чтобы сказать: оба превзошли мои ожиданія.*

Посмотрю что будетъ дальше, а пока пора спать. Vale!

---

*) Слишкомъ много отвѣтственности, слишкомъ много прямыхъ обязанностей и слишкомъ мало обаянія.

Государство, гдѣ было бы въ одно и то же время много Шекспировъ по чувству и по геніальности, неминуемо очутилось бы на краю пропасти и погибло; не такъ ли? Мы, чиновные люди, обречены были бы быть первыми жертвами слишкомъ честнаго и талантливаго направленія литературы. Къ счастію мы далеки отъ этого, и сквозь презрѣніе, которое питаю къ нигилисламъ, говорю имъ, когда въ духѣ, merci, messieurs.

Господа эти говорили также объ отсутствіи у насъ великихъ людей въ настоящее время. Когда объ этомъ заговорили, я позволилъ себѣ спросить одного изъ собесѣдниковъ: „что такое великіе люди?"—„Геніальные", отвѣчалъ онъ мнѣ. „Кто знаетъ", сказалъ другой, „можетъ быть они есть гдѣ-нибудь на Руси, да ихъ затираютъ люди, да и обстоятельства". Не трудно было понять что это разсужденіе опять было направлено на счетъ насъ Петербуржцевъ. Я имъ сказалъ: „повѣрьте, господа, что для современниковъ нѣтъ великихъ людей: людей производятъ въ это званіе потомки". Я свелъ очень искустно разговоръ на общія мысли, чтобъ избѣгнуть весьма вѣроятныхъ колкостей на нашъ счетъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ сказать чѣмъ буду я или другой въ глазахъ потомства?

Пересѣлъ послѣ этой станціи въ свой вагонъ. Мы еще не дожили до того времени когда порядочные люди вообще могутъ безъ опасенія составлять часть того цѣлаго, что въ образованномъ государствѣ называютъ обществомъ; у насъ еще находишься подъ выстрѣломъ всякаго негодяя, болѣе или менѣе прилично одѣтаго.

Сегодняшній день превзошелъ всѣ остальныю усталостью. Я напалъ на губернатора изъ особенно дѣятельныхъ, холерическаго темперамента, который безпо-

щадно меня угощалъ всѣми прелестями и замѣчательностями своего паталыка.

Завтракъ и обѣдъ были изобильны, но не особенно вкусны. Тюрьма меня поразила своими ужасами. Арестанты, какъ мнѣ сказали, бѣгаютъ изъ нея черезчуръ безцеремонно и часто. Я приписываю это тому, что смотритель, съ одной стороны, говоритъ слишкомъ литературно, изъ чего я заключилъ что онъ вѣроятно читаетъ журналы и газеты, а съ другой стороны, какъ мнѣ показалось, на одномъ глазѣ у него бѣльмо и что-то тугъ на ухо.

Мостовая немного лучше чѣмъ въ К., но все же варварски дурна. Губернія, повидимому, правится хорошо. Исправники показались мнѣ джентльменами: одинъ изъ нихъ говоритъ по англійски, какъ сказывалъ мнѣ губернаторъ. Предсѣдатель управы на нихъ мнѣ жаловался, но я успѣлъ убѣдиться, что у господъ земскихъ коноводовъ это принципъ — жаловаться на полицію, даже тогда когда виноваты они, а не полиція. Этотъ предсѣдатель отставной морякъ, много говоритъ и съ губернаторомъ обходится слишкомъ по-товарищески. Онъ предложилъ мнѣ поѣхать осматривать богоугодныя заведенія. Я не могъ не согласиться, но пригласилъ съ собою вице-губернатора, чтобы не быть въ фальшивомъ положеніи одинокаго обожателя земскихъ подвиговъ. Зданія хороши, постели больныхъ опрятны, воздухъ чистъ, но фигура главнаго врача мнѣ не понравилась. Разумѣется, все хорошее эти господа приписываютъ земству, то-есть себѣ, а все дурное — администраціи. Главный врачъ былъ въ сюртучкѣ, говоритъ всѣмъ безразлично: „господинъ такой-то", и со всѣми слишкомъ развязенъ и слишкомъ боекъ. Нашелъ весьма неумѣст-

нымъ тотъ способъ рекомендаціи этого франта мнѣ который употребилъ предсѣдатель. „Это нашъ земскій другъ и благодѣтель“, сказалъ онъ, указывая мнѣ на доктора, и затѣмъ этотъ докторъ ни съ того, ни съ сего, протягиваетъ мнѣ руку. Нравы мѣняются, подумалъ я, и далъ доктору настолько руки, чтобъ онъ понялъ неумѣстность своей выходки; но онъ не понялъ и началъ объяснять мнѣ какія-то чудеса про экономію дровъ, пищи и чистоту воздуха.

Приглашеніе поѣхать въ земскую управу я не принялъ. Довольно было и одного раза этого удовольствія. тѣмъ болѣе, что фигуры членовъ управы, съ которыми познакомился, показались мнѣ весьма не заманчивыми. Первый показался мнѣ либераломъ; остальные такъ себѣ, ни то ни се, хотя впрочемъ губернаторъ отозвался о нихъ очень хорошо. Я былъ бы довольнѣе, еслибы могъ находить въ этихъ управахъ себѣ равныхъ, des hommes de notre bord (людей нашего круга), съ этими господами надо изъ своего міра нисходить въ ихъ узкій міръ мелочныхъ интересовъ, внѣ которыхъ никакое общеніе мысли невозможно.

Я былъ заваленъ просьбами, подъ предлогомъ, что меня принимаютъ за какого-то всемогущаго по всѣмъ вѣдомствамъ ревизора; въ особенности много было крестьянскихъ просьбъ, откуда я заключилъ, что мировые посредники этой губерніи ничего не дѣлаютъ. Просьбы отдалъ губернатору.

Женщины въ городѣ показались мнѣ красивыми и весьма нарядными: много костюмовъ европейскихъ; на одной изъ улицъ завидѣлъ вывѣску: „Coiffeur de Paris“. На главной площади мальчишки продаютъ газеты: я нашелъ этотъ признакъ прогресса излишнимъ.

щадно меня угощалъ всѣми прелестями и замѣчательностями своего паталыка.

Завтракъ и обѣдъ были изобильны, но не особенно вкусны. Тюрьма меня поразила своими ужасами. Арестанты, какъ мнѣ сказали, бѣгаютъ изъ нея черезчуръ безцеремонно и часто. Я приписываю это тому, что смотритель, съ одной стороны, говоритъ слишкомъ литературно, изъ чего я заключилъ что онъ вѣроятно читаетъ журналы и газеты, а съ другой стороны, какъ мнѣ показалось, на одномъ глазѣ у него бѣльмо и что-то тугъ на ухо.

Мостовая немного лучше чѣмъ въ К., но все же варварски дурна. Губернія, повидимому, правится хорошо. Исправники показались мнѣ джентльменами: одинъ изъ нихъ говоритъ по англійски, какъ сказывалъ мнѣ губернаторъ. Предсѣдатель управы на нихъ мнѣ жаловался, но я успѣлъ убѣдиться, что у господъ земскихъ коноводовъ это принципъ — жаловаться на полицію, даже тогда когда виноваты они, а не полиція. Этотъ предсѣдатель отставной морякъ, много говоритъ и съ губернаторомъ обходится слишкомъ по-товарищески. Онъ предложилъ мнѣ поѣхать осматривать богоугодныя заведенія. Я не могъ не согласиться, но пригласилъ съ собою вице-губернатора, чтобы не быть въ фальшивомъ положеніи одинокаго обожателя земскихъ подвиговъ. Зданія хороши, постели больныхъ опрятны, воздухъ чистъ, но фигура главнаго врача мнѣ не понравилась. Разумѣется, все хорошее эти господа приписываютъ земству, то-есть себѣ, а все дурное — администраціи. Главный врачъ былъ въ сюртучкѣ, говоритъ всѣмъ безразлично: „господинъ такой-то“, и со всѣми слишкомъ *развязенъ* и слишкомъ боекъ. Нашелъ весьма неумѣст-

нымъ тотъ способъ рекомендаціи этого франта мнѣ который употребилъ предсѣдатель. „Это нашъ земскій другъ и благодѣтель“, сказалъ онъ, указывая мнѣ на доктора, и затѣмъ этотъ докторъ ни съ того, ни съ сего, протягиваетъ мнѣ руку. Нравы мѣняются, подумалъ я, и далъ доктору настолько руки, чтобъ онъ понялъ неумѣстность своей выходки; но онъ не понялъ и началъ объяснять мнѣ какія-то чудеса про экономію дровъ, пищи и чистоту воздуха.

Приглашеніе поѣхать въ земскую управу я не принялъ. Довольно было и одного раза этого удовольствія, тѣмъ болѣе, что фигуры членовъ управы, съ которыми познакомился, показались мнѣ весьма не заманчивыми. Первый показался мнѣ либераломъ; остальные такъ себѣ, ни то ни се, хотя впрочемъ губернаторъ отозвался о нихъ очень хорошо. Я былъ бы довольнѣе, еслибы могъ находить въ этихъ управахъ себѣ равныхъ, des hommes de notre bord (людей нашего круга), съ этими господами надо изъ своего міра нисходить въ ихъ узкій міръ мелочныхъ интересовъ, внѣ которыхъ никакое общеніе мысли невозможно.

Я былъ заваленъ просьбами, подъ предлогомъ, что меня принимаютъ за какого-то всемогущаго по всѣмъ вѣдомствамъ ревизора; въ особенности много было крестьянскихъ просьбъ, откуда я заключилъ, что мировые посредники этой губерніи ничего не дѣлаютъ. Просьбы отдалъ губернатору.

Женщины въ городѣ показались мнѣ красивыми и весьма нарядными: много костюмовъ европейскихъ; на одной изъ улицъ завидѣлъ вывѣску: „Coiffeur de Paris“. На главной площади мальчишки продаютъ газеты: я *нашелъ этотъ признакъ* прогресса излишнимъ.

Вообще губернаторъ кажется слабымъ и слишкомъ принимаетъ въ соображеніе, то, что для государственнаго человѣка не существуетъ—общественное мнѣніе.

Въ губерніи разводятъ много свекловицы, много сахарныхъ заводовъ; помѣщики народъ кутящій.

На губерніи много недоимокъ. Причины я добиться не могъ. Предводитель сидѣлъ слѣва отъ меня за обѣдомъ; онъ богатый человѣкъ, но молчаливый и безъ роли въ губерніи. Жена его красавица; губернаторъ, какъ мнѣ показалось, для нея болѣе чѣмъ губернаторъ.

XIII.

Отвѣтъ на письмо XI и XII.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Преисполненныя высочайшаго интереса письма ваши отъ 25-го и 26-го мая имѣлъ удовольствіе получить. Давно ли мы разстались, а ужъ чуть не половина Россіи изъѣзжена и изучена вами. Опасеніе которое изволите выражать насчетъ того, что можете сдѣлаться слишкомъ русскимъ человѣкомъ, врядъ ли серіозно: не такимъ людямъ какъ вы этого бояться. Нельзя не радоваться, подобно вашему сіятельству, тому, что есть въ Россіи люди, но еще болѣе слѣдуетъ радоваться тому, что есть люди, какъ вы, умѣющіе ихъ отыскивать. Въ этомъ отношеніи позволяю себѣ думать, что ваше путешествіе не многимъ отличается отъ поѣздки Екатерины II, относительно любознательности. Выносить, и притомъ терпѣливо, мостовыя какъ тѣ о которыхъ изволите писать и всякія другія непріятности,

заслуга государственная не маловажная. Утѣшаю себя мыслію, что по крайней мѣрѣ повара въ городахъ, гдѣ вы обѣдаете и завтракаете, заслуживаютъ одобренія. Что же касается земства, то по правдѣ сказать, я смѣю полагать, что вы изволите судить о немъ со снисходительностію; трудно привыкнуть къ мысли, что могутъ быть у насъ люди внѣ администраціи.

Мысли губернатора насчетъ реформы этого учрежденія дѣйствительно замѣчательны. Дай Богъ такимъ людямъ, когда перестанутъ быть молоды, возвышенія на службѣ; особенно хорошо, то, что губернаторъ этотъ, какъ вы его изволите называть, гранъ-сеньйоръ.

Какъ не грѣшно было вашему сіятельству опять инкогнито сидѣть въ общемъ вагонѣ: время теперь не такое, чтобы можно было на каждый языкъ разчитывать. Любуюсь вами и вашею ловкою политичностію. Вы разговариваете какъ будто ни въ чемъ не бывало, съ людьми повидимому не совсѣмъ благонадежными, позволяете имъ высказывать сужденія болѣе чѣмъ странныя и даже находите въ ихъ мысляхъ, что-то заслуживающее вниманія. Разговоръ, повидимому, былъ изъ мудреныхъ. Мысль о множествѣ Шекспировъ въ государствѣ, какъ о значительномъ для него бѣдствіи, замѣчательно вѣрна: люди черезчуръ уже геніальные, когда они не на службѣ, больно безпокойны. Вообще литература вещь хотя и хорошая, но по моему лучше было бы, еслибы она не касалась вовсе политики. Что же относится до великихъ людей, то всякій порядочный человѣкъ знаетъ, что ихъ у насъ, слава Богу, довольно; не всѣхъ, правда, цѣнятъ одинаково, но придетъ время, повѣрьте, когда такимъ людямъ, какъ вы, съумѣютъ отдать справедливость. Хотя бы памятную книжку у

гдѣ были шайки тѣхъ или другихъ инсургентовъ. Довольно съ ними имѣть дѣло въ нашихъ бумагахъ. Я хочу чувствовать себя гражданиномъ великой Европы, свободнымъ какъ туристъ Альбіона, мечтающимъ, рисующимъ, курящимъ и вопрошающимъ надъ каждымъ мѣстомъ, достойнымъ быть вопрошаемымъ.

Старгородъ стоитъ на трехъ холмахъ, на высшемъ изъ нихъ стоитъ святыня города и Россіи—монастырь, а подъ сѣнію ея множество домовъ, гдѣ разсажены большіе и малые двигатели центральной администраціи.

На одномъ изъ холмовъ есть памятникъ, болѣе другихъ замѣчательный по мысли. У подножія этого памятника я остановился и мечталъ. Возлѣ меня никого не было живыхъ, но кругомъ толпилось много умершихъ. Я говорилъ имъ: messieurs, parlez moi du passé, le présent m'accable trop *). Они сжалились надо мною и стали говорить про все, чего были свидѣтелями и подвижниками. О, рокъ! Даже въ тишинѣ вечера и отходившаго ко сну города, мнѣ показалось что я слышалъ патріотическія созвучья съ злобными аккордами противъ Поляковъ. Я сказалъ мертвымъ, что сказалъ живымъ, и нашелъ что у первыхъ l'oreille est moins dure чѣмъ у послѣднихъ. Они были благовоспитаннѣе, подумалъ я и принялся бесѣдовать съ ними про все то гдѣ національная ненависть не играла роковой роли. Тѣни которыя я вызывалъ я сталъ вопрошать о будущности сего града и сей страны. „Силы наши велики", отвѣчали они, „но строя и гармоніи въ нихъ нѣтъ, мы всѣ воздвигали, мы всѣ боролись за великія цѣли, но умя-

---

*) Господа, говорите мнѣ про прошедшее, настоящее черезчуръ тяготитъ меня.

рая, даже среди побѣды, мы говорили прощаясь съ жизнью: друзья и братья il nous manque quelque chose (намъ не достаетъ чего-то)"!

Но среди этихъ голосовъ, отдававшихъ справедливость своей слабости и унесшихъ съ собою въ могилу критическій умъ самосознанія, я будто слышалъ голоса другіе, менѣе скромные и eo ipso менѣе безпристрастные. Эти требовали отъ будущаго des choses extraordinaires et rèclamaient pour leur pauvre moi les grandes prèrogatives d'une capitale *). Я сдѣлалъ будто не слышалъ, ибо не люблю даже съ мертвыми затрогивать вопросовъ, гдѣ Петербургу приходится быть sur la sellette. Наконецъ, не безъ непріятнаго чувства, услышалъ я такіе голоса гдѣ звучали звуки дикіе и мнѣ чуждые. При этомъ предо мною возставали лица въ одѣяніяхъ гдѣ le cosaque se dessinait dans ses contours difformes **).

Странная вещь! Отошедши отъ памятника, я сошелъ внизъ и вышелъ въ міръ живыхъ. Мнѣ показалось что мертвые, съ которыми я бесѣдовалъ, не умирали: до такой степени многіе изъ живыхъ походили на нихъ мыслями и рѣчами.

Всѣ живые сей веси и сего града распадаются на множество группъ. Разумѣется les deux grands groupes étaient l'administration et les administrés. Послѣ этого идутъ тѣ разныя категоріи лицъ о которыхъ я упомянулъ.

Прежде всего я нашелъ здѣсь чего не находилъ ни-

---

*) ....вещей необычайныхъ и просили для своего бѣднаго «я» великія прерогативы столицы.

**) Гдѣ обрысовывался казакъ въ своихъ уродливыхъ очертаніяхъ.

гдѣ кромѣ Петербурга; au sein même du groupe grandiose администраціи, я не безъ грусти констатировалъ если не расколъ, то все же раздвоеніе главныхъ образовъ мыслей на два лагеря.

Офиціальные grands-faiseurs думаютъ такъ; непризнанные, но фактически сильные grands-faiseurs думаютъ иначе.

Это *иное* въ образѣ мыслей составляетъ, то что и у насъ дѣлитъ нашъ сонмъ служителей государства: l'art de comprendre l'elément russe et la maniere de s'en servir! *) Первые благоразумнѣе вторыхъ. Я выскажу по этому поводу, съ вашего позволенія, замѣтку, которая вамъ покажется можетъ быть странною и puérile, но она вѣрна ибо взята изъ міра практическихъ наблюденій. Вотъ она:

Элегантныя формы обращенія и большое умѣнье владѣть французскимъ языкомъ служатъ у насъ признакомъ d'une appréciation correcte des grandes questions politiques à bouche béante **).

Вотъ почему на ряду съ прелюбезнымъ обращеніемъ avec messieurs les Polonais, я нашелъ въ людяхъ первой категоріи признаки здраваго и хладнокровнаго обращенія съ ихъ causa. Наоборотъ въ тѣхъ которые *говорятъ только по-русски*, въ людяхъ съ бородами и длинными волосами, въ людяхъ которыхъ здѣсь Панургово стадо патріотовъ называетъ замѣчательными, въ людяхъ дѣйствительно умныхъ, но одностороннихъ и узкихъ, я нашелъ съ прискорбіемъ всѣ увлеченія и уклоненія инспирированныя фанатическою ненавистью

---

*) Искусство понимать русскій элементъ и способъ его употребленія.

**) Вѣрной оцѣнки важныхъ политическихъ вопросовъ еще *не разрѣшенныхъ*.

ко всему что похоже на великую добродѣтель цивилизаціи—терпимость.

Крестьянское дѣло особенно этимъ фанатизмомъ страдаетъ. Поляки жалуются на это, но они настолько любезны и цивилизованы что умѣютъ жаловаться le sourire sur les lêvres.

Quant aux administrès, il me serait difficile пересчитать всѣ категоріи. Вопервыхъ il y a le parti des vieux croyants, то-есть старовѣровъ. Они косятся на администрацію и боятся каждаго ея поклона любому Поляку, по той простой причинѣ что любой Полякъ для ихъ раздраженнаго воображенія является во образѣ вѣроломнаго инсургента. De ceux là je n'en veux point pour constituer cet élément appelé a devenir fraichement otothone *) и извѣстнаго подъ именемъ усиленія русскаго элемента въ краѣ. Есть между ними люди образованные, люди говорящіе по-французски, но мало.

Затѣмъ есть равнодушные или умѣренные. J'aime milux ceux là. Они водятся и дружатся съ Поляками и имѣютъ съ ними общаго — ненависть къ мировымъ посредникамъ вообще и къ своему въ особенности. Эти умѣренные суть землевладѣльцы, иные изъ чиновниковъ и люди торгующіе, въ жизни которыхъ le debet et credit не позволяютъ заниматься политикой. Первымъ я говорилъ въ духѣ примирительнаго, но все же нѣсколько авторитетнаго увѣщанія не забывать, что иныя требованія правительства должны быть ими уважаемы, quand même ils leur paraîtraient un peu trop доморощеннаго направленія.

---

*) Такихъ я не хочу для составленія элемента призваннаго сдѣлаться туземнымъ.

Наконецъ есть Поляки. О нихъ что сказать вамъ? Они достойны своей участи, ибо шалятъ. Я имъ сказалъ за обѣдомъ у К. Н.: „Messieurs les Polonais, je vous aime beaucoup, vous êtes de vrais gentilhommes, mais vous avez eu tort d'avoir oublié dans vos prières à Dieu celle de vous donner un peu plus де благоразумie!" *) Въ настоящую минуту они ведутъ себя хорошо et me font de la peine (и мнѣ ихъ жаль). Они говорили мнѣ обо многомъ, и это многое se résume, въ словахъ: on nous ruine (насъ раззоряютъ), но я отвѣчалъ четырьмя: un peu de patience (немного терпѣнья).

Труднѣе мнѣ было справиться съ русскими союзниками Поляковъ: и эти завалили меня, какъ проѣзжаго изъ Петербурга, вопросами. Я разрѣшалъ ихъ un peu en Alexandre de Macédoine, и признаюсь позавидовалъ вамъ всѣмъ въ эти минуты, зная какъ перомъ легче это дѣло дѣлать чѣмъ на словахъ. Мое правило всегда улыбаться, даже когда говоришь непріятности, мнѣ пригодилось: тѣ которымъ я говорилъ вещи въ существѣ своемъ désagreables улыбались тоже, и кто знаетъ, si un peu de ce sourire n'allait pas se loger plus loin que les lêvres ***)?

Русскіе фанатики также осадили меня вопросами. Ils ont l'air de ne pas avoir assez de leur métier de bourreau *). Этимъ я съ тою же улыбкой говорилъ то, что

*) Господа Поляки, я васъ очень люблю, вы настоящіе джентльмены, но вы виновны въ томъ что забывали просить у Бога немного болѣе благоразумія.

**) Быть-можетъ что-нибудь отъ этой улыбки проникло дальше губъ.

***) Точно они не насытились ремесломъ палача.

могъ говорить, не компрометтирую ни достоинства Европейца, ни сана петербургскаго чиновника. En somme, всѣ, какъ мнѣ показалось, остались довольны, и кончая день, я сказалъ какъ Титъ, mon „слава Богу".

На два вопроса ваши отвѣту просто и ясно:

На первый, относительно напечатанія въ газетахъ замѣтки обо мнѣ, вотъ мой отвѣтъ; дать согласіе на напечатаніе того, что вы предлагаете, значило бы насиловать общественное мнѣніе, надо наоборотъ, чтобы общественное мнѣніе приведено было къ тому, чтобы найти насиліе въ себѣ самомъ, въ самостоятельной оцѣнкѣ моихъ соприкосновеній, какъ каждаго порядочнаго человѣка, съ государственною жизнью, въ особенности когда этотъ порядочный человѣкъ становится послѣдователемъ Россіи.

На второй, отвѣтъ столь же простой. Множество коммиссій въ Х. губерніи служитъ по моему лучшимъ выраженіемъ прогрессивнаго развѣтвленія мѣстной самодѣятельности: c'est le selfhelp de monsienr le gouverneur et compagnie *); и еслибы отъ меня зависѣло, я бы офиціально одобрилъ такой симптомъ движенія впередъ провинціальной государственной жизни. Впрочемъ у каждаго свой взглядъ! Россія и я шлемъ вамъ поклонъ, она по своему, а я по своему. Vale!

---

*) Въ этомъ я вижу самодѣятельность господина губернатора К°.

XV.

Отвѣтъ на письмо XIV.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Начну письмо съ почтительнаго извиненія. Письмо ваше изъ Старгорода такъ замѣчательно хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, что я безъ вашего позволенія рѣшился снять съ него нѣсколько копій для лицъ, которыя меня объ этомъ просили. Какое краснорѣчіе, какая глубина чувства, какое прелестное сочетаніе поэзіи съ тонкими политическими наблюденіями!

Да-съ, смѣю думать, что еслибъ искони много было такихъ людей на Руси какъ ваше сіятельство, татарщины не было бы и слѣда.

Умѣть быть въ одно и то же время и чиновникомъ, и какъ вы изволили выразиться, туристомъ Альбіона, могу сказать вещь не легкая.

Что же касается тѣней которыя вы изволили вызывать для бесѣды на одномъ изъ холмовъ Старгорода, то я нахожу во всемъ томъ что они говорили много правды, за исключеніемъ вопроса о столицѣ. Какъ можно себѣ представить иную столицу чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ всѣ мы съ малолѣтства привыкли жить и справлять каждый свою службу! Вѣдь вотъ и Москва столица, и Старгородъ, какъ видно изъ письма вашего сіятельства, большой городъ, а все не то что Петербургъ, Тамъ разныя мысли бродятъ въ безпорядкѣ и люди-то безпокоятся разными сремленіями, еще какъ будто не уста-

новившимися, словомъ, точно нѣтъ правильнаго порядка въ жизни, а ужъ здѣсь у насъ все на своемъ мѣстѣ, все прибрано, все идетъ такъ какъ слѣдуетъ.

Насчетъ мертвыхъ вообще—Богъ съ ними, а вотъ что изволите говорить про живыхъ въ городѣ Старгородѣ, не совсѣмъ утѣшительно. По моему, въ образѣ мыслей между служащими всякое разъединеніе вредно, а тѣмъ паче въ столь важномъ вопросѣ какъ вопросъ о Полякахъ въ этомъ краѣ. Не знаю какъ вы, ваше сіятельство, но я полагаю что вообще такъ-называемый патріотизмъ въ политикѣ вещица предурная, изобрѣтенная газетами въ послѣднее время. Вѣдь какъ ни говори, а если мы дозволимъ увлекаться такъ-называемыми русскими чувствами въ одну сторону, то должны будемъ допустить увлеченіе въ другія стороны. Какъ хорошо что ваше сіятельство сами были тамъ, такъ-сказать на мѣстѣ преступленія и могли каждаго патріотическаго вольнодумца или пристыдить, или разубѣдить. Какъ ни говори, а петербургскій чиновникъ много значитъ въ провинціи, и слѣдовательно много можетъ сдѣлать своимъ значеніемъ.

Да-съ, какъ не согласиться съ тѣмъ, что самые лучшіе для насъ люди суть равнодушные. Вѣдь, кто этого не знаетъ, всѣ революціи происходятъ отъ патріотизма и чувствительности вообще.

Извините за философствованіе, но вы видите, ваше сіятельство, какъ сильно дѣйствіе вашихъ писемъ, даже и я разсуждать сталъ какъ-то свободнѣе.

Думаю что дѣйствительно положеніе ваше ничуть не было легче Александра Македонскаго, среди столькихъ лицъ, обращавшихся къ вамъ съ разными вопросами.

Графъ П. сегодня прочелъ ваше письмо и возвращая

его изволилъ написать мнѣ! „Боюсь чтобы нашъ милый князь не сдѣлался полонофобомъ“.

По вопросу объ убійствахъ вообще мнѣ пришла слѣдующая мысль: хорошо было бы сравнить съ отцеубійствомъ, относительно строгости наказаній, убійства надъ особами первыхъ трехъ классовъ, съ тѣмъ чтобы виновные посылались не въ каторжную работу, откуда они бѣгутъ, а въ особую тюрьму, которую слѣдовало бы для этого выстроить на земскія деньги. Какъ вы изволите взглянуть на такую мысль?

Общая семья всѣхъ помнящихъ ваше сіятельство приноситъ вамъ поклонъ и желаніе всякаго блага.

XVI.

Старгородъ, 29-го того же мѣсяца, вечеромъ.

На этотъ разъ пишу вамъ не въ позднюю ночь, но по мѣрѣ силъ, съ помощью заходящаго солнца, слѣдовательно днемъ, а если хотите и вечеромъ. Le набожный народъ молится въ это время Богу — наканунѣ Троицына дня, et moi, пользуясь тѣмъ что люди заняты Богомъ, а не нами, спѣшу бесѣдовать съ моимъ вѣрнымъ другомъ.

Прежде всего спасибо за ваше длинное письмо, въ которомъ нашелъ васъ, какъ всегда, скромнымъ, но интереснымъ. Спасибо за поклонъ отъ нашей общей семьи; скажите имъ что несмотря на жару, я настолько бодръ, что вспоминаю о всякомъ, и не забываю никого.

Не только не сержусь, но доволенъ тѣмъ что мое послѣднее письмо гуляло по рукамъ. Чѣмъ больше знаютъ *что я* дѣлаю, тѣмъ лучше для меня; on aura soin

malgré tout, de me rendre justice un jour *). Радуюсь, что графъ П... читалъ мое письмо, но удивляюсь почему онъ нашелъ меня слишкомъ полонофобомъ. Скажите ему слѣдующее: s'il s'agissait de reconstituer le pays que nous gouvernons, en assistant au premier jour de sa création **), я бы попросилъ Господа Бога первое мѣсто дать чему-либо солидному en fait de peuple, похожему на Англичанъ или Прусаковъ; это *что-то* составило бы le fond: второе мѣсто—бѣднымъ Полякамъ. Ça aurait fait l'élément charmant et plein de ***) даровитость, которой намъ не достаетъ! и уже третье я бы выпросилъ ***намъ грѣшнымъ Русскимъ***,—какъ элементу лѣни, удали и интеллектуальной неподвижности!

Но такъ какъ такая перетасовка невозможна, и восемь лѣтъ назадъ мы праздновали уже тысячелѣтіе нашего государства, то я, во время пребыванія моего въ Старгородѣ, долженъ былъ, въ качествѣ чиновника, приладить les государственные интересы прежде общечеловѣческихъ, и давалъ руку русскому медвѣдю прежде, чѣмъ протянуть ее au gentleman Polonais, qui par parenthèse est charmant ****).

Сегодня былъ въ честь князя С. обѣдъ, обильный блюдами и элементами его составлявшими.

Тостовъ и рѣчей было много. Намъ сказаны были любезности на всѣхъ тонахъ и изъ всѣхъ лагерей. Мое русское имя фигурировало тоже; les Moscovites ont bien

---

*) Нехотя воздадутъ мнѣ когда-нибудь должное.

**) Еслибы надо было пересоздать управляемое нами государство, присутствуя при первомъ днѣ его сотворенія.

***) Онѣ представили бы собою элементъ полный прелести и даровитости.

****) *Который, сказать* въ скобкахъ, прелестенъ.

voulu изъ него сдѣлать знаменіе чего-то имъ симпатизирующаго. Я отвѣчалъ два раза. Вотъ приблизительно, что я сказалъ на первый тостъ *за меня*: „Господа Старогородцы (ça a fait de l'effet) я приношу вамъ поклонъ отъ многихъ губерній; вамъ родныхъ по крови и вамъ близкихъ по сердцу; это одно даетъ мнѣ право надѣяться на добрый привѣтъ между вами. Я ихъ видѣлъ эти губерніи цвѣтущими и счастливыми, цвѣтущими потому, что видѣлъ ихъ весной, счастливыми потому, что все что въ нихъ носитъ названіе общественной силы— цвѣтетъ какъ природа въ эту пору, и озаренная лучами яркаго восхода, дышетъ отъ всей груди подъ безпредѣльнымъ небомъ свободы, свободы разума, но не свободы страсти, свободы гражданина, но не свободы бродяги. Здѣсь застаю ту же благодатную весну, но на небѣ среди лазури ходятъ еще легкія тучки, отъ этихъ тучекъ ложатся тѣни, а эти тѣни, увы, мѣшаютъ вамъ слить ваши общественныя силы съ потоками жизни, кипящей отъ льдинъ сѣвернаго полюса до волнъ Евксинскихъ, отъ Тихаго океана до Балтики. Вотъ почему, вдохновляясь вашими интересами, государственными болѣе чѣмъ личными, я льщу себя надеждой, что вы оцѣните это вдохновеніе, какъ радушный отвѣтъ на радушный привѣтъ, и примите вашимъ сердцемъ желаніе моего: за здравіе и процвѣтаніе веси и града Старгорода въ лицѣ вашемъ. Да исчезнетъ отъ общихъ вашихъ усилій съ его неба послѣдняя тучка, какъ таетъ воскъ отъ лица огня!" Beaucoup de bravos, суксессъ и т. д.

На другой тостъ, не помню какой, сказалъ: „Между нами, господа, не устрашусь сего высказать, есть Поляки. Еслибъ ихъ не было, я спросилъ бы: гдѣ же они? *твердо вѣря*, что на сей зовъ откликнутся только друзья

цивилизаціи и Россіи. Прогрессъ учитъ забывать изъ исторіи то, что не столько поучительно, сколько грустно. Какъ гражданинъ государства, я претендую прежде всего на званіе бойца во имя прогресса и осѣняю себя этимъ славнымъ именемъ, чтобы предложить вамъ, господа, выпить со мною за единеніе всѣхъ племенъ на почвѣ сего богатаго жизнью края".

Тостъ этотъ не совсѣмъ понравился, но я именно въ виду этого „не совсѣмъ" и сказалъ его Envoyez le коллегу П., чтобы онъ на мой счетъ сталъ не невѣренъ, а вѣренъ.

Какъ видите, мнѣ пришлось на долю говорить болѣе другихъ. Сколько я уже сказалъ съ тѣхъ поръ, что разстался съ вами! Вы жалѣете, что не имѣете полнаго собранія моихъ рѣчей—и я тоже; но справьтесь, не печатаются ли онѣ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ тѣхъ губерній, гдѣ я былъ. Иногда это дѣлается.

Утро отдалъ занятію, которое очень люблю, но на которое, увы, въ Петербургѣ не хватаетъ времени,—разбору здѣшней флоры. Посвятилъ ему три часа; между нами будь сказано, съ цвѣтами иногда пріятнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ людьми: во-первыхъ, знаешь тотчасъ, чѣмъ они пахнутъ; во-вторыхъ, s'ils ne sentent pas toujours bon, въ дурномъ даже запахѣ нѣтъ примѣси тенденціозности; въ третьихъ, знаешь навѣрное, что они ни о чемъ просить не будутъ. Давно не былъ вслѣдствіе такого занятія такъ въ духѣ. Желалъ бы и вамъ найти три часа для вашей любимой pisciсultura, но зная, что не найдете, не желаю вамъ этого.

Нахожу, что рѣшеніе по дѣлу о жалобѣ русскихъ купцовъ на нѣмецкихъ гражданъ—вполнѣ основательно. *Надо, чтобы мало-по*-малу первые пріучились понимать,

что любой городъ остзейскій—не Пенза и не Тамбовъ, ни по правамъ, ни по кулачному бою. Посовѣтуйте графу N сальную свѣчу, какъ лѣченіе отъ насморка.

Насчетъ же убійствъ и вашихъ соображеній имѣю много что сказать pro et contra. Правда, что убійство особъ первыхъ трехъ классовъ лишаетъ не только общество, но и государство бо́льшаго, чѣмъ простое убійство; но не предвидите ли, въ случаѣ легальнаго признанія такого различія, поводовъ къ насмѣшкамъ и сарказмамъ. Литература, газетная въ особенности, можетъ возбудить вопросъ: непремѣнно ли общество теряетъ многое при убійствѣ всякаго третьяго класса? Вѣдь, между нами говоря, не всѣ они одного калибра и одного роста. Но объ этомъ до свиданія. Vale.

XVII.

Отвѣтъ на письмо XVI.

Петербургъ.

Ваше сіятельство!

Приношу благодарность за ваше письмо отъ 29 минувшаго мѣсяца и за то, что одобрили мой поступокъ относительно послѣдняго вашего письма.

Предполагаю, что графъ П. изволили шутить, приписывая вашему сіятельству неблагопріятное расположеніе къ Полякамъ. Съ письмомъ вашимъ въ карманѣ, отправился сегодня же вечеромъ на Елагинскую стрѣлку, въ надеждѣ увидѣть графа и исполнить ваше порученіе. въ каковомъ предположеніи не ошибся. Прочиталъ его сіятельству ваше почтенное письмо. Графъ засмѣялся,

прослушалъ строки къ нему адресованныя и поручилъ мнѣ передать вашему сіятельству, что еслибъ они были Господь Богъ, они бы вовсе не создали Россію, какъ народность, не нужную на земномъ шарѣ и съ рожденія зараженную разными недугами, изъ которыхъ главнѣйшій политическая неспособность. Надѣюсь, что газеты передадутъ рѣчи вашего сіятельства за старгородскимъ обѣдомъ. Судя по тому, что вы изволили сказать въ письмѣ вашемъ, представляю себѣ эти рѣчи прекрасными. За то, воображаю, какъ пришлось утомлять вамъ ваше ухо рѣчами патріотическими! Особенно хороша должна быть ваша первая рѣчь, но спрашиваю себя: многіе ли изъ сидѣвшихъ за столомъ поняли ее настолько, чтобъ оцѣнить ее?

Въ письмѣ вашемъ вы именно предугадали, насколько искренно я жалѣю, что не могу собрать всѣхъ вашихъ рѣчей. Перебралъ всѣ газеты, рылся повсюду, но повидимому не все, что было вами сказано, было напечатано. Газеты ограничиваются или краткимъ отчетомъ, или даже просто ничего не говорятъ. То и другое вѣроятно не безъ умысла, точно будто люди, говорящіе какъ вы, у насъ не рѣдкость. Отрадно было прочитать въ письмѣ вашего сіятельства, что вы нашли время для занятій старгородскою флорой и въ этомъ занятіи—успокоительный отдыхъ, въ которомъ болѣе, чѣмъ кто-либо нуждаетесь. Графъ П. много смѣялись, когда я имъ прочиталъ остроумныя строки вашего сіятельства насчетъ предпочтенія, которое вы даете цвѣтамъ предъ людьми вообще. Благодарю васъ, что вспомнили о моей охотѣ удить рыбу; къ сожалѣнію, какъ вы справедливо сказали, не могу найти время для столь невиннаго и пріятнаго занятія. Вчера, напримѣръ, едва только сталъ

клевать первая рыба мою удочку, какъ пріѣхалъ курьеръ съ значительнымъ количествомъ бумагъ.

Прочиталъ съ большимъ вниманіемъ соображеніе вашего сіятельства въ отвѣтъ на мою мысль объ устройствѣ тюрьмы для убійцъ знатныхъ особъ. Нельзя не согласиться съ ними, но я все-таки полагаю, что коммиссія изъ свѣдущихъ лицъ могла бы заняться обсужденіемъ сего вопроса. Вѣдь какъ ни говори, даже юридически, убійца какой нибудь кухарки не все равно, что убійца какой-либо особы 2 или 3 класса.

Вчера встрѣтилъ барона Н., который поручилъ мнѣ вашему сіятельству передать свой поклонъ. Онъ жалуется на то, что вблизи его имѣнія устраивается православная церковь, чѣмъ оскорбляется достоинство господствующей въ краѣ вѣры лютеранской и слишкомъ облегчается возможность для народа соблазняться внѣшними обрядами православія. Онъ жалуется также на то, что русскіе священники обучаютъ крестьянскихъ мальчиковъ русскому языку. Насчетъ перваго я сказалъ барону, что было бы неловко запретить вовсе постройку русскихъ церквей, такъ какъ все же Остзейскій край часть Россіи, но что во всякомъ случаѣ онъ можетъ быть увѣренъ, что за всякое обращеніе въ православіе будетъ строго взыскано съ виновныхъ. Насчетъ втораго я совѣтовалъ ему подать официальную записку кому слѣдуетъ, въ увѣренности, что приняты будутъ мѣры къ прекращенію немедленно такого злоупотребленія со стороны священниковъ.

Съ радостью думаю о томъ, что сіе письмо мое вѣроятно предпослѣднее. Послѣднее адресую въ Москву. Вся духовная семья вашего сіятельства со мною прино-

ситъ сердечный и почтительный поклонъ вмѣстѣ съ пожеланіемъ вамъ благополучнаго возвращенія.

XVIII.

Старгородской губерніи, имѣніе помѣщика графа Н., 31-го мая.

Если вы передали содержаніе моихъ рѣчей, а въ особенности тостъ за соединеніе Поляковъ съ Русскими графу П., то вѣроятно вы ему сказали, что таковая передача имѣла цѣлью сдѣлать его не невѣренъ, но вѣренъ à l'article de mes convictions quant au polonisme! *)

Теперь прошу васъ передать ему, что я гощу въ великолѣпномъ имѣніи графа Н., Поляка въ полномъ смыслѣ слова, bien entendu не politiquemen parlant, но по гармоническому сочетанію въ немъ des charmes de l'homme du monde et de la culture d'un homme véritablement civilisé! **)

Но если П. будетъ мною доволенъ, я предвижу, что Москва и московская партія, если узнаютъ объ этомъ, скажутъ мнѣ, что я отдался вліянію Поляковъ. Les bons Moscovites, они вѣдь думаютъ, что непремѣнно надо быть подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ, и никакъ не хотятъ допустить, чтобъ элементомъ вліяющимъ былъ тотъ, кто гоститъ, а не тотъ, у котораго гостятъ.

Какъ бы то ни было, но мнѣ предстояло выбрать между пребываніемъ въ Старгородѣ, съ перспективой заниматься скучнымъ выслушиваніемъ разныхъ кресть-

---

*) Касательно моихъ мыслей о полонизмѣ.

**) Прелестей свѣтскаго и культуры истинно образованнаго человѣка.

янскихъ вопросовъ, или une petite partie de plaisir въ замкѣ d'un homme charmant.

Вы меня знаете: personne n'a plus que moi le courage de ses opinions. Я выбралъ второе; но съ двумя условіями, сказалъ я любезному хозяину: 1) qu'il ne soit pas question de politique *) и 2) чтобы послѣ васъ я имѣлъ время провести нѣсколько часовъ у помѣщика русскаго afin de pouvoir m'instruire путемъ сравненія.

Графъ на это мнѣ возразилъ: „Извините, но такъ какъ я ручаюсь, что вы у меня почувствуете себя лучше, чѣмъ у моего русскаго сосѣда, то я бы васъ просилъ начать съ него, pour me garder, moi, pour la bonne bouche **).

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Я пробылъ нѣсколько часовъ у русскаго помѣщика Д., а теперь нахожусь у польскаго графа N., и вотъ à peu près l'esquisse exacte de mes впечатлѣнія.

Русскій помѣщикъ и польскій, оба имѣли незавидную долю подпасть подъ истребительное начало русскихъ мировыхъ посредниковъ муравьевскаго закала; другими словами, они раззорены насколько раззореніе было возможно, безъ опасенія поднять противъ насъ Европу, laquelle après tout aurait eu le droit de lever l'etendart de la révolte, au nom de l'humanité, du principe de la propriété et de la civilisation ***). Оба, не смотря на то, настолько добряки, что не проклинаютъ насъ съ вами чи-

---

*) Съ тѣмъ, чтобъ о политикѣ не было рѣчи.

**) Чтобъ меня сберечь на послѣдокъ.

*) Которая въ сущности имѣла бы право поднять противъ насъ знамя возстанія, во имя человѣчества, началъ собственности и цивилизаціи.

новниковъ, но напротивъ, какъ видите, принимаютъ меня очень радушно. Крестьяне у обоихъ благоденствуютъ, и къ чести помѣщиковъ будь сказано, оба не слишкомъ отъ этого не въ духѣ. Посредника я встрѣтилъ на почтовой станціи и сказалъ ему: „не хочу васъ судить ни pro, ни contra и ставить на очную ставку съ съ вашими жертвами, а потому освобождаю себя отъ удовольствія имѣть васъ своимъ спутникомъ, но даю вамъ rendez vous въ волостномъ правленіи, гдѣ я буду туристомъ не сегодня, такъ завтра.

Русскій помѣщикъ показался мнѣ порядочнымъ человѣкомъ: онъ выписываетъ *Московскія Вѣдомости* pour se donner du mauvais sang (чтобы портить себѣ кровь) и *Вѣсть* pour se calmer (чтобы себя успокоивать)! Это дѣлаютъ здѣсь многіе; впрочемъ нашелъ у него и Débats, и Illustration, и Revue des deux Mondes; и Punch, ergo — c'est un homme civilisé. Онъ говоритъ безъ страсти, безъ желчи и безъ подобострастія, умѣетъ слушать (русскіе помѣщики рѣдко это умѣютъ), задаетъ вопросы самостоятельные, отвѣчаетъ съ признаками того, что понимаетъ вопросъ (и этимъ наши бѣдные Русскіе не всегда отличаются). Жена его порядочная женщина, хотѣлось бы сказать Русская, но не могу, ибо оказалось что она Полька, дѣти одѣты по шотландски, съ голенькими ножками. Voila pour le moral. Quant au comfort matiriel **), онъ изряденъ; меня угощали завтракомъ, на которомъ все было въ изобиліи, но не особенно вкусно. Домъ большой, но содержится un peu à la grâce de Dieu, садъ маленькій, страдаетъ отсутствіемъ щегольства и нарядности.

**) Вотъ все, что относится до нравственной стороны быта, что же касается матеріальной....

Вы спросите: почему я былъ у этого помѣщика? отвѣтъ простой: потому что онъ изъ всѣхъ показался мнѣ самымъ приличнымъ, и Г. рекомендовалъ его мнѣ какъ человѣка, который менѣе другихъ надоѣдаетъ администраціи. Онъ купилъ имѣніе тому два года. Ультра-Русскіе въ Старгородѣ, узнавъ, что я хочу взглянуть на деревню, попытались было мнѣ посовѣтовать съѣздить къ помѣщику Б., подъ предлогомъ, что онъ давнишній помѣщикъ и знаетъ край; я имъ отвѣтилъ: „господа, je me défie un peu *) людей вообще знающихъ край; онъ мнѣ слишкомъ много пожалуй скажетъ такого, съ чѣмъ я согласиться не могу.

Моему же русскому помѣщику я задалъ три вопроса: первый: „испытываете ли вы чувство внутренняго спокойствія и удовольствія, сознавая себя въ своемъ имѣніи?“ Начало отвѣта было: „то-есть какъ?“ изъ чего я заключилъ, что отвѣтъ былъ „нѣтъ“; c'est le ton qui fait la musique **).

Второй вопросъ: „думаете ли вы, что земство сольетъ здѣсь сословія и національные элементы въ одну гармоническую единицу?“ Начало отвѣта: „это зависитъ“.... и т. д. Я не далъ докончить, ибо по началу догадался что „нѣтъ“ и „да“ вмѣстѣ n'augurent rien de bon ***).

Третій вопросъ: „дѣйствительно ли крестьянское населеніе этого края отличается тѣми особенными качествами и достоинствами, которыя имъ приписываютъ нѣкоторые народолюбцы?“ Начало отвѣта было: „признаться сказать ваше сіятельство“. Довольно, сказалъ я, еслибы

*) Я нѣсколько остерегаюсь....

**) Вѣдь въ тонѣ заключается музыка.

***) Не предвѣщаетъ ничего хорошаго.

то было „да“, вы бы не начали, со словъ „признаться казать“.

И такъ вы видите, что я разспрашиваю, и не ограничиваюсь тѣмъ, что уже знаю, но судьбѣ не угодно меня просвѣщать, такъ какъ псевдо просвѣщаются наши ультра-поклонники du vox et virtus populi!

Quant à mon grand seigneur Polonais онъ меня принялъ съ тою любезностію, которая есть одна изъ отличительныхъ чертъ de cette pauvre nation.

Его домъ—дворецъ, жена—красавица, въ польскомъ значеніи этого слова; одно что хромаетъ—это прислуга, ее слишкомъ много, а опрятности слишкомъ мало. Дворецъ стоитъ въ саду, а садъ великолѣпенъ. Гуляя по саду, я спросилъ графа: служилъ ли этотъ садъ убѣжищемъ для инсургентовъ? онъ отвѣчалъ „нѣтъ“ но для посредниковъ „да“. J'ai trouvé la réponse spirituelle *).

Обѣдъ къ немалому моему удовольствію, былъ сервированъ à la Parisienne, благодаря хозяйкѣ, которая въ Парижѣ воспитывалась. Она и онъ добрые люди, рѣкомендуютъ какъ нельзя чучше свою національность. Послѣ обѣда прелестная графиня изволила бранить русскихъ чиновниковъ вообще, я ей сказалъ: Comtesse n'oubliez pas, que je suis aussi un чиновникъ Russe **).—„Européen“, ласково отвѣтила она. Мужъ же находитъ, что всѣ чиновники хороши, кромѣ мироваго. Я его успокоилъ обѣщаніемъ, что они скоро получатъ мировыхъ судей galants hommes et dignes des jolies femmes Polonaises *). Впрочемъ здѣсь не мечтаютъ ни о земствѣ, ни о судебной

---

*) Я нашелъ отвѣтъ остроумнымъ.
**) Графиня, не забудьте, что я тоже русскій чиновникъ.
***) Джентльменовъ и достойныхъ польскихъ красавицъ.

voulu изъ него сдѣлать знаменіе чего-то имъ симпатизирующаго. Я отвѣчалъ два раза. Вотъ приблизительно, что я сказалъ на первый тостъ *за меня*: „Господа Староградцы (ça a fait de l'effet) я приношу вамъ поклонъ отъ многихъ губерній; вамъ родныхъ по крови и вамъ близкихъ по сердцу; это одно даетъ мнѣ право надѣяться на добрый привѣтъ между вами. Я ихъ видѣлъ эти губерніи цвѣтущими и счастливыми, цвѣтущими потому, что видѣлъ ихъ весной, счастливыми потому, что все что въ нихъ носитъ названіе общественной силы— цвѣтетъ какъ природа въ эту пору, и озаренная лучами яркаго восхода, дышетъ отъ всей груди подъ безпредѣльнымъ небомъ свободы, свободы разума, но не свободы страсти, свободы гражданина, но не свободы бродяги. Здѣсь застаю ту же благодатную весну, но на небѣ среди лазури ходятъ еще легкія тучки, отъ этихъ тучекъ ложатся тѣни, а эти тѣни, увы, мѣшаютъ вамъ слить ваши общественныя силы съ потоками жизни, кипящей отъ льдинъ сѣвернаго полюса до волнъ Евксинскихъ, отъ Тихаго океана до Балтики. Вотъ почему, вдохновляясь вашими интересами, государственными болѣе чѣмъ личными, я льщу себя надеждой, что вы оцѣните это вдохновеніе, какъ радушный отвѣтъ на радушный привѣтъ, и примите вашимъ сердцемъ желаніе моего: за здравіе и процвѣтаніе веси и града Старгорода въ лицѣ вашемъ. Да исчезнетъ отъ общихъ вашихъ усилій съ его неба послѣдняя тучка, какъ таетъ воскъ отъ лица огня!“ Beaucoup de bravos, суксессъ и т. д.

На другой тостъ, не помню какой, сказалъ: „Между нами, господа, не устрашусь сего высказать, есть *Поляки*. Еслибъ ихъ не было, я спросилъ бы: гдѣ же они? *твердо* вѣря, что на сей зовъ откликнутся только друзья

цивилизаціи и Россіи. Прогрессъ учитъ забывать изъ исторіи то, что не столько поучительно, сколько грустно. Какъ гражданинъ государства, я претендую прежде всего на званіе бойца во имя прогресса и осѣняю себя этимъ славнымъ именемъ, чтобы предложить вамъ, господа, выпить со мною за единеніе всѣхъ племенъ на почвѣ сего богатаго жизнью края".

Тостъ этотъ не совсѣмъ понравился, но я именно въ виду этого „не совсѣмъ" и сказалъ его Envoyez le коллегу П., чтобы онъ на мой счетъ сталъ не невѣренъ, а вѣренъ.

Какъ видите, мнѣ пришлось на долю говорить болѣе другихъ. Сколько я уже сказалъ съ тѣхъ поръ, что разстался съ вами! Вы жалѣете, что не имѣете полнаго собранія моихъ рѣчей—и я тоже; но справьтесь, не печатаются ли онѣ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ тѣхъ губерній, гдѣ я былъ. Иногда это дѣлается.

Утро отдалъ занятію, которое очень люблю, но на которое, увы, въ Петербургѣ не хватаетъ времени,—разбору здѣшней флоры. Посвятилъ ему три часа; между нами будь сказано, съ цвѣтами иногда пріятнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ людьми: во-первыхъ, знаешь тотчасъ, чѣмъ они пахнутъ; во-вторыхъ, s'ils ne sentent pas toujours bon, въ дурномъ даже запахѣ нѣтъ примѣси тенденціозности; въ третьихъ, знаешь навѣрное, что они ни о чемъ просить не будутъ. Давно не былъ вслѣдствіе такого занятія такъ въ духѣ. Желалъ бы и вамъ найти три часа для вашей любимой pisciсultura, но зная, что не найдете, не желаю вамъ этого.

Нахожу, что рѣшеніе по дѣлу о жалобѣ русскихъ купцовъ на нѣмецкихъ гражданъ—вполнѣ основательно. *Надо, чтобы мало-по-*малу первые пріучились понимать,

что любой городъ остзейскій—не Пенза и не Тамбовъ, ни по правамъ, ни по кулачному бою. Посовѣтуйте графу N сальную свѣчу, какъ лѣченіе отъ насморка.

Насчетъ же убійствъ и вашихъ соображеній имѣю много что сказать pro et contra. Правда, что убійство особъ первыхъ трехъ классовъ лишаетъ не только общество, но и государство бóльшаго, чѣмъ простое убійство; но не предвидите ли, въ случаѣ легальнаго признанія такого различія, поводовъ къ насмѣшкамъ и сарказмамъ. Литература, газетная въ особенности, можетъ возбудить вопросъ: непремѣнно ли общество теряетъ многое при убійствѣ всякаго третьяго класса? Вѣдь, между нами говоря, не всѣ они одного калибра и одного роста. Но объ этомъ до свиданія. Vale.

XVII.

Отвѣтъ на письмо XVI.

Петербургъ

Ваше сіятельство!

Приношу благодарность за ваше письмо отъ 29 минувшаго мѣсяца и за то, что одобрили мой поступокъ относительно послѣдняго вашего письма.

Предполагаю, что графъ П. изволили шутить, приписывая вашему сіятельству неблагопріятное расположеніе къ Полякамъ. Съ письмомъ вашимъ въ карманѣ, отправился сегодня же вечеромъ на Елагинскую стрѣлку, въ надеждѣ увидѣть графа и исполнить ваше порученіе, *въ каковомъ* предположеніи не ошибся. Прочиталъ его *сіятельству* ваше почтенное письмо. Графъ засмѣялся,

прослушалъ строки къ нему адресованныя и поручилъ мнѣ передать вашему сіятельству, что еслибъ они были Господь Богъ, они бы вовсе не создали Россію, какъ народность, не нужную на земномъ шарѣ и съ рожденія зараженную разными недугами, изъ которыхъ главнѣйшій политическая неспособность. Надѣюсь, что газеты передадутъ рѣчи вашего сіятельства за старгородскимъ обѣдомъ. Судя по тому, что вы изволили сказать въ письмѣ вашемъ, представляю себѣ эти рѣчи прекрасными. За то, воображаю, какъ пришлось утомлять вамъ ваше ухо рѣчами патріотическими! Особенно хороша должна быть ваша первая рѣчь, но спрашиваю себя: многіе ли изъ сидѣвшихъ за столомъ поняли ее настолько, чтобъ оцѣнить ее?

Въ письмѣ вашемъ вы именно предугадали, насколько искренно я жалѣю, что не могу собрать всѣхъ вашихъ рѣчей. Перебралъ всѣ газеты, рылся повсюду, но повидимому не все, что было вами сказано, было напечатано. Газеты ограничиваются или краткимъ отчетомъ, или даже просто ничего не говорятъ. То и другое вѣроятно не безъ умысла, точно будто люди, говорящіе какъ вы, у насъ не рѣдкость. Отрадно было прочитать въ письмѣ вашего сіятельства, что вы нашли время для занятій старгородскою флорой и въ этомъ занятіи—успокоительный отдыхъ, въ которомъ болѣе, чѣмъ кто-либо нуждаетесь. Графъ П. много смѣялись, когда я имъ прочиталъ остроумныя строки вашего сіятельства насчетъ предпочтенія, которое вы даете цвѣтамъ предъ людьми вообще. Благодарю васъ, что вспомнили о моей охотѣ удить рыбу; къ сожалѣнію, какъ вы справедливо сказали, не могу найти время для столь невиннаго и пріятнаго *занятія*. Вчера, напримѣръ, едва только стала

ютъ собою Германію, чѣмъ все то, что я видѣлъ представляетъ собою Россію, въ смыслѣ политически-психически и логически конституцированнаго государства.

Столь положительно констатированный фактъ вамъ можетъ показаться или страннымъ или грустнымъ, если маменька и папенька васъ увѣрили въ томъ, что Россія есть нѣчто столь же не фиктивное какъ Франція, Англія или Пруссія.

Каждая губернія есть фабрика, производящая свой товаръ по заказу, но далеко не есть составная часть какого нибудь цѣлаго, того цѣлаго, которое мы съ вами себѣ представляемъ, сидя въ нашихъ кабинетахъ. Требуйте отъ этихъ фабрикъ то, что имъ заказано сдѣлать, но не ожидайте отъ нихъ объединительной солидарности въ политическихъ интересахъ.

Любой государственный человѣкъ Англіи былъ бы очень озадаченъ, еслибы пришлось ему въ Тамбовѣ или Пензѣ, созвавши митингъ, проводить какую-либо политическую идею: ему пришлось бы имѣть дѣло съ тысячами крестьянъ, не знающихъ даже, что такое государство и нѣсколькими дворянами, воображающими, что за чертой Тамбовской или Пензенской губерніи начинается луна или восходитъ Венера. Чѣмъ болѣе я живу, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что не будь вопросовъ національности въ Россіи, ее бы не было. Газеты доказывающія Нѣмцамъ, Полякамъ и Финляндцамъ, что она есть, похожи на тѣхъ престижиторовъ, которые оставляютъ публику подъ обаяніемъ прелести таинственнаго, тогда какъ здравый смыслъ, несмотря на эту прелесть, говоритъ: эта таинственность—вздоръ.

Фабрики или губерніи, которыя я видѣлъ очень усердно занимаются то земскими, то судебными продуктами;

ПЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ДОРОЖНЫЯ ЭСКИЗЫ.

I.

Мнѣ всегда любо смотрѣть на соотечественника, когда онъ садится въ вагонъ и ѣдетъ за границу.

Онъ ѣдетъ отдыхать. Сколько въ этомъ словѣ для него смысла, и сколько въ его фигурѣ выражается неоспоримыхъ правъ на этотъ отдыхъ; „ну ужь наслужился, да такъ наслужился, что усталъ какъ собака и ѣду отдыхать“, говоритъ самодовольный взглядъ этого соотечественника.

Въ вагонѣ, гдѣ я сидѣлъ, оказалось у всѣхъ былъ этотъ взглядъ, всѣ слѣдовательно были уставшіе, какъ собаки, слуги отечества.

Но всѣхъ самодовольнѣе глядѣлъ какой-то чиновникъ молодыхъ лѣтъ, съ фигурой стоявшею, несмотря на юность, на точкѣ перехода отъ чиновной къ сановной.

Кромѣ правъ на отдыхъ за границей, всѣ лица въ вагонѣ выражали несомнѣнное право и на лѣченіе.

Страстная любовь къ женщинѣ, нерѣдко, какъ извѣстно, даетъ болѣзнь сердца.

скую, saus que personne des messiuers et mesdames qui les habiteut s'en doutent le moins du monde! *)

Вотъ исповѣдь моего послѣдняго впечатлѣнія. Болѣе чѣмъ когда-либо, я буду любить Россію какъ фикцію, то-есть сердцемъ чиновника, но не московскаго, а съ береговъ Невы en face d'une Europe civilisée qui nous regarde. **)

Москва въ эти нѣсколько часовъ показалась мнѣ доброю старушкой пріятельницей, которая опять позабывъ что меня уже видѣла, начала болтать про старыя любимыя сплетни; эту Москву я видѣлъ за обѣдомъ у Г.

Какъ всегда, былъ разговоръ о томъ, какъ хорошо было бы столицу перевесть въ Бѣлокаменную: on n'en sort pas du хорошо, но le pourquoi этого „хорошо" Москвичи объясняютъ большимъ присутствіемъ русскаго духа или что тоже, не объясняютъ вовсе.

Петербургъ есть столица и долженъ быть столицей, это лучшее мѣсто для него какъ политической академіи Россіи, тогда какъ Москва, n'aurait eu que pour elle les souvenirs d'un passé barbare et les incertitudes d'un avenir aussi douteux qu'elle-même! ***).

Завтра или послѣ завтра свидимся. Надѣюсь, что вы не слишкомъ много приберегли мнѣ дѣлъ деликатныхъ и требующихъ соображеній, а проглотили за меня все что могли.

Вы мнѣ пишете въ послѣднемъ письмѣ о вашихъ

---

*) И никто бы изъ господъ жителей не догадался.

**) Лицомъ къ лицу съ цивилизованною Европой, которая на насъ смотритъ.

***) Имѣла бы за себя лишь воспоминанія варварскаго прошедшаго и неизвѣстность будущаго, столько же сомнительнаго, какъ она сама.

опасеніяхъ насчетъ Нѣмцевъ, которые будто бы вошли въ періодъ лѣтняго пароксизма, лихорадочнаго возбужденія къ сепаратизму. Скажу только: бѣдные Нѣмцы, сочувствуя ихъ горю, жалѣлъ бы и о себѣ, если бы въ роли русскаго чиновника долженъ былъ avoir le front уговаривать примиряться съ мыслію когда нибудь обратиться въ Коломенца или Пошехонца. Вообще triste rôle que celui d'un homme d'état en Russie, quand il doit по дѣламъ службы забыть, qu'il est homme civilisé avant tout *).

Нельзя было лучше и умнѣе отвѣтить моему другу барону N. Прибавлю только отъ себя еще слѣдующее: Moi qui suis russe, я скорѣе согласился бы дать разныя привилегіи Ламмаитамъ и Буддистамъ, еслибъ они возымѣли фантазію селиться въ Остзейскомъ краѣ, чѣмъ à nos chers pravoslavnoi, по той простой причинѣ, что они, то-есть Русскіе, sont les plus forts, и что притомъ я уважаю принципъ Евангелія, въ силу котораго послѣдніе должны быть первыми, а первые послѣдними. Vale, amice!

Прощай Россія, здравствуй Петербургъ!

4-го іюня, въ 9 часовъ безъ трехъ минутъ утра, почтенный графъ, сидя въ своемъ отдѣленіи вагона, улыбнулся прощальною улыбкой Россіи. Въ 9 часовъ ровно поѣздъ остановился у платформы Петербургской станціи. Человѣкъ, получавшій письма графа Прокопія стоялъ на этой платформѣ и съ легкимъ трепетомъ въ сердцѣ ждалъ торжественной минуты свиданія съ путе-

---

*) Грустная роль русскаго государственнаго чиновника, когда онъ долженъ по дѣламъ службы забыть, что прежде всего онъ *человѣкъ цивилизованный*.

шественникомъ. Въ девять часовъ и одна минута дверцы отдѣленія открылись; графъ вышелъ и твердою ногой сталъ на петербургскую почву. Въ этотъ мигъ графъ показался себѣ и человѣку, который его встрѣтилъ, чуть не Петромъ Великимъ! Почтительный корреспондентъ кинулся къ графу, и губы ихъ слились въ одинъ долгій и нѣжный поцѣлуй, которому, за отсутствіемъ пѣсни соловья, откликнулся громко и рѣзко свистокъ паровоза.

ПЯТЬ ЛѢТЪ НАЗАДЪ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ДОРОЖНЫЯ ЭСКИЗЫ.

I.

Мнѣ всегда любо смотрѣть на соотечественника, когда онъ садится въ вагонъ и ѣдетъ за границу.

Онъ ѣдетъ отдыхать. Сколько въ этомъ словѣ для него смысла, и сколько въ его фигурѣ выражается неоспоримыхъ правъ на этотъ отдыхъ; „ну ужь наслужился, да такъ наслужился, что усталъ какъ собака и ѣду отдыхать", говоритъ самодовольный взглядъ этого соотечественника.

Въ вагонѣ, гдѣ я сидѣлъ, оказалось у всѣхъ былъ этотъ взглядъ, всѣ слѣдовательно были уставшіе, какъ собаки, слуги отечества.

Но всѣхъ самодовольнѣе глядѣлъ какой-то чиновникъ молодыхъ лѣтъ, съ фигурой стоявшею, несмотря на юность, на точкѣ перехода отъ чиновной къ сановной.

Кромѣ правъ на отдыхъ за границей, всѣ лица въ вагонѣ выражали несомнѣнное право и на лѣченіе.

Страстная любовь къ женщинѣ, нерѣдко, какъ извѣстно, даетъ болѣзнь сердца.

Любовь же къ родинѣ, не столько страстная, сколько сынолюбивая, даетъ, какъ тоже извѣстно, другую болѣзнь, когда она приковываетъ любовника къ стулу любаго департамента. Болѣзнь эту въ разнообразныхъ ея видахъ, кто ее не знаетъ! Казалось, всѣ были въ вагонѣ по этой болѣзни братьями; лица измяты, блѣдны, глаза въ красныхъ рамкахъ, и такъ далѣе.

Мы всѣ читали. Юный чиновникъ небрежно держалъ книгу, но прилежно ее читалъ: то былъ трактатъ о тюрьмахъ, на французскомъ языкѣ. На третьей станціи я узналъ, что онъ ѣдетъ лѣчиться отъ малокровія, но въ промежутокъ между водами и моремъ долженъ осмотрѣть и изучить всѣ тюрьмы въ Европѣ.

Кстати замѣчу: куда не поѣдешь, всюду натыкаешься на изучающихъ тюрьмы, а между тѣмъ тюрьмы наши изъ рукъ вонъ какъ плохи, даже по мнѣнію арестантовъ, которые не очень прихотливы насчетъ комфорта. Не оттого ли онѣ такъ плохи, что ихъ все изучаютъ, а не перестраиваютъ?

Неподалеку сидѣли растянувшись два щеголя офицера; вошли они въ вагонъ съ трескомъ и усѣлись съ комфортомъ. Оба красавцы, оба молоды, оба молодцы. Одинъ началъ дремать, другой читать французскій романъ *Поль-де-Кока*. Дремавшій былъ постарше, читавшій помоложе.

Не спится юному витязю: зѣвнулъ разъ, зѣвнулъ два, а потомъ вытягиваясь говоритъ товарищу: „Что это ты читаешь?"—„*Поль-де-Кока*", отвѣчаетъ товарищъ.

— Полно читать, глаза портишь, давай лучше поболтаемъ.

— Дай кончить, интересное очень мѣсто.

Зѣванье.

ту классическую форму хвалебнаго трехъугольника, который у Поляковъ очень обыкновенная фигура, когда они собираются льстить русскому человѣку. Чиновникъ-прогрессистъ потеръ пальцами глаза, а потомъ, прочищая pince-nez, сказалъ:

— Да, это своего рода, относительная, разумѣется, децентрализація!

— Какъ-съ? спросилъ генералъ.

— Децентрализація, спокойно отвѣтилъ чиновникъ-прогрессистъ, чувствуя, что онъ раздавляетъ этимъ словомъ съ либеральнымъ запахомъ генерала и видимо наслаждаясь этимъ чувствомъ, — то-есть переходъ власти отъ центра къ мѣстнымъ учрежденіямъ.

— Все пустяки! сказалъ полу-грустно, полу-насмѣшливо генералъ.—Мудрено нонче что-то все стало.

Чиновникъ обдалъ всю генеральскую фигуру такимъ взглядомъ презрѣнія, что такъ и казалось глядѣлъ не онъ одинъ, а in corpore цѣлое отдѣленіе.

Но взглядъ этотъ ни мало не смущалъ его превосходительство, которому прежде всего нужно было вертѣть языкомъ.

— Ну, а у васъ что, ничего? спросилъ онъ польскаго помѣщика,—небось тоже какая-нибудь децентрализація?

— О, нѣтъ, ваше превосходительство, у насъ, слава Богу, все въ порядкѣ, въ нашей губерніи все, слава Богу, идетъ отлично.

— А какая ваша губернія? спросилъ генералъ.

— Виленская, отвѣтилъ помѣщикъ. — У насъ, ваше превосходительство, мы очень весьма довольны и даже, смѣю сказать, счастливы...

И *слава Богу*, подумалъ я, и минскій русскій помѣ-

тотчасъ же съ ближайшимъ изъ сосѣдей. Этотъ ближайшій сосѣдъ былъ юный чиновникъ. Его превосходительство тоже отправляться изволили за границу. Разговоръ былъ слѣдующій. Узнавъ, что генералъ ѣдетъ въ Пруссію, чиновникъ-прогрессистъ, не допускавшій мысли, что можно ѣздить за границу не изучая что-нибудь, спросилъ генерала:

— Вы вѣрно изволите ѣхать изучать военную систему?

- Какой чортъ изучать? Я себѣ просто ѣду въ Берлинъ консультировать доктора, а оттуда куда-нибудь на воды!

Юный чиновникъ слегка былъ озадаченъ: какъ это такъ легко относиться къ военной системѣ Пруссіи, подумалъ онъ, и пытался опять свести разговоръ на военную [illegible].

— А говорятъ есть что изучать въ Пруссіи, по военной [illegible] чиновникъ-прогрессистъ— [illegible]

— [illegible] — пустяки. [illegible] Пру- [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

— [illegible]

Генералъ забагровѣлъ.

— Нѣтъ, батюшка, руки коротки! Я вамъ вотъ что *скажу*: былъ у меня фельдфебель въ ротѣ, давно ужъ это было, умный бестія, распреумный, первый солдатъ въ полку, ей-Богу, и что вы думаете, азбуки не зналъ, то-есть что называется, ни аза; такъ онъ, сударь мой, не то что понатужится, а такъ просто себѣ одною пятерней, возьметъ, да пять человѣкъ такъ съ ногъ и сшибетъ. Вотъ вамъ и система!

Фельдфебельская пятерня слегка съежила моего дряблаго чиновника. Онъ посмотрѣлъ на генерала: въ этомъ взглядѣ было и меланхолическое сожалѣніе, и полупрезрительная насмѣшка. Генералъ утратилъ всякую для него прелесть, анекдотъ про фельдфебеля и его могучую пятерню его развѣнчалъ окончательно въ глазахъ молодаго слуги отечества.

„Онъ не отъ вѣка сего“, подумалъ чиновникъ-прогрессистъ, и углубился въ свои тюрьмы.

Возвращаясь изъ-за границы, вспомнилъ про этотъ эпизодъ.

Было въ вагонѣ три Пруссака. Получили они каждый 6 мѣсяцевъ отпуска, и въ эти 6 мѣсяцевъ они взялись поѣздить по Россіи, да поглядѣть поближе: wie sich das Leben in Russland zeigt? Были-ли эти шесть мѣсяцевъ отпуска формой, и не была-ли это просто командировка съ весьма благоразумною цѣлью, кто можетъ это знать?

Невольно тогда припомнился нашъ генералъ, далеко не одинъ въ своемъ родѣ, смотрящій на вещи такъ цинически равнодушно.

Много ли нашихъ офицеровъ изучаютъ Пруссію? подумалъ я.

И пятерня фельдфебеля, сшибающая съ ногъ пять

человѣкъ, и два офицерика сладко спавшіе во всю дорогу, безцеремонно растянувшись предъ генераломъ, невольно заставили призадуматься. Часокъ спустя вошли въ вагонъ двѣ личности, оба на видъ помѣщики, одинъ почище, другой погрязнѣе.

Усѣлись. Генералъ заговорилъ, обратившись къ русскому помѣщику.

— Вы изволите откуда ѣхать?

— Изъ деревни-съ, заграницу-съ.

— А въ какой губерніи изволите быть помѣщикомъ?

— Въ Минской.

— Ну что, какъ у васъ тамъ поживаютъ?

— Ничего, слава Богу, помаленьку поживаемъ.

Чиновникъ-прогрессистъ отодвинулъ книгу отъ очей своихъ, снялъ pince-nez съ носа и не безъ важности сказалъ:

— Теперь вѣдь ваша губернія самостоятельная, на общемъ положеніи!

Генералъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: „Какъ? Какъ? Самостоятельная?“ Онъ не зналъ про свѣжія судьбы Минской губерніи. Чиновникъ ему объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Да-съ, сказалъ помѣщикъ, — благодаря Бога отдѣлили.

— Чего жъ тутъ Бога благодарить, по-моему генералъ-губернаторъ все какъ-то того, поважнѣе, чѣмъ какой-нибудь губернаторъ. Вѣрно онъ у васъ еще изъ штатскихъ?

— Изъ штатскихъ, да-съ, но человѣкъ-то отличный. Да и вообще, знаете, какъ бы вамъ сказать, какъ-то вольнѣе, спокойнѣе стало; ей-Богу!

Польскій помѣщикъ ежился, а ротъ его принималъ

ту классическую форму хвалебнаго трехъугольника, который у Поляковъ очень обыкновенная фигура, когда они собираются льстить русскому человѣку. Чиновникъ-прогрессистъ потеръ пальцами глаза, а потомъ, прочищая pince-nez, сказалъ:

— Да, это своего рода, относительная, разумѣется, децентрализація!

— Какъ-съ? спросилъ генералъ.

— Децентрализація, спокойно отвѣтилъ чиновникъ-прогрессистъ, чувствуя, что онъ раздавляетъ этимъ словомъ съ либеральнымъ запахомъ генерала и видимо наслаждаясь этимъ чувствомъ, — то-есть переходъ власти отъ центра къ мѣстнымъ учрежденіямъ.

— Все пустяки! сказалъ полу-грустно, полу-насмѣшливо генералъ.—Мудрено нонче что-то все стало.

Чиновникъ обдалъ всю генеральскую фигуру такимъ взглядомъ презрѣнія, что такъ и казалось глядѣлъ не онъ одинъ, а in corpore цѣлое отдѣленіе.

Но взглядъ этотъ ни мало не смущалъ его превосходительство, которому прежде всего нужно было вертѣть языкомъ.

— Ну, а у васъ что, ничего? спросилъ онъ польскаго помѣщика,—небось тоже какая-нибудь децентрализація?

— О, нѣтъ, ваше превосходительство, у насъ, слава Богу, все въ порядкѣ, въ нашей губерніи все, слава Богу, идетъ отлично.

— А какая ваша губернія? спросилъ генералъ.

— Виленская, отвѣтилъ помѣщикъ. — У насъ, ваше превосходительство, мы очень весьма довольны и даже, смѣю сказать, счастливы...

И слава Богу, подумалъ я, и минскій русскій помѣ-

лично. Кого ни спросишь напримѣръ о школахъ, всѣ говорятъ, что эта часть идетъ отлично, и нѣтъ гимназіи гдѣ бы всѣ безъ исключенія не говорили отлично по-русски.

Благодаря свободному времени, удалось мнѣ погрузиться во внутренній міръ частицы варшавскаго гарнизона.

Славные люди составляютъ этотъ мірокъ. Варшава, вѣдь серіозно говоря, для нашего войска, не то, что стоянка на родной землѣ, а ужь подавно не то, что Петербургъ для нашей гвардіи.

Въ Варшавѣ волей или неволей войску нашему только жить, что подъ командой: „сомкни ряды", а не сомкнешь того и гляди, что одолѣетъ тебя невидимая вражья сила.

Оттого какъ войдешь въ этотъ міръ сомкнутый военной жизни, такъ и полюбишь ее съ перваго же обмѣна мыслей. Тутъ много было пережито горькаго и жуткаго въ первые дни стоянокъ; все пережитое стало духовною связью полка съ полкомъ, офицера съ офицеромъ, солдата съ солдатомъ, а такъ какъ и доселѣ у каждаго изъ нихъ на душѣ чувство, что они на бивуакахъ, да не у себя дома, то чрезъ это общеніе и объединеніе продолжается!

Веселья много въ этомъ замкнутомъ мірѣ, но первое мѣсто не ему, а службѣ, радѣнію о ней, заботѣ офицера о солдатѣ.

Мысль безъ сравненія укладываться не можетъ, когда она рождается подъ вліяніемъ наблюденій. Невольно пришлось сравнить эту военную жизнь, серіозную и семейную, съ петербургскою того же міра; Боже, какая *бездна* между ними. Въ особенности сильно искушеніе

сравнивать пришло въ голову, когда я увидѣлъ въ этомъ варшавскомъ военномъ мірѣ тѣхъ двухъ красавцевъ Петербурга, о которыхъ упомянулъ выше. Они начали было глядѣть свысока па все, что видѣли, но по мѣрѣ того какъ нравственная сила дружно сплоченной среды, казалось, ихъ придавливала, бѣдняжки глядѣть стали какъ потерянные, и ровно ничего не понимали. Еще вчера они видѣли себя и другихъ любующимися самими собою, а тутъ застаютъ офицера любующагося своею ротой или эскадрономъ; еще вчера они жили въ томъ мірѣ, гдѣ ученье кончается, и давай Богъ ноги бѣжать по дальше отъ всего, что напоминаетъ солдата, а здѣсь видятъ офицера всѣмъ своимъ существомъ погруженнаго въ свой военный міръ: жизнь, понятіе о ней, обстановка ея, цѣль ея—все другое.

Что это значитъ? Это значитъ, что условія военнаго быта въ Варшавѣ несравненно благопріятнѣе для его закрѣпленія нравственною силой, чѣмъ въ Петербургѣ, гдѣ среди множества искушеній военная служба можетъ, повидимому, еще обходиться безъ того, что въ настоящее время составляетъ ея сущность, ея главную силу,—серіозное на нее воззрѣніе и отданіе себя ей не по командѣ, а подъ вліяніемъ нравственной обязанности.

Дай-то Богъ, подумалъ я, прощаясь съ Варшавой, чтобы когда-нибудь пришло время такое, что не горечь испытанія, а ясное сознаніе долга сплачивало военный людъ, но сплачивало не въ касту, не въ надменное сословіе, а въ духовную, крѣпкую семью, въ общеніи съ цѣлымъ отечествомъ.

лично. Кого ни спросишь напримѣръ о школахъ, всѣ говорятъ, что эта часть идетъ отлично, и нѣтъ гимназіи гдѣ бы всѣ безъ исключенія не говорили отлично по-русски.

Благодаря свободному времени, удалось мнѣ погрузиться во внутренній міръ частицы варшавскаго гарнизона.

Славные люди составляютъ этотъ мірокъ. Варшава, вѣдь серіозно говоря, для нашего войска, не то, что стоянка на родной землѣ, а ужь подавно не то, что Петербургъ для нашей гвардіи.

Въ Варшавѣ волей или неволей войску нашему только жить, что подъ командой: „сомкни ряды", а не сомкнешь того и гляди, что одолѣетъ тебя невидимая вражья сила.

Оттого какъ войдешь въ этотъ міръ сомкнутый военной жизни, такъ и полюбишь ее съ перваго же обмѣна мыслей. Тутъ много было пережито горькаго и жуткаго въ первые дни стоянокъ; все пережитое стало духовною связью полка съ полкомъ, офицера съ офицеромъ, солдата съ солдатомъ, а такъ какъ и доселѣ у каждаго изъ нихъ на душѣ чувство, что они на бивуакахъ, да не у себя дома, то чрезъ это общеніе и объединеніе продолжается!

Веселья много въ этомъ замкнутомъ мірѣ, но первое мѣсто не ему, а службѣ, радѣнію о ней, заботѣ офицера о солдатѣ.

Мысль безъ сравненія укладываться не можетъ, когда она рождается подъ вліяніемъ наблюденій. Невольно пришлось сравнить эту военную жизнь, серіозную и семейную, съ петербургскою того же міра; Боже, какая бездна между ними. Въ особенности сильно искушеніе

объ немъ можно говорить какія угодно гадости, въ угоду, разумѣется, Полякамъ!

Теперь представимъ себѣ, что Нѣмцы устраиваютъ въ Страсбургѣ клубъ. Вдругъ года черезъ два Берлинъ узнаетъ, что нѣмецкій клубъ въ Страсбургѣ hat sich encanaillirt, и что Французы уговорили Нѣмцевъ бросить свой клубъ, чтобы вмѣстѣ съ ними устроить новый, и что при этомъ Нѣмцы сказали Французамъ: да, это правда, въ нашемъ клубѣ одна только сволочь!

Ну, спрашиваю васъ, мыслима ли такая гипотеза въ клубномъ мірѣ? Нѣтъ, не мыслима. Языкъ не повернется, засохнетъ въ горлѣ у Нѣмца скорѣе, чѣмъ сказать обидное слово про своихъ же Нѣмцевъ, и кому же? Представителямъ другой націи! Надо быть нравственно дряблымъ, чтобы не имѣть въ себѣ гордости за свою націю!

Безъ гордости нѣтъ силы! Оттого мы такъ слабы вездѣ, гдѣ у насъ оспариваютъ право на господство и хозяйничанье.

Кто виноватъ? Кого винить? Неужели правительство, неужели чиновника Н или чиновника Б?

Нѣтъ, насъ самихъ, всегда насъ самихъ, вездѣ насъ самихъ.

Не Поляку же мечтать между прочимъ о томъ, чтобы въ Варшаву наѣзжало какъ можно больше годныхъ для поддержанія славы своего добраго имени Русскихъ! Всякій пойметъ, что ужъ если онъ касается этого вопроса въ своихъ мечтаніяхъ, то только для того, чтобы пожелать обратнаго.

А мы и рады! Соберемся въ свой русскій кружокъ, и давай другъ друга позорить! Досадно и грустно! Иные чиновники какъ слышно, дѣло свое дѣлаютъ от-

III.

На дорогѣ въ Вѣну и въ Вѣнѣ.

— Какъ чувствуешь, что мы уже въ Европѣ, сказалъ мнѣ мой юный чиновникъ, съ которымъ я опять очутился въ вагонѣ, на пути изъ Варшавы въ Вѣну.

— Отчего это вы чувствуете? спросилъ я, — развѣ только по сквернымъ вагонамъ сравнительно съ нашими.

— Нѣтъ, какъ можно! По всему чувствуешь, когда поживешь дня два въ Варшавѣ: пріемы другіе, лица другія, понятія.... знаете, люди какъ-то смотрятъ на вещи иначе....

— Напримѣръ?

— Да какъ бы вамъ сказать.... трудно опредѣлить въ чемъ именно, а такъ, вообще чувствуешь, что Европа, а не Россія!

— Ну, а Петербургъ, развѣ по вашему это не Европа, а Россія?

— Какъ бы вамъ сказать, Петербургъ это....

— Ни то, ни сё?

— Ну нѣтъ, а все-таки...

— Ну а вамъ пріятно развѣ, что Варшава не Россія? казалось радоваться тутъ особенно нечему.

— Помилуйте, да неужели вы серіозно думаете, что можно Варшаву сдѣлать Россіей? мы еще слишкомъ молоды, чтобъ имѣть такія претензіи!

— Ну а Пруссія, она кажется моложе насъ, а вѣдь она имѣетъ кажется претензіи даже Лотарингію онѣмечить?

— То Пруссія, а мы не Пруссаки!

Тутъ разобрала меня досада, и я спросилъ чиновника:—Скажите неужели вамъ никогда не приходитъ въ голову мысль, что пора же наконецъ и намъ что-нибудь да значить и бросить эту жалкую манеру, самихъ себя считать дураками?

— Ну ужъ это вы пускаетесь въ патріотическія отвлеченности, ужъ это не по нашей части, и безъ того дѣла довольно.

Вскорѣ за симъ мальчикъ-чиновникъ захрапѣлъ, мило растворивъ ротикъ. Такъ и видѣлось, что онъ съ наслажденіемъ утопалъ въ необъятномъ морѣ прелестей Европы, и что съ вицъ-мундиромъ слетала съ плечъ его нѣжная забота о Россіи!

Заснулъ и я.

Утромъ пробужденіе. Яркое, теплое утро. Смотришь въ окно — густая зелень полей, букеты деревьевъ; то здѣсь, то тамъ желтѣютъ, утопая въ зелени, чистенькіе домики; здѣсь деревушка бѣлая, какъ снѣгъ, тамъ церковь съ городкомъ, подальше привѣтливая усадьба; по полю ходитъ плугъ, предъ плугомъ здоровая пара воловъ: вездѣ народъ крѣпкій, красивый, здоровый, ни волы, ни мужикъ не смотрятъ лѣниво, все выглядитъ бодро, бойко, все кипитъ жизнію, отдыхаетъ одно седьмое поле!

— Вотъ вамъ! сказалъ чиновникъ-мальчикъ, указывая на эту картину,—небось не Россія, не то, что мы видѣли три дня назадъ на дорогѣ изъ Петербурга въ Варшаву.

— Да, не то! отвѣтилъ я,—а хотите я вамъ разскажу маленькій дорожный эскизецъ изъ недавнихъ воспоминаній? Годовъ десять назадъ ѣздилъ я по той дорогѣ. на которой весь пейзажъ вамъ потому показался ужас-

нымъ, что онъ русскій, и потому онъ показался русскимъ, что онъ ужасенъ; ѣздилъ я по ней, и тогда дѣйствительно, какъ вы изволили говорить, впечатлѣніе было, какъ камень, тяжелое, такъ на грудь и давило, такъ и щемило сердце. Мужикъ подходилъ къ намъ: тѣнь въ видѣ сѣраго, движущагося автомата, таковъ былъ этотъ мужикъ! Съ головы до ногъ все было на немъ безъ жизни, безъ цвѣту и опредѣленнаго вида; волоса сливались съ лицомъ въ одну, не то сѣрую, не то коричневую массу; глаза смотрѣли какъ будто они не были на лицѣ, а гдѣ-то на спинѣ или на животѣ, безъ всякихъ живыхъ связей съ вмѣстилещемъ мысли—мозгомъ; казалось вотъ сейчасъ проведите свѣчей по глазамъ, не моргнутъ даже, лобъ изрытъ не морщинами, а глубокими длинными ямами; то не забота, а палка и плеть изрыли. Я пробовалъ съ такимъ мертвецомъ заговорить, не понимаетъ онъ русской, живой рѣчи; и замѣтьте, что это былъ крестьянинъ Виленской губерніи, губерніи богатой, плодородной, производительной. Побывалъ я и въ деревнѣ вблизи отъ дороги,—ну ужь, что я тамъ видѣлъ, лучше и не вспоминать; вѣрите ли, я вышелъ изъ одной хаты съ такимъ отвритительнымъ впечатлѣніемъ какого никогда не испытывалъ въ моей жизни; ну просты скоты, а не люди; едва вы сдѣлаете движеніе или встанете на ноги, чтобъ идти, мужикъ, баба, мальчуганъ, такъ и прячутся и прижимаются къ стѣнкѣ; и страхъ ихъ былъ до того тупъ, до того не человѣченъ, что я выходя оттуда съ ужасомъ задалъ себѣ вопросъ: да, что же эмансипація, она-то что? Она, изволите видѣть, тогда еще стояла у порога этого края и не смѣла войти, тогда вѣдь еще былъ только 1861 *годъ!* Простыя слова, естественнымъ голосомъ заданные

вопросы просто пугали крестьянина и производили на этихъ несчастныхъ то же впечатлѣніе, что тишина на любой фабрикѣ въ минуту, когда останавливается весь механизмъ, одуряющее: вы смотрите и ничего не понимаете; то же и эти крестьяне: вы съ ними говорите, и вмѣсто отвѣта; изъ-подъ изрытаго ямами лба, выходилъ какой-то взглядъ полудикій и полумертвый и задавалъ вамъ какой-то смутный вопросъ. Таковъ былъ крестьянинъ Виленской губерніи 10 лѣтъ назадъ; можете себѣ представить, чѣмъ же онъ долженъ былъ быть въ какой-нибудь Гродненской или Минской. Ну, а теперь извольте-ка заглянуть поближе въ этотъ ужасный пейзажъ, и вы увидите, что онъ совсѣмъ не такъ ужасенъ, какъ кажется; то, что мы здѣсь видимъ, это ужъ послѣднее слово жизни, а тамъ, гдѣ мы съ вами видѣли плачущую тощую березу, да торфяное болото, тамъ жизнь вѣдь первое еще молвитъ слово, да какое слово? Не угодно ли вамъ, господамъ чиновникамъ, даромъ что пейзажъ не красивъ, заглянуть подальше, вы и увидите, если глаза и уши у васъ есть, что картина, если и не побогаче красками этой вотъ фермы, съ пожирѣвшимъ отъ благополучія фермеромъ, все же весьма интересна: тамъ вы увидите, вопервыхъ, что мальчики всѣ отлично учатся, да бойки, да живы, да развязны, да говорятъ порусски какъ мы съ вами, да поютъ: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ" лучше, чѣмъ мы съ вами, а вовторыхъ, что тотъ сѣрый мертвецъ, у котораго десять лѣтъ назадъ живаго звука былъ одинъ крикъ, а живаго движенія одно подставленіе спины подъ палку, совсѣмъ исчезъ изъ пейзажа; нѣтъ его, да и только; ищите хоть со свѣчей, не найдете; все люди *говорящіе, разсуждающіе*, смѣющіеся, понимающіе себя,

да понимающіе насъ съ вами! А въ десять лѣтъ передѣлать, да пережить такую нравственную передѣлку, на это, согласитесь, надо много жизни. И вотъ, какъ проѣзжаешь по этимъ тундрамъ, да знаешь, что вотъ тамъ направо и налѣво милліоны людей стали не только людьми, но богатырями, такъ воля ваша, совсѣмъ не грустно глядѣть изъ окна: прійдетъ время, что и береза перестанетъ плакать, да потолстѣетъ, да болото въ поле обратится; а дѣлать чиновничьи соображенья, что вотъ де гніетъ болото, ну значитъ Русь святая, значитъ жизни нѣтъ, со всѣмъ не подобаетъ, потому что неосновательно. Вотъ вамъ мой эскизецъ.

Юный чиновникъ сказалъ: — Да, можетъ быть оно и такъ!

Я сталъ опять глядѣть въ окно и, не дѣлая никакихъ сравненій, любовался веселыми пейзажами!

Дорога до Вѣны изъ Петербурга длинная и долгая дорога. Дѣлится она на 4 части: первая отъ Петербурга до границы Царства Польскаго или привислинскаго края, пейзажъ, какъ я сказалъ, безпощадно грустный своимъ внѣшнимъ колоритомъ: сермьга и природа сливались въ одинъ сѣрый цвѣтъ! человѣка обидѣла природа, природу обидѣла судьба; оба глядятъ какъ будто жалобно. Одному Еврею раздолье, ибо, чѣмъ скупѣе природа, тѣмъ онъ изобрѣтательнѣе, чѣмъ небогаче народъ, тѣмъ онъ больше на немъ ѣздитъ.

Вторая часть начинается на рубежѣ привислинскаго края. Вдругъ являются предъ вами тщательно обработанныя поля, деревушки съ оттѣнками щегольства, отдѣльныя усадьбы фермеровъ, шоссейныя дороги, темныя струи фабричнаго дыма по небосклону. Жизнь нѣсколькими шагами ушла впередъ.

Галиція составляетъ третью полосу дороги. Щегольство уже бросается въ глаза въ полевомъ хозяйствѣ. Забытой земли уже не видно ни клочка; скотъ крупенъ и крѣпокъ; крестьянскія одежды выражаютъ благосостояніе; синее сукно замѣняетъ серьмягу, и посмотришь въ лицо жиду, увидишь на немъ досаду, что не онъ одинъ благоденствуетъ.

Наконецъ четвертая полоса, это Богемія. Здѣсь жизненная сила поразительна. Поле, садъ, роща, огородъ, все, что растетъ видимо составляетъ вседневную заботу хозяйства почти научнаго. Чехъ — земледѣлецъ, и его поле прекрасная картина, которою нельзя не любоваться. Посмотришь въ поле, какъ будто нѣтъ плевеловъ, капли трудоваго пота хватаетъ на каждое зерно, и каждое зерно даетъ много. Деревни и фремы дышатъ счастіемъ, видишь, что вся жизненная сила этой страны въ ея деревнѣ. Крестьянинъ носитъ отпечатокъ благосостоянія; но отпечатокъ этотъ рельефнѣе чѣмъ гдѣ-либо потому, что къ виду благосостоянія присоединяется оттѣнокъ цивилизаціи.

Ближе къ Вѣнѣ, по выѣздѣ изъ Богеміи, колоритъ деревни значительно блѣднѣетъ. Тому, кто не повѣритъ этимъ путевымъ впечатлѣніямъ и признаетъ ихъ выдумкой воображенія, я скажу: спросите моего сосѣда, даже онъ, чиновникъ-прогрессистъ, пораженъ былъ этими рѣзкими оттѣнками сельскаго благосостоянія.

Но вернемся отъ идилліи къ жизни. Нѣмцы изобрѣтательный народъ, это аксіома. Какъ Англичанину непремѣнно нужно для жизни сильное движеніе мускуловъ, такъ Нѣмцу нужна работа мозга на выдумыванье чего-либо болѣе или менѣе хитраго и не съ разу понятнаго. Такъ, напримѣръ, шелъ себѣ прямой путь изъ

Варшавы въ Вѣну съ тремя классами и шелъ благополучно, къ удовольствію и удобству путешественниковъ всѣхъ націй. Казалось бы, чего жъ еще, когда всѣ довольны и никто ничего не проситъ? Нѣтъ, не тутъ-то было! Придумано нѣчно очень остроумное и глубокомысленное: взяли одну точку на этой линіи, взяли и другую, и между обѣими пустили скорый поѣздъ. Eilzug. Спрашивается: почему и для кого? А вотъ почему. Вы пріѣзжаете на эту злополучную точку, вамъ предлагаютъ, хотите Eilzug? въ томъ предположеніи, что вы очень наивны. Вы говорите: „да, хочу“, въ полной увѣренности, что вы скорѣе пріѣдете въ Вѣну. Ни чуть не бывало: вы берете билетъ, приплачиваете $2^{1}/_{2}$ гульдена, садитесь въ вагонъ, ѣдете, пріѣзжаете на другую злополучную точку, и тамъ ждете тотъ поѣздъ, который вы покинули 3 чача назадъ, чтобы въ немъ, опять съ тремя классами, пріѣхать въ тотъ же часъ въ Вѣну, въ какой вы должны были пріѣхать съ пассажирскимъ поѣздомъ. Надѣюсь, что хитрѣе ничего нельзя и придумать. Въ итогѣ выходитъ, что это изобрѣтеніе есть не что иное, какъ новая мѣра къ усиленію доходовъ желѣзной дороги!

Баварскій Нѣмецъ, съ которымъ вы знакомитесь на пути въ Вѣну, на участкѣ нѣскольких миль, тотъ тоже не живетъ безъ придумыванья чего-нибудь! Результатъ его придумыванья на желѣзной дорогѣ выразился для насъ трубой, которою, неизвѣстно почему, онъ замѣнилъ общеупотребительный свистокъ кондуктора, а такъ какъ свистокъ фальшивить не можетъ, а труба напротивъ способна издавать пренепріятны звуки, то вся практичность этой выдумки заключается въ томъ, что на *каждой* станціи два раза вы должны подвергнуть ваши

уши ужасному истязанію отъ рѣзкаго и сквернаго звука скверной трубы.

На какой-то станціи, къ намъ сѣлъ въ вагонъ какой-то на видъ весьма важный господинъ. Важность его заключалась въ томъ, что его подсаживалъ въ вагонъ камердинеръ; въ томъ, что вслѣдъ за нимъ, влѣзли въ карету два великолѣпные дорожные мѣшка, съ тремя плэдами и двумя подушками, и наконецъ въ томъ, что какой-то щеголь австріецъ, сидѣвшій съ нами, вскочилъ съ своего мѣста, и начавъ раскланиваться преподобострастно съ входившимъ магнатомъ, явно изъявилъ ему готовность обратиться въ подушку или даже уничтожиться вовсе, лишь бы влѣзавшему почтенному господину было удобно.

Мой спутникъ чиновникъ шепнулъ мнѣ на ухо: „ужь не министръ ли это какой-нибудь?“ и почти уже былъ готовъ вступить въ разговоръ съ сановникомъ о дѣлахъ Австріи вообще и о тюрьмахъ въ особенности; но вѣнскій щеголь такъ разсыпался въ любезностяхъ, что другому сунуть словечко было совершенно невозможно.

Наружность обманчива, говоритъ древняя пословица. Министръ оказался Евреемъ. Еврей этотъ былъ банкиръ NN; онъ возвращался изъ Россіи, если не съ отмороженнымъ, то все же съ предлиннымъ носомъ наклееннымъ ему неудачей въ концессіи желѣзной дороги, которой онъ ѣздилъ добиться.

Но куріознѣе всего, что вѣнскій щеголь этотъ, такъ ухаживавшій за Евреемъ банкиромъ, оказался баронъ N, изъ хорошей австрійской фамиліи.

Такія отношенія выражаютъ собою нравы. Прошла минута, когда жидокъ протянулъ руку, чтобы достать одинъ изъ своихъ мѣшковъ; баронъ бросился къ мѣшку,

поднялъ его, сѣлъ противъ Еврея, положилъ себѣ мѣшокъ на колѣна, и обратившись въ табуретъ или столъ, находилъ себя въ самомъ нормальномъ положеніи. Хороша была въ эту минуту фигура банкира, сына Израиля, онъ чесалъ свои волосы, глядя въ зеркало, и принималъ услугу барона, какъ самое естественное проявленіе поклоненія своей особѣ.

Какъ случайный эпизодъ, такая картина не стоила бы вниманія. Но не понятая мною тогда, до свиданія съ Вѣной, она предстала во всемъ своемъ смыслѣ, когда я окунулся въ вѣнскій міръ.

IV.

Вѣна.

Если весьма вѣроятно, что Парижъ столица и главная резиденція князя міра сего, сирѣчь діавола, то не менѣе вѣроятно и то, что утомленный почестями и поклоненіемъ придворной своей челяди въ Парижѣ, онъ ѣдетъ отдыхать и наслаждаться виллежіатурой въ Вѣну.

По свидѣтельству мѣстныхъ сторожиловъ, Вѣна стала виллой діавола недавно. Прежде жили въ ней его намѣстники, управляли довольно исправно, сбирали подушную подать съ весьма небольшими недоимками, но все это далеко не было то, чѣмъ Вѣна теперь, когда монархъ самъ сталъ наѣзжать въ этотъ милый городъ.

Куріозно то, что пріѣздъ діавола, совпадаетъ съ другимъ общественнымъ событіемъ въ вѣнской жизни — воцареніемъ евреевъ; но это двойственное цареніе автократа и демократовъ не мѣшаетъ нисколько ихъ тѣсному союзу между собою.

Вѣнцы же, какъ видно, такимъ порядкомъ вещей

очень довольны, а Вѣна съ каждымъ годомъ растетъ въ ширину и высоту и хорошеетъ.

Безспорно, она какъ городъ прелестна, оживленія много; въ иную пору экипажи снуютъ какъ въ Лондонѣ, веселье заливаетъ всѣ улицы и бульвары, все поетъ, все напѣваетъ, все насвистываетъ аріи, все хохочетъ и смѣется, Слѣдовъ заботъ нигдѣ. Въ этомъ отношеніи поразительно сходство съ Парижемъ. Въ Парижѣ всѣ бѣгаютъ по улицамъ, точно потому только, что именно надо по улицамъ бѣгать: такъ и кажется, что другаго дѣла ни у кого нѣтъ. Тысячи человѣкъ сидятъ въ кафе, пьютъ водицу со смородиной и читаютъ газету, но и здѣсь чувствуется, что только потому они и читаютъ, что надо де сидѣть съ газетой предъ носомъ, а что читаютъ? не все ли равно! О политикѣ говорятъ много, но какъ? Въ Вѣнѣ то же самое: Вѣнцы какъ будто не знаютъ, что такое серіозное выраженіе лица, что такое ходить озабоченнымъ; вмѣсто водицы пьютъ они пиво, читаютъ машинально, толкуютъ про политику съ кѣмъ угодно и на всѣ тоны, но если вы подумаете, что Вѣнецъ, что нибудь серіозное о политикѣ думаетъ, вы жестоко ошибетесь. Онъ ничего не думаетъ. Его патріотизмъ приходитъ въ восторгъ отъ прелестнаго вальса Штрауса, an der schönen blauen Donau, такъ же легко, какъ патріотизмъ Парижанина обращается въ Везувій отъ звуковъ Марсельезы; но попробуйте этотъ патріотизмъ изъ фейерверка, обратить въ постоянный огонь, попробуйте-ка обратиться къ Вѣнцу со словами: „надо обдумать это хорошенько“, немедленно Вѣнецъ ускользаетъ изъ-подъ вашихъ рукъ, и отдастъ всю Вѣну, даже Австрію, лишь бы только избавиться отъ серіозной заботы.

— *Знаете, что такое* Вѣна? говорилъ мнѣ одинъ Вѣ-

нецъ, послѣ получасоваго разговора въ первое съ нимъ свиданіе,—это прелестнѣйшій городъ, это веселый городъ, но въ то же время, это самый безнравственный изъ всѣхъ городовъ Европы. Безнравственность сдѣлалась у насъ нормальною принадлежностью жизни; быть безнравственнымъ, у насъ называется быть милымъ, быть веселымъ, быть добрымъ малымъ; дѣвушкѣ 17 лѣтъ, даже въ порядочномъ сословіи, имѣть любовника считается самою обыкновенною вещью, добродѣтельный мужъ уродство, а въ политическомъ отношеніи, если по правдѣ вамъ сказать, Вѣна, прошедши подъ желѣзнымъ ярмомъ Наполеона I, чуть-чуть не взятая приступомъ Венгерцами въ 1848 году, чуть-чуть не взятая Пруссаками въ 1866 году, теперь покорена вся какъ есть Евреями.

Вѣнецъ этотъ, сказалъ ли онъ слишкомъ много или слишкомъ мало? вотъ вопросъ, съ которымъ я ходилъ по Вѣнѣ, ища повсюду на него отвѣта.

Отвѣтить на него положительно, серіозно, очень трудно, ибо, какъ я сказалъ, Вѣна соблазняетъ и ослѣпляетъ своими прелестями и своею нарядностью въ каждомъ проявленіи жизни.

Я вошелъ въ Volksgarten, царство Штрауса; былъ вечеръ бенефисный: за ограду входила публика платившая по гульдену за входъ; этой публики были тысячи: все нарядно, все щегольски одѣто; вездѣ французская рѣчь; вездѣ разговоръ извѣстный подъ именемъ marivaudage: свѣтскія женщины являлись безъ лакеевъ, давая руку джентльменамъ; у каждаго изъ послѣднихъ розанъ въ бутоньеркѣ, бѣлая грудь рубашки широко раскрытая, много оттѣнковъ фатства въ манерахъ и походкѣ; кокотки же являлись съ лакеями, а лакеи въ

ливреяхъ; за ними душистыя струи разныхъ эссенцій, и въ этомъ воздухѣ по три или по четыре кавалера на каждую, всѣхъ возрастовъ и всѣхъ положеніи, но изъ четырехъ одинъ непременно Еврей. Богатый Еврей это левъ Вѣны. Парижъ до этого еще не дожилъ. Должность эту въ Парижѣ исправляетъ обыкновенно богатый Англичанинъ.

За оградой платящихъ, находились тысячи народа не платящаго за входъ; народъ этотъ глазелъ и, повидимому, упивался звуками всегда легкой и всегда веселой музыки Штрауса. Кривлянья послѣдняго какъ нельзя лучше приходились по душѣ каждому Вѣнцу.

Котда Штраусъ кончилъ играть, раздалась духовая музыка. Игралъ военный оркестръ Ганноверскаго полка, въ бѣлыхъ казакинахъ и красныхъ воротникахъ. Звуки этого оркестра поразили меня своею стройностью; играли точно артисты и играли несравнено лучше оркестра Штрауса. Началъ я собирать справки. Оказывается, что впечатлѣнія мои были вѣрны; дѣйствительно военная музыка — это слава австрійскаго воинства. На парижской выставкѣ, какъ извѣстно, они взяли первый призъ. Большая часть музыкантовъ—Чехи; а Чехи народъ необыкновенно способный къ музыкѣ. Посмотришь на военный оркестръ, и на лицѣ каждаго музыканта видишь, что онъ играетъ осмысленно и наслаждается тѣмъ, что играетъ; фигура же дирижера оркестра—цѣлая картина: вдохновенный артистъ такъ въ немъ и виденъ.

Но увы, имѣть хорошіе военные оркестры, не значитъ еще имѣть хорошую армію! А армія, Боже, что за жалкая картина! Прелести народности и граціозности Вѣны обитаютъ тоже въ австрійскомъ солдатѣ, но

тутъ-то онѣ уже совсѣмъ не на мѣстѣ; ибо оспариваютъ это мѣсто у тѣхъ чертъ и свойствъ, которыя для арміи сто разъ нужнѣе, и которыя съ ними никакъ ужиться не могутъ. У каждаго солдата проборъ на головѣ доходитъ до спины. Уже это одно много значитъ: ибо сколько на составленіе и расчесываніе нужно времени и заботъ солдату, столько же, только въ удесятеренной пропорціи, убавляется у него военнаго закала и военной закваски; солдатъ, у котораго щетка должна гулять тщательно по затылку, можно навѣрное сказать, всегда и вездѣ будетъ разбитымъ солдатомъ. Оттого воины на сценѣ какой-нибудь оперы, или какого-нибудь балета и австрійскіе солдаты похожи другъ на друга какъ двѣ капли воды. Когда они ходятъ отрядами, они кажутся сложившимися въ мундиръ, въ стойку и въ кадры только вчера; такъ и хотѣлось бы имъ сказать: „да будьте же солдатами", еслибы не приходила въ голову ужасная мысль, что имѣть въ сосѣдствѣ такую армію очень выгодно; когда же они гуляютъ по улицамъ на свободѣ, тогда у каждаго руки въ карманѣ, трубка въ зубахъ, и изъ десяти человѣкъ, весемь ходятъ обнявшись съ какою-нибудь дульцинеей. А ужъ вечеромъ, когда стемнѣетъ, и солнце, котораго всегда боишься и стыдишься даже безсознательно, спрячется, тогда попытайтесь-ка прогуляться въ окрестностяхъ любой казармы—вы увидите прелестныя сцены.

Ну, а офицеры? спросите вы. А объ офицерахъ вотъ, что я вамъ раскажу. Поѣхалъ я въ садъ Шперла. Вѣнцы называютъ это парижскимъ Mabile, неизвѣстно почему. Въ Mabile все красиво, все изящно, скандалъ черезчуръ разгульный не дозволенъ. У Шперла, посреди *грязной* и скверной улицы, между четырьмя домами

устроенъ крошечный садикъ, тамъ поставлено множество столиковъ, фонарей, есть танцовальная зала и оркестръ военный.

Вы входите и пятитесь назадъ съ вопросомъ: куда я попалъ? Вездѣ у столовъ разсажены женщины, и какія женщины!... Кто подойдетъ къ столу изъ мущинъ, того захватываютъ какъ добычу и какъ кавалера для танцевъ, и съ минуты на минуту вы можете сдѣлаться героемъ цѣлаго ряда авантюръ.

Но вотъ сидятъ и офицеры, граціозные, красивые и безупречные на видъ; у каждаго какъ нарочно былъ свой мундиръ, но общаго была у нихъ одна черта: проборъ необыкновенно тщательно отдѣланный на затылкѣ.

Начинаются танцы. Дамы переходятъ въ большой залъ. Залъ большой, иллюминованъ а jiorno, посрединѣ какой-то господинъ энергической наружности, во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, стоитъ и грозно повелѣваетъ дамамъ: „сюда, маршъ, скорѣе, не кричать, кавалеры, сюда“ и т. д,; все суетится, двигается и разставляется по командѣ сего энергическаго главнокомандующаго.

За этою картиной, на заднемъ планѣ, картина не менѣе куріозная: два огромныхъ портрета императора и императрицы во весь ростъ. Я подумалъ, что имъ здѣсь совсѣмъ не мѣсто, но успокоился узнавъ, что таковъ здѣсь обычай: вездѣ, гдѣ мѣсто считается публичнымъ, непремѣнно портреты ихъ величествъ.

Вдругъ являются офицеры, дамы ихъ берутъ и начинаются танцы, то вальсъ, то канканъ. Я, признаюсь, стоялъ, смотрѣлъ и невѣрилъ глазамъ:—Какъ? офицеры въ военной формѣ танцуютъ публично съ публичными женщинами, и за то платимъ мы деньги, чтобъ этимъ зрѣлищемъ любоваться?

So, so ist es, сказалъ мнѣ мой Вѣнецъ.

Ну признаюсь, озадачили! Въ Парижѣ даже, гдѣ все бываетъ по части скандаловъ, такого никто подумать не смѣлъ: вѣдь нѣтъ такой націи, гдѣ военные эполеты, подобно военному знамени, не были въ чести. А въ Австріи, даже это топчутъ въ грязь. „Ну поколотятъ васъ голубчики“, подумалъ я, и насыщенный зрѣлищемъ Шперла, убрался не дождавшись конца. А конецъ, говорили мнѣ, самый интересный и есть. Танцы доходятъ до nec plus ultra, и каждая дама уѣзжаетъ съ кавалеромъ.

Теперь перейдемъ къ улицамъ и домамъ. Въ Вѣнѣ подъ именемъ Ring устроился цѣлый новый городъ, гдѣ великолѣпію домовъ нѣтъ предѣловъ.

А между тѣмъ истощеніе финансовъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, тоже безпредѣльно, въ Австріи вообще и въ Вѣнѣ въ особенности.

Какъ же согласить эту поразительную роскошь въ постройкахъ со всеобщимъ раззореніемъ.

Очень просто. Прохожу я по Рингу, вижу дворецъ только что отстроенный, красоты идеальной: лакеи въ красныхъ ливреяхъ, съ серебряными эксельбантами стоятъ у оконъ и презрительно смотрятъ на каналью-толпу; экипажъ съ красными жокеями à la Daumont стоитъ готовый у подъѣзда. Прохожу я и спрашиваю: „чей это дворецъ?“ думая вѣрно эрцгерцога какого-нибудь. Отвѣтъ: „Excellenz der Herr Baron N N“, а этотъ Excellenz, который никогда не былъ ни Excellenz, ни барономъ, просто-за-просто Еврей въ званіи банкира.

Наткнувшись на такое особенно великолѣпное депо еврейской роскоши, я пошелъ за справками.

— Да что же наконецъ это за штука Евреи въ Вѣ-

нѣ? спросилъ я моего Вѣнца, при слѣдующемъ свиданіи.

— Евреи, отвѣтилъ онъ,—это все у насъ: это правительство, это желѣзныя дороги, это финансы, это общественное мнѣніе, это военное министерство, это судъ, это всякій изъ насъ, это воздухъ, которымъ мы дышемъ. Еслибъ они захотѣли, да они всю Вѣну купили бы и нашу жизнь взяли бы на аренду.

— Ну однакоже, сказалъ я,—so arg ist es doch nicht!

— Именно so arg, отвѣтилъ мнѣ Вѣнецъ.

Да вотъ вамъ одинъ, напримѣръ, фактъ. Вся пресса въ рукахъ Евреевъ: всѣ эти Presse, Neue Freie Presse и т. д., всѣ мало-мальскія вліятельныя газеты принадлежатъ Евреямъ. Другой примѣръ: всѣ желѣзныя дороги въ ихъ рукахъ; всѣ подряды и поставки по арміи исключительно у нихъ въ обладаніи: никакое общество, никакая ассоціація, никакая спекуляція не мыслимы безъ согласія Евреевъ. Спросите любаго Еврея на улицѣ „правда ли, что у нихъ раввины принялись за исправленіе какихъ-то молитвъ?“ онъ вамъ отвѣтитъ: „Правда!“

„Что за исправленіе молитвъ?“ спросилъ я. А вотъ что. Между австрійскими Евреями ходитъ молва, что ихъ банкиры хлопочутъ сильно о томъ, чтобы всѣ тѣ псалмы, гдѣ народъ Израильскій молитъ Іегову о возвращеніи въ родную землю были выведены изъ употребленія, на томъ основаніи, что обѣтованную землю они обрѣли въ Австріи и лучшаго ничего не желаютъ. „Se non e vero ben trovato“, подумалъ я!

Нѣтъ, какъ ни прелестна Вѣна, а дышетъ она растлѣніемъ, безсиліемъ своего политическаго организма.

V.

Прага.

Ничего не можетъ быть поразительнѣе какъ переходъ отъ Вѣны къ Прагѣ. Два міра будто раздѣлены одинъ отъ другаго десятками государствъ и десятками годовъ.

Вы въѣзжаете въ Прагу: улица широка, красива, но прежде всего васъ поражаетъ отсутствіе экипажей; нѣсколько извощичьихъ колясокъ и ничего болѣе. Вся Прага ходитъ пѣшкомъ, и движенія пѣшеходовъ очень много.

Потомъ вы вглядываетесь въ прохожаго или въ толпу: у всякаго на лицѣ забота, веселыхъ, безпечныхъ лицъ, типа зѣваки, типа наслаждающагося жизнію какъ будто въ Прагѣ нѣтъ!

Вы входите въ кофейню: все полно народомъ, но все читаетъ и углублено въ чтеніе газетъ, такъ что царствуетъ тишина и слышишь камора и муху. Едва одинъ кончилъ читать и выпивъ свое пиво, встаетъ и очень скоро направляется къ двери, какъ другой уже схватилъ газету и усаживается читать ее такъ чтобы всѣмъ существомъ въ нее погрузиться.

И вотъ первый день въ Прагѣ, вы уже схватываете весь ея колоритъ. Онъ скученъ, онъ грустенъ, но грусть эта, скука эта не та грусть и не та скука, которыми дышетъ развалина или покинутое мѣсто, гдѣ человѣкъ тоскуетъ потому, что онъ безсиленъ воскрешать жизнь въ нѣмомъ памятникѣ прошедшаго. Въ Прагѣ чувству*ешь* грусть жизни, сосредоточивающейся гдѣ-то *смиренно* и боязливо: это грусть постнаго дня или Вели-

кой Пятницы, сквозь которую вѣетъ въ воздухѣ предчувствіемъ чего-то въ будущемъ болѣе свѣтлаго! Вмѣстѣ съ грустью отпечатанъ вездѣ и во всемъ живой слѣдъ постоянно напряженныхъ заботъ.

Заботы эти на лицѣ у каждаго Чеха. Пройдетъ молодой человѣкъ, онъ весь погруженъ въ думу; пройдетъ зрѣлый мущина, онъ ходитъ и разсуждаетъ съ самимъ собою; пройдетъ старикъ, и онъ видно согбенъ подъ бременемъ долгихъ размышленій.

Чеха съѣдаетъ политическая духовная жизнь.

Но жизнь эта не праздная. Какъ всякая политеческая и умственная дѣятельность, она слагаетъ и создаетъ не мало утопій, но возлѣ сколько создала она тоже плодотворнаго и прочнаго!

Когда Русскій пріѣзжаетъ въ Прагу, тогда совершаются въ ней два событія: первое—тревога въ секретной полиціи, которой поручаютъ вашу особу, второе—проявленіе самой безкорыстной симпатіи со стороны всякаго Чеха, который случайно узнаетъ что вы Русскій.

Симпатія эта замѣчательна по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что она безкорыстна, а въ XIX вѣкѣ безкорыстная симпатія—явленіе рѣдкое! А вовторыхъ, симпатизирующій вамъ Чехъ неизбѣжно попадаетъ въ списокъ политически-неблагонадежныхъ!

Года три назадъ нѣсколько шарманщиковъ на улицѣ вздумали было ввести въ свой музыкальный репертуаръ русскій народный гимнъ; ихъ выпроводили за такую политическую демонстрацію изъ Праги, съ запрещеніемъ въ нее возвращаться иначе, какъ выкинувъ изъ механизма шарманки роковое *Боже царя храни*!

По *этому эпизоду* можно судить о любви полиціи, а

слѣдовательно и администраціи австрійской къ Русскимъ и Россіи.

Впрочемъ, я узналъ отъ одного Венгерца, что въ Венгріи и Галиціи Русскимъ сто разъ опаснѣе быть, чѣмъ въ Прагѣ. Въ Прагѣ надзоръ секретный—ничего болѣе, да еще въ рукахъ весьма плохихъ шпіоновъ. Въ Венгріи же и Галиціи вы подпадаете прямо подъ надзоръ цѣлой Венгріи и цѣлой Галиціи, то-есть каждаго Венгерца-патріота и каждаго Поляка-Галичанина; опасности могутъ быть разнообразны, и самая низшая ихъ степень—ругательства. Венгерцы рѣшили взять Константинополь, и въ каждомъ Русскомъ видятъ вслѣдствіе этого преграду ихъ царьградоманіи, а Поляки рѣшили взять Варшаву съ сѣвера, а Кіевъ съ востока, и въ каждомъ Русскомъ видятъ заклятаго врага ихъ планамъ и подстрекателя народа къ неповиновенію польскому магнатству.

Какъ видите, причины ненависти къ намъ бѣднымъ, *неукротимымъ распространителямъ по всему міру нашей національности*, очень уважительны. Остзейскій и другіе края такъ обрусѣли, что теперь намъ только и думать, что объ обрусѣніи Австрійскихъ земель, а потомъ и Турецкихъ, а тамъ пожалуй доберемся и до Индѣйскихъ.

Но вернемся къ Прагѣ. Прежде всего васъ, какъ Русскаго, ведутъ въ отстраивающуюся православную церковь: гдѣ-то въ переулкѣ стоитъ древняя готическая церковь; вы входите въ нее и поражаетесь великолѣпіемъ ея внутренней новой отдѣлки для православнаго богослуженія. Все красиво, все роскошно, все изящно.

Но полагаю, что, осмотрѣвъ эту церковь, ни одинъ Русскій не вышелъ изъ нея не задавъ своему провожа-

тому вопроса: какая цѣль этой церкви? Не бывавъ въ Прагѣ, я, какъ многіе, мечталъ о томъ, что хорошо было бы имѣть въ Прагѣ православную церковь, какъ попытку сблизить Чеховъ съ нами на религіозной почвѣ; но побывавъ на мѣстѣ, я эту мечту, какъ многіе, записалъ въ расходъ и задался другою мыслью. Сколько мнѣ показалось,—дай Богъ чтобъ я ошибся,— вопросъ религіозный для чешской интеллигенціи отодвинутъ на задній планъ нынѣшними чисто политическими заботами объ автономіи. Для чеховъ главное— добыть себѣ чешскую корону; для осуществленія этой мечты они пожертвовали бы всѣмъ, а нѣтъ сомнѣнія, что первымъ условіемъ уступчивости австрійскаго правительства Чехамъ было бы изгнаніе всего похожаго на симпатіи къ Россіи, а въ особенности русской церкви. Чрезъ это Чехи были бы поставлены въ весьма непріятное положеніе.

Что же будетъ дальше?

А между тѣмъ, кладя въ сторону всякую сентиментальность, не слѣдуетъ ли сказать себѣ: сколько есть такихъ мѣстъ въ Европѣ гдѣ съѣзжаются наши соотечественники лѣчиться тысячами. Вотъ тамъ имѣть маленькія церкви для Русскихъ дѣйствительно потребность.

Впрочемъ я случайно послѣ узналъ какъ иной разъ смотрятъ у насъ на дѣло постройки русскихъ церквей за границей. Поступило, напримѣръ, заявленіе самаго невиннаго свойства: ходатайство о назначеніи священника на три лѣтніе мѣсяца для исполненія требъ въ походной церкви, на устройство которой, вмѣстѣ съ содержаніемъ священника, Русскіе готовы дать всѣ нужныя средства. Отвѣтъ, говорятъ, послѣдовалъ такой: *поелику духовное* начальство заботится, наоборотъ, объ

упраздненіи вездѣ, гдѣ можно, русскихъ церквей за границей, напримѣръ въ Голландіи (гдѣ никогда и Русскихъ не бываетъ!), то ходатайство это слѣдуетъ отклонить! Если это правда, то нельзя не признать причину уважительною; ужь упразднять, такъ упразднять.

А Нѣмцы, глупые такіе люди, дерзающіе находить, что молитва и богослуженіе необходимы человѣку вездѣ—разсуждаютъ иначе: нѣтъ водъ въ Австріи, гдѣ бы Нѣмцы не имѣли своего пастора, котораго содержатъ въ теченіе всего лѣчебнаго курса, и ему каждое воскресенье отводятъ свободное помѣщеніе для богослуженія.

Симпатія къ Россіи въ Прагѣ имѣетъ два пульса: одинъ болѣе сильный, другой послабѣе. Сильнѣйшій пульсъ бьется въ чешской молодежи; пульсъ болѣе вялый у старой Чехіи. Молодежь безъ задней мысли стремится къ одному только: къ духовному единенію съ нами, къ братанью во имя единой крови. Въ средѣ этой партіи многіе уже знаютъ по-русски, читаютъ русскіе журналы и книги, интересуются всѣми треволненіями и злобами дней нашей общественной жизни, вводятъ ихъ предметомъ оживленныхъ преній на своихъ сходкахъ, и даже устроили публичныя лекціи русскаго языка для чешскихъ дамъ, которыя за истекшую зиму оказали значительные успѣхи и горячее рвеніе.

Другая партія, степенная, зрѣлая возрастомъ, съ патріархомъ Палацкимъ во главѣ; та смотритъ на насъ съ симпатіей заднемыслящею, съ сильнымъ политическимъ оттѣнкомъ въ своей платонической къ намъ любви, съ одной стороны, а съ другой—съ какимъ-то *не хитро* скрываемымъ сознаніемъ въ своемъ надъ нами *превосходствѣ*. Объясняются же эти психическія свойства

отношеній старой чешской партіи къ Русскимъ, сколько кажется, весьма просто. Партія эта издавна сложила въ своихъ посѣдѣвшихъ головахъ политическій планъ дѣйствій относительно Австріи, которому исключительно и посвящаетъ свою духовную или умственную жизнь. Понятно, что Россія въ этомъ планѣ никакой самостоятельной роли не играетъ и играть не можетъ. Всѣ же самостоятельныя роли предназначаются исключительно старо-чешской партіи и ея вождямъ, и предназначаются имъ ими же самими; вслѣдствіе этого они очень ревниво и зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы въ область осуществленія ихъ политическихъ грезъ и плановъ не входило какое-либо другое начало, кромѣ ихъ самихъ. Россія, представляемая юною партіей какимъ-то двигателемъ въ ихъ пользу, является для старой партіи именно тѣмъ началомъ, которое у нихъ отнимаетъ долю популярности въ свою будто-бы пользу; и вслѣдствіе этого весьма понятно, на днѣ отношеній къ Россіи старой партіи гораздо болѣе недовѣрія, чѣмъ прямой симпатіи.

Такъ или иначе, но ни старая, ни юная партія не подвигаютъ еще свое національное дѣло съ разительнымъ успѣхомъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ заключается въ томъ, что Чехи, всецѣло отдавшись политикѣ, прежде всего не дипломаты и не политики. Маневрировать они не умѣютъ, и идутъ въ бой съ аестрійскою силой вооруженные качествами первыхъ временъ христіанства: откровенностью, прямотой и порывами! Понятно, что при такихъ условіяхъ бой между посѣдѣвшею въ коварствѣ политикой Австріи и образомъ дѣйствія Чеховъ, въ коемъ нѣтъ лести, весьма не равенъ.

VI.

Прага.

Народное образованіе и высшее образованіе представляютъ самую свѣтлую сторону общественной жизни въ Богеміи.

Въ Прагѣ и городахъ грамотныхъ до 93%; въ деревняхъ отъ 91—92%!

Предъ такимъ фактомъ восклицательнаго знака нельзя не поставить.

Въ остальныхъ провинціяхъ Австріи процентъ грамотности въ народѣ не превышаетъ 50. Такимъ образомъ, если когда-нибудь Пруссія примется осуществлять свою завѣтную мысль о присоединеніи къ себѣ Богеміи, она наткнется на этотъ фактъ, какъ на самое сильное препятствіе къ онѣмеченію Чеховъ. Доселѣ ея пищевареніе, когда она съѣдала, съ большимъ или меньшимъ аппетитомъ, разныя государства, совершалось какъ нельзя благополучнѣе, благодаря тому, что она, Пруссія, была образованіемъ сильнѣе тѣхъ, которыхъ она съѣдала. Съ Чехами будетъ иначе, ибо Чехія народнымъ образованіемъ въ силахъ бороться съ Пруссіей. Каждая чешская деревушка представляетъ собою плотно объединенный союзъ интеллектуально развитыхъ крестьянъ. Процессъ этого развитія совершается тѣмъ же путемъ, какъ въ Пруссіи,—посредствомъ школъ, а школы эти въ рукахъ у учителей, отлично знающихъ свое дѣло и отдающихся ему съ любовью. У Чеховъ методъ преподаванія въ народныхъ школахъ выработанъ до послѣднихъ предѣловъ совершенства. Четыре элемента входятъ съ одинаковою силой въ это народное образо-

ваніе: вопервыхъ, религія, вовторыхъ, національность, втретьихъ, умственное развитіе одновременно съ пріобрѣтеніемъ знаній и наконецъ вчетвертыхъ, искусства, то-есть музыка для хороваго пѣнія и рисованіе; хоровое же пѣніе въ свою очередь является и образователемъ вкуса и началомъ смягчающимъ нравы, а съ другой стороны, немалозначущимъ подспорьемъ къ развитію въ народѣ посредствомъ пѣсень чувства своей національности. Каждый учитель не иначе поступаетъ на поприще народнаго обученія, какъ будучи въ состояніи удовлетворять вполнѣ всѣмъ этимъ требованіямъ. Вотъ почему воспитательная школа такихъ учителей нераздѣльна отъ прямаго вліянія ихъ на нравственный бытъ народа, и вотъ почему этимъ путемъ Чехи дошли до того, что каждый молодой крестьянинъ или бюргеръ города составляетъ развитую умственно и нравственно личность, насквозь проникнутою крѣпкимъ сознаніемъ своей національности. А съ такою силой справиться штыку завоевателя очень и очень трудно, ибо, если этотъ завоеватель будетъ Нѣмецъ, то ему придется, вѣроятно, прежде чѣмъ приняться онѣмечивать 3 милліона людей, по одиночкѣ каждаго проколоть штыкомъ или застрѣлить пулей.

Народная или приходская школа въ Прагѣ раздѣлена на три группы. Первая, низшая, имѣетъ дѣло съ учениками отъ 3-хъ до 6-ти-лѣтняго возраста! Какъ ни невѣроятенъ этотъ фактъ — онъ дѣйствителенъ. Я видѣлъ школу приходскую, гдѣ сидѣло 100 мальчиковъ съ одной стороны и 100 дѣвочекъ съ другой, — меньшимъ было 3 года; старшимъ 6 лѣтъ.

Прежде всего васъ поражаетъ смѣшеніе общественныхъ слоевъ въ этой школѣ: нарядный барченокъ, сынъ

богатаго какого-нибудь купца, сидитъ возлѣ босоногаго мальчика; обоимъ хорошо, обоимъ весело; обоимъ удобно, обоихъ посылаютъ въ школу на цѣлый день для того, чтобы день не проходилъ праздно.

Всѣ эти 200 дѣтей сидятъ въ одномъ помѣщеніи. Начинается день молитвой, потомъ пѣніе, потомъ гимнастическія движенія, потомъ выговариваніе звуковъ и складываніе этихъ звуковъ на доскѣ, потомъ учитель разсказываетъ дѣтямъ маленькую повѣсть, съ приложеніемъ ея нравоученія, потомъ дѣти встаютъ, нѣкоторыя изъ нихъ надѣваютъ на себя барабаны, и подъ барабанный бой, весело, стройно, попарно выходятъ они въ садъ, гдѣ начинаются игры, гимнастика, въ теченіе двухъ часовъ времени. Послѣ отдыха и рекреаціи они возвращаются въ классы, и тѣмъ же методомъ проходятъ чрезъ урокъ ариѳметики, на счетахъ или самыхъ простыхъ задачахъ; потомъ опять пѣніе, опять гимнастическія движенія, затѣмъ вопросы съ указаніемъ на висящія на стѣнахъ картинки: „что это за звѣрь? что это за вещь?" и т. д. Мальчики и дѣвочки такъ и рвутся отвѣчать, поправляютъ одинъ другаго, жадно слѣдятъ за каждымъ движеніемъ учителя, и какъ только учителю кажется что дѣти могутъ быть утомлены, тогда немедленно—маршъ въ садъ, и опять игры и опять отдыхъ.

Такимъ методомъ и такою школой дѣти, сами того не замѣчая, шутя и веселясь, обучаются грамотѣ, закону Божію, ариѳметикѣ и пѣнію—въ то же время развиваются тѣлесно и умственно безъ малѣйшаго напряженія, и наконецъ пріучаются къ занятіямъ до такой степени, что понятіе о праздности въ началѣ уже жизни *не входитъ* въ нее вовсе. И этотъ методъ обученія, *соединяющій* въ себѣ вмѣстѣ съ обученіемъ и развитіемъ

умственнымъ — развитіе тѣла посредствомъ движеній гимнастическихъ въ самомъ классѣ, и гимнастики, и игоръ два, три раза въ день, проходитъ чрезъ всѣ три группы народныхъ или приходскихъ школъ.

„Свобода“ въ занятіяхъ, вотъ главная прелесть ихъ бросившаяся мнѣ въ глаза во всѣхъ видѣнныхъ мною школахъ въ Прагѣ. „Но свобода“ эта потому такъ прелестна и производительна, что она является результатомъ самаго строгаго подчиненія учителя своему методу и своимъ обязанностямъ, съ одной стороны, и учениковъ своему учителю, съ другой.

Народные учителя, это цѣлое, отдѣльно приготовляемое сословіе людей; это все сердца любящія дѣтей безгранично, это все умы развившіеся въ средѣ народа и исключительно подъ вліяніемъ этой безграничной любви къ дѣтямъ, это люди знающіе каждый оттѣнокъ впечатлѣнія и каждую складку мысли дитяти, которые по тому самому владѣютъ всѣми средствами, помощію которыхъ могутъ дѣйствовать на дѣтей. Люди эти имѣютъ одинаковое отвращеніе къ злу, пороку, лжи и къ теоретическому опредѣленію какого-либо понятія.

Когда вы спросите: всѣ ли учителя народныхъ школъ въ Богеміи, таковы, Чехи вамъ отвѣчаютъ, указывая на громадные результаты въ дѣлѣ народнаго образованія достигнутые этими учителями въ теченіи послѣднихъ десяти лѣтъ. Не грамотѣ одной научили они дѣтей, но и умѣнью жить.

Теперь другой вопросъ. Русскій, когда видитъ что-нибудь хорошее за границей: спрашиваетъ сейчасъ, что это стоитъ? и немедленно приказываетъ ему это прислать домой, какъ хорошую вещицу, для пріобрѣтенія *или для подражанія*. Вещица подъ именемъ на-

роднаго образованія съ его учителями стоитъ Чехамъ сравнительно недорого: жалованье ихъ отъ 150—300 гульденовъ въ годъ, т. е. отъ 90 — 180 руб., т. е. то, что у насъ получаютъ сторожа въ самыхъ смиренныхъ присутственныхъ мѣстахъ. Но дѣло въ томъ, что выписать эту вещицу въ Россію нѣтъ никакой возможности, даже если бы вы заплатили за нее втрое дороже.

Но пора перебираться и въ высшія сферы ученія, взглянуть, что тамъ дѣлается. Тамъ есть университетъ, есть гимназіи, конечно, классическія, есть реальныя училища 1-го и 2-го разряда.

Я пріѣхалъ въ Прагу весь еще полный нашею бранью реализма съ классицизмомъ и вслѣдствіе этого, само собою разумѣется, боязливо, запуганно, смиренно подходилъ къ громадному міру пражскихъ учебныхъ заведеній и еще смиреннѣе спросилъ какого-то Чеха:—Что у васъ дѣлается въ университетѣ и гимназіи?

— Учатся, отвѣчалъ мнѣ Чехъ!

— Только? спросилъ я.

— Чего же больше? удивленно сказалъ Чехъ.

— Неужели только учатся? а я, признаться сказать, думалъ, что кромѣ ученія, задачей нынѣшнихъ университетовъ и гимназій непремѣнно должно быть призваніе бороться во славу вѣка сего!

— Бороться? съ кѣмъ? кому?

— Какъ съ кѣмъ? Само собою разумѣется реализму съ классицизмомъ, ученикамъ съ учителями, журналамъ съ газетами, родителямъ съ дѣтьми, женщинамъ съ мущинами,—по крайней мѣрѣ у насъ публицисты иначе не велятъ относиться къ дѣлу высшаго образованія.

— Неужели? Нѣтъ, у насъ никакой борьбы нѣтъ.

— Нѣтъ? Такъ, что классицизмъ живетъ спокойно?

— Совершенно спокойно! Всѣ учащіеся въ университетѣ прошли классическій курсъ гимназіи и живутъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ учениками высшей технической школы.

— Ну, а женскій вопросъ, продолжалъ я вопросительно,—какъ онъ у васъ?

— То-есть въ какомъ смыслѣ?

— Какъ, въ какомъ смыслѣ? Вѣдь вѣроятно между студентами много женщинъ, вѣроятно многія держатъ экзаменъ на доктора, многія поступаютъ на разныя обществен...

Здѣсь Чехъ мой, не понимавшій моихъ рѣчей, сначала подумалъ, что я смѣюсь и тоже засмѣялся...

И такъ въ Прагѣ студенты и гимназисты учатся; и такъ въ Прагѣ о борьбѣ классицизма съ реализмомъ нѣтъ и помину; и такъ женскій вопросъ въ Прагѣ возбуждаетъ въ видѣ отвѣта смѣхъ!

Въ мірѣ студентовъ въ Прагѣ двѣ особенности: студентомъ дѣлается молодой человѣкъ обыкновенно не ранѣе 22-хъ или 23-хъ лѣтъ; выходитъ онъ изъ университета около 26 и 25 лѣтъ.

Другую особенность этого міра нельзя не признать важнымъ недостаткомъ: это національно-политическія заботы университетской молодежи. Онѣ не мѣшаютъ учиться, это правда, но онѣ отнимаютъ у молодежи чешской то время, которое вездѣ въ мірѣ студентовъ дается на веселье въ товарищескихъ кружкахъ.

Студентское веселье далеко не ничтожный элементъ въ студентской жизни. Вопервыхъ, это отдыхъ для ума, вовторыхъ, это тотъ психическій процессъ, посредствомъ котораго молодой человѣкъ, вкушая прелести жизни своего возраста, испытываетъ ихъ чарующее вліяніе на

все свое существо. Товарищескій кружокъ, въ часы досуга, полный интересовъ жизни, какъ она есть въ двадцать лѣтъ, это цѣлая школа, цѣлая академія пріобрѣтаемыхъ незамѣтно свѣдѣній, цѣлая лабораторія, гдѣ горячая кровь, веселый нравъ, болтовня и кутежъ, дружба и скора и тысяча другихъ двигателей, быстрѣе пара передѣлываютъ характеры, ломятъ предразсудки, расширяютъ кругозоры, смягчаютъ природу грубую, закаливаютъ природу изнѣженную, словомъ, дѣлаютъ все то въ маленькомъ видѣ, что нѣсколько лѣтъ спустя дѣлаетъ жизнь. Студентъ хорошо прожившій свои студенческіе года дѣлается способнымъ и годнымъ на все въ жизни. Онъ становится предпріимчивымъ, развязнымъ, всѣ его движенія физически и нравственно получаютъ болѣе мужества; борьба съ искушеніями его не пугаетъ, онъ уже бывалый; онъ борется, онъ увлекается, онъ падаетъ и опять поднимается, и въ жизни умѣетъ переживать самыя разнообразныя положенія, созидаемыя тысячами ея эпизодовъ, только быстро и стойко, какъ переживалъ тѣ же положенія въ своемъ студентскомъ житьѣ-бытьѣ.

Вотъ почему въ этомъ-то сочетаніи серіозныхъ занятій и веселой жизни заключается суть воспитательнаго развитія студентскаго міра!

У чешскаго студента этого сочетанія нѣтъ. Наука соединяется съ національными стремленіями: голова утомленная занятіями призвана проходить чрезъ разгоряченіе патріотическими заботами, грезами и разговорами. Оттого чешскій студентъ всегда глядитъ сумрачно, всегда носитъ слѣдъ глубокой на челѣ заботы, онъ не понимаетъ, что значитъ удовольствіе, веселье, даже простая шутка ему недоступна: въ каждомъ словѣ ему

сказанномъ онъ ищетъ только серіозное дно мысли; другаго убѣжденія кромѣ патріотическаго онъ не признаетъ: глаза у него разгараются только въ разговорѣ о Нѣмцахъ или о чешской независимости; только политика дѣлаетъ его предпріимчивымъ и неустрашимымъ.

Но увы! все, что нарушаетъ законы природы никогда не остается безнаказаннымъ! Являясь политикомъ на студентской скамьѣ, Чехъ, когда дѣлается гражданиномъ, обыкновенно представляетъ изъ себя довольно плохаго политика. Питты и Фоксы въ ихъ средѣ не рождаются. Мозгъ, раздраженный преждевременными заботами, утомленный занятіями, настолько усталъ, что не можетъ уже имѣть той упругости, той живости, той неутомимой дѣятельности, въ которыхъ область политики прежде всего нуждается.

Вотъ почему, когда вамъ разсказываютъ съ восторгомъ о политическихъ подвигахъ чешскихъ студентовъ, которые суть ни что иное какъ демонстраціи то тамъ, то здѣсь, тогда вы не вольно пожимаете плечами и искренно жалѣете, что столько нравственной силы тратится по-пусту.

VII.

На водахъ.

Всѣ цѣлительныя воды въ Германіи имѣютъ три главныя особенности: 1) скверныхъ докторовъ, 2) предурную пищу и 3) изобиліе Русскихъ.

Я сказалъ бы 4) скуку, еслибы не былъ убѣжденъ, что изъ всѣхъ вещей относительныхъ скука самая относительная. „Пойдемъ въ *Русланъ и Людмилу*", то-

воритъ одинъ Петербуржецъ другому. „Ахъ, нѣтъ, какая скука!“ отвѣчаетъ этотъ другой: „пойдемъ-ка лучше въ Александринку на *Прекрасную Елену*".— „Что, говорятъ у васъ о податной или военной реформѣ?“ спрашиваетъ одинъ соотечественникъ другаго; „Фуй, вотъ ужь скука!“ отвѣчаетъ ему другой: „побесѣдуемъ-ка лучше о балетѣ“.

Думаю. что при такихъ условіяхъ нельзя не признать скуку понятіемъ весьма эластичнымъ.

Замѣчательно, что три изъ этихъ отличительныхъ свойствъ германскихъ водъ въ прямомъ противорѣчіи съ практическимъ здравымъ смысломъ.

Гдѣ бы быть хорошимъ докторамъ, какъ не тамъ, гдѣ столько съѣзжается больныхъ и гдѣ отъ вопросовъ: „что мнѣ пить?“ „сколько пить?“ „не довольно-ли?“ и т. д. зависятъ столько жизней. На всѣ эти вопросы отвѣчаютъ вамъ доктора, составившіе себѣ репутацію, но къ сожалѣнію, за немногими исключеніями, главнымъ образомъ шарлатанствомъ.

Тоже и относительно пищи. Казалось бы нигдѣ человѣческій организмъ, воспринимающій въ себя необъятное количество воды, такъ не нуждается въ здоровой пищѣ, канъ на мѣстѣ этихъ вливаній, а между тѣмъ вы здѣсь все получите, кромѣ свѣжей и здоровой пищи. Спросите, почему же это? Я полагаю, что главная причина заключается въ томъ, что дурная пища есть принадлежность жизни всей Германіи, и что Нѣмцу никогда не придетъ въ голову мысль сдѣлать иностранцу то, что онъ самъ для себя не дѣлаетъ. Это послѣднее свойство присуще только намъ. Но почему же у Нѣмцевъ пища дурна? вопросъ этотъ рѣшить положительно трудно. *Полагать* надо отъ того, что для Нѣмца, какъ говоритъ

Гейне въ своихъ письмахъ объ Англіи, нѣтъ настоящаго; для него все или прошедшее, или будущее, а такъ какъ гастрономическая забота о пищѣ есть прежде всего забота настоящаго, то, поелику ея нѣтъ,—и пища всегда дурна.

Но всего болѣе противорѣчитъ здравому смыслу изобиліе Русскихъ на водахъ Германіи. „Помилуйте", говорятъ имъ Нѣмцы: „да что вы тутъ дѣлаете, когда у васъ столько замѣчательныхъ минеральныхъ водъ для всякаго рода болѣзней?" — „Да, есть", отвѣчаемъ мы, „да только не устроены, рискуешь или опиться, или умереть съ голоду". — „Ахъ, эти Русскіе", говоритъ тогда про себя Нѣмецъ, „что у нихъ ни есть, все не устроено", и начинаетъ такого Нѣмца сильно разбирать охота поѣхать въ Россію и эксплуатировать это неустройство, тѣмъ болѣе, что Русскій, отвѣтившій такъ Нѣмцу, прибавляетъ неминуемо: „у насъ ничего не умѣютъ устраивать".

Дѣло въ томъ, что дѣйствительно вопросъ о нашихъ водахъ это дилемма, призванная, кажется, очень еще долго оставаться таковою. Воды не устроены потому, что никто на нихъ не ѣздитъ, а никто на нихъ не ѣздитъ потому, что онѣ не устроены. А если кто и ѣздитъ, то въ такомъ мелкомъ чинѣ, что устраивать для него воды—не стоитъ!

Вотъ почему, сидя однажды утромъ у одного изъ источниковъ мѣстечка Ф., я долго размышлялъ объ этомъ предметѣ и пришелъ къ слѣдующимъ двумъ заключеніямъ. Первое: попросить всѣхъ начальниковъ отдѣленій заболѣть хоть на одинъ годъ разными болѣзнями, потомъ устроить войну по всей Германіи, такъ чтобы на каждомъ *мѣстечкѣ* съ источникомъ минеральныхъ водъ

[illegible] всѣ [illegible] начальники [illegible] русскія воды, и [illegible] изъ нихъ будетъ [illegible] водъ или отъ [illegible] устройствѣ водъ, и воды будутъ [illegible] способъ.

Другой способъ [illegible] во всѣхъ газетахъ Европы [illegible] на арендное содержаніе всѣхъ [illegible] водъ, съ условіемъ ихъ устроить съ [illegible] комфортомъ, какъ если бы [illegible] не столько Русскихъ, сколько Нѣмцевъ.

Итакъ, [illegible] тьма-тьмущая на всѣхъ водахъ Германіи. Если въ комъ и нѣтъ болѣзни, онъ непремѣнно ее придумаетъ, и если докторъ не знаетъ, куда послать, онъ самъ его надоумитъ, у какого источника искать исцѣленія.

На водахъ, какъ и вездѣ, впрочемъ, за границей, Русскіе отличаются своими особенными, имъ свойственными чертами. „Плюю я на всѣ ваши мѣстные порядки и обычаи, чортъ мнѣ въ томъ, что всѣ такъ дѣлаютъ, не хочу повиноваться, да и только“, и разныя въ этомъ родѣ милыя рѣчи выражаютъ собою умственное настроеніе нашей колоніи.

По плеванью на всѣ порядки и обычаи Русскіе на чужбинѣ братья.

Живутъ они всѣ вмѣстѣ, не но коммуной, а какъ грибы, особыми группами; бѣлые или отборные отдѣльно, потомъ подосинники и березовые—въ переносномъ смыслѣ чиновники покрупнѣе — всѣ вмѣстѣ, потомъ сыроѣшки или мелкій людъ, тоже вмѣстѣ; иногда, скуки ради, грибъ одного сорта перебѣгаетъ въ другую группу, но

едва послѣдній стаканъ выпитъ, какъ бѣлый грибъ даетъ понять березовому, что ты молъ все-таки не изъ нашихъ, а потому ко мнѣ въ Петербургѣ и не помышляй являться; развѣ мнѣ будетъ крайняя нужда, тогда потребую.

Какъ ѣзжали дѣды наши на долгихъ по землѣ русской, такъ мы, ихъ милые внуки, доселѣ ухитряемся ѣздить по чужимъ землямъ. Бывало, чуть ли не всю Русь, какъ она есть, широкую и размашистую, укладывали въ необъятный бездонный тарантасъ, въ необъятную и бездонную кибитку, и валяй, а глядишь, полвѣка спустя, изловчился нашъ братъ соотечественникъ ту же широкую, размашистую Русь тащить съ собою въ вагонахъ и переносить въ любой крошечный, узенькій міръ нѣмецкаго городишки. Ужъ такова видно натура. Кому вездѣ тѣсно? Русскому! Кому все не по нраву? Русскому! Кто раскладывается такъ, что голова покоится въ одной комнатѣ, туловище въ другой, а ноги въ третьей? Русскій, все Русскій!

У ужъ надо признаться, сущая онъ напасть для Нѣмцевъ, вездѣ, гдѣ появляется, если Нѣмецъ не можетъ извлечь изъ него выгоды, какъ домохозяинъ или торговецъ, а просто призванъ жить подъ однимъ съ нимъ небомъ.

Нѣмецъ въ головѣ своей не можетъ сложить понятія о томъ, что что-нибудь можетъ быть слишкомъ дешево; для него все дорого, отъ бумажной нитки до куска золота. А если вы услышите въ магазинѣ или лавочкѣ, что кто-нибудь говоритъ: „ach! wie billig“ (восклицаніе: ахъ, на всѣхъ языкахъ есть первый признакъ Русскаго), тогда вы можете смѣло къ нему подойти, протянуть руку и сказать: здравствуй, соотечественникъ или соотечественница, откуда? и т. д.

Оттого легко себѣ представить, какъ выгодно торговцамъ отъ этихъ восклицаній нашихъ соотечественниковъ и какъ, напротивъ, Нѣмецъ проклинаетъ судьбу, занесшую въ его уголокъ людей, находящихъ все дешевымъ и портящихъ цѣны на все, что продается.

Ну и признаться надо, инымъ изъ соотечественниковъ, болѣе благоразумнымъ и небогатымъ, не совсѣмъ-то благопріятно отъ розмаховъ широкой натуры собратіи. Напримѣръ: всѣ совѣтуются съ докторами при источникахъ, во время питья водъ; оно просто, удобно и дешево; кончится сезонъ, и докторъ, протягивая въ послѣдній разъ руку, получаетъ въ нее десять гульденовъ, кладетъ гонорарій въ карманъ, и очень счастливъ. А Русскіе! какъ можно! помилуйте; вотъ еще, стану я совѣтоваться съ докторомъ въ толпѣ, вмѣстѣ съ какою нибудь Нѣмчурой, подавайте-ка мнѣ доктора на домъ, да еще самаго плутоватаго. И вотъ ходитъ докторъ и ходитъ по домамъ Русскихъ, и вотъ платятъ и платятъ Русскіе докторамъ небывалыя цѣны за визиты, и очень довольны тѣмъ, что отличаются этимъ отъ простыхъ смертныхъ. Вслѣдствіе этого докторъ смотритъ на каждаго Русскаго какъ на главную статью дохода, или, говоря стилемъ сельскаго хозяйства, какъ на дойную корову, а тотъ несчастный Русскій, который доить себя дать не можетъ, ну, тотъ хоть помирай, а докторъ его знать не хочетъ!

Вторую отличительную черту нашихъ милыхъ соотечественниковъ, кто ее также не знаетъ? Казалось бы, видя ихъ какъ грибовъ вмѣстѣ, слѣдуетъ радоваться, ибо если ужь у себя дома не дано имъ наслаждаться *этимъ* сожитіемъ, то все же хоть на чужбинѣ они *братаются*, каждый въ своемъ кружкѣ! Увы, увы! и тутъ

горькое, да еще прегорькое разочарованіе! Сидятъ-то они вмѣстѣ, но пока Нѣмки чулокъ вяжутъ, а Нѣмцы толкуютъ про прошедшее или будущее, Русскіе заняты однимъ: ругаютъ своихъ и свое съ немилосердымъ ожесточеніемъ. Подойдетъ Русскій незнакомый, выругаютъ за то, что незнакомъ; подойдетъ знакомый, присядетъ, посидитъ, посидитъ и уйдетъ, начнутъ ругать его за то, что сказалъ, а если ничего не сказалъ, то за то, что могъ или хотѣлъ сказать.

Но это еще ничего: пускай бранятся между собою; а вотъ что скверно, когда милые соотечественники сводятъ знакомство съ иностранцами и иностранками, и при каждомъ случаѣ, начиная разговоръ такъ: „bei uns", то есть „а вотъ у насъ", заводятъ такую брань на все родное, что иностранецъ не знаетъ какъ быть: повѣрить и поддакивать—значитъ обидѣть національную гордость (ничуть не бывало) собесѣдника; не повѣрить—значитъ обидѣть его подозрѣніемъ, что онъ лжетъ! Кто не знаетъ надпись на Дельфійскомъ храмѣ. Мнѣ пришло въ голову, что еслибы храмъ этотъ строили Русскіе, они неминуемо надписали бы: „ругай самого себя", что, очевидно, совсѣмъ не тоже самое, что „познай самого себя".

Изъ любви къ соотечественникамъ замѣчу, что въ гигіеническомъ отношеніи ругать все родное во время лѣченія водами весьма вредно, а потому, кто изъ нихъ хочетъ серіозно лѣчиться, тому совѣтуемъ избѣгать своихъ соотечественниковъ, какого бы ранга и пола они ни были.

Медицина водъ, какъ извѣстно, раздѣлила жизнь человѣка на водахъ на двѣ половины, весьма неравныя. Въ одну половину, которую назвала curmässig, то-*есть съ водами* сообразную, она включила все непріят-

ное для человѣка, разсматриваемаго какъ существо любящее наслаждаться жизнію. Напротивъ, вторую половину жизни, пріятную, а именно романы и страсти, все соленое, сырое и кислое, умственную работу и т. д., предписывается оставлять за порогомъ всякой германской Виѳезды, ибо что контрабанда и называется nicht curmässig, то-есть съ лѣченіемъ несообразно.

Легко понять, что когда нѣмецкіе эскулапы сочиняли это дѣленіе жизни и правила для лѣченія водами, ни одному изъ нихъ не могло прійти въ голову, что явятся паціенты такой націи, для которыхъ ругать свое отечество и своихъ соотечественниковъ со страстію и съ постоянствомъ составляетъ удовольствіе, стоящее всякаго успѣха въ любви и столь же вредно дѣйствующее на лѣченіе водами, какъ свѣжая земляника или самыя овощи. Они бы и это назвали nicht curmässig für die Russen. Тогда бы къ надписи у воротъ одного водолѣчебнаго заведенія въ Швейцаріи, гласящей такъ: „здѣсь запрещается говорить про политику, про религію и про свои болѣзни", его учредители прибавили: „а Русскимъ про свою отчизну и своихъ соотчичей". А пока этого нѣтъ, нѣтъ и житья отъ нашей брани. И благо еще, еслибы самихъ себя бранили, а то нѣтъ, какъ можно! все скверно, кромѣ того, что я дѣлаю; всѣ дураки, кромѣ меня одного!

VIII.

То же мѣстечко. Іюнь 1871 года.

Есть двѣ торжественныя эпохи дня на водахъ. Обѣимъ аккомпанируетъ музыка; одна во время питья водъ, отъ 6 до 8 часовъ утра, другая вечеромъ, отъ $4^{1}/_{2}$ до 6 ча-

совъ; это эпоха спокойнаго, пріятнаго отдыха и всеобщаго перевариванья дня, съ его испитыми водами и съѣденнымъ дурнымъ обѣдомъ.

Первая эпоха въ разговорномъ отношеніи рѣзко отличается отъ второй. Главный и единственный даже предметъ разговора въ первую торжественную эпоху есть желудокъ; всѣ думы и житейскія заботы сосредоточиваются на этомъ другѣ человѣчества. Обыкновенно разговоръ начинается такъ:

— Ну, что вашъ желудокъ?

— Ничего, плохо; а вашъ?

— Тоже плохъ.

И начинаются объясненія въ чемъ онъ плохъ.

— Быть не можетъ! Вы какую воду пьете?

— Такую-то.

— А я такую-то! Да вообще, признаться сказать, я чувствую себя Богъ знаетъ какъ скверно. По утрамъ встанешъ, горечь во рту; попьешь воды, тошнитъ; выйдешь изъ ванны, хоть ложись умирай, такая беретъ слабость; вечеромъ смерть какъ хочется спать, а ляжешь, не спится.

— Ну, вообразите, точь-въ-точь что у меня, да въ добавокъ вотъ рожу вздуло, должно-быть отъ души! А кто вашъ докторъ?

— К., дуракъ набитый и шарлатанъ вдобавокъ; а вашъ?

— Ужъ не говорите, Г., такая свинья, жидъ проклятый, что право не понимаешь, какъ это такихъ негодяевъ можно держать на водахъ, и вѣдь грабитъ, просто грабитъ бестія.

— Вообразите, въ какомъ я-то положеніи, говоритъ, вмѣшиваясь въ разговоръ третій паціентъ,— началъ я

пить Bitterquelle, прекрасно, попилъ два дня: запоръ страшнѣйшій, приливы въ голову до одуренія: мой докторъ велитъ пить Marienquelle; пью Marienquelle—еще хуже, такъ чиститъ, что не знаю куда дѣваться, слабость, апатія страшная; прихожу къ доктору, онъ велитъ пить Peterquelle вмѣстѣ съ Johansquelle, начинаю пить и это—и что бы вы думали, черезъ день, то страшныя спазмы, колики, то головокруженіе, тошнота, горечь во рту, подкашиванье ногъ! Что дѣлать, думаю я, иду къ доктору. Вообразите, онъ велѣлъ мнѣ пить всѣ пять источниковъ заразъ, а, каково?

— И вы пьете?

— Еще бы, ужъ если пріѣхалъ, такъ надо пить!

— Да, ужъ съ этими докторами ничего не подѣлаешь.

И расходятся кійждо къ своему источнику безсонницъ, головокруженій и тому подобныхъ пріятныхъ ощущеній.

Вся тайна этого питья заключается на днѣ стакана; выпьетъ паціентъ, посмотритъ въ донышко, и фигура доктора въ ней явится въ видѣ миленькаго ангельчика, говорящаго „А, вы это все чувствуете? Ну, это хорошо, очень хорошо, значитъ вода дѣйствуетъ, польза не вдругъ приходитъ, а постепенно, мѣсяца чрезъ три вы увидите какъ поправитесь“.

Въ пять часовъ вечера, все кругомъ музыки, облекается въ нарядное одѣяніе, представители всѣхъ націй сидятъ за столиками и отдѣльными группами, пьютъ кофе и шоколадъ; отъ Америки до Испаніи все тутъ есть. Недоставало двухъ только націй: французской и англійской. Французамъ было вѣроятно не до лѣченія. Англичане не лѣчатся вообще водами, а желѣзными въ *особенности*, большее сравнительно съ другими націями

количество желѣза въ крови, есть именно то, что составляетъ суть ихъ національности. Англичанинъ малокровный, перестаетъ быть Англичаниномъ, такъ же точно какъ Русскій съ избыткомъ желѣза въ крови, дѣлается или Петромъ Великимъ или перестаетъ быть Русскимъ.

Но оставимте пока націи намъ чуждыя, и познакомимся поближе съ нашими милыми соотечественниками, о которыхъ въ прошломъ письмѣ я говорилъ вообще.

Графъ Черносливовъ ходитъ взадъ и впередъ съ моимъ милымъ чиновникомъ-мальчикомъ.

Послѣдній, познакомился съ графомъ слѣдующимъ образомъ. Онъ очень любитъ grand monde, хотя къ нему и не принадлежитъ; все титулованное пріятно щекочетъ ушко моего чиновника прогрессиста, вслѣдствіе чего, въ книгу гостей онъ самъ вписалъ себя такъ: Staats-Bath, Kammerjunker am Hofe des Kaisers von Russland, Cavalerie' von verschiedenen Decorationen und Order, im Russischen Staatsdienste ehrlicher Beamte etc, etc, etc. Узнавъ что графъ Черносливовъ пріѣхалъ съ супругой и дѣтьми, онъ къ нему явился, и несмотря на то, что графъ просто себѣ офицеръ въ отставкѣ, мой штатскій, но юный бригадиръ сказалъ ему: „Имѣю честь представиться, Иванъ Семеновичъ Худокопытовъ, статскій совѣтникъ, Русскій“. Графъ протянулъ Худокопытову руку, и съ тѣхъ поръ послѣдній все ходитъ по вечерамъ съ графомъ, а по утрамъ сопутствуетъ графинѣ по магазинамъ и говоритъ ей сладкія вещи, прибавляя къ каждой изъ нихъ слово „comtesse“, да притомъ всегда настолько громко, чтобы всѣ это могли слышать.

Итакъ оба ходятъ взадъ и впередъ у музыки и разговариваютъ.

— Порядочнымъ людямъ развѣ у насъ можно служить? говоритъ графъ, — посмотрите-ка, кого у насъ двигаютъ....

— Да-съ, оно такъ-то такъ, но все-таки, какъ бы вамъ сказать, ну, отчего бы и вамъ не послужить, ну если не въ военной, то все-таки въ гражданской службѣ.

— Нѣтъ, ужь покорно благодарю, я кланяться не умѣю.

— Да вамъ и не нужно, графъ, кланяться, помилуйте, вамъ поклонятся, если захотите служить. Вѣдь вотъ въ этомъ-то вся наша бѣда, что люди какъ вы, такъ разсуждаютъ, оттого поневолѣ приходится подвигать всякаго Иванова и Петрова. Помилуйте, у васъ все есть, вы вѣроятно были въ университетѣ....

— Я? Нѣтъ, я прямо юнкеромъ въ полкъ поступилъ.

— Ну, да это не все ли равно; у васъ прекрасное положеніе, связи, имя, состояніе, чего же больше, ну, какъ же вамъ не грѣшно послѣ этого не служить? Какую пользу вы могли бы принести.

— Да, я полагаю что я не хуже другаго могъ бы служить, способности есть, но, какъ я вамъ сказалъ, порядочнымъ людямъ на службѣ не везетъ.

— Но, знаете, не всегда это зависитъ чистѣйшимъ образомъ отъ обстоятельствъ: вотъ я, напримѣръ, вамъ скажу, я одно время тоже такъ думалъ, и дѣйствительно, можете себѣ представить, когда былъ министромъ Корытовъ, то есть какъ будто меня въ министерствѣ совсѣмъ не было, а теперь, возьмите, я въ три года получилъ четыре чина, и слава Богу, не могу жаловаться, приношу пользу, насколько это отъ меня зависитъ; разумѣется будь я самостоятеленъ, я бы могъ гораздо больше сдѣлать, но все-таки кое-что дѣлаю....

— Ну, ужь это ваше особенное такое счастье....

— Да что далеко искать, по-моему вы бы могли напримѣръ поступить въ министерство внутреннихъ дѣлъ, прекрасное министерство, два-три года послужили, а тамъ и въ губернаторы.

— Вы думаете? спросилъ покручивая усъ графъ, выражавшій своею физіономіей что онъ ужь немного сбитъ, и что предметъ этотъ, начинаетъ ему показываться съ другой его стороны, пріятной.

— Помилуйте, я въ этомъ даже увѣренъ. Это общественная у насъ потребность—хорошіе губернаторы! Ну, кого у насъ теперь не назначаютъ въ губернаторы, вѣдь єто просто срамъ; пора бы порядочныхъ людей сажать на эти мѣста, и если только вы захотите, я рамъ ручаюсь, что васъ станутъ просить о томъ, чтобы вы приняли это мѣсто. И притомъ знаете что я вамъ скажу: я вотъ въ прошломъ году ѣздилъ по Россіи и видѣлъ близко всѣ эти вещи, губернаторское мѣсто очень интересно, какъ сфера дѣятельности....

— Вы думаете?

— Да я вамъ даже больше скажу: не будь я въ моемъ министерствѣ, я сейчасъ бы пошелъ въ губернаторы....

Въ это время подошла графиня съ вопросомъ: о чемъ это вы толкуете?

— Я вашего мужа уговариваю, comtesse, въ губернаторы идти.

— Ой нѣтъ, ни за что! Я ему уже сказала: до тѣхъ поръ пока у насъ не будетъ конституціи, я ему запрещаю служить, а вотъ когда у насъ будетъ какъ въ Англіи, ну тогда,—мой мужъ не дурно говоритъ, онъ можетъ быть членомъ палаты лордовъ... на это я согласна.

— То *само по себѣ*, а теперь, право, comtesse, грѣшно

такимъ людямъ не служить, ей-Богу! Россія нуждается въ людяхъ. Вообразите, мы каждый день чувствуемъ, что нѣтъ людей и только, что прикажите дѣлать?

И всѣ трое направились дальше.

Прельсть что за разговоръ! Человѣкъ ни на что негодный, потому что ничему не учился, вмѣсто того, чтобы приняться за какое-нибудь дѣло и потомъ разсуждать о томъ, широка или узка на Руси дорога для способныхъ людей, убаюкиваетъ себя тѣмъ, что онъ дескать кланяться не хочетъ, а потому служить нигдѣ не можетъ, впрочемъ, если Русь обратится въ этого чиновника-мальчика и станетъ очень усердно о томъ, его графа, просить, онъ пожалуй не прочь взять мѣсто губернатора.

Графиня, жена его, не иначе хочетъ позволить мужу служить на Руси, какъ на скамьѣ палаты лордовъ.

А чиновникъ-мальчикъ, въ три года схватившій четыре чина, этотъ новѣйшій типъ земли Русской, съ умственнымъ кругозоромъ, не больше вицмундирной пуговицы его фрака, а съ претензіями въ величину Восточнаго океана, онъ не только не удивляется нелѣпости судьбы, на смѣхъ всему міру и на перекоръ здравому смыслу, дѣлающей изъ него серіознаго дѣятеля, нѣтъ, нисколько; напротивъ онъ съ непоколебимымъ убѣжденіемъ требуетъ отъ этой шутихи-судьбы еще большаго. Такіе люди—это стрѣлы, пущенныя вверхъ безъ цѣли; достигши крайняго предѣла въ своемъ полетѣ, они въ правѣ спросить себя: если такъ высоко мы пущены, зачѣмъ не выше еще? вмѣсто отвѣта, они рано или поздно падаютъ обратно внизъ. Полетъ ихъ ничего не производитъ, кромѣ разрѣза воздуха.

Подъ деревцомъ сидитъ группа четырехъ русскихъ мущинъ и двухъ дамъ. Трое между ними военныхъ.

Разговоръ шелъ слѣдующій:

— И побьютъ, непремѣнно побьютъ, вотъ увидите, говорилъ одинъ изъ военныхъ.

— Кого?

— Кого? Насъ, разумѣется; гдѣ намъ съ Прусаками тягаться.

— Ну, Богъ знаетъ, сказалъ одинъ изъ штатскихъ,— война вѣдь будетъ не два-три сраженія, а народная, страшная война, рѣзня славянскаго племени съ нѣмецкимъ; это не то, что Французы!

— Какая чортъ народная война! Теперь народныхъ войнъ не бываетъ. Теперь дѣло очень просто; двѣ недѣли всего времени-то нужно: привезли триста тысячъ войска, отколотили, то-ѣсть что-называется въ щепки, заняли двѣ-три провинціи, вотъ вамъ и вся штука!

— Да, и я того мнѣнія; намъ не справиться съ Прусаками; съ Австрійцами еще куда ни шло... сказалъ другой военный.

— И то не справимся, перебилъ первый, — ну вотъ увидите, не справимся; у нихъ, я вамъ скажу, офицеры куда какъ лучше нашихъ, а у насъ что? Офицеръ, вѣдь это тотъ же солдатъ, только что въ эполетахъ, ничего не знаетъ, да и знать-то ему откуда?...

— Ну нѣтъ, Степанъ Степановичъ, перебилъ штатскій,—ужь вы черезчуръ; солдатъ нашъ это не то что Австріецъ?...

— Да, голубчикъ ты мой, не въ солдатѣ совсѣмъ дѣло. Что солдатъ? или онъ цѣлитъ, или въ него цѣлятъ, больше ровно ничего; у кого больше солдатъ цѣлятъ, тотъ и побѣдилъ; а вся штука въ томъ, чтобы солдатъ такъ вести, да въ такія позиціи ставить, что-

бы было легче ему цѣлить, чѣмъ въ него цѣлить, понимаете ли вы? А для этого надо офицеровъ дѣльныхъ, ученыхъ, развитыхъ, да не одного, двухъ, а цѣлый корпусъ, тысячи и тысячи, а гдѣ вы ихъ восьмете? Поищите-ка!...

Дама перебила офицера.

— Ну, полноте, надоѣли вы съ вашими военными разговорами; ну побьютъ такъ побьютъ, велика бѣда; теперь военная слава чистый вздоръ.

— Ну нѣтъ, сударыня, не вздоръ, сказалъ штатскій.

— Ахъ, Боже, Николай Иванычъ, какой вы несносный; поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ. А propos, вы знаете, что я изучаю здѣсь нѣмецкихъ барынь, и все болѣе и болѣе убѣждаюсь, что онѣ намъ и въ подметки не годятся.

— Будто? возразилъ одинъ изъ военныхъ,—вотъ такъ новость!

— Честное слово, правда! Куда здѣсь ни заглянешь, вообразите, только и слышишь, что бабьи толки про хозяйство, про дѣтей, mein Kind, mein Kind, lernen, essen, и больше ничего, просто иной разъ тошнитъ, ей-Богу! А о сферѣ нашей современной женщины, объ ея призваніи даже понятія не имѣютъ.

— А я такъ думаю, что не оттого ли и поколотили Нѣмцы такими молодцами Французовъ, что у нихъ бабы все толкуютъ про хозяйство, насмѣшливо пробормоталъ штатскій.

— Ну, ужь вы съ вашими ретроградными понятіями ничего живаго и понять даже не можете, сказала дама.

— Это вы съ досады, Марья Ивановна, все говорите, я вѣдь вашихъ современныхъ женщинъ у-у-у! какъ

знаю; кого женихомъ Богъ обидѣлъ, кого дѣтьми, вотъ онѣ съ досады и изобрѣтаютъ разные женскіе вопросы...

— Удивительно какъ остроумно!...

Въ этомъ время толпа дѣтей завизжала такъ, что заглушила даже оркестръ. Дальнѣйшаго разговора слышать я не могъ. Но и этого отрывка было достаточно.

Какъ жаль, что нѣтъ водъ исцѣляющихъ болѣзнь именуемую на Руси *женскимъ вопросомъ!*

Но женскій вопросъ, Богъ съ нимъ. Я думаю, что штатскій господинъ замѣтилъ довольно вѣрно, что главная причина, зарождающая эту болѣзнь, это ни что иное какъ досада и злоба женщинъ, не наслаждающихся супружескимъ и материнскимъ счастіемъ на женщинъ, наслаждающихся этими благами.

Я зналъ одну барышню, которая тридцати двухъ лѣтъ говорила такъ: „Призваніе женщины съ каждымъ годомъ расширяется въ своей области: вчера эта область была кухня, завтра это будетъ — человѣчество!“ Сама того не замѣчая, по мѣрѣ того какъ проходили годы, а жениха все не было, она расширяла въ своемъ воображеніи кругъ дѣятельности женщины—себѣ въ утѣшеніе.

Недавно она нашла жениха, а теперь въ интересномъ положеніи. Случилось ее увидѣть и услышать отъ нея слѣдующія слова, когда рѣчь зашла о женскомъ вопросѣ: „у женщины нѣтъ другихъ обязанностей какъ къ мужу и дѣтямъ“.

Подошелъ я къ группѣ двухъ знакомыхъ помѣщиковъ и третьяго незнакомаго.

— О чемъ бесѣдовать изволите? спросилъ я своихъ знакомыхъ.

— Да вотъ матушку Россею ругаемъ, сказалъ одинъ помѣщикъ.

— За что? спросилъ я.

— Да такъ!

— Отъ нечего дѣлать, прибавилъ незнакомый мнѣ соотечественникъ.

Тутъ знакомый помѣщикъ познакомилъ меня съ незнакомымъ.

— А вѣдь знаете что? шутки въ сторону! Ну какъ не ругать нашу родину, въ особенности когда находишься за границей, началъ второй помѣщикъ. Что ни тронь, о чемъ ни заговоришь со здѣшнимъ народомъ, просто себѣ и хорошо, а у насъ, до чего ни коснись, все скверно.... и вѣдь возьмите, какъ здѣсь все дешево, люди все порядочные, трезвые, честные, а у насъ-то....

— Все негодяи? спросилъ я.

— Не все, а много-таки есть этого народа.

На это я разсказалъ маленькій эпизодъ изъ моихъ заграничныхъ скитаній. Сидѣлъ я года четыре назадъ на террасѣ у одного ресторана въ Парижѣ на Champs Elysées. Народу было множество; за мною сидѣла группа изъ пятерыхъ человѣкъ; четверо было Французовъ и одинъ нашъ соотечественникъ, котораго я узналъ въ лицо. Разговоръ зашелъ о таможняхъ на границахъ. Одинъ изъ Французовъ разсказывалъ про тѣ непріятности, которыя онъ претерпѣлъ на австрійской таможнѣ, и затѣмъ сказалъ: „Я полагаю что развѣ только въ Россіи да въ Турціи хуже“. Очень было бы естественно соотечественнику моему вступиться за русскую таможню, которая и тогда уже была весьма хороша во многихъ отношеніяхъ. Ни чуть не бывало; онъ глупо улыбнулся, и къ удивленію моему, вдругъ два изъ сидѣвшихъ Французовъ возстали и очень энергично стали доказы-

вать что русскіе таможенные чиновник — это жемчугъ изъ всѣхъ таможенныхъ управленій въ Европѣ, и было бы величайшимъ счастіемъ если бы французское могло хотя на одну четверть быть похоже на русское! Легко себѣ представить какъ еще глупѣе была въ эту минуту фигура нашего соотечественника, предъ двумя Французами, вступившимися за честь нашей таможни. Вотъ вамъ, сказалъ я, маленькій примѣръ того что и у насъ не все скверно. Я нарочно сослался на Французовъ, чтобы вы не заподозрили меня въ пристрастіи.

— Есть и у насъ честные люди, есть, какъ не быть, никто не споритъ, сказалъ одинъ изъ помѣщиковъ, — да что толку въ нихъ?

— Одно что у насъ лучше, надо правду сказать, прервалъ его другой, — это пища. Кормятъ здѣсь больно скверно....

Мы всѣ засмѣялись. Не головоломная была похвала матушкѣ Руси.

Пошелъ я затѣмъ опять бродить. Подходитъ одинъ генералъ военный, тоже изъ Русскихъ, къ другому генералу изъ штатскихъ, и завязывается слѣдующій разговоръ:

— Въ читальнѣ были? спрашиваетъ военный генералъ

— Сейчасъ оттуда.

— Ну что новаго.

— Да что! все пожары, да убійства, да крушенія на желѣзныхъ дорогахъ; а тамъ еще Нечаевское дѣло!

— Я съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ изъ Россіи, сказалъ себѣ что ни одной русской газеты въ руки не возьму, чтобы не портить себѣ кровь!

— И хорошо дѣлаетъ, сказалъ штатскій генералъ.

Отошелъ. Вдали увидѣлъ своего милаго юношу-чи-

новника; онъ жарко спорилъ съ чиновникомъ другаго министерства. Подхожу; рѣчь идетъ о Нечаевскомъ дѣлѣ. Чиновникъ одного министерства доказываетъ что наша полиція ни къ чорту не годится, а чиновникъ другаго министерства доказываетъ что нашъ личный составъ слѣдователей ниже всякой критики.

— Да помилуйте, я всю Россію изъѣздилъ, и слѣдственную часть знаю какъ свои пять пальцевъ; если хотите я вамъ даже могу прислать мой отчетъ, вы увидите сами какъ слѣдственная часть у насъ хороша...

— Да полноте, пожалуста, что вы мнѣ говорите, я, слава Богу, не меньше вашего знаю Россію, и могу вамъ поручиться зе полицію, что въ девяти десятыхъ Россіи она очень хороша я вамъ пришлю, если не вѣрите, мое подробное донесеніе министру, и вы увидите что она почище вашихъ слѣдователей.

Отошелъ. Дѣти играли и рѣзвились кругомъ меня. Подхожу къ нимъ, слушаю, русская рѣчь доходитъ изъ толпы; прислушиваюсь не ругаютъ ли и они бѣдную отчизну. Нѣтъ, толкуютъ о мячикѣ! Ну слава Богу.

Уходя, встрѣчаю старушку соотечественницу, лѣтъ около шестидесяти пяти. Спрашиваю какъ поживаетъ.

— Да слава Богу, грущу только.

— А что? спросилъ я, подумавъ: ужь не опять ли Россія виновата?

— Да вотъ не получила рисьма отъ мужа; вчера было письмо, и третьяго дня было, а сегодня нѣтъ.

— Такъ оттого вамъ и грустно?

— Еще бы. Я дня не могу жить безъ его писемъ.

Слава Тебѣ Господи, подумалъ я, уходя. Дѣти заняты мячикомъ, старухи любовью къ мужьямъ.

Бѣдная Русь не совсѣмъ погибла.

IX.

Тамъ же.

Прошелъ одинъ изъ многообразныхъ дней на водахъ. Ночная тѣнь спускалась на наше мѣстечко; воздухъ былъ чудесно теплъ и душистъ. Жизнь начинала замирать повсюду кругомъ, и съ каждою минутой становилась все слабѣе и тише. Прямо предъ окнами небосклонъ запирали послѣдніе отростки Богемскихъ горъ, и едва успѣли потемнѣть ихъ очертанія, какъ изъ-за нихъ сталъ подыматься багровый шаръ: то всходила луна.

У открытаго окна, сидѣло насъ двое русскихъ. Разговоръ нашъ замеръ, какъ будто повинуясь волшебному вліянію наступавшей повсюду ночной тишины.

Собесѣдникъ мой сидѣлъ на окнѣ, и взглядъ его стремился въ даль, съ выраженіемъ глубокаго раздумья.

Человѣку этому было болѣе пятидесяти лѣтъ. То былъ одинъ изъ замѣчательныхъ умовъ земли Русской. Былъ ли онъ изгнанникъ? Былъ ли онъ изъ тайныхъ враговъ своей родины? Былъ ли онъ одинъ изъ тѣхъ недовольныхъ, которые запускаютъ бороду въ знакъ презрѣнія своего ко времени.

Нѣтъ. То былъ просто русскій земскій человѣкъ, про котораго мой чиновникъ-прогрессистъ, увидѣвъ его на прогулкѣ вчера вечеромъ, сказалъ мнѣ, «да умный, но *опасный* человѣкъ: онъ красный». Страстная любовь къ родинѣ, была телемъ всей его жизни съ молодыхъ лѣтъ. Въ каждомъ изъ великихъ дѣлъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, онъ былъ работникомъ, работникомъ выходившимъ *рано утромъ, и* уходившимъ съ работы позже другихъ, но

тайно вскользь безъ шума и треска, которые означаютъ: „Это я сдѣлалъ, слышите? давайте мнѣ награды". Нѣтъ, онъ этого не могъ сказать, потому что не понималъ даже какъ это дѣлается.

Это нашъ красный, подумалъ я, глядя на посѣдѣвшаго въ жизненномъ бою воина-гражданина, и невольно вызвалъ мысленно ему подъ пару моего чиновника-мальчика, быстро идущаго въ верхъ по iерархической лѣстницѣ и съ высоты своего величiя, ищущаго для Россiи и въ Россiи людей. О судьба! какъ ты иногда странно шутишь, подставляя пигмея къ гиганту, и, увидѣвъ между ними разницу, гиганту говоришь: иди внизъ, а пигмею велишь идти вверхъ—зачѣмъ? кому отъ этого польза?

Въ Россiи нѣтъ людей, слышу я повсюду; но такъ ли? Вотъ человѣкъ изъ того закала, изъ котораго дѣлаетъ судьба великихъ гражданъ-дѣятелей: и не одинъ онъ, есть на Руси гиганты подобные ему; клянусь вамъ, есть, я ихъ видѣлъ. Жизнь ея не изъсякла, поколѣнiя созидавшiя великiе характеры временъ Iоанна IV, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго, Екатерины Великой, Александра I, не вымерли, но увы! вся бѣда въ томъ, что чиновниковъ ищущихъ людей, пишущихъ отчеты о своихъ розысканiяхъ, черезъ чуръ расплодилось; еще немного, и они ухитрятся застлать собою солнце и начнутъ кричать: гдѣ солнце? его нѣтъ!

Но возвращаюсь къ моему гражданиву. Онъ изъ красныхъ, говоритъ про него со свойственнымъ ей легкомыслiемъ молва. — Но вѣдь и солнце когда встаетъ — красно, луна, предъ нами выходившая изъ-за горъ, была багрова, природа вся, въ минуту солнечнаго восхода, каждый листочекъ, каждая травка окрашиваются краснымъ свѣтомъ. Игра на это слово меня приводитъ въ

мысли: не то же ли и человѣкъ? на вѣснѣ жизни, на разсвѣтѣ ея, если въ немъ есть огонь, онъ *красенъ*! Окраска этимъ цвѣтомъ его духовнаго существа, означаетъ, что свобода и ея стремленія дѣлаются его инстинктомъ, его нравственною потребностью, его любимою мечтой.

Человѣкъ, который созрѣлъ, не бывъ въ молодости краснымъ, и не переживъ этотъ періодъ душевнаго состоянія, дѣлается дряблымъ и завянувшимъ существомъ, годнымъ для чернильнаго міра, но не годнымъ для труда самостоятельнаго.

Но кто рѣшится это состояніе юнаго ума, назвать опаснымъ и вреднымъ, и дать ему кровавое значеніе красноты Маратовъ и Робеспьеровъ? Развѣ только тотъ, кто способенъ разливъ утренней зари принять за пожаръ,

Молодой человѣкъ, у котораго мысль свободна какъ воздухъ, свободна потому, что она есть его сущность печать отмѣчающая его какъ благороднѣйшее созданье Божьей мысли, разъ что онъ посвящаетъ эту мысль труду, и труду общественному, серіозному, государственному, такой человѣкъ никогда не можетъ быть опасенъ, напротивъ, онъ всегда полезенъ, онъ всегда нуженъ; свободная мысль облагораживаетъ все его нравственное существо, дѣлаетъ его неспособнымъ на полюбовныя сдѣлки съ совѣстью, мѣшаетъ ему обратиться въ формалиста-чиновника, отстраняетъ его отъ искушенія ставить почести выше чести, словомъ, дѣлаетъ изъ него самостоятельнаго, а не наемнаго слугу государства.

Но обыкновенно это безкорыстное служеніе свободѣ длится не долго и проходитъ вмѣстѣ съ первою молодостью. Рутина жизни создаетъ цѣлый міръ мелочей и подробностей, которыя, или вмѣстѣ, или по одиночкѣ,

изъ человѣка дѣлаютъ раба; ему остается въ утѣшенье одно лишь воспоминаніе той благородной свободы, которую когда-то онъ такъ любилъ. Человѣкъ дѣлается добрымъ семьяниномъ, мирнымъ чиновникомъ, но ужь онъ не боецъ, не воинъ; его жизнь ужь не поле битвы, а мирная, спокойная дорога отъ востока къ западу. Времени, когда бывало онъ, глядя на крестъ, видѣлъ въ немъ эмблему распинанія себя за правду, пришло на смѣну другое время; крестъ для него уже орденъ, а орденъ имѣетъ степени, онъ мѣтитъ на высшую, а чѣмъ выше онъ мѣтитъ, тѣмъ дальше онъ уходитъ отъ самораспинанія.

Но блаженъ тотъ, кто дожилъ до сѣдинъ и сберегъ отъ юности ея, лучшее украшеніе, обожаніе свободы, свободы въ трудѣ, свободы въ отданіи себя въ цѣлости общественной пользѣ, свободы въ стойкомъ и мужественномъ отстаиваніи всѣхъ доблестей гражданина. Такіе люди рѣдки, и чѣмъ они рѣже, тѣмъ рѣзче ихъ отличіе отъ массы чиновниковъ въ пеленкахъ, тѣмъ непріятнѣе нашему брату на нихъ глядѣть и тѣмъ больше слѣдовательно намъ искушеній, сбереженную честную свободу, назвать краснымъ и опаснымъ либерализмомъ.

И вотъ, одинъ изъ этихъ людей, сберегшихъ сквозь годы, сквозь множество разнообразныхъ положеній въ жизни, сквозь бездну искушеній, звавшихъ его дать духу вздремнуть и цвѣту убѣжденій поблѣднѣть, свою любовь къ свободѣ, мысли и самостоятельному труду, стоялъ предо мною и глядѣлъ на восходящій надъ Богемскими горами мѣсяцъ, съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ могъ глядѣть назадъ, на каждый день прожитой имъ жизни.

Народы, какъ и человѣкъ, переживаютъ всѣ четыре

времени года природы. Давно ли была наша весна, то чудное время, когда новое дыханіе, подобно полету ангела, неслось надъ каждою пядью земли Русской, и на пути своемъ, воскрешало душ и, воскрешало домы, воскрешало села, воскршало об:асти, дивнымъ именемъ свободы, и вставали тьмы тысячей, изъ вѣковыхъ гробницъ своихъ, при звонѣ колоколовъ всѣхъ церквей Русскихъ; великое таинство свободы, совершалось во храмѣ Божіемъ именемъ Царя, и тяжелыя оковы, спадавшія съ рукъ, спадавшія съ ногъ, снимались какъ будто посланными отъ Бога ангелами, безъ сотрясеній и крови, подъ сладкія пѣсни молитвъ.

Міръ, притая дыханіе, глядѣлъ на эту чудную весну народа Русскаго съ удивленіемъ, ибо никогда еще свобода не возвѣщалась такъ мирно и такъ просто.

Да! это былъ одинъ изъ самыхъ яркихъ, одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ восходовъ, какіе когда-либо міръ съ своего сотворенія видѣлъ.

Возможно ли послѣ этого думать, чтобы среди тѣхъ, кто этотъ восходъ видѣли, и видѣли глазами не чиновническими, а человѣческими, не нашлись такіе, которыхъ это таинство не только поразило, но тронуло до глубины души, даже болѣе того, кого оно переродило и вдохновило безкорыстіемъ въ любви къ свободѣ. А между тѣми, кому выпалъ жребій работать въ потѣ лица для этого дѣла, и работать не наемниками, не чиновниками, а съ убѣжденіемъ, съ любовью къ его зачинателю, съ вѣрованіемъ въ его силу, ужели не нашлись такіе, которые насладившись зрѣлищемъ 1861 года, гдѣ атомъ великаго совершеннаго, былъ ихъ трудъ, не могутъ уже ничему другому отдавать свою душу, ни во что другое полагать свои *вѣрованія*?

И неужели такимъ немногимъ именно это и должно ставить въ вину? Неужели грозное слово „красный" должно носиться надъ ихъ головами за то что они всецѣло сберегли завѣтъ 1861 года, неужели они красны въ смыслѣ революціонеровъ, потому что вся ихъ духовная жизнь еще свѣжо освѣщена тѣми чудными красками зари, десять лѣтъ назадъ горѣла вся Русь? Неужели наконецъ надежные и честные работники 1861 года сдѣлались въ 1871 опасными?

Нѣтъ, съ трудомъ этому вѣрится. Женщину разъ полюбленную не забываешь. Можно ли же забыть цѣлый завѣтъ страстныхъ ожиданій и святыхъ надеждъ которыя *сбылись*? Можно ли же забыть цѣлое исполинское дѣло, задуманное, рѣшенное и совершившееся во имя свободы и любви къ человѣчеству?

Вотъ почему мнѣ кажется что сто разъ опаснѣе тѣ которые потому забыли свѣжее прошедшее что ничего въ немъ не испытали; ибо если, переживая великое и славное, они ни того, ни другаго не видятъ и не понимаютъ, то столь же легко имъ видѣть опасное тамъ гдѣ безопасно, и безопасное тамъ гдѣ опасно.

На другой день мы сошлись съ этимъ опаснымъ въ читальнѣ Курзаля. Предъ нами лежали русскія газеты, а въ нихъ Нечаевское дѣло.

И этого дѣла дѣлатели красны, невольно подумалъ я. Гдѣ же правда? И стало грустно, и стало больно отъ постыднаго сближенія человѣка тридцать лѣтъ трудящагося на пользу своей родины съ горстью героевъ Нечаевскаго дѣла.

И въ самомъ дѣлѣ сближеніе странно. Удѣлъ одного— чистая какъ Божій день жизнь, и право на благодарность отъ государства за трудъ обращенный въ жизнь,

и за жизнь обращенную въ трудъ. Удѣлъ другихъ— жизнь не начатая, а уже мрачная, бурная и праздная, и право на упрекъ отъ общества за безумную попытку направить жизнь наперекоръ здравому смыслу и нуждамъ времени.

Жаль, что мы такъ легкомысленны въ опредѣленіи цвѣтовъ и направленій людей; очень жаль, ибо теперь, именно теперь, когда мы не прочь сомнѣваться во всемъ, въ томъ что̀ завѣщали намъ отцы и матери, въ томъ что̀ мы сами называли когда-то прекраснымъ и святымъ, въ томъ что̀ мы перечувствовали и перемыслили, въ томъ наконецъ что составляло смыслъ нашего перехода отъ стараго завѣта къ новому, въ такое время думается намъ, болѣе чѣмъ когда либо нужны намъ тѣ люди труженики, сильные мыслію и твердые волей, которыхъ мы называемъ „красными“ потому что мы ихъ не понимаемъ.

А понять ихъ надо, ибо въ день когда мы ихъ поймемъ, мы постигнемъ также что чѣмъ этихъ людей будетъ больше, тѣмъ Нечаевыхъ будетъ меньше.

X.

Гдѣ-то между небомъ и землей.

Вмѣсто послѣсловія.

Пора кончить. Но, скажете вы, любезные читатели, къ чему эти на лету схваченныя впечатлѣнія, зачѣмъ является этотъ юный чиновникъ, зачѣмъ эти подслушанные разговоры, къ чему эта фигура одного изъ опасныхъ?

Увы! во всемъ этотъ есть сторона серіозная. Серіозное именно и есть вопросъ: зачѣмъ все это? Но вопросъ

обращенный не ко мнѣ, а къ лицамъ и мыслямъ которыхъ слегка я коснулся въ моихъ эскизахъ. Да! Зачѣмъ мой мальчикъ-чиновникъ является Діогеномъ, зачѣмъ столько изъ нашихъ соотечественниковъ являются за границей разнощиками всѣхъ возможныхъ браней на бѣдную свою родину, зачѣмъ этотъ человѣкъ труда и мысли, проникнутый зиждительными началами жизни своего отечества, является опаснымъ, а мальчикъ-чиновникъ надежнымъ человѣкомъ; зачѣмъ наконецъ въ томъ мірѣ гдѣ я писалъ эти строки, всего этого нѣтъ, все это немыслимо?

Милые соочественники, вы, что такъ легки на полетъ за границу и такъ тяжелы на подъемъ у себя дома, вы, что находите что даже заграничный комаръ звучнѣе жужжитъ роднаго, вы, что восхищаетесь всѣмъ за границей и все отъ громадныхъ зданій администраціи до паутины мельчайшаго изъ пауковъ, называете совершенствомъ, а сами творите такъ мало и все творимое у насъ находите глупымъ и гадкимъ,—скажите, задавали ли вы себѣ когда нибудь вопросъ, да не какъ-нибудь, а сно и отчетливо: да въ чемъ же именно заключается различіе между нашею жизнью и заграничною.

Само собою разумѣется что дѣло идетъ не о пищѣ, не объ одеждѣ, но о предметахъ различія болѣе серіозныхъ.

Вы скажете можетъ-быть, какъ мой чиновникъ-мальчикъ: „помилуйте, какъ чѣмъ? всѣмъ!“ Надо чтобы различіе это было выражено точно и называло предметы ихъ именемъ.

Богатырское *ууфъ*! сказалъ все тотъ же мой герой, *юноша*-чиновникъ, изо всей маленькой своей груди,

когда онъ переѣхалъ границу, и помчался dadin, dadin, wo die Zitronen blühen, отдыхать *на свободѣ*! Я подчеркнулъ это слово, ибо пришелъ въ голову вопросъ: не въ этомъ ли сущность различія между нашею и заграничною жизнью: у насъ меньше свободы, тамъ больше. О нѣтъ, читатель: если ты такъ думаешь, ты ошибаешься: знаешь ли ты что нигдѣ нѣтъ такъ много свободы какъ у насъ? Тебя это смущаетъ, пугаетъ, коробитъ даже быть-можетъ, но это такъ. Знаешь ли ты что Америка можетъ намъ позавидовать въ этомъ отношеніи если.... если наша свобода можетъ ее прельстить?

Да-съ, милые читатели; кто знакомъ съ жизнью на Руси, тотъ приходитъ къ убѣжденію, что у насъ столько свободы, что мы не знаемъ куда ее дѣвать, а черезъ это подъ-часъ не знаемъ куда намъ самимъ дѣваться: нами овладѣваетъ извѣстнаго рода болѣзнь, которую можно назвать тоской *по порядку*, и встрѣчая его именно за границей, мы говоримъ: *уufъ*! и какъ будто находимъ покой, исцѣленіе отъ нашей томительной тоски.

Начнемъ съ чего хотите чтобъ убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Возьмемте напримѣръ семейство. Дѣти въ ученическомъ возрастѣ свободны учиться или не учиться, дѣти вообще свободны безусловно въ своихъ отношеніяхъ къ родителямъ, къ наставникамъ, къ кому хотите; подъ-часъ они присвоиваютъ себѣ право даже не уважать ихъ; даже болѣе того: дитя высѣченное въ правѣ сослаться на права свои гражданина и жаловаться на отца или учителя мировому судьѣ! Мальчикъ 17 лѣтъ получаетъ полную свободу какъ гражданинъ помимо всякихъ законовъ о совершеннолѣтіи! „Что твой директоръ?“ спрашивалъ при

мнѣ одинъ мальчикъ постарше (лѣтъ 15) другаго (лѣтъ 12), въ разговорѣ о школѣ; „ничего“, отвѣтилъ онъ, „хорошій человѣкъ, но онъ слишкомъ *фантазируетъ*: онъ хочетъ чтобы мы учились какъ учатся ученые, *а мы этого не хотимъ*.“

Но пойдемте дальше. Женщина изъ-за которой у насъ поднято столько женскихъ вопросовъ, знаете ли вы что вѣдь въ сущности она свободна до того что можетъ сказать: я не женщина, вздоръ, я не призвана ни къ супружеству, ни къ материнской жизни,—я къ высшему призванію предназначена! Женщина у насъ свободна быть *фиктивною* въ роли жены, въ роли матери, въ роли самой женщины. Она въ иныхъ сферахъ свободна даже то что вездѣ именуется развратомъ объявить *принципомъ общежитія*! А отцы наши и матери, сколько есть такихъ которые признаютъ своимъ правомъ полнѣйшую свободу воспитывать дѣтей или не воспитывать, раздѣлять съ ними отвѣтственность за нихъ, или не раздѣлять!

Войдемте въ военный міръ: развѣ любой офицеръ, кончившій 17-ти лѣтъ курсъ ученія, не вполнѣ свободенъ ровно ничего не дѣлать, и внѣ часовъ посвящаемыхъ на фронтовую обязательную службу, кутить, кутить, и кутить безъ малѣйшаго страха нарушить какую бы то ни было обязанность? Развѣ онъ не свободенъ шагать впередъ, ничего не дѣлая! Согласитесь что уже одно то что свободой у насъ начинаютъ пользоваться съ 17 и 16 лѣтъ, не стѣсняясь никакими началами общежитія *укрощающими*, доказываетъ ясно что свободы у насъ много.

Войду я въ любой департаментъ. Такъ и пахнетъ на *меня свободой*! „Когда пріѣзжаетъ Иванъ Ивановичъ?“

спрашиваю я; „Да когда вздумается“, отвѣчають мнѣ; иной разъ въ два, иной разъ въ три, какъ придется, а иной разъ случается такъ что совсѣмъ не пріѣзжаетъ.“ Начинаю копаться въ бумагахъ, воображая себѣ что я главный ревизоръ всѣхъ департаментовъ. Смотрю: здѣсь маленькая, тамъ побольше попытка обойти законъ, и вѣдь какъ ловко.... свобода, думаю я, свобода, и здѣсь ты царствуешь...

Дай-ка окунусь просто въ жизнь, на улицѣ, въ домѣ, въ Петроградѣ или Царевококшайскѣ, все равно, вездѣ меня поражаетъ свобода полная, ничѣмъ не стѣсняемая. Протянута веревка съ надписью: „здѣсь ходить нельзя“, и съ двумя сторожами въ дополненіе къ запретительной надписи; подхожу, пячусь назадъ; не смѣю; запрещено, и не пойду; вдругъ что же я вижу: подходитъ офицеръ: „я офицеръ, пусти“, проходитъ; подходитъ генералъ: „я генералъ, пусти“, проходитъ; подходитъ человѣкъ со звѣздой и съ нимъ дама: „я со звѣздой, а дама со мною, пусти“, проходятъ; считаю; прошло черезъ веревку 101; не прошло 11! Очевидно опять свобода нарушать законъ почти полная!

Эпизодъ съ протянутою веревкой повторяется вездѣ куда я ни пойду, въ видѣ ли нарушенія закона или въ видѣ скачка черезъ протянутую веревку, все равно. Хочу, повинуюсь закону, не хочу—не повинуюсь. Оттого, признаюсь, нигдѣ какъ въ отчизнѣ не удивляло меня безцеремонное обращеніе съ закономъ, изъ чего опять заключаю что нигдѣ нѣтъ такой свободы полной какъ въ Россіи.

Но, скажете вы, а печать наша, развѣ она свободна? Развѣ за границей она не сто разъ свободнѣе?

О нѣтъ, милые читатели, нѣтъ! могу васъ въ томъ

увѣрить! Еще живо у каждаго въ памяти преданіе томъ времени когда у насъ была строгая, наистрожайшая предварительная цензура, которой подчинялись сочиненія Пушкина столько же какъ и похоронныя приглашенія и транспаранты; и что же? то, что писалъ Герценъ въ *Колоколѣ*, то между строками читалось въ книгѣ одобренной цензурой, съ тою только разницей что Герценъ писалъ съ огромнымъ талантомъ, и въ талантѣ своемъ находилъ извѣстныя преграды, далѣе которыхъ идти не могъ; а между строками нашей цензурованной печати свобода говорить дошла до такихъ размѣровъ, что растлило цѣлое поколѣніе молодежи, разрушила всѣ преграды для праздномыслія, осмѣивала все что попадало подъ руку державшую перо, и внесла въ жизнь такую ложь, такое искривленіе и искаженіе началъ, что даже иныя аберраціи ума въ самую бурную эпоху революціи 1793 года кажутся скромными въ сравненіи съ дерзостью въ области мышленія иныхъ изъ нашихъ цензурой одобренныхъ мыслителей давно, къ счастью, минувшаго времени.

А теперь неужели, слыша съ одной стороны жалобы на стѣсненіе будто бы у насъ печати, съ другой стороны вы не поражаетесь тѣмъ что свобода заграничной печати просто рабство въ сравненіи съ нашею? Хочешь писать, ничего не зная, ничего не читавши—пиши, съ увѣренностію найти читателей, и чѣмъ смѣлѣе будешь себя провозглашать авторитетомъ, въ замѣнъ всемірныхъ авторитетовъ, въ замѣнъ законовъ изъ всѣхъ областей прожитой міромъ жизни, тѣмъ больше у тебя будетъ почитателей, тѣмъ несомнѣннѣе твой успѣхъ.

А вѣдь за границей наоборотъ. Множество обязанностей обусловливаютъ собою положеніе всякаго пишу-

щаго для гласности. Буде онъ хоть одну изъ нихъ нарушитъ, его перестанутъ читать.

Изъ этого я тоже заключаю, что свободы у насъ гораздо больше чѣмъ за границей.

И такъ скажу съ чего началъ: кто полагаетъ, что сущность различія между нашею и заграничною жизнію заключается въ большей тамъ свободѣ чѣмъ у насъ, тотъ не правъ. Надо искать различія въ чемъ либо-другомъ.

Свободы у насъ, сказалъ я, несравненно больше чѣмъ за границей, но свобода эта увы! свобода безпорядка, свобода часовъ то отстающихъ, то идущихъ впередъ.

Вотъ почему, когда вы входите всѣмъ своимъ существомъ въ заграничную жизнь, вы испытываете впечатлѣніе человѣка внезапно переходящаго изъ разношерстной толпы въ комнату гдѣ все прибрано, все спокойно, на своемъ мѣстѣ, отъ хозяина и хозяйки васъ встрѣчающихъ, до комара напѣвающаго вамъ на ухо свою монотонную пѣснь.

Вы перешли отъ безпорядковъ свободы къ порядку, и все что въ силу порядка является стѣсненіемъ свободы, дѣйствуетъ на васъ таинственнымъ вѣяніемъ спокойствія.

Но что же это за безпорядокъ? Спѣшу объясниться, чтобы не подумали что я, подобно моимъ героямъ-соотечественникамъ, которыхъ я коснулся въ № VIII эксизовъ, безпорядокъ этотъ у насъ приписывалъ присутствію или отсутствію полиціи, или тому или другому департаменту. Администрація не имѣетъ ничего общаго съ этимъ безпорядкомъ.

Безпорядокъ, — это мы, наши умы, наша внутренняя жизнь, нашъ домъ, среди котораго комаръ хочетъ быть

мухой, муха—пчелой, пчела—паукомъ и такъ далѣе, и гдѣ вслѣдствіе этого много шуму, много движеній и передвиженій, но весьма мало гармоніи: комаръ жужжитъ мухой, муха поетъ комаромъ, муравей бросаетъ свой муравейникъ и берется строить пчельникъ. Остановите такого муравья или такую муху и спросите ихъ: „что вы дѣлаете"? Оба вамъ пожалуются на безпорядокъ и неизбѣжно прибавятъ: „правительство виновато", что весьма съ ихъ стороны естественно, ибо разъ что каждый изъ нихъ уже не на своемъ мѣстѣ, прежде всего онъ утрачиваетъ способность вѣрно судить причины и ихъ послѣдствія, и очень радъ на кого-нибудь свалить обузу отвѣтственности за безпорядокъ. Безпорядокъ у себя дома ввели мы безсознательно, и безпорядокъ въ обоихъ этажахъ, въ верхнемъ, то-есть въ умѣ, и въ бель-этажѣ, то-есть въ душѣ; оттого у насъ недостаетъ того что бросается въ глаза за границей, *сознательнаго служенія каждаго лица порядку самостоятельно*. Въ этомъ вся сущность различія.

У насъ гражданинъ задаетъ гражданину вопросъ: „гдѣ вы служите?" За границей же спрашиваютъ: „что вы дѣлаете?" Эти два выраженія характеризуютъ обѣ нравственныя и общественныя жизни. Въ вопросѣ: „гдѣ вы служите?" заключается понятіе зависимости отъ мѣста или лица; въ вопросѣ: „что вы дѣлаете?" напротивъ, понятіе самостоятельнаго служенія идеѣ, порядку, труду! Служа мѣсту или лицу, я свободенъ промѣнять служеніе принципамъ, на служеніе личнымъ интересамъ или капризамъ, моимъ или чужимъ, все равно; тамъ гдѣ я служу дѣлу, я обязанъ служить его идеямъ, его принципамъ, ибо иначе дѣло каждаго пострадаетъ отъ моего нарушенія обязанности.

И вотъ уже потому именно, что я служу лицу или мѣсту, вмѣсто того, чтобы служить порядку, я произвожу безпорядокъ, я причина безпорядка, а обязанность служить порядку и охранять его я преспокойно слагаю съ себя и всецѣло переношу на правительство. Не я, а оно должно служить тѣмъ идеямъ, которымъ за границей служатъ люди.

Но какія же это идеи?

Думаю, что скажу не новость, если скажу, что этихъ идей три: *религія*, *нравственность* и *патріотизмъ*. Религія ложится въ основу государства; нравственность является тѣмъ началомъ которое вноситъ религію въ государственный строй, начиная съ семьи и кончая обществомъ, и проникаетъ собою всѣ проявленія жизни и всѣ взаимныя отношенія людей. Нравственность это то начало, которое совмѣщаетъ государство съ религіей. Наконецъ патріотизмъ, это двигатель всей государственной жизни, это та идея, которая объединяетъ всѣхъ членовъ государства и сливаетъ ихъ дѣйствія, и приводитъ имъ самостоятельно и сознательно къ одной цѣли—благосостоянію своего государства. Кто рѣшится сказать, что государство безъ какого-либо изъ этихъ трехъ началъ можетъ существовать съ прочною будущностью впереди?

Государство, въ плоть и кровь котораго входятъ эти три идеи,—это корабль съ надежнымъ и вѣрно разчитаннымъ балластомъ на его днѣ, который можетъ смѣло идти въ море, на встрѣчу бурямъ и невзгодамъ.

Наоборотъ, государство, гдѣ одна изъ этихъ трехъ идей перестаетъ быть главною, похоже на корабль, въ основѣ коего часть балласта сдвинута съ мѣста, и гдѣ

слѣдовательно есть постоянная угроза опасности отъ нарушеннаго равновѣсія.

Вглядываясь ближе въ нашу жизнь, я представляю себѣ ее кораблемъ гигантомъ, гдѣ молодцы-богатыри матросы хотятъ своими подвигами возстановлять равновѣсіе, и замѣнять собою вѣрную укладку балласта, сдвинутаго когда-то. Вѣтра нѣтъ, погода ясная, а все корабль клонится то въ одну, то въ другую сторону, и все на немъ слышится суета въ экипажѣ, и вездѣ признаки чего-то безпокойнаго, чего то лихорадочнаго; всѣ взоры устремлены на матросовъ, и съ досадой хочется крикнуть: да не въ нихъ дѣло! Смотрите на дно судна, балластъ сдвинутъ съ своего мѣста! А когда я смотрю близко на Германію, мнѣ кажется она кораблемъ величественнымъ, спокойно и плавно идущимъ въ море: балластъ крѣпокъ и вѣренъ; команда не суетится, напротивъ каждый на своемъ мѣстѣ, каждый спокоенъ, ибо каждый сознаетъ отчетливо, что онъ сдѣлалъ и что будетъ дѣлать; ничего непредвидѣннаго не можетъ случиться. И этою картиной я любуюсь, но любуясь чувствую, что сердце сжимается, ибо она еще живѣе переноситъ меня въ мою родину, гдѣ я еще явственнѣе постигаю то различіе, надъ которымъ задумываюсь.

Да, и у насъ есть религія въ основѣ жизни нашего народа; есть нравственность офиціально признанная государственною жизнію; есть наконецъ и патріотизмъ. Но чего у насъ нѣтъ, увы! это объединенія этихъ трехъ главныхъ идей въ нераздѣльное цѣлое; чего у насъ нѣтъ, увы! это служенія каждаго изъ насъ и всѣхъ вмѣстѣ этимъ тремъ идеямъ исключительно. Есть минуты когда у насъ ставятъ вопросительный знакъ предъ

фразой: нужна ли религія? есть минуты когда мы спрашиваемъ: нуженъ ли патріотизмъ?

Но, спросите вы, отчего же у насъ нѣтъ служенія этимъ идеямъ? Отвѣтъ простой: насколько онѣ есть въ нашей исторіи, въ нашей внутренней инстиктивно или исторически развивающейся народной жизни, насколько ихъ нѣтъ въ насъ самихъ.

Но почему же у насъ нѣтъ этихъ идей?

И здѣсь отвѣтъ простой. Потому, увы, что у насъ нѣтъ образованія. Сочетаніе этихъ идей составляетъ сущность образованія каждаго народа.

Наше образованіе является ни общечеловѣческимъ, ни русскимъ; оно просто принадлежность административнаго вѣдомства. Оно не даетъ у насъ ни крѣпкаго союза людей, въ высокомъ и серіозномъ значеніи этого слова, ни гражданъ сильныхъ единомысліемъ.

Жизнь, проникнутая этими тремя главными идеями, является подвигомъ, удѣломъ замѣчательнаго человѣка, тогда какъ въ мірѣ, гдѣ я пишу эти строки, она жизнь каждаго; у насъ патріотизмъ является, какъ на кораблѣ во время крушенія, внезапнымъ порывомъ, охватывающимъ всѣхъ въ минуту опасности, тогда какъ въ германской жизни онъ присущее въ жизни начало, наравнѣ съ воздухомъ, наравнѣ со всѣми стихіями.

Жестоко ошибаются тѣ которые думаютъ, что счастливая Германія празднуетъ нынѣ побѣду на полѣ битвы, нѣтъ! Ея праздникъ есть торжество ея образованія, торжество долгаго служенія каждаго изъ ея гражданъ великимъ идеямъ порядка, основаннаго на религіи, нравственности и патріотизмѣ.

И глядя на этотъ праздникъ, хотѣлось плакать, и *плакать горько, плакать* отъ мысли, что тѣ великія идеи

которыхъ здѣсь я вижу торжество, которыхъ здѣсь я ощущаю силу, у насъ не только не признаны, но подчасъ возбуждаютъ сомнѣніе, подчасъ смѣхъ, подчасъ просто отринуты.

Какая наша историческая задача въ будущемъ—Богъ одинъ знаетъ, но меня страшитъ это будущее, потому что мы такъ мало понимаемъ настоящее.

Мы смотримъ на событія этого настоящаго, не сознавая, что никогда въ исторіи народовъ не дано было современникамъ столько уразумѣть поучительнаго какъ теперь.

Предъ нами Францiя переживающая еще одинъ эпизодъ своей трагической новой исторіи, коей начало она съ гордостію называетъ великою революціей. Послѣдній ли это эпизодъ или нѣтъ, кто можетъ это знать? Но за то не знаемъ ли мы, что со дня когда эта нація, провозгласивъ великія права человѣка, отвергла права Божіи, нравственная ея сила стала замирать, союзъ интеллигенціи народа съ народомъ разорванъ, отъ патріотизма остался дымъ, и великая когда-то нація дила міру позорное зрѣлище страны изнемогающей отъ рабства своимъ тиранамъ и рабства своимъ страстямъ.

А возлѣ Германія, эта мирная, тихая страна, чрезъ которую всѣ мы пробѣгали скучая и зѣвая, чтобъ опрометью стремиться во Францію и ея центръ, Парижъ, чтобы тамъ любоваться и наслаждаться цивилизаціей! Что дѣлала она пока корабль Франціи въ перемѣнахъ своихъ кормчихъ мнилъ найти равновѣсіе утраченное потерей груза? Она не кричала о великихъ правахъ человѣка, нѣтъ! Но съ воздухомъ они входили въ каждую хижину и въ каждый домъ. Не палачи провозглашали свободу въ потокахъ крови, нѣтъ! но матери и

отцы въ домахъ, а учителя въ училищахъ открывали ее дѣтямъ въ бесѣдахъ, въ урокахъ, въ ежеминутномъ общеніи; не на улицахъ и не на площадяхъ кричали Нѣмцы про патріотизмъ, нѣтъ!—такъ же тихо и незамѣтно какъ вся жизнь въ Германіи, любовь къ своей странѣ, любовь къ своей народности входила въ нее всѣми отправленіями духовной жизни, начиная съ молитвы въ церквахъ и кончая веселою бесѣдой за кружкой пива.

Всѣ эти дѣйствія начинала семья: она влагала въ душу дитяти сѣмена религіи, нравственности и любви къ родинѣ, но не потому, что такъ было приказано, а потому, что того требовала жизнь. Затѣмъ школа была вторая ступень гдѣ дѣтямъ говорили то же, только подробнѣе и точнѣе, и опять же не по приказанію начальства, а подъ вліяніемъ обязанности, которую учитель черпалъ изъ жизни его окружавшей, изъ своего собственнаго образованія.

А возлѣ, пока мать зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы душа дитяти была какъ ея домъ чиста, честна, прибрана и съ каждымъ предметомъ на своемъ мѣстѣ, а школа словами науки запечатлѣвала истину материнскаго вліянія, отецъ съ своей стороны приходилъ обоимъ на подмогу, давая собою, своею жизнію практическое объясненіе дитяти смысла жизни.

И вотъ дитя выросши и развившись возвращается въ домъ, и находя въ немъ полное согласованіе съ началами добытыми въ школѣ, крѣпнетъ въ нихъ на всю уже жизнь, и становится на свое мѣсто въ этой жизни, съ тѣми же понятіями о домѣ и жизни какія имѣли его отецъ, его мать, его учителя.

И такимъ простымъ и естественнымъ способомъ,

преемственно изъ рода въ родъ, разставлялись дѣятели по своимъ мѣстамъ во всѣ области жизни, начиная съ сапожника и кончая министрами, все тѣ же совѣты твердили школы ученикамъ, начиная съ сельской и кончая университетомъ: будьте людьми, будьте гражданами, будьте христіанами, и подъ звуки все той же пѣсни и неизмѣнной и старой, о чудо! поколѣнія все шли впередъ, жизнь двигалась, наука росла, литература расцвѣтала.

Чудо было просто: именно это-то совокупное, объединенное, самостоятельное дѣйствіе воспитанія семьи и школы, разставлявшее на всѣ общественныя мѣста и во всѣ семьи дѣятелей для служенія идеямъ религіи, нравственности и патріотизма, и создало такую жизнь, гдѣ сила цивилизаціи оказалась тысячу разъ могущественнѣе и плодотворнѣе той, которая во Франціи, при одинакихъ усиліяхъ отдѣльныхъ дѣятелей, не могла спасти націю отъ погибели.

Если мы не вѣримъ въ принципы и уроки исторіи, мы не можемъ невѣрить въ то, что мы видимъ, въ то поразительное зрѣлище контраста между великими подвигами ума отдѣльныхъ тружениковъ области науки во Франціи, и грубымъ невѣжествомъ массы, и растлѣніемъ всѣхъ образованныхъ и полуобразованныхъ слоевъ ея общества.

Мы не можемъ тоже не вѣрить въ поразительный контрастъ между внутреннею жизнію Германіи и внутреннею жизнію Франціи.

Въ Германіи отъ крестьянина до Бисмарка всѣ на своихъ мѣстахъ, въ силу сознанія своего долга.

Во Франціи, не смотря на всѣ усилія правительства,

все и всѣ не на своихъ мѣстахъ: нѣтъ гражданъ, всѣ или чиновники, или рабы.

Но увы! Мы все это отвергаемъ! Намъ любо говорить, что Германія побѣдила Францію кулакомъ; намъ любо, подобно генералу моего перваго эскиза, приписывать всѣ событія случаю и говорить, что наука вздоръ, когда она обязываетъ насъ къ тому, до чего мы не охотники!

Мы какъ будто боимся разглядывать слишкомъ близко все, что мы видѣли, изъ страха быть испуганными рукой чего-то болѣе ужаснаго, болѣе могучаго, чѣмъ рокъ или судьба.

А между тѣмъ — надо, надо, надо подойти и взглянуть поближе въ событія нынѣшняго времени. Извѣстныя черты нашей нынѣшней общественной жизни до того похожи на французскую, что невольно страшишься за будущее.

Совокупность этихъ извѣстныхъ чертъ, уподобляющихъ нашу мыслящую часть общества французскому, имѣетъ одну причину. Я ужъ ее назвалъ. Это отсутствіе народнаго образованія, такъ высоко поднявшаго Германію. Не мало у насъ людей, очень серьозно и искренно думающихъ, что народное образованіе есть одно и то же, что обученіе крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Чтобы такъ понимать это слово, надо, увы! весьма и весьма мало быть образованнымъ самому.

Народное образованіе, это тотъ процессъ, посредствомъ котораго вышеназванныя мною три главныя идеи государства входятъ въ плоть и кровь каждаго начинающаго жить гражданина этого государства, и имѣетъ цѣлію одновременно воспитывать человѣка, гражданина и христіанина.

Представьте себѣ государство, гдѣ этотъ процессъ

совершается только администраціей, за неимѣніемъ въ странѣ охотниковъ имъ заняться въ средѣ отцовъ и матерей. Не должно ли изъ этого выйти то, что всѣ дѣти получатъ превратное понятіе о христіанствѣ и о нравственности, и о патріотизмѣ, ибо первое реальное понятіе, съ которымъ они сталкиваются въ жизни, есть полнѣйшее равнодушіе ихъ отцовъ и матерей къ вопросахъ: что такое Богъ? что такое нравственность? что такое патріотизмъ? или, что то же, полнѣйшее противорѣчіе съ тѣмъ, что чиновникъ, когда онъ добросовѣстенъ, преподаетъ имъ по необходимости, подъ именемъ понятій о религіи, о нравственности и о патріотизмѣ.

Мы толкуемъ о политикѣ, мы изнемогаемъ отъ писанія проектовъ и критики на того или другаго чиновника, мы немилосердно бранимъ другъ друга, мы говоримъ, что Россія хаосъ, мы ищемъ повсюду покоя и его не находимъ, мы чувствуемъ, что чего-то въ насъ недостаетъ, мы говоримъ на каждомъ шагу и при каждомъ случаѣ: въ Россіи нѣтъ талантовъ...

Но одного мы не говоримъ: мы необразованы, мы глубоко невѣжественны, мы безусловно равнодушны къ народному образованію въ области нашей дѣятельности: таланты суть продукты народнаго образованія; когда ихъ нѣтъ, значитъ нѣтъ народнаго образованія, ибо въ мірозданіи нѣтъ зачатія тамъ, гдѣ нѣтъ сѣмени!

Дикій разгулъ мысли, о которомъ я сказалъ выше— свобода во всемъ, поставленная возлѣ тьмы невѣжества народа — есть такое же зрѣлище поразительнаго контраста, какъ различіе между интеллигенціей Франціи и ея народомъ.

На этомъ сближеніи мы должны остановиться и долго, *долго* обдумывать, что намъ дѣлать.

Взять ли народное образованіе въ свои руки, то-есть начать съ передѣлыванія себя самихъ, нашей уродливой жизни, нашихъ воззрѣній на жизнь и ея смыслъ, нашего равнодушія къ своему государству, или преспокойно продолжать ожидать воспитанія дѣтей нашихъ отъ министерства народнаго просвѣщенія; все на него сваливать, даже отцовскія и материнскія обязанности, а что касается нашей жизни вообще, сваливать все на всѣхъ чиновниковъ по одиночкѣ и въ совокупности, и затѣмъ, закрывъ глаза, сказать себѣ: будетъ, что будетъ?

Ну, а если будетъ скверно?

Ну, тогда поможетъ патріотизмъ! онъ вспыхнетъ.

Ну, а если такъ случится, что промежутокъ между двумя причинами внезапнаго пробужденія патріотизма будетъ на столько длиненъ, что переживетъ цѣлое поколѣніе, и слѣдующее, какъ случилось во Франціи, успѣетъ растлѣть, тогда что?

Ну, тогда...

Здѣсь надо кончить, Знаю, что за такую философію и за такіе эскизы меня осмѣютъ, и побранятъ, но въ минуты жизни, когда плачешь за родину, боишься за родину, страдаешь за родину, можно ли бояться насмѣшки и суда людей?

Я настолько видѣлъ Россію вблизи, что знаю, что я правъ. Опасность для насъ присуща и велика. Не только для борьбы, но для сожитія съ народомъ, коего образованіе сильно, надо самому быть на уровнѣ его образованія; иначе мы будемъ приближаться къ состоянію Австріи, то-есть умирать безъ борьбы, отъ растлѣнія нравственнаго, *при полномъ ходѣ наружныхъ матеріальныхъ отправленій.*

Итакъ, на вопросъ зачѣмъ мы все это написали? от-

вѣтъ слѣдующій: затѣмъ, чтобы привести къ вопросу какая разница между русскою и заграничною жизнью.

А на этотъ послѣдній вопросъ мы дали слѣдующій отвѣтъ: различіе въ томъ, что у насъ народное образованіе есть дѣло только администраціи, а въ Германіи оно есть главная функція жизни самого народа.

А если нѣтъ самообразованія, то нѣтъ самодѣятельности, если нѣтъ самодѣятельности—нѣтъ самоуваженія.

Вмѣсто указателя содержанія.

1. Оттого такая куча нашихъ милыхъ соотечественниковъ таскается за границей и изобрѣтаетъ болѣзни, осмотры тюремъ и другіе предлоги, чтобы чувствовать потребность только поотдохнуть на чужбинѣ отъ утомительной своею безсодержательностью жизни у себя дома.

2. Оттого иные изъ чиновниковъ въ родѣ моего мальчика, такъ часто глядящіе важно, самодовольно и всевѣдущими, по настоящему, должны были бы уничтожаться, плакать надъ собою и изумлять своимъ невѣжествомъ.

3. Оттого мыслимо у насъ, что у другихъ народовъ, даже у Французовъ, немыслимо,—пріятные и оживленные разговоры между Русскими на желѣзныхъ дорогахъ и водахъ Германіи о томъ, какъ де насъ въ первую же войну поколотятъ.

4. Оттого, когда мы ѣздимъ по Россіи, мы смотримъ на все насъ окружащее съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ мой мальчикъ-чиновникъ глядѣлъ изъ окна вагона на губерніи Петербургскую, Псковскую, Витебскую, Могилевскую, Гродненскую и Виленскую.

5. Оттого, когда вы въ Варшавѣ спросите, какъ мо

дама эскиза № II: „здѣсь говорятъ по-русски?“ — вамъ посмотрятъ въ глаза и спросятъ васъ въ свою очередь: „что вы съ ума, что ли, сошли? Кому здѣсь говорить по-русски? Былъ какой-то клубъ русскій, да и тотъ осрамился“.

6. Оттого, когда мы за границей, мы все замѣчаемъ, кромѣ одного: презрѣнія къ намъ иностранцевъ за то, что мы себя самихъ такъ мало уважаемъ.

7. Оттого намъ никогда не приходитъ въ голову мысль, что презрѣніе это нами заслужено, ибо когда мы по всей вселенной разносимъ брань на нашихъ чиновниковъ, на наши учрежденія, на наши общественныя дѣла, то мы этимъ самихъ себя низводимъ до степени послѣдняго по уровню образованія государства, ибо вѣдь всѣ чиновники на Руси отъ мала до велика это мы, наши отцы, наши дѣти, наша плоть и наша кровь, всѣ ихъ дѣла наши дѣла—исчадія нашей мысли, плоды нашего образованія, и что поэтому, если дѣйствительно мы такъ плохи, какъ чиновники и дѣятели, то каждому изъ насъ надо приняться бранить не другихъ, а самого себя, и съ себя начать передѣлку и исправленіе для встрѣчи будущихъ судебъ нашего государства.

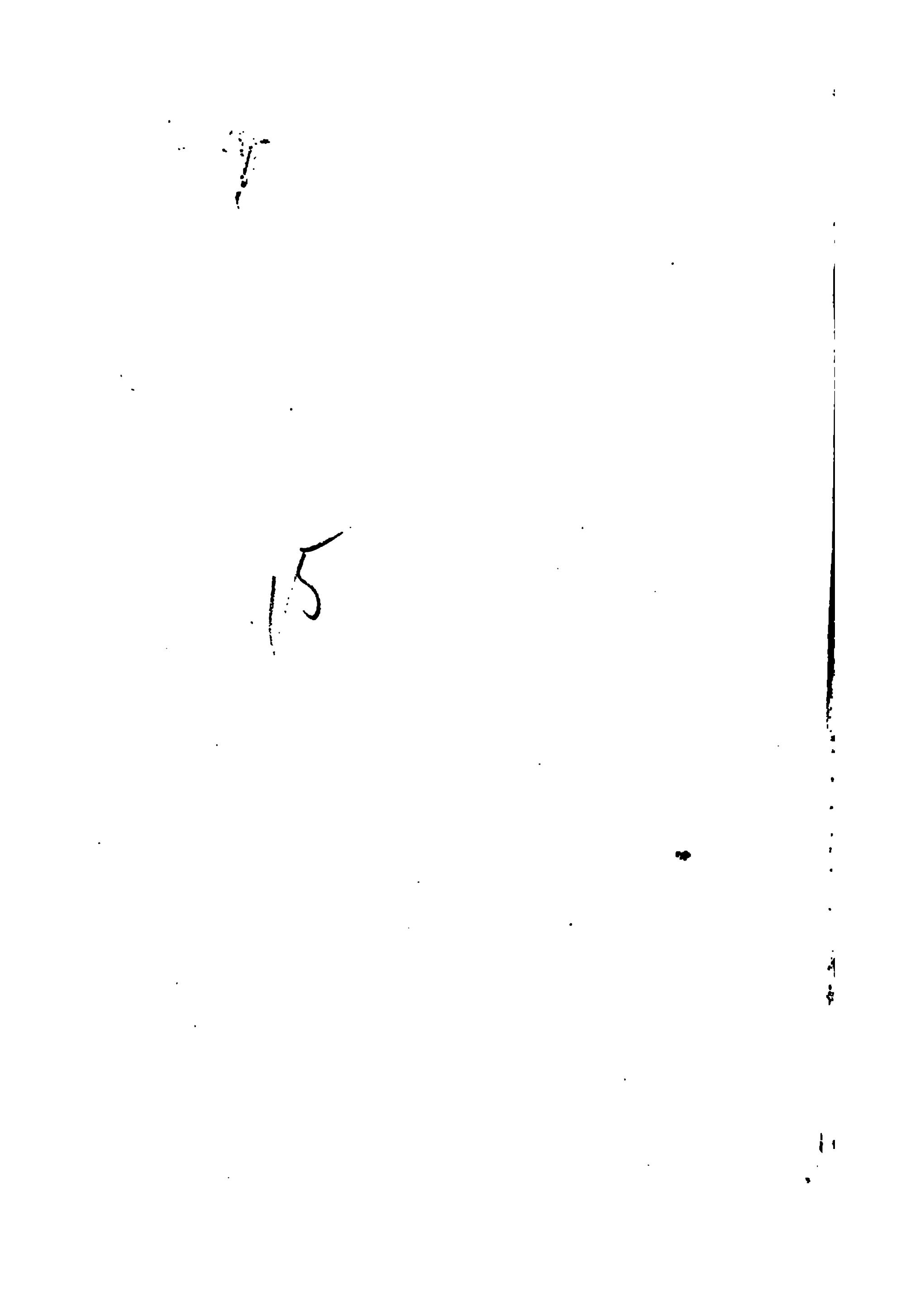
8. Оттого съ привитіемъ себѣ въ кровь привычки все ругать, могутъ у насъ быть судьями времени тѣ, которые, какъ мой юный чиновникъ, болѣе другихъ ругаютъ и болѣе другихъ презираютъ все, что кругомъ ихъ дѣлается, и напротивъ отступаютъ на заднiй планъ тѣ, которые вмѣсто того, чтобы все и всѣхъ ругать, являются честными и доблестными тружениками, какъ мой опасный эскизъ № IX.

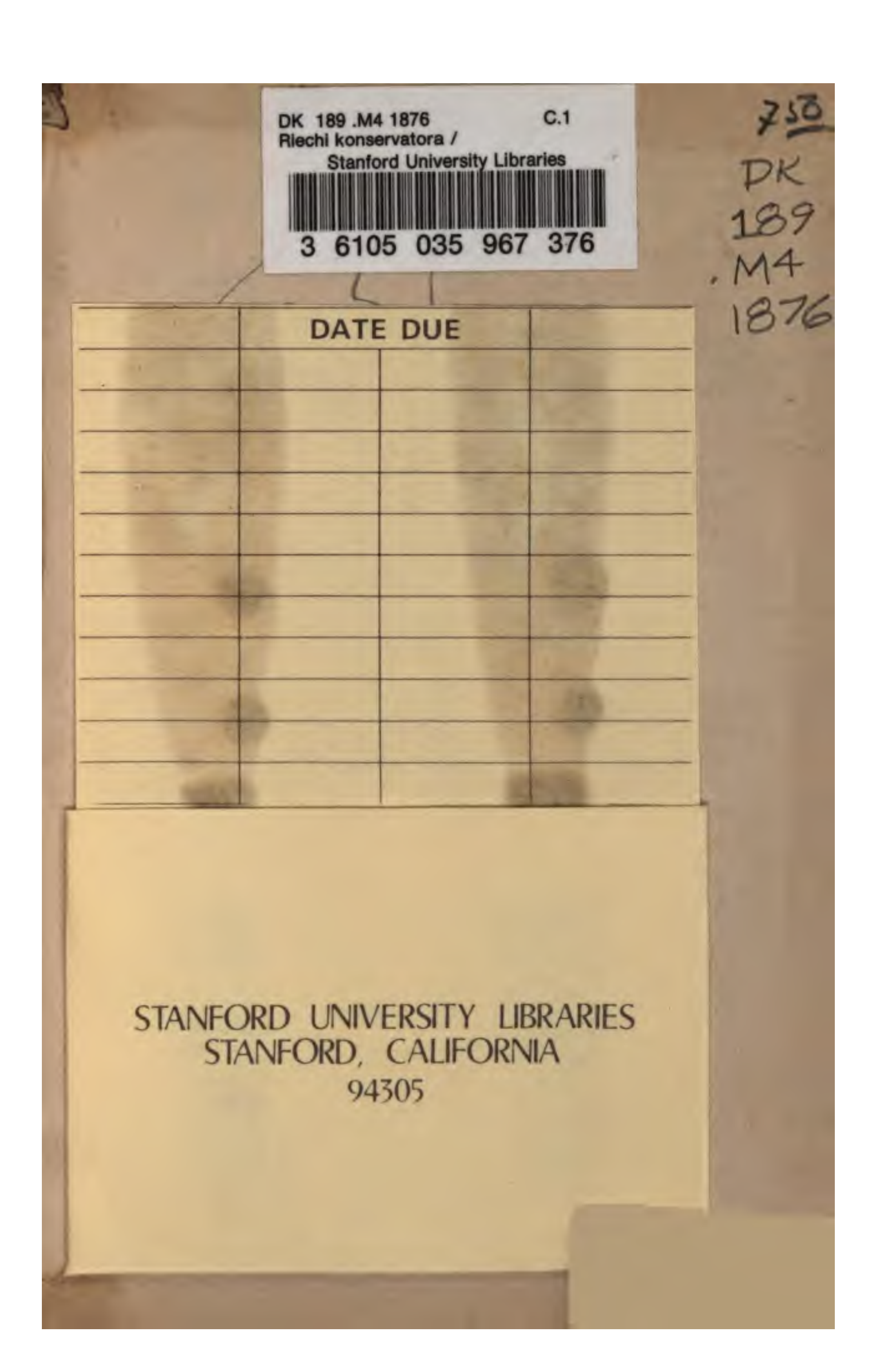
Наконецъ, если меня спросятъ: да кто же эти „мы“, *объяснитесь,* неужели вся Россія? я осмѣлюсь высказать

мысль еще болѣе дерзкую, чѣмъ всѣ предыдущія мысли: подъ словомъ „мы“, я разумѣю насъ, Петербуржцевъ, такъ-называемыхъ образованныхъ мыслителей всѣхъ категорій.

Бывало, ѣдучи по Россіи, я поражался тѣмъ, что въ сущности эта провинція, эта глушь, на которую мы, образованные люди, смотримъ съ такимъ презрѣніемъ, гораздо богаче народнымъ образованіемъ, чѣмъ наша среда, и слѣдовательно ближе подходитъ жизнью своею къ Германской, чѣмъ наша.

Причина понятна. Процессъ развитія жизни въ провинціи чисто инстинктивный: здравый смыслъ и духъ народа—это главные ея двигатели, къ нимъ присоединяются: семейная жизнь, мѣстная общественная народная среда. Все это вмѣстѣ объединяетъ столько же интересы, сколько и воспитаніе въ одну среду. Оттого провинціалъ, прошедшій жизненную школу въ своей глуши, даже когда онъ по французски не говоритъ и похожъ на медвѣдя, гораздо менѣе отличается отъ туземца за границей, гораздо ближе къ европейской жизни, чѣмъ мы, такъ усердно стремящіеся быть похожими на Европейцевъ.

DK 189 .M4 1876 C.1
Riechi konservatora /
Stanford University Libraries
3 6105 035 967 376
DK
189
.M4
1876
DATE DUE
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

